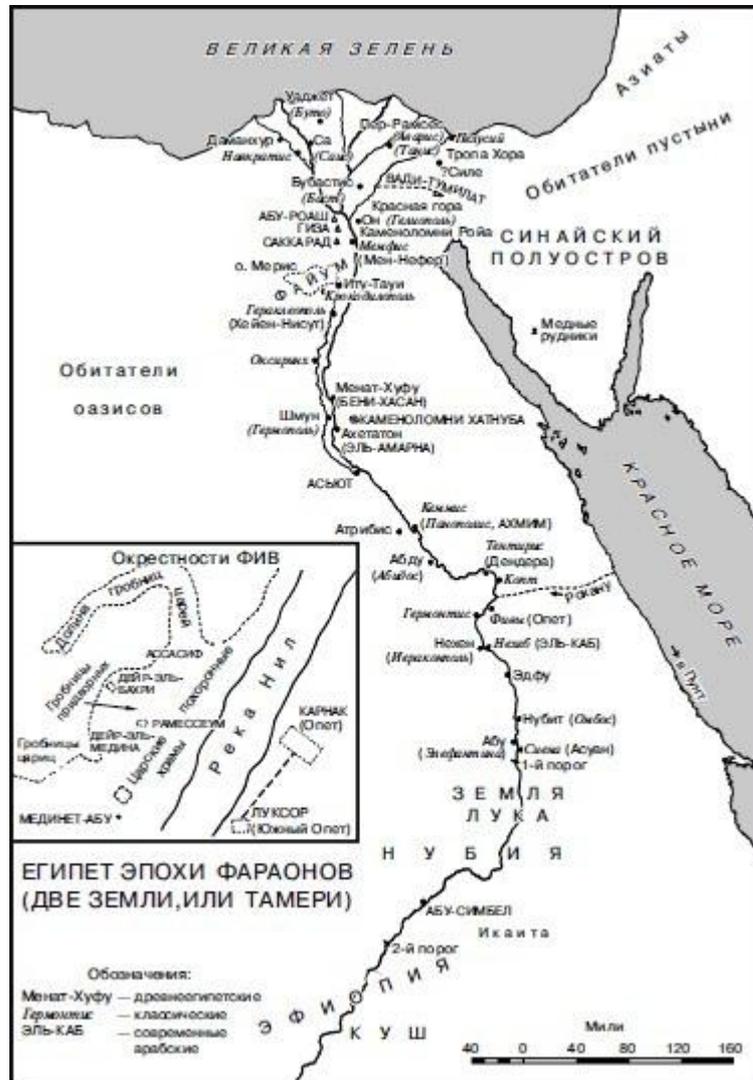

Пьер Монте

Эпоха Рамсесов. Быт, религия, культура

Введение

Древние египтяне больше заботились о своих богах и мертвецах, чем о своем благополучии. Принимаясь за строительство нового храма - Дома миллионов лет, или гробницы - «дома вечности» в пустыне к западу от Фив, они, не считаясь с расходами и трудностями, привозили драгоценный камень, металлы или дерево, полагая, что эти сооружения должны быть самыми красивыми на свете. Большинство древних египтян жили в простых домах, сложенных из необожженного кирпича, и пользовались простой глиняной утварью. Поэтому храмы и гробницы просуществовали гораздо дольше, чем города, и сегодня в музеях выставлено множество саркофагов и стел, статуй богов и царей, но не бытовых предметов; многочисленные религиозные и мистические тексты, вроде Книги Мертвых, чего нельзя сказать о жизнеописаниях и беллетристике. В связи с этим попытка описать повседневную жизнь простого египтянина времен фараонов, похоже, обречена на неудачу, поскольку все, чем мы располагаем, - это поверхностные наблюдения и наивные суждения греческих и римских путешественников. Современный человек считает, что египтянин

чуть ли не рождался мумией. Гастон Масперо, который первым перевел любовные песни, писал, что древнего египтянина невозможно представить стоящим на коленях перед возлюбленной. На самом же деле египтяне вовсе не были ни излишне мрачны, ни излишне серьезны. Душу их наполняла благодарность к богам за то, что жизнь на берегах Нила так прекрасна; именно природная восторженность и любовь к жизни заставляли их посвящать так много времени попыткам обеспечить себе все возможные блага после смерти. Они полагали, что добьются этого, если стены гробницы будут покрыты росписями и рельефами, изображающими покойного живым и здоровым в его земных владениях, с женой и детьми, с родственниками и слугами, с толпами ремесленников и земледельцев. Вот он обходит земли пешком, вот его несут в паланкине, а вот он плывет в ладье. Он может просто сидеть в кресле и наслаждаться зрелищем кипящей вокруг него жизни, а может и активно участвовать в ней: садиться в лодку, подстергать птиц, спрятавшихся в зарослях папируса, гарпунить рыб величиной почти с человека, ловить диких уток, охотиться с луком на газелей и сернобыков. Все его близкие присутствуют при его утреннем туалете: кто-то делает ему маникюр, кто-то - педикюр, управляющий представляет отчет, стражники бесцеремонно волокут к нему нерадивых слуг, музыканты и танцовщицы услаждают его зрение и слух. В жаркие часы дня он охотно играет со своей женой в игры, чем-то напоминающие наши шахматы или шашки.

Художник, для того чтобы угодить ему, должен был найти на стене место и там изобразить все существующие профессии. Те, кто жил в приречных болотах, занимались главным образом охотой и рыбной ловлей. Папирус использовали не только для постройки хижин, но и легких лодок и челноков, очень удобных для преследования в водяных зарослях крокодилов и гиппопотамов, для выслеживания птичьих гнездовиц и разведки рыбных затонов. Прежде чем отправиться на охоту, лодки испытывали, и это служило поводом для охотников посостязаться в силе и ловкости. Соревнующиеся надевали венки и, вооружившись длинными баграми, громко переругиваясь, старались сбросить друг друга в воду. Затем, уже примирившись, они возвращались в деревню, жители которой занимались починкой сетей и прочего снаряжения, вялением рыбы и разведением птицы. Земледельцы сеют и пахут, теребят лен, жнут и вяжут снопы, которые ослы перевозят в деревню. Здесь снопы раскладывают на гумне, где ослы и быки, а иногда и бараны выбивают из них зерно копытами. Затем солому отделяют от зерна. Пока одни возводят скирды, другие меряют зерно и относят его в амбар. Едва заканчиваются эти работы, как созревает виноград, его собирают, давят и наполняют вином огромные сосуды. В любое время года мельники мелют зерно, поставляя муку пекарям и пивоварам.

В мастерских мы видим ремесленников за обработкой глины, камня, дерева и металла. Поскольку дерево в Египте - редкость, орудия производства, нужные земледельцам, виноградарям, пекарям и поварам, изготавливали из обожженной глины. Кроме того, использовали еще гранит, алебастр, сланец и кость. Небольшие сосуды вытачивали иногда из горного хрусталя.

Египтяне очень любили украшения. Ювелирные мастера поставляли им ожерелья, браслеты, кольца, диадемы, подвески и амулеты. Их хранили в ларцах. В особых случаях девушки вынимали эти украшения из своих тайников и надевали их.

Скульпторы изображали хозяев гробниц в стоячем или сидячем положении, одного или в окружении семьи, используя для этого алебастр, гранит, черное дерево или акацию. И наконец, плотники-корабелы распиливали и обтесывали стволы деревьев для постройки лодок, барж и кораблей, на которых можно было плавать по всему египетскому Нилу, делать запасы зерна, отправляться в паломничество к святыням Абидоса, Пе или Депа. Об изображениях в гробнице можно сказать словами героя истории о моряке, потерпевшем кораблекрушение и выброшенном на остров доброго змея: «Нет такого, чего бы там не было...» На изображениях в гробницах не хватает лишь одного: хотя бы намек на то, чем именно занимался сам ее хозяин при жизни. Будь то усыпальница воина или придворного, цирюльника или врача, архитектора или визиря - повсюду изображены одни и те же сце-

ны. Их может быть больше или меньше, но иероглифические надписи, обрамляющие эти сцены или заполняющие пространство между персонажами, объясняют почти одинаковыми терминами их действия и воспроизводят одинаковые диалоги: всюду одни и те же слова, одни и те же песни. Изображения и тексты восходят к одному и тому же источнику. Таким образом, художники, украшавшие гробницы, имели перед глазами, так сказать, классический образец. Каждый выбирал из него что хотел и располагал по своему вкусу. Этот образец, по-видимому, появился в начале Четвертой династии. На протяжении всей эпохи Раннего царства его постоянно обогащали художники, явно не лишенные фантазии и юмора: прохожий, воспользовавшись отсутствием пастуха, доит его корову; ловкая обезьянка опережает слугу, который тянет руку к корзине, полной фруктов; бегемотиха вот-вот родит, а крокодил терпеливо ждет, чтобы сразу проглотить детеныша; маленький мальчик протягивает отцу, чтобы тот обвязал челнок, веревочку... длиной с ладонь. Этот список несложно продолжить. Но следует иметь в виду, что художники никогда не упускали из виду главной цели: изобразить жизнь большого поместья.

Изображения такого рода во все времена строились на одних и тех же принципах. Основные темы его мы находим в гробницах Среднего царства в Бени-Хасане, Меире, Эль-Берше, Фивах и Асуане. Несколько веков спустя, когда резиденцией фараонов стали Фивы, в гробницах изображали те же самые сцены. И в начале эпохи Птолемея художник не меняет тему изображений. Мы их видим в элегантной гробнице наподобие храма, где погребен знатный сановник города восьми богов (Гермополь) Петосирус, который при жизни носил титул «великий пятерик» (т. е. верховный жрец Тота и других богов). И тем не менее эти гробницы нельзя считать неизменным и скучным повторением образов, созданных и доведенных до совершенства в эпоху великих пирамид. В Бени-Хасане гораздо больше, чем прежде, изображений игр, борьбы, сражений, да и пустыни тоже. Воины нома упражняются, осаждают крепости. Первый шаг сделан. К сценам классического репертуара примешиваются изображения событий из личной жизни усопшего. Кочевники из Аравии предстали перед правителем нома Орикса с просьбой обменять зеленый порошок (толченый малахит), которым подводили глаза, на зерно и в знак своих добрых намерений принесли в дар пойманную в пустыне газель и каменного барана. Эта аудиенция изображена в гробнице Хномхотепа между сценами охоты и прогона стад. Правителю нома Харе не довелось принимать посланцев из далеких стран, поэтому он заказал скульпторам из алебастровой каменоломни Хатнуб, находившейся поблизости от его резиденции, свою статую высотой в тринадцать локтей. Когда статуя была готова, ее вынесли из мастерской и положили на волокушу. Сотни людей, молодых и старых, уцепившись за четыре каната, медленно потащили статую к храму по каменистой, узкой дороге, по обе стороны которой стоял народ и подбадривал их возгласами и ритмичным хлопаньем в ладоши. В гробницах Раннего царства встречаются сцены перевозки статуй усопших, но эти статуи делали в натуральную величину специально для гробницы. Для их перевозки не было никакой необходимости мобилизовать всех мужчин нома. Это было лишь эпизодом погребального культа, однако Тахутихотеп выбрал его, чтобы поразить всех, кто увидит его гробницу, ибо такое событие было поистине исключительным и свидетельствовало о его богатстве и высоком положении при дворе.

В период Нового царства сюжеты росписей в гробницах можно разделить на три категории. Прежде всего это сцены из гробниц Раннего царства, но приспособленные под современность, поскольку за тысячу лет многое изменилось. Затем исторические сцены. Например, визирь Рехмира, верховный жрец Амона Менхеперра и наместник Куша (современный Судан) царевич Хеви участвовали в великих исторических событиях. Они представляли фараону иноземных посланников с Крита, из Сирии, Нубии, которые выражали желание «быть на воде царя» (т. е. считаться его подданными) или «даровать дыхание жизни» (помиловать). Эти сановники собирали налоги, творили суд, наблюдали за работами, обучали новобранцев. Раньше в гробнице высекали рассказ о жизни усопшего, теперь же все его деяния изображались в сценах. И наконец, многочисленные изображения посвяща-

ются почитанию богов. Намного больше места отводится погребальной церемонии. Мы видим все этапы: изготовление огромного количества погребальной мебели, торжественное шествие, переправу через Нил, внос саркофага в гробницу, горестные позы плакальщиц, последние прощания.

Храмы тоже являются огромными каменными книгами, в которых любой кусочек свободного пространства был использован художниками и скульпторами. Архитравы, колонны, их основания, пилоны, не говоря уже о стенах внутри и снаружи, - все покрыто изображениями и иероглифами. В наиболее сохранившихся храмах Нового царства изображения и тексты относятся только к культу. Если храм и считался домом бога, он одновременно был и памятником во славу фараона. Фараон - сын бога. Все, что он делал, делалось по воле бога и зачастую с его помощью. Напомнить о деяниях царствовавшего фараона - значит еще раз восславить богов. Поэтому сцены из жизни фараона чередуются в гробницах с религиозными сценами. Прежде всего художники старались напомнить о том, что сделал фараон для украшения храма, и о его богоугодных деяниях, таких, как экспедиция в страну благовоний, войны с Сирией, Ливией и Нубией, откуда царские войска возвратились с богатой добычей и множеством пленников, ставших рабами храма. Царская охота и торжественные выходы живого бога, окруженного восторженными толпами, завершают эти сцены, интересные вдвойне благодаря объяснительным текстам, передающим речи, приказы и песнопения.

Поэтому попытка описать быт древнего египтянина вполне реальна, хотя, разумеется, определенные его аспекты останутся скрыты от нас. Древние памятники сохранили нам рельефы и настенные росписи, статуи и стелы, саркофаги и культовые предметы, что уже немало. Но мы находим там же и другие свидетельства. Разумеется, мы бы предпочли вместо погребальной мебели Тутанхамона или Псусеннеса увидеть подлинную мебель из дворцов Рамсесов. Но в конечном счете потребности усопшего были скопированы с потребностей живого фараона. К тому же набожные родственники часто оставляли в гробницах те вещи, которыми усопший пользовался при жизни, а также памятные семейные реликвии.

Естественно, использовать материалы, охватывающие более трех тысяч лет, следует с предельной осторожностью. Жизнь менялась, хотя в Древнем Египте перемены, возможно, происходили гораздо медленнее, чем в других, более поздних цивилизациях. Нил, приносящий жизнь в свою долину, был и остается царственным владыкой. Его повеления неизменны. Однако нравы, учреждения, ремесла и верования не оставались неизменными. Эта истина, неоспоримая для любого египтолога, на практике частенько забывается. В некоторых недавно напечатанных исследовательских трудах тексты самых различных эпох цитируются вперемежку. Иногда пытаются объяснить непонятные места в древних текстах ссылками на Диодора или Плутарха, а то и вовсе на Ямблиха. Многие ученые продолжают использовать названия месяцев года, которые вошли в употребление в Саисскую эпоху. И так создается легенда, будто Египет оставался неизменным и одинаковым с начала и до конца его бесконечной истории.

Чтобы избежать этой ошибки, мне нужно было прежде всего выбрать определенную эпоху. Первым делом я отбросил два переходных периода, долгий период упадка, следовавший за войной с нечистыми, и саисское возрождение, когда египтяне слишком увлеклись мумификацией животных и переписыванием заклинаний, а также эпоху Птолемея, которой занимаются не только египтологи. Затем я последовательно изучил период великих пирамид, эпоху Лабиринта (Двенадцатая династия), славные периоды царствования Тутмоса и Аменхотепов, промежуточный период культа солнечного диска с лучами в виде человеческих рук и эпоху Девятнадцатой династии (когда жил Рамсес Великий). Все эти периоды по-своему привлекательны. Раннее царство было молодостью Египта. Именно тогда было создано все великое и прекрасное, прославившее эту страну. И все же я выбрал эпоху фараонов Сети I и Рамсесов. Этот период относительно короток. Он начинается около 1320 г. до н. э. с приходом к власти новой династии. Египтяне считали, что теперь

царская семья с многочисленными детьми положит конец борьбе за трон и принесет много перемен. До сих пор владыки обеих земель (Верхнего и Нижнего Египта) происходили из Мемфиса или из Фив, где они создали могущественные номы Среднего Египта между Коптосом и Фаюмом. Впервые трон Хора заняли представители Дельты, чьи предки четырехста с лишним лет поклонялись богу с довольно скверной репутацией - Сету, который убил своего брата Осириса. Эта эпоха окончилась приблизительно в 1100 г. до н. э. короткой эрой «повторения рождений», когда Египет окончательно распрощался с наследниками Рамсесов и с их богом. Эти два столетия прославились царствованием трех великолепных фараонов - Сети I, Рамсеса II и Рамсеса III. Новые повелители после жестокого кризиса в конце Восемнадцатой династии принесли стране религиозный мир, который заколебался лишь с приближением 1100 г. Войска этих фараонов одерживали блистательные победы. Они вмешивались гораздо активнее, чем прежде, в жизнь соседних народов. Многие египтяне жили тогда за границей. И еще больше иноземцев селилось в Египте. Рамсесы были великими строителями. Фиванские владыки Восемнадцатой династии не успели закончить восстановление опустошенных гиксосами районов. Они многое сделали в самих Фивах, но после религиозной реформы Эхнатона пришлось начинать все сначала. Гипостильный зал в Карнаке, пилон в Луксоре, Рамсесеум в Мединет-Абу с массой больших и малых сооружений в стовратных Фивах - великолепный вклад Рамсеса I и его преемников. Ни один уголок огромной империи не был обойден их вниманием. От Нубии до Пер-Рамсеса и до Пи-тома было основано столько городов! А сколько храмов они расширили, восстановили или отстроили заново!

Эти храмы, дворцы и гробницы, принадлежавшие царям и царицам и - самое важное для нас - богатым вельможам, могут рассказать нам многое. Заполнить пробелы помогут многочисленные папирусы XIII и XII вв. до н. э., в которых мы найдем сказки, повести, сборники писем, списки работ и работников, договоры и соглашения, судебные отчеты и - наиболее драгоценное - политическое завещание Рамсеса III. Я постоянно обращался ко всем этим источникам, когда писал эту книгу. Разумеется, это вовсе не означает, что мы не можем пользоваться материалами, относящимися к более ранним или более поздним периодам. Я, однако, выступаю против современной тенденции рассматривать три тысячи лет истории Египта как единую эпоху и применять ко всему периоду правления фараонов характеристики, установленные лишь для какого-то одного периода. По моему мнению, многие обычаи и верования египтян существенно менялись со временем. Однако, если древнегреческий или древнеримский автор описывает церемонию, на которой он присутствовал, и та же самая церемония изображена на барельефе Раннего царства в Мемфисе, мы вправе предположить, что Рамсесиды проводили ее точно так же, как их предки и потомки. Таким образом, я использовал все доступные источники, стараясь избежать только одного: фальши в общей картине повседневной жизни Египта во времена Рамсеса Великого и его преемников.

Глава I

МЕСТА ПРОЖИВАНИЯ

1. Города

Нет ничего удивительного, что сегодня египетские города эпохи правления фараонов представляют собой лишь толщи пыли, обильно усыпанные осколками глиняных изделий и обломками кирпича, поскольку городские стены и дворцы сооружались в те времена из сырцового кирпича. Однако в те дни, когда Наполеон привез в Египет своих ученых, им

было куда проще составить содержательные доклады об облике отдельных городов, чем современным исследователям. Недавнее прошлое пополнило длительную историю разрушений, начавшуюся в глубокой древности: коренные жители не только активно раскапывают руины и каменные блоки в поисках *себаха* (разложившегося кирпича из ила, который считается ценным удобрением), но, как это ни печально, промышляют и охотой за древностями. Фактически мы можем с уверенностью описать вид только двух городов, и то лишь потому, что просуществовали они относительно недолго. Оба города были основаны по личному распоряжению правившего в то время царя и по монаршему же распоряжению покинуты. Более древний, Хетеп-Сенусерт, был построен в Фаюме Сесострисом II (1900 до н. э.) и просуществовал меньше ста лет. Другой, Ахетатон (в настоящее время Тель-эль-Амарна) служил резиденцией Аменхотепа IV, после того как он отверг культ Амона, и его преемников, до тех пор пока Тутанхамон не вернул царский двор обратно в Фивы. Прежде чем перейти к описанию городов эпохи Рамсесидов, полезно бегло ознакомиться с историей этих двух.

Хетеп-Сенусерт занимал обнесенной стеной участок площадью примерно 380 на 430 ярдов. Главное предназначение города состояло в том, чтобы дать приют большому числу людей на относительно маленьком пространстве. За пределами внешних стен находился храм. Толстая стена делила город на две зоны: район богачей и район бедноты. Последний из конца в конец пересекала центральная дорога шириной около 30 футов, от которой в разные стороны расходились несколько узких улочек. Дома, состоявшие из на удивление крошечных комнат и коридоров, стояли вплотную и были обращены входом на улицу. В богатой части города были расположены дворец и дома высших сановников, к которым вели широкие удобные улицы. Дома эти по размерам превышали жилища бедняков почти в пятьдесят раз. Египтяне очень любили сады и парки, однако здесь мы не видим никакой растительности - вся территория города занята домами и улицами. Хиркуф - тот самый, который привез в подарок своему юному царю карлика-танцора из Нубии, - рассказывает, что построил себе дом, выкопал большой пруд и посадил множество деревьев. На стеле времен правления Сесостриса II изображена женщина, занимающаяся садоводством; известно, что Рамсес III был любителем растений и разбил множество садов. Однако Хетеп-Сенусерт явно не принадлежал к городам, где прогулки доставляли жителям большое удовольствие.

Ахетатон, город-резиденция Эхнатона, напротив, был создан для людей, ведущих роскошный образ жизни. Город расположен в огромной полукруглой низменности между горами и Нилом. По всей длине его проходит параллельно реке широкая центральная дорога, которую пересекают несколько более узких улиц. Они ведут к пристаням или в противоположном направлении к некрополю и каменоломням, где добывался алебастр. В центральной части города располагались дворец, храм, разнообразные общественные учреждения, хранилища и амбары. Скромные маленькие домишки стоят здесь бок о бок с большими частными резиденциями, принадлежавшими, по мнению археологов, членам царской семьи.

Под парки и сады отведены огромные территории как внутри города, так и в больших имениях за его пределами. Работники, трудившиеся в некрополе и каменоломнях, содержались в обнесенной высокой стеной деревне. Город был оставлен настолько поспешно, что время не оказало своего разрушительного воздействия на плоды труда его древних обитателей.

Прямо противоположное относится к городам, имеющим длинную историю, а таких большинство. Здесь проследить какую-либо последовательную модель вообще не представляется возможным. Название Мен-Нефер, которое греки переделали в Мемфис, означало «красота [города или бога] длится вечно»; тот же город был известен и как Анх-Тауи («жизнь двух земель»), Хетка-Птах («крепость души бога Птаха») и Нехет («сикомор»). Все эти названия могли применяться для обозначения города в целом, однако изначально каждое из них указывало на одну из его достопримечательностей или особенностей: на

царский дворец и примыкающие к нему здания, на храм Птаха, на божеств, покровительствующих городу, или на храм богини Хатхор, которой в Мемфисе поклонялись как владычице сикомора. То же самое относится к Фивам, гомеровскому «граду ста врат», который изначально носил имя Уасет. То же название имел и четвертый ном Верхнего Египта, столицей которого он являлся. В Новом Царстве город стал называться Опет, что переводится как «гарем», «святыня» или «дворец». Так называемая аллея сфинксов соединяла огромную группу памятников (сейчас ее называют в честь деревни Карнак), известную со времен царя Аменхотепа III как «Опет Амона», с луксорским храмом. Каждый Опет окружала кирпичная стена с несколькими гигантскими каменными воротами со створками из ливанской сосны, укрепленными бронзовыми деталями и украшенными золотыми инкрустациями. В случае опасности ворота запирали. В дошедших до нас текстах никогда не упоминается, чтобы ворота были заперты в мирное время, поэтому у нас есть все основания предположить, что проход через них был открыт и днем и ночью.

Внутри находились жилые дома, ремесленные лавки и хранилища, занимавшие большую часть площади между храмом и стенами. Никаких следов их до нас не дошло. Когда-то здесь были разбиты прекрасные сады, в парках паслись стада Амона. На стенах Зала Анналов, воздвигнутого Тутмосом III, сохранились изображения садов, засаженных кустами и деревьями, которые царь привез из Сирии. По обе стороны аллеи сфинксов, соединявшей две окружные стены, а также вдоль берега реки были выстроены дворцы и здания, принадлежавшие высоким сановникам. Каждый царь стремился построить себе собственный дворец, амбиции его приближенных: царей, царевичей, визирей и чиновников - простирались почти так же далеко. Таким образом, в годы правления трех династий город постоянно разрастался, а дома простых обывателей, лачуги бедняков и резиденции богачей, вероятнее всего, оказывались стоящими бок о бок друг с другом, а не занимали отдельные районы, как в Хетеп-Сенусерте.

На западном берегу, напротив Карнака и Луксора, вырос второй город - Тьяме. Он представлял собой несколько гигантских сооружений, окруженных лабиринтом домов и ремесленных мастерских; вокруг каждого из значительных зданий высилась стена, сделанная из сырцового кирпича. Она огораживала участок площадью примерно четверть мили или даже больше. Каждая сторона стены, окружающей храм Аменхотепа III, например, составляла в длину пятьсот пятьдесят ярдов. Толщина этих массивных стен достигала в основании иногда пятидесяти футов, а высота - шестидесяти футов и более. Они скрывали от любопытного взгляда практически все, что находилось в их пределах, кроме разве что пирамидальных вершин обелисков, карнизов пилонов, а также огромных уборов, венчающих головы статуй-колоссов. Почти все эти города сильно пострадали от разрушительного воздействия времени, а также и от рук человека. Сегодня колоссы Мемнона возвышаются среди пустынных полей, а когда-то никто не предполагал, что они останутся в гордом одиночестве. Тогда они служили украшением фасада прекрасного храма, со всех сторон окруженного кирпичными зданиями, под крышами которых ютилось множество людей и хранились самые разнообразные товары. Одни лишь колоссы смогли противостоять разрушительной силе веков, остальное превратилось в развалины. Во многих других местах статуи разделили общую судьбу, и обломки, когда археологам удастся найти их во время раскопок, превращаются в их руках в пыль. Храм Рамсеса III в Мединет-Абу, известный как Рамсесеум, гробница Сети I - памятники, расположенные в северной части страны, - лишь они да храм царицы Хатшепсут дошли до нас в виде живописных руин. Именно благодаря им, в первую очередь Мединет-Абу, мы можем получить некоторое представление о том, как выглядели эти города в прошлом, когда только были построены. Сойдя с лодки у подножия лестницы из двух маршей, современный посетитель пройдет мимо двух караульных помещений сквозь низкую каменную ограду с бойницами, повторяющую очертания главной городской стены и отделенную от нее окружной дорогой. Главная стена снабжена массивными крепкими воротами, имеющими определенное сходство с сирийскими *мигдалами* (на иврите «башня») и состоящими из двух очень высоких симметрич-

ных башен. Башни расположены примерно в двадцати футах одна от другой, а между ними находится караульное сооружение с проходом посередине. Проход был достаточно широк, чтобы через него могла проехать колесница. С внешней стороны стены караульного помещения украшены барельефами, прославляющими власть фараона. Здесь изображены традиционные враги египтян: ливийцы и арабы, негры и нубийцы. Эти воинственные сюжеты могут заставить нашего посетителя почувствовать себя несколько неудобно, однако, зайдя внутрь, он окунется в куда более приветливую атмосферу. Здесь он увидит резное изображение Рамсеса, окруженного его приближенными, который ласково щекочет подбородок пленительной египтянки. Это помещение использовалось в качестве укрытия лишь в случае опасности, обычно же его занимала охрана. Дворец и гарем располагались немного дальше, возле храма.

Пройдя через ворота, наш посетитель окажется в просторном внутреннем дворе, дальний конец которого пересекает еще одна, третья, стена, окружающая храм, дворец и гарем, а также большой комплекс внутренних дворов и строений. Низкие строения лепятся с трех сторон этой стены по обе руки от центральной проезжей дороги. Среди обитателей этого маленького городка, в котором жил царь со своими женами и многочисленными слугами во время своих визитов на левый берег Нила, попадались и жрецы, и светское население.

Рамсес III с фавориткой в гареме (*Ленсуи*. Живопись Древнего Египта и Эфиопии, III)

Это описание может относиться не только к крепости Рамсеса, правителя города Он (Гелиополя) во владениях Амона, но и к уже упоминавшемуся Рамсесеуму, а также к еще нескольким десяткам городов на западном берегу Нила. Неприятливая на вид внешняя отделка контрастирует в них с изысканностью золоченых дворцов и глинобитных хижин, разбросанных в живописном беспорядке внутри городских стен. Иногда щедрейшие царевичи и прекраснейшие царевны Египта шествовали по этим узким аллеям и внутренним дворикам, распространяя вокруг себя сияние, а в царских покоях долгим эхом отдавались

смех и звуки музыки и песен. Но празднества заканчивались, и вот через массивные ворота уже снова бегут погонщики скота, ведя перед собой свои стада, или, может быть, здесь проходят колонны рабов, взвалив себе на головы или на плечи тяжелые тюки, солдаты, сборщики податей, каменщики и ремесленники - все они шагают среди гомона и пыли, спешат в мастерские, конюшни или на бойню, а в это время ученики и подмастерья торопятся к своим учителям, чтобы снова получить награду за прилежание или побои за нерадивость.

Города Дельты были не менее древними, а памятники их - не менее величественными, чем города Верхнего Египта, и, хотя набеги гиксосов и небрежность правителей Восемнадцатой династии привели их в состояние разрухи, во время правления Рамсесидов они были не просто восстановлены, но разрослись и преобразились. Рамсес II питал особую привязанность к восточному району Дельты, откуда происходил его род. Он любил тамошний умеренный климат, обширные пастбища, водные просторы, виноград, из которого делали вино слаще меда. На открытых всем ветрам лугах, расположенных поблизости от Танисского рукава Нила, был выстроен древний город Хут-Уарет, или Аварис, древний центр культа бога Сета и колыбель искусства Древнего Египта. Поначалу здесь обосновались гиксосы, однако после того как их изгнал из Египта Яхмос, город остался заброшенным. Рамсес II, перебравшийся сюда сразу после того, как отдал последнюю дань уважения своему умершему отцу, немедленно приступил к великому строительству, которое должно было восстановить жизнь и процветание в этой области и превратить древний город в несравненную царскую резиденцию. Здесь, как и в Фивах, храм и другие постройки были окружены огромной кирпичной стеной с четырьмя воротами, через которые проходили дороги и каналы на север и на юг, на запад и на восток. Невзирая на дальнейшее расстояние и на все трудности, из Асуана доставили каменные блоки невероятных размеров, предназначавшиеся для постройки великих святынь и возведения новых стел и обелисков, убранство и отделка которых были доведены до совершенства. Вдоль узких, вымощенных базальтом улиц друг напротив друга стояли сердитые рычащие львы с человеческими головами из черного гранита и сфинксы из розового гранита, а ворота охраняли готовые к прыжку львы. Перед пилонами выросли гигантские фигуры сидящих и стоящих людей, которые вполне могли соперничать с фиванскими колоссами и, пожалуй, даже превосходили колоссов Мемфиса.

Дворец сверкал золотом, лазуритом и бирюзой, вокруг все пестрело цветами. Тенистые дороги пересекали тщательно возделываемые поля. Хранилища ломились от товаров, привезенных морем из Сирии, с островов, а также из страны Пунт, расположенной на побережье Красного моря. Около дворца располагались казармы, в которых жили воины, лучники, возницы и матросы. Многие египтяне приходили сюда специально, чтобы поселиться поближе к «Солнцу». «Счастье жить в землях этих! - восклицает писец Пабаса. - Ни одно желание здесь не останется неисполненным; скромник и гордец здесь едины... Каждый, кто бы ни был он, может излить свои мольбы у ног его». Как и в других больших городах, среди египтян здесь встречались ливийцы и негры; но как до, так и после Великого Исхода азиатов здесь было больше, чем других иноземцев. Город наводняли потомки сынов Иакова и другие кочующие народы, которым позволили поселиться в Египте и не желавшим более покидать его. Жили здесь и пленники из стран Ханаан, Амор и Нахарина (Палестина, Сирия и область Верхнего Евфрата), чьи потомки со временем осядут в городе и будут заниматься сельским хозяйством и ремеслами. Вскоре город оброс новыми большими районами, заполненными хранилищами и жилыми домами, а еще через некоторое время в этих районах появились новые храмы, возвышавшиеся за окружавшей разросшийся город кирпичной стеной. Часть территории города выделили под кладбище, поскольку, в отличие от южных областей, в Дельте не было пустыни, где можно было бы хоронить мертвых. Гробницы для людей и священных животных сооружались либо прямо за стеной, либо даже внутри города, почти вплотную к храму. Возводить здесь монументы, сопоставимые с мемфисскими памятниками, было невозможно из-за недостатка места, по-

этому практически все гробницы Таниса и Атрибиса, независимо от положения тех, кому они принадлежат, имеют весьма скромные размеры.

Рамсес II почти не оставил своим преемникам незаконченных построек, поэтому Рамсес III был занят, главным образом, сохранением и расширением чудесных садов и парков. Вот его слова: «Я сделал так, что все земли плодоносят, я засадил их полезными злаками и деревьями, под сенью которых человек найдет отдых себе». В городе, служившем резиденцией его великому предшественнику, он разбил большой парк, расчистил дорожки для прогулок, посадил виноград и оливу и украсил священную дорогу яркими цветами. В Оне (Гелиополе) царь приказал вычистить священные храмовые озера, по его словам, «...изъял из них всю скверну, накопившуюся там с начала времен», и посадил повсюду прекрасные деревья и кусты. Чтобы подносить богу Атуму отборное вино и другие напитки, он разбил фруктовые сады и оливковую рощу; из оливок, выращенных здесь, получали «наилучшее масло в Египте для воскуривания в священном дворце твоём». Пришедший в полный упадок храм Гора при Рамсесе III заслужил славу святилища, превосходящего все прочие храмы. «Я сделал так, что священная роща, возросшая в стенах его, цветет. Я могу сделать так, что папирус будет расти здесь, словно в болотах Ахбита [где юношей жил Гор]. Долгое время царило здесь запустение. Я сделал так, что священная роща храма твоего зацвела вновь. Я восстановил ее, поверженную, как ей следует быть. Я поставил людей следить за ней, чтобы давала глоток вина тонкого, чтобы поднести тебе».

В работе его удивительным образом смешалась практичность и стремление создать произведение искусства. Геродот считал, что храм в Бубасте, расположенный под сенью гигантских деревьев, - самое великолепное зрелище во всем Египте. Нет никаких сомнений, что путешественник, посетивший страну в XII в. до н. э., испытал бы не меньшее восхищение, окажись он в любом из крупных египетских городов, где мрачность массивных кирпичных стен соседствовала с живостью зеленой листвы. Обитатели этих городов могли наслаждаться прохладой в тени высоких деревьев, растущих на берегах притоков Нила; во внутренних дворах храмов цветы подчеркивали впечатление, производимое на посетителя скульптурами.

Как люди, так и животные и растения нуждались в обильных запасах воды. Брать воду из канала за пределами города, даже если он находился совсем недалеко от главных ворот, как в Мединет-Абу или Пер-Рамсесе, считалось подобающим, поэтому в большинстве городов имелись каменные водохранилища. Пользуясь специальными лестницами в них, можно было брать из них воду в любое время года независимо от ее уровня. Некоторые факты указывают, что в городских районах и частных поместьях, начиная, по крайней мере, с периода Нового царства, существовали колодцы. В Пер-Рамсесе их было не менее четырех; все сделаны из камня, и наименьший из них - с западной стороны храма - имеет в диаметре около десяти футов. Внутри вела лестница с двадцатью тремя ступеньками и переходившая уже на уровне воды в винтовую лестницу с дюжиной ступенек. Самый большой из четырех колодцев был расположен к югу от храма. Диаметр его - шестнадцать футов; спуститься к воде можно было по лестнице с сорока четырьмя ступеньками и разделенной на два пролета горизонтальной площадкой. Даже когда уровень воды доходил лишь до нижней отметки, чтобы наполнить кувшин, достаточно было спуститься до самого низа по винтовой лестнице, оканчивавшейся длинной кольцеобразной ступенькой. В других случаях воду переливали в резервуар, набирая ее из колодца с помощью *шадуфа* (бадьи, прикрепленной к шесту или к веревке и поднимаемой специальным приспособлением типа «журавля»), а оттуда по каменным трубам переправляли ее в другой резервуар, находившийся внутри храма. В восточной части города нам удалось найти несколько водопроводных систем, проходящих глубоко под землей. Состояли они из разнообразных керамических труб: самые большие были сделаны из глиняных сосудов без дна, вставленных один в другой и тщательно скрепленных между собой. Проследить весь путь этих систем и установить их начальные и конечные точки пока не представляется возможным. Мы не можем точно определить, в какое время они были построены, и даже не знаем, для

чего они использовались: для доставки питьевой воды или же для вывода нечистот. Тем не менее упомянуть об этих системах стоит, поскольку они свидетельствуют о том, как тогдашнее правительство радело о благополучии и здоровье своего народа.

Царские и священные районы привлекали к себе обитателей окружающих областей. В беспокойные времена простые смертные пробирались за спасительные стены и отказывались выходить наружу, строили себе дома в парках и садах, тем самым нарушая прекрасный вид, который пытались создать здесь древние зодчие. Они проникали даже на внешние святилища храма, укрывались на их стенах, не обращая никакого внимания ни на ежедневные церемонии и обряды, отправляемые в храме, ни на стражу. Доктор по имени Уджахорресенит, служивший при дворе царя Камбиза (525-522 гг. до н. э.), стеная от горя, сообщает, что в храме богини Нейт, покровительницы города Саис, поселились чужаки. Имея доступ к царю, он убедил его изгнать преступников и разрушить их дома, чтобы жрецы могли продолжать отправлять необходимые ритуалы и обряды как должно, предварительно очистив храм от скверны (поскольку нарушители были азиатами). Жрец Дждехор из Атрибиса рассказывает, что несколько истово верующих жителей города построили свои глинобитные хижины прямо на крыше гробницы священных соколов. Не будучи вхожим в столь высокие сферы, как саисский доктор, он был вынужден воспользоваться собственным даром убеждения, чтобы разрешить эту проблему. Ему удалось уговорить нарушителей перенести свои лачуги в другое место, которое он специально подыскал для них, отметив, что переезд весьма благоприятно скажется на их здоровье. Новое место находилось в болотистой низине, однако это не могло послужить серьезным препятствием: чтобы укрепить грунт, надо было лишь набросать там большие камни, а уж этого добра в Атрибисе хватало. Таким образом достойные жители города смогли выстроить себе жилище в удобном, чистом и просторном месте, хотя порой, когда уровень воды поднимался, они могли слегка страдать от сырости. Как показали наши раскопки в Танисе, некоторые умудрялись выстроить себе дома прямо во внутренних дворах храмов и на огороженных участках, являвшихся собственностью храмов. Некий Панемерит, который, судя по всему, занимал довольно высокое положение, построил свой дом почти вплотную к пилону храма, чтобы во время священных обрядов его статуи напитывались божественным духом. Панемерит жил позже, чем доктор из Саиса или жрец из Атрибиса, но, как мы еще убедимся в этом, традиции в Египте были живучи. Лично я склонен полагать, что, хотя этот эпизод описан в документах, принадлежащих к относительно позднему периоду, подобного рода случаи бывали и прежде. Пользуясь небрежностью и попустительством властей, обыватели бросали менее удобные районы, чтобы поселиться под укрытием великих стен. Не исключено также, отчасти они надеялись, что здесь, в непосредственной близости от храмов и дворцов, им удастся украсть что-нибудь ценное. Периодически представители власти выпроваживали нарушителей, храмы и дворцы преисполнялись прежнего величия. Во времена, когда на троне восседал Сети I, великий Сесострис или Рамсес III, никто не осмелился бы посягнуть на землю, на которую не имел никаких прав; однако такое вполне могло случиться в правление любого из царей, занимавших престол между Мернептахом и Сетнахтом. А уж в царствование последнего из Рамсесидов в стране происходили вещи куда страшнее.

2. Дворцы

Царский дворец в Пер-Рамсесе вызывал у современников искреннее восхищение, однако до нас, увы, не дошло подробных описаний, по которым мы могли бы составить о нем сколько-нибудь четкое представление, а точное местоположение дворца пока не обнаружено. Больше знаем мы о других царских резиденциях, расположенных в Дельте: останки одной из них, например, были найдены в районе Кантира, небольшой деревеньки в 17 километрах от Пер-Рамсеса. Когда невеста фараона, дочь хеттского правителя, пересекала

Малую Азию и Сирию, чтобы соединиться со своим будущим мужем, тот, стремясь показать ей свое благородство и преданность, приказал выстроить в пустыне между Египтом и Финикией великолепный дворец и отправился туда дожидаться прибытия возлюбленной. Отдаленное расположение дворца с лихвой компенсировалось его величественным видом и удобством. Каждая сторона его находилась под покровительством одного из четырех великих богов: Амон охранял дворец с запада, Сет - с юга, Астарта - с востока, а Уаджет - с севера. Двое из этих богов принадлежали к египетскому пантеону, а двое других - к азиатскому, так как Сет к тому времени уже перенял у Баала головной убор и передник, практически полностью утратив сходство с египетскими божествами, - таким образом были удовлетворены религиозные пристрастия обеих сторон. Бога, вестника, визиря и пашу олицетворяли здесь четыре статуи с названиями, составленными по той же схеме, что и человеческие имена: Рамсес Мериамон (да будет Жив, Здоров и Силен!), Монту в двух землях, Солнце принцев, Прелесть Египта. В Западных Фивах у Рамсеса был дворец, имевший выход в главный внутренний двор храма, который он называл своим «домом радости». Сохранившиеся останки этого дворца были внимательнейшим образом изучены специалистами Чикагского института востоковедения. Между колоннами перистилия и на фасаде этого дворца обнаружили барельефы, сюжеты которых должны были отражать несравненную мощь царственного правителя. На одном из барельефов царь повергает своих недругов ударами палицы; на другом - осматривает свои конюшни, украшенные великолепными драгоценностями; на третьем фараон на колеснице в полном боевом облачении готовится отдать приказ своим войскам; на последнем - в компании придворных наблюдает, как его лучшие бойцы демонстрируют свою удачу в борьбе и военном искусстве. В центре фасада, за четырьмя невысокими изящными колоннами в виде стеблей папируса, поддерживающими трехъярусный карниз, был расположен богато украшенный балкон, на который царь обыкновенно выходил, чтобы показаться народу. Нижний ярус карниза был украшен парящим крылатым диском, второй занимал орнамент в виде пальмовых листьев, на верхнем же ярусе были изображены уреи, священные змеи, каждая в венце в виде солнечного диска. Царь выходил на балкон, когда в храмовый двор допускался простой люд, например в день празднеств в честь Амона. Отсюда он раздавал своим подданным дары. Чтобы выйти на балкон, необходимо было пройти через царские покои, состоявшие из анфилады комнат с колоннами: тронного зала, царской спальни и ванной комнаты. Широкий вестибюль отделял эти комнаты от половины царицы, также состоявшей из нескольких больших комнат и ванных комнат. Длинные прямые коридоры позволяли проникнуть в любое помещение дворца, а также могли использоваться и для другой важной цели: отсюда царь мог следить за тем, что происходит в каждой из комнат: наученный горьким опытом, Рамсес III не доверял никому.

Судя по изображениям на небольших эмалированных панелях, найденных в начале XX в., и фрагментам барельефов, обнаруженных американской археологической экспедицией, интерьер тронной залы выглядел довольно скромно. Царь на всех барельефах предстает перед нами в виде сфинкса, стоящего на задних лапах, а рядом иероглифами выведено его полное имя и титулы. Перед ним в оковах шествуют недруги Египта, их богатые одеяния украшены варварским орнаментом. Художник постарался с максимальной достоверностью изобразить их черты, прически и украшения: мы видим ливийцев с татуировками на теле, негров с кольцами в ушах, сирийцев с болтающимися на шее медальонами и бедуинов (*шасу*) с изящными гребнями в длинных волнистых волосах. Резонно предположить, что покои царя и царицы украшали куда более мирные картины.

Весь дворец занимает сравнительно небольшую площадь: длина боковых стен не превышает ста двадцати футов. Царь, несомненно, никогда не задерживался здесь надолго, поскольку мог жить на другом берегу Нила. Вообще в Дельте у него было много резиденций: в Мемфисе, Оне и Пер-Рамсесе его ожидали роскошные дворцы, а между Оном и Бубастом, в районе, который арабы впоследствии назвали Тель-эль-Яхудиа, царь начал строительство нового здания, от которого до нас дошли лишь эмалированные пластины, по-

добные найденным в Меди-нет-Абу. Время не пощадило постройки эпохи Рамсесидов, поэтому, чтобы представить, как выглядели дворцы фараона в эпоху Нового царства, нам придется вообразить себе дворец Эхнатона, воздвигнутый несколькими десятилетиями раньше. На полу залы с длинным рядом колонн мы увидим озеро, в котором плещется рыба. На поверхности его покачиваются белые кувшинки. Среди зарослей тростника и папируса на берегу озера снуют птицы. Телята, резвящиеся на густой траве, спугнули дикую утку. Колонны оплетают вьюн и виноградная лоза, а капители и карнизы украшены драгоценными камнями. Взглянув на стены, мы увидим сцены из жизни царской семьи: вот царь сидит в кресле напротив своей супруги Нефертити, отдыхающей на подушке. На коленях царица держит ребенка. Старшая царица обвила руками шею сестры, младшие дочери царственных супругов играют на полу. Эту картину можно без преувеличения назвать самым восхитительным произведением египетского изобразительного искусства. Озера, заросли папируса, птицы, резвящиеся звери - характерный сюжет живописи этого периода, а в Мединет-Абу мы уже видели царя в окружении очаровательных женщин. Поэтому у нас нет никаких оснований сомневаться, что дворцы фараонов Девятнадцатой и Двадцатой династий были украшены столь же богато и изысканно, как и во времена Эхнатона: расписанные стены и потолки, полы, колонны и карнизы радовали глаз и сердце посетителей живостью красок. Пышные украшения, орнаменты, изысканная драпировка - все это создает ощущение поистине утонченного вкуса.

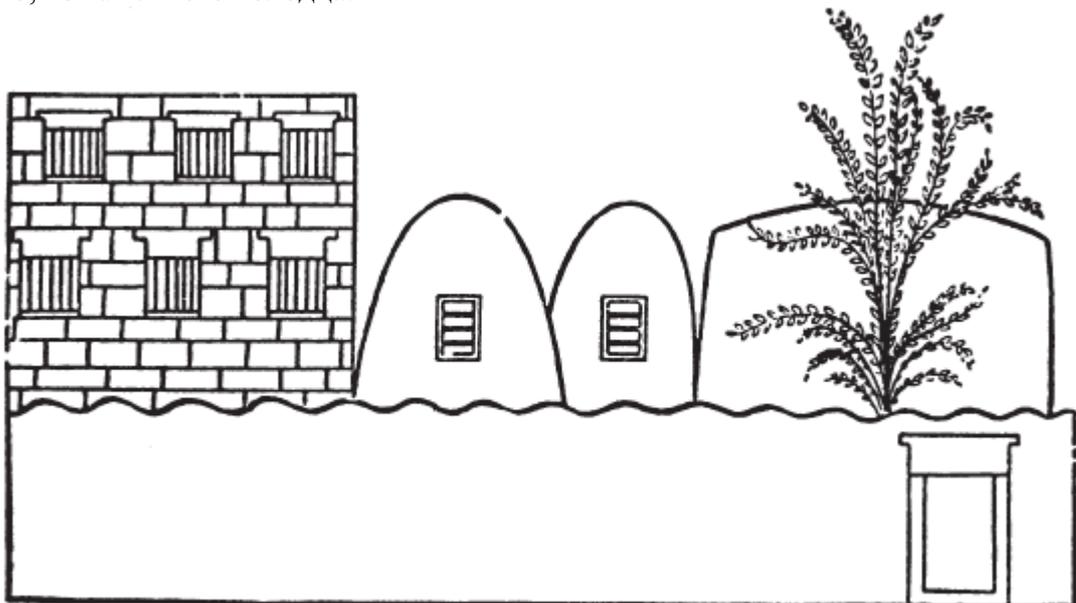
3. Дома

Вельможи старались, чтобы их дома по роскоши и удобству не уступали царским резиденциям. Городские и сельские дома знатных сановников, занимавшие площадь в пол-акра, а то и больше, были, подобно божьим храмам и царским дворцам, окружены высокими и толстыми стенами с большими каменными воротами, а множество дополнительных проходов вели в сад и к надворным постройкам. Именно в такой дом привела своего возлюбленного коварная Тбубуи. Дом Ипуи походил на небольшой храм: на фасаде - выступающий портик с колоннами в виде папируса, эпистиль с карнизом, украшенным в стиле пальметта, главный вход, обрамленный точеным камнем с тем же орнаментом на притолоке. В доме, где царь Эйе обменивался дарами с женой Неферхотепа, имелась открытая терраса с колоннадой и легкой крышей. Края крыши, выступавшие над террасой с обеих сторон, поддерживались высокими стройными колоннами перистилиа, окружавшего дом. Чтобы лучше понять, как выглядели такие дома, достаточно посмотреть рельефы, вырезанные на стенах гробниц Ипуи и Неферхотепа, однако, если нам нужно получить какое-то представление об их внутреннем устройстве, придется вновь вернуться к раскопкам в Эль-Амарне. Ступени крыльца вели прямо в вестибюль, за которым находились приемные покои. В дальнем конце располагались комнаты для одевания. В этих комнатах археологи нашли кирпичные сундуки, которые, предположительно, использовались в качестве шкафов для белья и одежды, а также что-то вроде буфетов, где, вероятно, держали еду и напитки. Оставшуюся часть здания занимали личные апартаменты владельца, в том числе купальни и туалеты. В одном углу купальной с облицованными камнем стенами была обнаружена каменная плита, окруженная низенькой кирпичной стенкой. Стоя рядом с ней, слуга поливал своего господина водой, после чего тот переходил в другой угол комнаты, где располагалось специальное ложе для массажа. Побеленный изнутри туалет находился за купальной. Там было сиденье, сделанное из известняка, с отверстием посередине; вся конструкция водружена на кирпичные контейнеры с песком.

Дом и сад Ипуи (*Дейвис*. Две гробницы Рамсесидов в Фивах)

Даже значительно менее роскошные дома были окружены несколькими дворами. В одних стояли лари для хранения зерна, по форме напоминающие огромные ульи. С северной стороны дома располагались конюшни и псарни, а с восточной - кухня, пекарня и кирпичные жилища для слуг. Таким образом, чтобы принести хозяевам еду, нагруженные посудой слуги вынуждены были огибать многочисленные постройки. В основные приемные помещения вели многочисленные дополнительные входы. Лачуги для слуг, как правило, состояли из четырех комнат: прихожей, центральной комнаты с крышей, поддерживаемой колоннами, расположенных сзади кухоньки и спальни. Это скромное жилище зачастую приходилось делить со скотом. В доме имелся выход на крышу. Большие и удобные дома в другом конце двора предназначались для управляющих. Питьевую воду доставали, как правило, из каменного колодца.

Дом с амбарами (*Эрман*. Жизнь в Древнем Египте)

Дома окружали сады, возделываемые с большой любовью. Пышная виноградная лоза давала спасительную тень, повсюду яркие цветы. Сады были разделены на квадратные или прямоугольные участки ровными тропинками, по обе стороны которых росли деревья. Некому Анни удалось собрать практически полную коллекцию деревьев, произрастающих в долине Нила. Мы находим здесь финиковую пальму, пальму дум, кокосовую пальму, сикомор, фиговое дерево, баланит (*balanytes aegyptica* - дерево, в наше время редко встречающееся в Египте, но широко распространенное в Судане; из его плодов, по форме напоминающих желуди, добывали масло, которое затем использовалось в парфюмерии), китайский финик (по-арабски *небк*), персею, гранат, акацию, тисовое дерево, тамариск, иву и другие не опознанные современными исследователями виды, всего числом во-

семнадцать. За прочными стенами своего сада Рехмира вырастил все известные в те дни разновидности кустов и деревьев. Под деревьями часто сооружался легкий, но элегантный павильон, в котором хозяин сада обедал и отдыхал в летнее время. То тут, то там виднелись маленькие деревянные хижинки, в которых охлаждали напитки. Для этой цели напиток переливали в большие кувшины - *джирс* (пористые емкости, в которых жидкость охлаждалась за счет испарения) и накрывали сверху листьями. Джирсы ставили около столов и прилавков, на которых слуги аккуратно раскладывали лучшие образцы египетского кулинарного искусства.

В любом саду независимо от его размеров непременно был пруд, обычно квадратной или прямоугольной формы. По всему периметру пруд окружала каменная кладка. Там цвели кувшинки и плавали утки. Спуститься к воде можно было с помощью лестницы, возле которой была привязана лодка.

Египтяне среднего достатка жили, как правило, в домах в несколько этажей с абсолютно гладкими фасадами: без балконов и карнизов; на крышах таких домов иногда стояли корзины с зерном. Дверной проем находился возле одного из углов дома, причем свет проникал на первый этаж только через дверь. На каждом из следующих этажей могло быть два, четыре или даже восемь маленьких квадратных окон со ставнями, защищающими от пыли и жары.

Иногда вместо ставней на окна ставили каменные решетки. В Танисе мы обнаружили каркас каменного окна, высота которого доходила почти до пятнадцати дюймов; еще мы нашли квадратную оконную раму, на которой были вырезаны два картуша царя Мернептаха. В фиванских гробницах мы можем увидеть целый ряд нарисованных домов с горизонтальными полосами на стенах, похожими на схематическое изображение деревянных брусьев или досок. Объяснение этому факту нам удалось отыскать в Танисе: мы обнаружили, что каменщики клали горизонтальные ряды кладки на известняковый раствор, а вертикальные стыки обмазывали илом, поэтому на готовой стене оставались белые полосы.

Помещения на первом этаже, как правило, выделяли для домашних работ. Так, на картине, изображающей дом некоего Тутинефера в Фивах, мы видим женщин, занятых прядением, и мужчин, плетущих корзины; в соседней комнате толкут зерно и пекут хлеб. Хозяйка дома занимала довольно просторное помещение на втором этаже. Свет сюда проникал через небольшие окошки под потолком. Крыша покоилась на колоннах с капителями в форме лотосов. Деревянную дверь, как правило, украшали металлические пластины или изящная резьба. Нам не удалось найти никаких следов настенных украшений, хотя, как известно, египтяне стремились украсить замысловатыми изображениями каждый дюйм свободного пространства. В Танисе я видел дом более позднего периода, к его оштукатуренным стенам были приделаны панели с нарисованными на них танцорами и лодками. Нет никаких сомнений, что это соответствует древним египетским традициям, потому можно смело предположить, что комнаты в домах походили на интерьер фиванских гробниц, где по потолку вьется узор в виде виноградной лозы, а стены испещрены традиционными сценами: охота или путешествие в священный град Осириса.

Потолки на третьем этаже были настолько низкими, что до них можно было достать кончиками пальцев, не вставая на цыпочки. Здесь находилась комната, где хозяин дома совершал свой туалет. Он садился в кресло, а слуги приносили ему кувшин и тазик для умывания, веер и метелку, чтобы отгонять мух. Сюда поднимались писцы и, встав перед ним на колени, зачитывали его корреспонденцию или записывали его указания. По лестнице и в коридорах сновали туда-сюда слуги с кулями, которые они водружали себе на голову, или с сосудами с водой на длинных коромыслах.

Именно так был устроен дом некоего Меху. На первом этаже хранилась разнообразная кухонная утварь, столовая находилась на втором этаже, третий же был завален щитами, оружием и разнообразным военным снаряжением. Поскольку Меху был главой городской

охраны, мы склонны полагать, что спал он на третьем этаже, чтобы ночью, если понадобится, иметь под рукой все необходимое для погони за преступником.

Египетские дома имели, как правило, плоскую крышу; выбраться на нее можно было с помощью встроенной или приставной лестницы. Некоторые домовладельцы, например Тутихотеп, строили на крыше специальные лари для хранения зерна, другие сооружали решетчатые парапеты, чтобы уберечь детей от падения или скрыть членов семьи от любопытных взглядов, если им вздумается провести ночь под открытым небом. Небамон и Нахти возвели на крышах своих домов странные, похожие на пирамиды сооружения. Считается, что они служили для вентиляции помещения, однако мы знаем и о домах с островерхими крышами. Мне удалось найти две игрушки из слоновой кости в виде домов с наклонными крышами: передняя и задняя стороны этих крыш имели форму треугольника, а боковые - трапеции. Их обнаружили в гробнице в селении Абу-Роаш близ Каира, и датировались они эпохой правления царя Дена, жившего примерно за два тысячелетия до эпохи Рамсесидов (царь Ден, или Удиму, четвертый фараон Первой династии, приблизительное время правления - 2950-е гг. до н. э.). Для столь раннего периода это удивительно сложная форма крыши; изобретена она могла быть только в сельской местности, где выпадают обильные осадки и где строители имели в своем распоряжении достаточное количество древесины. Но в Египте сильные дожди бывают только на морских побережьях, а в этих районах мы встречали дома лишь с плоскими крышами. Из всего этого можно сделать вывод, что игрушки из Абу-Роаш должны изображать нетипичные для Древнего Египта строения. Во всяком случае, у нас нет никаких свидетельств, что подобный вид дома был распространен в какой-либо области страны в эпоху Рамсесидов.

Даже в Фивах земля ценилась не настолько высоко, и дома стояли не так плотно друг к другу, чтобы их хозяева не могли позволить себе вырастить перед домом или во дворе пару деревьев. В доме Небамона две пальмы проросли сквозь крышу (причем приносили обильный урожай фиников), а дверь его дома скрывалась в тени ветвей сикомора и пальмы. В гробнице № 23 в Фивах есть изображение дома, имеющего форму вытянутого вверх параллелепипеда, который стоит между двумя рядами высоких деревьев. А в гробнице № 254, также в Фивах, мы нашли рисунок, на котором изображен дом, а рядом с ним три грабатовых дерева в ярко раскрашенных глиняных кадках и две пальмы дум.

Даже относительно бедные египтяне старались обеспечить себе уютную и веселую жизнь в доме, защитить свои жилища от различных вредных насекомых, крыс, ящериц, змей и хищных птиц, которые в избытке обитали в египетских землях. В папирусе Эберса содержатся некоторые весьма ценные советы, как извести вредителей. Так, чтобы избавиться от насекомых, необходимо вымыть дом раствором натра или обмазать его веществом, которое египтяне называли *бегит*, растолченным вместе с древесным углем. Если положить натр, сушеную рыбу, вещество под названием «тилапия нильская» или несколько семян лука в отверстие змеиной норы, змея не станет выползать наружу через него. Жир иволги - прекрасное средство против мух, а рыба икра - против блох. Кошачий жир, если пропитать им мешки, защитит их от крыс. Чтобы уберечь зерно от грызунов, надо сжечь помет газели в амбаре, где оно хранится, или обмазать стены и полы раствором этого вещества. Еще в этом папирусе приводится способ, как защитить домашнюю птицу от соколов: воткнуть ветку акации в землю и, положив сзади лепешку, прочитать над ней следующее заклинание: «Сокол, что грабит в городе и в деревне... Прилети, приготовь и съешь это».

Кроме того, египтяне умели обеззараживать помещения, где хранилась одежда, и устранять в них неприятный запах. Правда, применявшийся для этого метод был доступен вовсе не каждому, поскольку требовалось приготовить снадобье, состоящее из фимиама, терпентинного масла и некоторых других веществ, большинство из них привозили в Египет из других стран. Все это говорит о том, что египтяне стремились поддерживать в своих домах чистоту и свежесть. Вероятно, это вполне естественное желание побудило египетские власти заняться созданием системы вывода грязной воды и хозяйственных отходов из

жилых домов, хотя мы и не располагаем документальными свидетельствами, что подобные шаги были предприняты.

4. Внутренняя обстановка

Как в жилых помещениях дворцов, так и в домах богачей основным предметом мебели были разнообразные стулья и кресла. Некоторые из них представляли собой что-то вроде квадратного ящика со спинкой высотой несколько дюймов. Боковые поверхности подобных стульев были инкрустированы бирюзой в обрамлении традиционного орнамента в виде переплетенных побегов. Простота конструкции с лихвой искупалась искусностью мастеров и другими материалами. Куда более элегантной и удобной мебелью были резные кресла с высокими спинками и ножками в форме львиных лап. Однако царю и царице подобало восседать на более величественной мебели: на спинках и подлокотниках их кресел изображали сюжеты, позаимствованные из скульптуры. Изображения могли быть вырезаны по дереву, выгиснены на коже или вычеканены на золоте, серебре или меди и инкрустированы драгоценными камнями. На одних царь изображен в виде грифона или сфинкса, раздирающего когтями азиата или негра; покровительствуют царю-победителю урей, гриф или сокол. Вокруг танцуют и играют на тамбуринах причудливые карлики, вроде тех, которых с величайшей заботой доставляли к царскому двору из страны Пунт и с верхнего Нила. На других царь принимает из рук царицы цветок, дарующий исполнение желаний; царица тем временем застегивает на шею мужа ожерелье. Края сиденья и внешнюю поверхность подлокотников украшают головы львов, соколов или женщин, а между ножек кресла прицеплен большой иероглиф, символизирующий единство Верхнего и Нижнего Египта, который обвивают схематические изображения растений, произрастающих в обеих землях.

Египтяне также пользовались табуретами двух видов: попроще - с прямыми ножками и более замысловатыми - со скрещенными ножками, основания которых были выполнены в форме утиных голов, а поперечные планки оканчивались украшениями в виде голов разных животных. На полу в жилых комнатах раскладывали тростниковые циновки и подушки. Если собравшимся не хватало стульев и кресел, младшие или те, кто пришел позже остальных, рассаживались на подушках или на циновках. Сидящие в креслах иногда подкладывали подушки себе под спину или клали на них ноги.

Если в доме, помимо гостиной, была еще и трапезная, в ней, как правило, стояли стулья и маленькие столики, за которыми могли сидеть гости, а также стойки и большие столы, уставленные корзинами с фруктами, блюдами с мясом и овощами, кувшинами и чашами. Большой мебели в египетских домах не было - египтяне никогда не обедали все вместе за одним большим столом. Гости ели поодиночке или усаживались за маленькие столики парами.

В самые ранние периоды в Египте существовало два вида обеденной посуды: глиняная посуда для ежедневного использования и для торжественных случаев - сделанная из камня, обычно из черного или голубого сланца или алебаstra или, реже, из брекчии. Большие кувшины делали из гранита, а миниатюрные кубки - из горного хрусталя. Не только материалы, из которых делали посуду, но и размеры и формы ее могли быть весьма разнообразны: цилиндрические и яйцевидные бокалы, кубки, блюда и чаши, тарелки, горшки, большие кувшины, супницы и огромные вазы. Искусные мастера вырезали на кувшинах узор в виде сетки, в которой было принято носить посуду, придавали сосудам форму лодки или какого-нибудь зверя.

Традиция пользоваться каменной посудой сохранялась - множество предметов было обнаружено в гробницах, относящихся к Новому царству, однако постепенно все большую популярность приобретали золотые и серебряные пластины, использовавшиеся для производства сосудов, предназначенных для религиозных ритуалов, и для изготовления самых

разнообразных предметов домашней утвари. Сосуды, по форме напоминающие современные чайники, со специальным ситечком в носике применялись для заваривания горячих напитков; иногда ситечко приходилось держать над чашкой, пока в нее наливали напиток. Из знаменитой чаши с ручкой в виде козленка из сокровищниц Бубаста, вероятнее всего, пили молоко. Для разных напитков египтяне использовали самые разнообразные сосуды: кубки с круглым дном и выгнутыми краями; кувшины с вогнутым дном, ручкой и носиком; чашки, прикрепленные к длинной ручке на манер современных ковшей для разливания молока. Плоские миски и рифленые блюда прекрасно подходили для того, чтобы подавать сладости и лепешки. Отправляясь в очередной поход, Рамсес III всегда приказывал своему подчиненному, выполнявшему функции ординарца, брать с собой флягу и золотую чашу с ручками, вмещающую чуть больше пяти пинт жидкости. Те, кто не мог позволить себе подобную роскошь, обходились глиняной посудой. В отдельные периоды работа гончаров пользовалась огромным спросом: тогда было произведено множество самых разнообразных глиняных предметов домашней утвари, обладающих прекрасными качествами и изящно украшенных цветочным или геометрическим орнаментом. Иногда на вазах изображались какие-нибудь яркие картины, например, птица, поедающая рыбу, или несущийся вперед зверь, - подобные сюжеты были обнаружены и на металлических сосудах более поздней эпохи.

С начала Нового царства в Египте появляются такие предметы роскоши, как салатницы, кувшины для вина и подставки для сосудов из ценных металлов или дорогого камня, изготовленные мастерами из других стран: с островов, из Сирии или Нубии. Большой практической ценностью эти изделия не обладали, однако многим египтянам нравилось их коллекционировать; многие пытались собрать как можно больше кувшинов с изображениями вымышленных или реальных животных или растений. Большая часть подобных изделий оседала в храмах, однако самые ценные экземпляры фараон выбирал для себя. Пристрастие к подобным экзотическим сувенирам постепенно завладело широкими слоями населения, и вскоре египетские мастера научились производить похожий товар. В обязанности царевича Кенамона, казначея, отвечавшего за организацию торжеств, входило подношение царю даров на празднество в честь Нового года. В его гробнице изображены все изделия, изготовленные царскими мастерами специально для этой цели. На одном из таких даров мы видим, например, несколько пальм дум и сирийских пальм сабаль, между ними кувшинки и маргаритки; по ветвям деревьев, пытаясь добраться до плодов, карабкаются обезьяны. Другие сценки нам уже знакомы: статуи из черного дерева, изображающие царя и царицу с различными атрибутами власти в руках; некоторые из них отделаны золотом, другие стоят на пьедесталах, или ими украшены панели больших шкафов. Сфинксы, фигуры с человеческими и соколиными головами, отдыхающие козлы и газели на специальных подставках или приделанные к крышкам сундуков. Я предполагаю, когда-то все эти предметы служили частью обстановки царского дворца и многие из них были расставлены в парадных покоях.

Кувшин и тазик на стойке (Эрман. Жизнь в Древнем Египте)

Главное место в спальне, разумеется, занимала кровать. Некоторые из дошедших до нас образцов весьма незатейливы: деревянная рама, внутри которой натянута плетеная сетка, установлена на четыре ножки в виде коровьих копыт или львиных лап. Три поистине великолепные кровати были найдены в гробнице Тутанхамона; если смотреть с боков, они имели форму какого-либо животного - коровы, пантеры или гиппопотама - с сильно вытянутым телом. Помимо кровати, в спальне стояли деревянные шкафы для белья и одежды. Туалетные принадлежности - зеркала, гребни, шпильки для волос и париков - хранили в разнообразных ларцах и шкатулках, а в сосудах из обсидиана и слоновой кости держали косметические средства, притирания и ароматичные мази. В комнатах, где жили хозяйские дети (в первую очередь девочки), обычно были музыкальные инструменты и сундуки с игрушками.

В комнатных шкафах писцов имелись специальные шкафы для хранения всевозможных манускриптов, свертки пергамента и папируса и других материалов, необходимых для работы. Исписанный папирус, на котором не осталось свободного места, сворачивали, перевязывали и запечатывали. Когда таких свертков набиралось несколько штук, их связывали и клали в специальные кожаные футляры, которые хранили в шкафах. Столы писцам нужны не были: папирус либо раскладывали на коленях, либо, если писали стоя, держали в левой руке. Если писцу надо было выйти из дома, он складывал свои инструменты в сумку с плоским дном, сделанную из жесткого материала, к ней для удобства был прикреплен ремень.

На кухнях пользовались столами с четырьмя ножками и толстенными керамическими мисками всевозможных форм и размеров. Печи делали из огнестойкой глины. Металлические жаровни на высоком основании, на которых, как мы видим на различных картинах, пекли гусей, по-моему, использовались только в храмах и никогда обычными поварами.

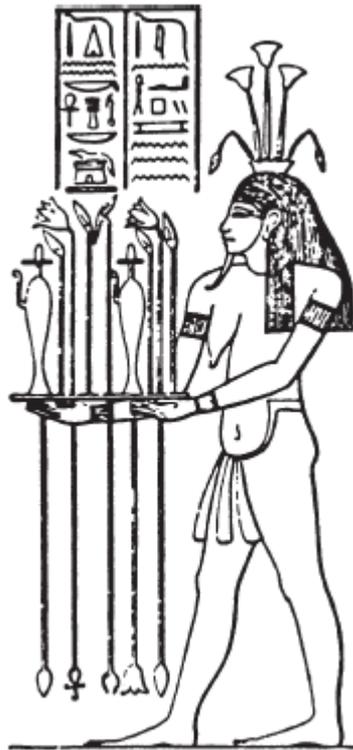
В беднейших домах, где целые семьи ютились на площади пятнадцать футов и меньше, под «обстановкой» могут подразумеваться разве что тростниковые циновки и два-три горшка. Подставка для горшков и несколько деревянных сундуков в таких домах воспринимались как роскошь.

Глава II

ВРЕМЯ

1. Времена года

Египтяне воспринимали год не как период, за который солнце совершает кругооборот, а как отрезок времени, необходимый для получения урожая. Слово *реннет*, означающее год, изображалось в иероглифическом письме в виде молодого побега с бутонем; тот же знак, кстати сказать, присутствует и в других близких по смыслу словах: *рентти* (быть свежим, бодрим) и *рентут* (плоды года).

Хапи, бог Нила (*Эрман. Жизнь в Древнем Египте*)

Урожай в Египте полностью зависел от ежегодных разливов Нила. Каждый год в начале июня, когда великая река усыхает до размеров узкой речушки, египетские поселения изнывают от жажды. Пустыня угрожает поглотить долину. Для жителей Древнего Египта это был сезон всеобщего беспокойства, поскольку природа с ее щедрыми дарами вызывала у египтян чувство благодарности, смешанное со страхом... Это был страх особого рода: они боялись поранить бога во время добычи камня в каменоломнях или задушить его при засеве поля зерном; они опасались раздавить бога, когда выпускали на засеянное поле скот, или обезглавить его во время жатвы. Едва ли кто-нибудь из них мог вспомнить, чтобы разлив - порой чересчур интенсивный, порой слишком слабый, но в любом случае воспринимавшийся как благословение для истощенной зноем земли, - не произошел в положенное ему время. Однако жители берегов Нила никогда не были до конца уверены, что и на этот раз река одарит их своей влагой. «Слабый и сильный каждый год сообща взывают к тебе, моля дать им воду твою. Каждый муж выходит с орудием труда своего, и ни один не отстает от соседа. Никто не накидывает на себя одеяния. Дети могущественных не облачаются в пышное убранство, и звуки песен больше не слышатся в ночи». Нил, Хапи, вошел в число богов египетского пантеона довольно давно. Традиционно его изображали в виде тучного мужчины с женской грудью и жирным, в складках животом, перехваченным поясом. Ноги его были обуты в сандалии, что для египтян служило признаком богатства, голову венчала тиара из речных растений. Руками он либо разбрасывал символы жизни, либо держал поднос, заваленный рыбой, утками, букетами цветов и спелыми колосьями. Его имя носили несколько городов; иногда его называли Царем Богов. Одаривать его следовало не менее щедро, чем других богов пантеона. Величайшие почести воздавались ему Рамсесом III. Во время своего длительного правления в Оне и трехлетнего царствования в Мемфисе он создавал или восстанавливал так называемые книги Хапи, представляющие собой бесконечный список съестных продуктов и сельскохозяйственных культур. Из всевозможных материалов - золота, серебра, меди, свинца, бирюзы, лазурита и фаянса - изготавливались тысячи миниатюрных фигурок Хапи, не говоря уж о печатях, подвесках и статуэтках его божественной спутницы Репит. Когда должен был начаться разлив, египтяне приносили все это в жертву великому богу во многих храмах, а книги Хапи, возможно вместе со статуэтками, бросали в священное озеро при храме Ра-Хорахти в Оне. Это озе-

ро, как и район нильских порогов, называлось Кебеху. Та же церемония повторялась через два месяца, когда уровень воды достигал наивысшей отметки. Тогда уже вся долина между двумя пустынями превращалась в огромное озеро, в котором города и поселения становились большими и маленькими островами, а дорогами служили земляные насыпи, сооруженные по берегам реки. И вскоре вода, будто покоряясь, начинала отступать, чтобы через четыре месяца после начала разлива Нил снова вошел в свои берега. Этот четырехмесячный период назывался *ахет* («половодье») - первый сезон года в Древнем Египте.

По мере того как вода убывала, на поля выходили крестьяне, которые должны были приступить к вспашке и севу, прежде чем земля затвердеет. После этого в течение ближайших трех-четырёх месяцев у них практически не было никакой работы, кроме поливки полей. Затем наступало время сбора урожая, обмолота и других работ. И так, на смену сезону разлива приходил сезон сева (*перет*), а затем сезон сбора урожая (*шему*). Таким образом, египетский год делился на три сезона, в отличие от года еврейского или греческого, традиционно состоявшего из четырех сезонов.

Как ни регулярны были разливы Нила, по их началу трудно было точно определить наступление нового года. Однако начало подъема нильских вод совпадало с явлением, которое вполне можно использовать в качестве рубежа, отделяющего старый год от нового. На востоке перед самым рассветом появлялась звезда Сириус (у египтян - Сопдет), остававшаяся невидимой на протяжении большей части года. Египтяне быстро заметили связь между двумя этими явлениями: они отождествили звезду с богиней Исидой, чьи слезы, в их представлении, как раз и вызывали разлив. Исида стала считаться покровительницей года, начало которого приходилось как раз на тот день, когда ее звезда впервые зажигалась на ночном небе. Это исчисление записано в книгах Дома Жизни, которые стали своего рода хранилищами традиций и знаний со времени Раннего царства и до позднейшего периода. В календаре, вырезанном по повелению Рамсеса III на одной из внешних стен храма в Мединет-Абу, указано, что празднество в честь богини Сопдет, отмечаемое в день появления звезды, совпадает с торжеством, знаменующим начало нового года. До нас дошла древняя любовная песня, в которой влюбленный сравнивает свою госпожу со звездой, сияющей в начале совершенного года (*реннет неферт*). Хороший год противопоставлялся году «дурному» или «ущербному» (*реннет габ*), когда бог Шу оставляет землю, вместо лета приходит зима, и последовательность месяцев нарушается. Однако египтянам не приходилось сталкиваться с подобными катастрофами. «Избавь меня, - восклицает писец, - от дурного года!»

Земледельцы и охотники, рыбаки и путешественники, врачи и жрецы - все они справляли множество разнообразных «профессиональных» праздников, для каждого был отведен отдельный день. Таким образом, жизнь всех тех, чье ремесло было так или иначе связано с явлениями природы, определялась структурой совершенного года, когда месяцы и сезоны сменяли друг друга в должном порядке: сезон *ахет* состоял из четырех месяцев половодья, в *перет* - холодное время года - надлежало заниматься севом, а в жаркий сезон *шему* собирать урожай. Вот почему фараона называли одновременно источником, дающим прохладу в *тему*, и лучом, согревающим своим теплом в *перет*. Отправляясь на Синайский полуостров за бирюзой, рабочие помнили, что им нужно управиться до наступления жестокого сезона *тему*, когда горы раскаляются докрасна под палящим солнцем и цвет драгоценных камней меняется. Врачи и ветеринары знали, что одни хвори и недомогания характерны для *перет*, другие - для *шему*; бывало, что для лечения одной болезни они назначали одно средство в первые месяцы сезона и совсем другое - в последние. Были и лекарства, которые считались эффективными в *ахет*, *перет* и в *шему* - иначе говоря, на протяжении всего года.

Для удобства три сезона были уравнены по времени; год разделили на двенадцать месяцев, каждый из которых состоял из тридцати дней. В период правления Рамсеса III их продолжали различать, как и в глубокой древности, по очередности в каждом из сезонов: то есть первый, второй, третий или четвертый месяцы *ахет*, *перет* или *шему*. В Саисский пе-

риод месяцы стали называть по соответствующим им праздникам. К четвертому месяцу *шему* добавляли пять дней, чтобы общее число дней в году равнялось 365. Мы не располагаем документами, которые объясняли бы, как поступали египтяне, чтобы новогоднее празднество не смещалось на один день каждые четыре года. Страбон отмечает, что через определенные промежутки времени к календарю добавлялся дополнительный день. Известно, что в счастливую эпоху правления Сети I и его сына египтяне действительно прибавляли один день каждые четыре года. В смутные времена об этом, вероятно, забывали, и календарь становился все более неточным. Так продолжалось до тех пор, пока какой-нибудь мудрец из Дома Жизни не доводил этот прискорбный факт до сведения фараона, а тот приказывал заново соотносить календарь с наблюдаемыми явлениями природы и вновь назначал празднество Нового года на день появления Сопдет на небосклоне.

2. Торжества и праздники

Первый день нового года был не только праздником богини Сопдет, он отмечался по всей стране. В этот день в храме Упуата «дом преподносил дары своему Владыке». Под этим, вероятно, следует понимать, что служители храма совершали жертвоприношения из даров, которые египетские крестьяне приносили в храм в дни, предшествующие празднеству. В гробнице царевича Кенамона сохранились изображения роскошных даров, которые он преподнес царю по случаю новогодних торжеств. Мы можем лишь гадать, существовала ли у египтян традиция обмениваться в этот день подарками и добрыми пожеланиями. Вообще в Египте существовало множество праздников во все времена года, однако особенно многочисленны они были в сезон *ахет*, когда сельскохозяйственные работы на время прекращались. Во время грандиозного празднества Опета в середине этого сезона толпы людей собирались вдоль берегов Нила, чтобы встретить священную лодку Амона. Затем в течение многих дней они сопровождали ее на обратном пути в Южный Опет. Чтобы поучаствовать в празднествах в Бубасте, жители Египта охотно бросали все свои дела и отправлялись к городу в лодках. Женщины брали с собой сестры, мужчины - флейты. На протяжении всего путешествия египтяне пели, танцевали и обменивались шутками с каждым встречным. Говорили, что за время праздника выпивалось вина больше, чем в течение всего остального года. Во второй день второго месяца народ собирался на празднике под названием *техи* («опьянение»). Первый день первого месяца праздновался на всех территориях Египта. К тому же в каждом номе и городе устраивалось по крайней мере одно местное празднество в честь божества-покровителя. Египетских богов отличали любовь к путешествиям и гостеприимство, поэтому каждый сколько-нибудь значительный храм служил прибежищем сразу нескольким богам. Мемфисский бог Птах имел свой алтарь в Карнаке, а богиня Уаджет, покровительница Имета, - в Танисе. Египтяне, которые почитали своей обязанностью справлять праздники в честь своего местного бога, не могли забывать и о его божественных товарищах, пользовавшихся его гостеприимством. Умощенные маслом, облаченные в свои лучшие наряды, люди стекались в храм и приносили богам щедрые дары. За это в праздничные дни они получали право есть и пить в свое удовольствие и кричать во всю глотку. Некоторые особенно древние и любимые праздники отмечались даже тогда, когда в ближайшем храме не было алтаря чествуемого божества. В этом случае египтяне должны были почитать бога у себя дома; кроме того, в такие дни запрещалось начинать новое дело, а иногда даже рекомендовалось воздерживаться от всякой работы. Подобно сапожнику в басне Лафонтена, египетский крестьянин или ремесленник вполне мог бы заметить, что у господина кюре найдется проповедь на каждого святого.

Помимо праздников, каждый десятый день, по-видимому, считался чем-то вроде нашего воскресенья. В надписи на стеле, воздвигнутой Рамсесом II в храме Хатхор в Оне в девятый год своего правления, царь обращается ко всем мастерам, которые украшали его

храмы и дворцы, со следующими словами: «Для вас я наполнил хранилища всевозможными товарами: лепешками, и мясом, и хлебами; сандалиями, и одеждой, и благовонными маслами, чтобы вы могли умащать руки свои в каждый десятый день, ваши одежды весь год и сандалии для ног ваших каждый день». Люди, столько внимания уделяющие своему туалету, да еще и получившие двойную порцию мяса, вряд ли с большим тщанием примутся за работу.

3. Благоприятные и неблагоприятные дни

Однако, выполнив все обязательства перед богами, египтяне не могли позволить себе безоглядно предаваться наслаждениям или заняться обычными делами. Все дни египетского календаря делились на три категории - благоприятные, опасные и неблагоприятные - в зависимости от событий, которые произошли в эти дни в те далекие времена, когда на земле жили боги. В конце третьего месяца сезона половодья Хор и Сет завершили свою титаническую битву и земле был дарован мир. Хор получил во владение весь Египет, Сету же досталась пустыня. Веселье воцарилось тогда на небесах, ссоры, разгоревшиеся между другими богами, были забыты. В присутствии совета богов Хор возложил себе на голову белую корону, а Сет - красную. Эти три дня считались благоприятными. Такими же были и первый день второго месяца сезона *не-рет*, когда Ра могучими руками поднял небеса, и двенадцатый день третьего месяца, когда Тот сменил Атума, став владыкой Озера двух истин.

Но затишье оказалось недолгим, вскоре Сет принялся за старое. В третий день второго месяца сезона *перет* он и его сподвижники воспрепятствовали плаванию барки бога воздуха и ветра Шу. Этот день стал считаться опасным, так же как и тринадцатый день того же месяца, когда око Сохмет - богини, насылающей на человечество болезни, - стало внушать людям ужас. Двадцать шестой день первого месяца сезона *ахет* был не просто опасным, но неблагоприятным, поскольку именно в этот день разгорелась великая битва между Сетом и Хором. Сначала оба бога приняли человеческий облик и вступили в жестокую схватку друг с другом. Затем превратились в гиппопотамов и бились еще три дня и три ночи, пока богиня Исида, приходившаяся матерью Хору и сестрой Сету, не бросила в них свой гарпун, вынудив их принять прежнее обличье. День рождения Сета, приходившийся на третий день из пяти дополнительных дней года, считался особенно неблагоприятным. Цари проводили его в полном бездействии, отказываясь даже от всяких проявлений заботы о собственной персоне. Простые египтяне тоже не забывали о таких днях. В неблагоприятные дни они старались не покидать своего жилища на закате или ночью, а иногда и в течение суток. Нельзя было купаться, плавать на лодках, отправляться в дорогу, есть рыбу и другие продукты, происходящие из воды, нельзя убивать коз, быков и уток. В девятнадцатый день первого месяца *перет* - а также во многие другие дни - тяжкий недуг угрожал каждому, кто осмеливался приблизиться к женщине. В некоторые дни в доме нельзя было разводить огонь, в другие не рекомендовалось слушать веселые песни или произносить имя Сета, которого считали богом раздора, жестокости и распутства. Говорили, если кто-нибудь нарушит этот запрет при свете дня, в его доме навсегда воцарятся споры и ругань.

Как же египтяне определяли, что им делать можно, от чего лучше воздержаться, а чего следует избегать любой ценой? В этом они, несомненно, полагались в первую очередь на традиции. Но чтобы освежить память и найти правильное решение в сомнительном случае, египтянин мог свериться со специальным календарем, в котором перечислялись благоприятные и неблагоприятные дни. До нас дошли только относительно большой отрывок из одного календаря и коротенькие фрагменты из еще двух. Я полагаю, что, будь в нашем распоряжении хотя бы один полный текст, нам удалось бы узнать, с чем связаны все эти предписания и запреты. Египет никогда не испытывал недостатка в оракулах, календари благоприятных и неблагоприятных дней, несомненно, составлялись в храмах не без их по-

мощи. Как известно, их пророчества зачастую противоречили друг другу; поэтому, если египтянину позарез нужно было выйти из дома, отправиться в путешествие или сделать какие-то важные дела в неблагоприятный день, он всегда мог обратиться к оракулу, который считал этот день вполне благоприятным. Например, в тех городах, где поклонялись Осирису, Хору или Амону, злодеяния Сета вызывали негодование, однако в Папремисе, в Восточной и Центральной Дельте, в одиннадцатом номе, в Верхнем Египте, в Небете и Оксиринхе - другими словами, везде, где был провозглашен культ Сета, те же самые его действия считались подвигами. Соответственно, и дни, в которые эти подвиги были совершены, воспринимались как благоприятные. Но что, если наш египтянин не имел возможности посоветоваться с другим оракулом, что, если он верил только своему? Вполне возможно, что в конце календаря были помещены рекомендации, как обнять возлюбленную и не подцепить опасной болезни в неблагоприятный день, как выкупаться в реке и избежать крокодиловой пасти, как клеймить быка и не попасться ему на рога. Для этого нужно было лишь прочитать подходящее заклинание, дотронуться до амулета или - всего лучше - сходить в храм с каким-либо, пусть даже весьма скромным, подношением.

4. Часы

Египтяне делили год на двенадцать месяцев; точно так же разделяли они на двенадцать часов день и ночь. Час, по всей видимости, они не делили на более мелкие отрезки времени. Слово *ат*, которое, вероятнее всего, переводилось как «мгновение», не подразумевало какой-либо точной продолжительности. Каждый час имел свое название: например, первый час дня назывался «блестящий», шестой - «ровный», а двенадцатый - «Ра возвращается к жизни». Первый час ночи - час «поражения врагов Ра», а двенадцатый - «лицезреющий красоту Ра». Можно подумать, что длительность часов с подобными названиями в разные дни была неодинаковой, однако это неверно. В равноденствие день и ночь имели равную продолжительность. Египтяне знали, что в другие дни солнце может забегать вперед или, наоборот, отставать. Это нисколько их не смущало, мы ведь тоже не беспокоимся из-за того, что седьмой час утра или девятый час вечера летом и зимой выглядят совершенно по-разному.

Названия часов, приведенные выше, использовались только жрецами и учеными. Мы находим эти названия во многих гробницах, поскольку путь солнца над двенадцатью областями загробного мира - часто встречающийся сюжет росписи. Простые египтяне называли часы по номерам. В связи с этим у нас возникает вопрос, важно ли было им знать точное время дня и умели ли они его определять. Существовал особый разряд жрецов - *унуиты* (от слова *унут* - час); мы предполагаем, что каждый час они должны были сменять друг друга, чтобы служба богам в храмах не прерывалась. Один из чиновников царя Пиопи I (Шестая династия) утверждает, что он высчитывал все часы работы на благо государства, подобно тому как считал продукты, скот или другие товары, вносимые в казну в качестве налога. В своем послании Харкхуфу, который обещался доставить к царскому двору карлика-танцора, царь Неферкар советует окружить заморскую диковинку надежными людьми, которые будут сменять друг друга ежечасно (буквально «десять раз за ночь»). Делать из этого вывод, что приборы для измерения времени были широко распространены в Древнем Египте, было бы, пожалуй, слишком смело. Царь Неферкар был еще ребенком, когда писал Харкхуфу, и мог по наивности своей полагать, что инструменты, которые ему приходилось видеть во дворце, доступны всем и каждому. Так или иначе, в эпоху, о которой у нас идет речь, подобные инструменты действительно уже существовали; в наших музеях можно увидеть образцы «часов», сделанных в период между Восемнадцатой династией и Новым царством.

Ночью время можно было узнать по звездам, если воспользоваться специальной линейкой с прорезью посередине и двумя наугольниками с отвесом на бечевке. Делалось это

так: один человек - наблюдатель - становился лицом к звезде, помощник вставал напротив. Наблюдатель пользовался заранее составленной таблицей, действительной лишь в течение двух недель, в которой было указано, например, что в первый час ночи такая-то звезда должна находиться точно над головой помощника, а в другой час - слева или справа от него.

Если не было возможности определить время по звездам, использовались другие приборы, например сосуд конической формы высотой около восемнадцати дюймов с отверстием в дне. Объем и размер отверстия рассчитывали так, чтобы вода вытекала из полного сосуда ровно за двенадцать часов. Снаружи сосуд часто украшали астрономические фигуры и надписи: сверху располагались божества двенадцати месяцев, под ними символы тридцати шести знаков зодиака, еще ниже посвятельная надпись и, наконец, в самом низу, в небольшом углублении изображение павиана или бабуина - священных животных Тота, бога мудрецов и писцов. Отверстие, через которое вытекала вода, находилось как раз между ног павиана. Внутри двенадцать вертикальных полос делили сосуд на равные части, в каждой из которых были начертаны иероглифические обозначения жизни, хода времени или неизбежности и проделаны небольшие углубления, расположенные на одинаковом расстоянии друг от друга. Каждая из полос обозначала определенный месяц, но, поскольку углубления были равными, ими можно было пользоваться в любое время года.

Водяные часы (*Сингер, Холмьярд и Холл. История техники. Т. I*)

Клепсидры, или водяные часы, могли использоваться как в дневное, так и в ночное время, но, поскольку в Египте солнце редко скрывается за облаками, днем предпочитали применять солнечные часы, или гномон. Гномоны бывали двух видов: в одном случае для определения времени измеряли длину тени; в другом - угол падения тени. Однако надо отметить, что подобные инструменты использовались не очень широко. Крайне редко в документах указывается точное время того или иного события. Молодая женщина, чью трогательную историю жизни мы можем прочитать на стеле, хранящейся в Британском музее, рассказывает, что родила своего ребенка в четвертом часу ночи; но она была женой жреца. Нам известно, что Тутмос III достиг озера Кина в Сирии и разбил на его берегу лагерь в седьмом часу дня; летописец не уточняет, использовался для определения времени гномон или какое-либо иное приспособление. В принципе взгляда на солнце могло быть достаточно, чтобы понять, что уже немного за полдень. Там же, где речь идет о самой битве, писец отмечает лишь, что в двадцать первый день первого месяца лета, в день праздника Ра, в двадцать третий год своего правления, царь поднялся с солнцем. В истории о скитаниях Синухе используются такие расплывчатые выражения, как «когда земля озарилась», или «в час вечерней трапезы», или «когда спустились сумерки» - что вполне логично, так как у несчастного изгнанника не было никаких причин таскать с собой тяжеленные приспособления для измерения времени. Подобные фразы мы встречаем в описании битвы при Ка-

деше, в папирусе Эббота, в судебных отчетах и протоколах допросов. Даже таких приблизительных указаний мы не найдем на картинах, которые изображают визиря, принимающего у себя сборщиков налогов или высших чиновников или представляющего царю чужеземных послов. Мы часто читаем, что фараон созвал совет по тому или иному поводу, однако никогда не находим упоминания о часе, когда состоялось совещание. Диодор отмечает, что царь всегда поднимался рано и весь день его был строго поделен между работой, исполнением религиозных обязанностей и развлечениями. Вполне возможно, что фараон действительно жил по жесткому графику. Так или иначе, едва ли счастливые подданные следовали примеру правителя. Чтобы определить время дня, они полагались на свой желудок или, в крайнем случае, на положение солнца в небе. Ночью честные люди спали, а у всех прочих были дела поважнее, чем следить за временем. Вообще часы (клепсидры или гномоны) использовались там, где они были необходимы для точного исполнения обрядов во славу богов.

5. Ночь

В Египте, по крайней мере в состоятельных семьях, муж и жена спали в отдельных комнатах. В древние времена жил царь, который не имел наследника, и это очень печалило его. Он молил своих богов ниспослать ему сына, и в конце концов боги решили исполнить его просьбу: царь провел ночь с женой, и она понесла. Несомненно, если бы фараон обычно проводил ночи с женой, автор «Обреченного царевича» наверняка выразился бы иначе. Изображение женских покоев часто можно найти на остраках (черепках). На них мы никогда не увидим мужчину, только женщин и маленьких детей. Хозяйка дома либо лежит на кровати, либо облачается в прозрачное одеяние, либо занимается своим туалетом с помощью служанки, либо кормит ребенка. Кровать - главный предмет обстановки спальни. Ее ножки могли быть выполнены в виде гримасничающего Бэса - бога, родившегося на юге Египта и охранявшего верующих от всяких мелких домашних неприятностей, например от убийств. Под кроватью хранились туалетные принадлежности и скамеечки. Балдахин поддерживался небольшими стройными столбиками в виде стеблей папируса, обвитых гирляндами из настоящих или искусственных цветов. Спальня мужа была обставлена точно так же: кровать, стул и подставка для ног, а также сундуки для хранения одежды и туалетных принадлежностей.

Все египтяне, и в первую очередь фараон, придавали большое значение снам. Однажды царевич Тутмос отправился на охоту. Утомившись, он прилег отдохнуть в тени Сфинкса. Во сне он увидел бога, который заговорил с ним и повелел освободить его от тяжелого груза песка. За это он обещал Тутмосу процветание его царства. Царевич не медля исполнил приказ. Фараоны серьезно относились к своим снам даже в самые критические времена. В пятый год правления Мернептаха Дельта подвергалась нападениям бесчисленных орд шержданов, ликийцев, ливийцев, ахейцев и племен под названием турша. Царевичу не терпелось сразиться с ними, однако великий бог Птах, явившись во сне, велел ему оставаться дома и послать войска только в те земли, которые уже были заняты врагом. Если значение сна было неясным, фараон призывал своих толкователей. Благодаря своему искусству толкователя Иосиф, объяснивший царю сны о тучных и тощих коровах и о снопах пшеницы, смог добиться богатства и почета. Эфиопский правитель - а царство Эфиопия (Куш, современный Судан) представляло собой что-то вроде миниатюрного Египта - однажды заснул и почувствовал, что около него лежат две змеи: одна - справа, другая - слева. Проснувшись и не увидев их возле себя, он понял, что это был сон. Жрецы сочли, что сновидца ожидает блестящее будущее. Вскоре он завладел северными районами и возложил на голову корону с изображением змеи и стервятника, символизировавших Северный и Южный Египет соответственно.

Простые египтяне, которые не могли призывать к себе толкователей снов, когда им это заблагорассудится, были вынуждены прибегать к помощи своего рода сонников. Подобный текст дошел до нас на папирусе времен Рамсесидов и известен специалистам как Честер-Бити № 3. В первой части описываются сны приверженцев Хора, составлявших в Египте своего рода элиту. Во время Рамсесов поклонники Сета были, разумеется, весьма многочисленны и влиятельны, поскольку царская семья происходила непосредственно от бога раздора, а основатели династии служили его высшими жрецами. Поэтому другим приходилось волей-неволей считаться с ними. Сети-анцы были вежливы, общаясь со сторонниками Амона и Хора, которые в глубине души испытывали к ним глубокую ненависть. Их обвиняли в пристрастии к склокам, ссорам и жестокости, а также в мужеложестве - это был намек на миф о том, как порочный Сет провел ночь со своим племянником Хором. Поэтому сетианец, будь он даже «знаком с самим фараоном», считался простолюдином. После смерти, вместо того чтобы стать обитателем «западной земли», он становился добычей диких зверей в пустыне. Соответственно и снам поклонников Сета была отведена лишь вторая часть текста. Если бы дошедший до нас папирус содержал полный текст, мы, вероятно, обнаружили бы множество других разделов. Во времена Геродота в Египте насчитывалось семь оракулов, каждый из которых пользовался собственным способом предсказаний. Но к несчастью, мы располагаем лишь вступительным разделом ко второй части. Так что судить о том, что снилось египтянам и как они толковали свои сновидения, мы можем лишь по снам приверженцев Хора, да и то лишь приблизительно, поскольку многие фрагменты в папирусе пропущены.

Обычно толкователи пользовались весьма несложной схемой: хороший сон предвещает благоприятное событие, плохой - всевозможные напасти. Если человеку приснилось, что его угощают белым хлебом, значит, дела у него пойдут на лад. Если человек увидел во сне себя с головой леопарда, это означает, что ему предстоит стать начальником; если увидел себя великаном - бог благоволит к нему. И наоборот: пить во сне теплое пиво - к убыткам, а уколоться о шип колючки - ко лжи. Если снится, что вырывают ногти, - можно потерять работу; выпадают зубы - жди смерти кого-то из близких; заглянул в колодец - есть опасность оказаться в тюрьме. Тот, кому приснилось, что он вскарабкался на самую верхушку мачты, бог поможет возвыситься. Тот, кто во сне вкусил от пищи храма, может рассчитывать, что бог не оставит его. А тем, кому посчастливилось искупаться в водах Нила, будут избавлены от земных грехов.

Не все, однако, так просто, иначе каждый мог бы самостоятельно толковать свои сны, и умение это не имело бы никакой ценности. Давайте рассмотрим несколько примеров, когда значение снов оказывается совершенно неожиданным. Если спящий во сне обнимет жену при свете дня - это плохо, ибо бог найдет на него нищету. Если он дробит камни - значит, бог отвернулся от него, но если выглядывает с балкона, бог, напротив, услышит его молитвы. Грести в лодке - занятие приятное (им, кстати, очень увлекался царевич Аменхотеп), но если такое приснится, знай: твоя тяжба будет проиграна. Нелегко объяснить, почему любовь покойного отца защитит человека, который видел во сне азиатов. Иногда как способ толкования использовалась обыкновенная игра слов. Ослиное мясо на обеденном столе предвещает величие лишь потому, что в египетском языке слова «осел» и «великий» омонимичны. Нехорошо во сне получить в подарок арфу, так как слово *бенет* (арфа) похоже на слово *бин* (вред). Мы часто сталкиваемся с упоминаниями о «непристойных» снах, и, как правило, они служат дурным предзнаменованием. Совокупляться с коршуном - быть ограбленным, ведь коршун - коварная птица (известно даже заклинание против коршуна). Ничего хорошего не сулят сны, связанные с религиозными обрядами: воскуривать фимиам в честь бога, несомненно, благочестивый поступок, однако, если это происходит во сне, бог найдет на тебя беду.

Египтянину, увидевшему тревожный сон, вовсе не следовало отчаиваться. Тощие коровы и засохшие колосья являлись скорее предостережением, на которое следует обратить внимание, чем предвестием неизбежной катастрофы. Самый лучший выход из положения

- призвать на помощь Исиду. Она помогала сновидцам, советуя, как защитить себя от страшных бед, которые стремится обрушить на несчастного Сет, сын Нут. Кроме того, если смешать кусочки хлеба с несколькими видами трав, смочить все пивом, добавить фи-миама и вымазать этой смесью лицо, можно избавиться от дурных снов.

Глава III

СЕМЬЯ

1. Женильба

Глава семьи должен был иметь собственный дом, будь то большой дворец, наполненный несметными богатствами, или скромная хижина с дырявой циновкой на полу. Обязательным хозяйством и взять жену было для египтян синонимичными понятиями. Мудрец Птахотеф советует своим ученикам совершать и то и другое в благоприятное время. В истории о двух братьях старший имел жену и дом, младший же, у которого не было ни гроша, жил у него на положении слуги, ходил за скотом и спал в хлеву. Еще прежде, чем прославиться при штурме Авариса, Яхмос с раннего детства вел суровую жизнь моряка и спал в гамаке, как подобает истинному воину. Воспользовавшись временным затишьем в войне, он вернулся в родной город Нехеб, где построил дом и взял жену. Однако не долго наслаждался он тихой семейной жизнью. Битвы разгорелись с новой силой, и царские вербовщики, помнившие о доблести Яхмоса, вновь призвали его на военную службу.

Один из сановников царицы рассказывает, что госпожа женила его сначала на одной из своих приближенных, а затем, когда он овдовел, на другой. Жаловаться ему было не на что, поскольку царица давала за своими подопечными хорошее приданое. Однако, как следует из любовных песен, хотя браки обычно заключались по воле родителей или господ, молодые люди пользовались довольно большой свободой. Тексты таких песен дошли до нас на папирусах, которые сегодня хранятся в лондонских и парижских музеях.

В одной из песен юноша так описывает покорившую его красавицу: «Волосы ее черны, чернее ночи, чернее терна. Уста ее алы, алее красной яшмы, алее зрелых фиников. Прекрасна ее грудь». Так звучат слова влюбленного. И вот, чтобы привлечь внимание девушки, он решает пойти на хитрость: «Я лягу в постель и скажусь больным. Соседи придут навес-тить меня, придет и сестра моя с ними (в Египте слова «сестра» и «брат» использовались как синонимы «возлюбленной» и «возлюбленного»). Она, которой известны причины моих страданий, посмеется над лекарями». Замысел не удался: влюбленный, как и его товарищ из поэмы Андре Шенье, заболел по-настоящему. «Семь дней уже прошло, а я так и не увидел сестру свою, и немощь одолела меня: плоть моя онемела и члены не узнают себя. Самые именитые лекари посещают меня, но они не принесут мне облегчения; и кудесники не справятся с моим недугом. Никто не может понять причину моей хвори. Лишь имя ее поддерживает меня, приход посланцев от нее оживит меня. Моя сестра поможет мне лучше всех снадобий, от нее мне больше пользы, чем от всех ученых книг. Придет она, и я исцелюсь. Увижу ее и стану сразу здоров. Заговорит она со мной, и сила наполнит меня; поцелую ее, и уйдет моя хворь. Но вот уж семь дней не приходит она увидеть меня».

Девушку красота юноши также не оставила равнодушной. «Голос брата моего смутил мое сердце». Однако она думает о своем будущем и рассчитывает на помощь матери. «Хоть дом его и близко к дому моей матери, все же не могу я отправиться к нему. Если бы мать сделала это за меня». Она надеется, что возлюбленный поймет ее и сам сделает первый шаг. «Если бы только послал он весточку матери моей! Брат мой, я клятву дала Золотой богине, что буду твоею. Приди же ко мне, чтобы видеть мне твою красоту! Отец мой и

мать моя возликуют. Все вокруг будут радоваться тебе и подойдут к тебе с приветом, о брат мой!»

Тем временем ее «брат» также вызывает к Золотой богине веселья и музыки, песен, пиров и любви. «Я славословлю Нубет, превозношу могущество ее, благодарю Хатхор и преклоняюсь пред Владычицей Неба. Воззвал я к ней, и она услышала мои стенанья. Она предназначила мне возлюбленную мою, и моя госпожа явилась проведать меня! Как велико счастье мое! Ликует сердце мое, и восторг переполняет его!»

Влюбленным наконец удалось встретиться и объясниться, однако окончательные слова все еще не произнесены. Девушка разрывается между надеждой и страхом. «Я проходила мимо открытой двери дома его. Брат мой стоял с матерью своей и с братьями и сестрами своими. Любовь к нему воспламеняла сердца всех проходивших мимо. Нет никого прекраснее возлюбленного моего: он первый среди братьев своих. Он обратил на меня взгляд, но не с кем мне разделить мою радость. Сердце мое возликовало, оттого что брат мой видел меня. Сделай же так, госпожа, чтобы мать его узнала, что у меня на сердце, чтобы она пришла ко мне. О Нубет, вложи мысль эту в ее сердце. Я побегу к брату моему и носом прильну к нему [египтяне целовались носами, а не губами, как греки; однако в более поздние времена египтяне переняли греческую традицию] на глазах у родни». Она поверяет свои мысли птицам и деревьям и мечтает стать хозяйкой дома и гулять по саду с любимым.

То, что дело у влюбленной пары шло так медленно, исключительно их вина. Родители не чинят им препятствий и, по-видимому, даже одобряют выбор детей. Если они и противятся развитию их отношений, то только для виду.

Фараон намеревался выдать дочь Ахури за одного из военачальников, а сына Неферкаптаха женить на дочери другого военачальника. Однако, увидев, что молодые люди искренне любят друг друга, в конце концов сочел их браком. «Обреченный царевич» в одноименной сказке прибывает в один из городов Нахарины, где собралось много его сверстников, желавших продемонстрировать свою удалость на состязании. Царь решил отдать руку своей прекрасной дочери тому, кто сумеет первым добраться до ее окна. А жила красавица во дворце, расположенном над высоким утесом. Царевич вступил в соревнование под видом сына египетского военачальника, сказав, что покинул родные края из-за ненависти злой мачехи, превратившей его жизнь в бесконечные страдания. Царевич одержал победу, однако разгневанный царь заявил, что никогда не отдаст дочь за изгнанника. У царевны, однако, были другие соображения на этот счет, поскольку, впервые увидев египтянина, она поняла, что умрет на месте, если он не станет ее мужем. Этой угрозы оказалось достаточно, чтобы отец перестал чинить им препятствия. Он тепло принял молодого чужестранца, с неподдельным интересом выслушал его историю, даже не подозревая, что перед ним сын фараона. Так или иначе, но он не смог устоять перед обаянием царственного юноши, нежно обнял его, назвал своим зятем и щедро одарил.

В любовных песнях молодой человек называет свою возлюбленную «сестрой», а она его «братом». Мы, однако, понимаем, что они живут в разных домах и у них разные родители. После свадьбы муж продолжал называть свою жену *сенет* (сестра), а не *хемет* (супруга). Этот обычай установился где-то в конце Восемнадцатой династии. Нам неизвестно, когда от этого обращения отказались, но мы знаем, что в течение всего Нового царства оно использовалось. На судебных процессах, правда, этой практике не следовали, и слова *сен, хаи* и *хемет* употреблялись в их исконном значении «брат», «муж» и «жена».

Греки полагали, что в Древнем Египте были приняты браки между братьями и сестрами. Сегодня к этому мнению склоняются многие историки. Известно, что некоторые фараоны женились даже на своих дочерях, но стоит вспомнить, как ответили Камбизу царские судьи, когда он спросил, позволяет ли закон жениться на собственной сестре или желать ее. Они ответили: «Нет закона, который разрешал бы это, но есть закон, позволяющий царю поступать так, как ему вздумается». Мы сегодня не знаем ни одного примера, чтобы египетский сановник, горожанин или простолюдин был женат на родной сестре. Браки

между дядями и племянницами, по всей видимости, были разрешены - в гробнице некоего Аменемхета мы нашли изображение дочери его сестры, Бакетамон, сидящей подле дяди, как если бы она была его женой.

Супружеская пара (*Дейвис*. Гробница визиря Рамоса)

Дошедшие до нас тексты и изображения почти ничего не говорят нам о свадебных обрядах. Когда фараон в истории о Сатни-Хамуасе решил сочетать браком своих детей, он сказал так: «Пусть отведут Ахури в дом Неферкаптаха этой же ночью. И пусть принесут с ней множество богатых даров». Его приказ был исполнен, и, по словам невесты: «привели меня супругой в дом Неферкаптаха; фараон повелел, чтобы со мной принесли большое приданое золотом и серебром и все люди из царского дома одарили меня». Очевидно, главная часть церемонии заключалась в переходе невесты из отцовского дома в дом будущего мужа. Думаю, этот свадебный кортеж был таким же живописным и шумным, как и процессии во время приношения даров в храмах, торжественные марши иноземных послов, желавших «пить царскую воду», или похоронные шествия, которые для египтян означали, по сути, переселение в иное жилище. Жених, скорее всего, выходил встречать кортеж - так, царь Рамсес II отправился в один из своих дворцов, находившийся между Египтом и Сирией, чтобы дождаться там свою невесту, дочь царя Хатусилиса I, которая добралась до него ползими, проехав часть Малой Азии и всю Сирию. Египтянам нравилось излагать все события своей жизни в письменной форме, поэтому можно предположить, что новобрачные должны были предстать перед неким чиновником, который записывал их имена и фиксировал все детали «свадебного договора». Когда замужнюю женщину вызывали в суд, к ней обращались по ее собственному имени, а затем называли имя и профессию ее мужа, например, Мутемуйа, жена Несиамона, писца священных книг. В Фивах был найден остракон, на котором написано, что две трети в совместное имущество вносил муж, а треть - жена. В случае смерти кого-либо из супругов оставшийся в живых имел право пользоваться совместным имуществом, но продать или подарить мог только свою долю. Так, например, некий цирюльник передал свое дело одному рабу и выдал за него

свою осиротевшую племянницу. В качестве приданого она получила часть личного имущества цирюльника, которому пришлось совершить официальный раздел собственности со своей женой и сестрой.

Сложно поверить, что в таком важном вопросе, как семейная жизнь, не играла никакой роли религия. Если женатый мужчина решал совершить паломничество в Абидос, он непременно брал с собой жену. Обычно они посещали храм вместе. Любимица Хатхор, владычицы Кусе, жена Неферхотепа, пастыря стад Амона, приходила к мужу во время церемоний, когда он восхвалял Ра в час восхода солнца и Хораhti в час заката. Поэтому мне кажется весьма вероятным, хотя документальными доказательствами я и не располагаю, что супруги, а возможно, и их ближайшая родня ходили в храм вместе, вместе совершали жертвоприношения и вместе получали благословение.

После того как брак был надлежащим образом оформлен и новобрачные вступали в супружеские покои, гости начинали расходиться. Мы знаем, что египтяне любили трапезу в семейном кругу, однако осмелюсь предположить, что по случаю свадьбы для приглашенных устраивался торжественный обед.

2. Женщины

Художники и скульпторы оставили нам прекрасные и трогательные изображения египетской семьи. Отец и мать держатся за руки или обнимают друг друга за талию, а дети нежно прижимаются к родителям. Мы видим царицу сидящей на коленях у фараона Эхнатона. Они осыпают ласками своих детей, которые в ответ нежно поглаживают крошечными ручками подбородок отца или матери. Традиция передавать в изображениях пылкую любовь царственных супругов сохранялась на протяжении всего периода ереси, проявлением и следствием которой она являлась, но к началу Девятнадцатой династии египетское искусство вновь обрело привычную строгость. Однако в гробницах мы по-прежнему видим мужа и жену бок о бок друг с другом, как будто после смерти они остаются так же неразлучны, как и при жизни.

В литературе египетские женщины изображены в довольно невыгодном свете. Женщина легкомысленна и ненадежна; не умеет хранить тайны; лжива и злопамятна; вероломна от природы. Рассказчики и моралисты называют женщин воплощением всех мыслимых грехов и источником бесчисленных бед. Однажды, когда рассудок царя Снофру помутился от скуки, придворные попытались развлечь его. Для этого они пустили в пруд в царском саду лодку с двадцатью прекрасными девушками, весь наряд которых состоял из лент и украшений. Одна из них уронила в воду драгоценность из бирюзы и в отчаянии отбросила весло. Царь велел ей продолжать грести, пообещав подарить ей такую же. «Мне нужен мой кулон, а не его подобие», - отвечала красавица. Царь решил пойти ей навстречу и призвал кудесника, которому удалось найти потерю весьма оригинальным способом: он положил одну половину вод на другую, тем самым обнажив дно пруда. В другой истории девять богов увидели одинокого Бату в долине Кедров и, преисполнившись сочувствия к нему, подарили ему красавицу жену, в которой соединилось семя всех богов. Но она сначала обманула, а затем и окончательно погубила несчастного. Воскресший Бата превратился в быка, но бывшая жена, теперь ставшая наложницей фараона, уговаривает своего владыку убить его еще раз. В следующий раз Бата превратился в персей, однако по ее приказу деревья были срублены! Еще прежде, когда Бата жил работником в доме старшего брата, ему пришлось испытать на себе женское вероломство. Это было в сезон *перет*, когда вода отступила с полей и надо было заниматься распашкой земли и севом. Однажды братья работали в поле, и у них кончилось посевное зерно. Старший брат приказал Бате принести еще. Когда он выходил из амбара, играючи взвалив на плечо тяжелую ношу, жена брата увидела его силу и преисполнилась желанием. Подойдя к Бате, она сказала: «Давай проведем час вместе, и я сделаю тебе красивые одежды». Бата разозлился, как пантера с

юга: «Ведь ты мне вместо матери, а твой муж мне вместо отца. Не повторяй мне этих ужасных слов никогда, а я не скажу никому». Он ушел, оставив униженную невестку мучиться от стыда и жажды мести. Ее муж Анупу был человек вспыльчивый и скорый на суд, поэтому порочной женщине ничего не стоило убедить его, что Бата пытался соблазнить ее, но она отвергла его домогательства. Однако этого было недостаточно. Душа ее могла успокоиться только после смерти обидчика.

Жена распорядителя церемоний обманывала мужа с молодым человеком, да еще и осыпала своего любовника подарками. Реджедет, жена жреца бога Ра, тоже изменяла супругу и даже родила троих незаконных детей. Мужа она убедила, что отцом детей был бог Ра, пожелавший подарить Египту трех набожных и милостивых правителей. Как-то раз Реджедет рассердилась на свою служанку и прогнала ее из дому. Служанка, знавшая о тайне госпожи, вознамерилась отомстить и собиралась уже донести на нее, но, увы, не сдержалась и рассказала все брату. Брат сполна отплатил ей за доверие: он жестоко побил сестру за то, что она сует нос не в свое дело. Другая известная дама, Тбубуи, была не обычной уличной девкой, а храмовой проституткой. Она потребовала от своего любовника, чтобы он сначала лишил детей наследства, а затем убил их. Одна женщина благородного происхождения увидела на улице Правду в облике красивого молодого человека и отдалась ему. Удовлетворив свое вожеление, она тут же позабыла о своем случайном любовнике и равнодушно смотрела, как он выпрашивает милостыню возле ее порога. Лишь спустя много лет она рассказала своему сыну, что жалкий попрошайка, крутившийся возле их дома, был его отцом.

В целом если женщина предстает в египетской литературе не в самом выгодном свете, то мужчина изображается верным и нежным, преданным и рассудительным. Однако надо отметить, что во многих сказках фараон изображен человеком своенравным и взбалмошным, не способным шагу ступить без своих писцов и магов. На самом же деле, как мы знаем, многие египетские цари были храбрыми воинами, а многие египтянки были примерными женами и заботливыми матерями. Например, молодая женщина, чью историю можно прочесть на стеле в Британском музее:

«О вы, мудрецы и жрецы, царевичи, вельможи и простой люд - все человечество, все вы, вступающие нынче в эту гробницу, послушайте, что здесь сказано. Рождение мое приходится на девятый день четвертого месяца полководья в восьмой год царствования царя Птолемея XIII. В первый день третьего месяца лета в двадцать третий год отец мой отдал меня в жены первому жрецу Пхеренптаху, сыну Петубасти. Великим горем для него было, что трижды я носила детей его, но разрешалась лишь девочками. Тогда вместе с мужем моим я обратила мольбу к великому богу Имхотепу, сыну Птаха, дарителю благ, дарующему сыновей тем, кто их не имеет. Он не остался глух к нашим молитвам, ибо он всегда исполняет желания тех, кто взывает к нему... И в награду [за богоугодные деяния великого жреца] я зачала сына, который родился на шестом году царствования Клеопатры, в третьем месяце лета, в пятый день, в первый час дня, в день праздника приношений великому богу Имхотепу. И все люди возрадовались. На шестой год, во втором зимнем месяце, на шестой день я скончалась. Мой супруг, великий жрец Пхеренптах, похоронил меня в некрополе. Он исполнил все ритуалы, подобающие существам совершенным. Он похоронил меня с почестями и положил меня в мою гробницу позади Ракотиса». Покорная воле отца и желаниям мужа, злополучная Та-Имхотеп умерла во цвете лет, горько оплакиваемая мужем, не поскупившимся на ее похороны.

После этой трогательной истории будет полезно послушать жалобы, которые обращает к своей покойной супруге один несчастный вдовец. Его причитания записаны на папирусе, хранящемся в Лейденском музее.

«Я был юношей, когда взял тебя в жены, и провел всю жизнь свою подле тебя. Я поднялся до высоких степеней, но не оставил тебя. Никогда я не печалил твоего сердца. Ни в юности, ни на службе фараону (да будет Жив, Здоров и Силен!) я не покидал тебя: более того, неизменно я повторял себе: «Да будет она всегда подле меня». Когда кто-нибудь го-

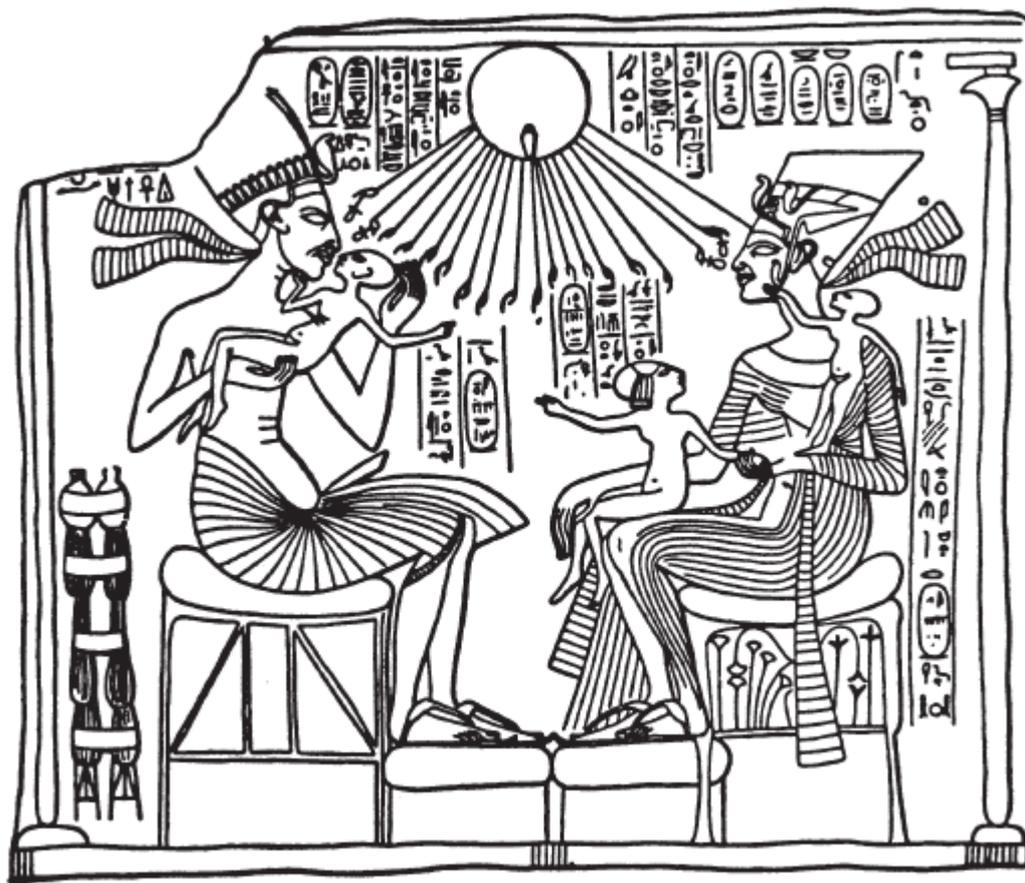
ворил со мной о тебе и советовал, я не слушал и отвечал: «Я сделаю, как ей приятно». И вот смотри: когда мне поручили наставлять военачальников и колесничих фараона, я посылал их, чтобы простирались ниц перед тобой и приносили тебе всевозможные роскошные дары. Никогда не было, чтобы я скрыл от тебя богатства, которые заработал... Никто не видел, чтобы я обманывал тебя и, подобно простолюдину, крался в чужой дом. Никогда не отсылал я в другой дом благовония, хлеб и одежду, всегда говорил: «Моя жена здесь!» Потому что не хотел сделать ничего, что расстроит твое сердце. Когда ты занемогла и страдала от своего недуга, я призвал сведущего врача, чтобы давал тебе снадобья и делал все, что ты велела. Когда я отправился с фараоном на юг, то смотри, как я поступал: восемь месяцев я не вкушал яств и напитков, приличествующих моему высокому положению. Когда я вернулся в Мемфис, я умолял фараона, чтобы отпустил меня туда, где ты ныне обитаешь [т. е. к твоей гробнице], и там рыдал много вместе с моими родными перед ликом твоим. И вот уже три года живу я один и все равно не хожу в другие дома, как делал бы другой... И смотри: в нашем доме есть сестры, но я не подхожу ни к одной из них...»

Безутешный вдовец таким образом дает нам понять, что многие на его месте вели бы себя совершенно иначе. Другой отверг бы жену, если бы ее низкое положение мешало бы его карьере; другой не проявлял бы такой сдержанности по отношению к другим женщинам; и, наконец, после смерти жены другой не стал бы горевать так долго. Столь добродетельное поведение с лихвой оправдывает некоторую велеречивость образцового мужа.

Из литературы мы узнаем, что в Древнем Египте неверную жену карали смертью. Когда Анупу, старший брат в «Сказке о двух братьях», узнал, что произошло на самом деле, сначала он сел и зарыдал над судьбой младшего брата, а затем вернулся в дом, убил свою коварную жену и бросил ее тело на съедение собакам. В конце «Сказки...» Бата хочет, чтобы его жену судили, и, хотя история не имеет конца, мы можем предполагать, что решение было не в ее пользу, поскольку богиня Хатхор еще раньше предсказала коварной женщине смерть от ножа. Жена Убаинера предала и разорила мужа, была за это сожжена заживо вместе с любовником и не удостоилась похорон: их прах был выброшен в Нил, - такое наказание полагалось им по закону. «Берегись женщины, которая тайно покидает свой дом, - предостерегает писец Ани, - и не ходи за ней или ей подобными. Женщина, чей муж не следит за ней, посылает тебе записки и приглашает посещать ее каждый день. Если она завлечет тебя в свои сети, это будет преступление, и, когда станет известно о том, ее ждет смерть, даже если она не успеет насладиться изменой». Стоит отметить, что мы не знаем случаев, когда мужа наказывали за измену. Мужчине разрешалось приводить в дом наложниц. В Книге Мертвых есть глава, содержащая список людей, которые могут считаться близкими главы семьи: отец, мать, друзья, коллеги, дети, жены, кто-то под названием *инет-хинет* (точное значение неизвестно), наложницы и слуги. Известны случаи полигамии, хотя, надо отметить, весьма немногочисленные. У одного расхитителя гробниц было четыре жены, и все они прекрасно ладили между собой. В стране, где палка играла такую огромную роль, муж имел право бить жену, а брат - сестру, но только «в разумных пределах». Виновный в нанесении жене серьезных увечий должен был в присутствии высоких судей поклясться, что больше никогда не поднимет на нее руку. Если же он нарушал клятву, его ожидали сто ударов плетью или лишение права распоряжаться долей жены в их общем хозяйстве. Известен случай, когда в суд обратился отец жестоко избитой женщины. Он поступил совершенно правильно, заступившись за обиженную дочь, однако пример египтянки Маруф наводит на мысль, что женщины частенько одурачивали своих простова-тых мужей, обращаясь к судебным властям.

3. Дети

Писец Ани советует своим читателям жениться в ранней молодости и заводить побольше детей. Он мог бы и не тратить понапрасну свое красноречие, поскольку египтяне и так очень любили детей. «Вот через два месяца достигнешь ты родной земли. Тебя ждут дети твои и счастливая жизнь в семье твоей». Любой, кто зайдет в гробницы Мемфиса, Амарны, Фив или задержится около плит с надписями и скульптур из Абидоса, увидит множество изображений детей. Однажды крупный землевладелец Ти посетил свое имение, чтобы проследить за сбором урожая и за молотью на гумне. Перед ним немедленно разостлали циновки. Поставили удобное кресло. Вся семья собралась вокруг него. Дети играли с отцовской тростью. И каким бы развлечением он ни предавался - охотился на птиц на болотах, удил рыбу с лодки или пробирался сквозь заросли высокого папируса, чтобы воздать почести прекрасной богине Хатхор, госпоже Имау и владычице сикомора, - радость его была неполной, если подле него не было любимой жены и детей. Подростки упражнялись в метании палок и гарпунов. Когда царевич Аменхотеп был ребенком, он любил тренировать свое тело, и для отца удаль наследника была предметом особой гордости. На барельефах мы видим пастуха, вышедшего работать в поле вместе со своими детьми. Один из них, встав на цыпочки, подносит кувшин к губам усталого отца. Сыновья ремесленников слоняются по мастерским, пытаясь найти способ облегчить работу родителей. Когда Эхнатон и царица Нефертити покидали дворец, они всегда брали с собой дочерей. Однако и во дворце мы постоянно видим царевен подле родителей, причем не только в часы досуга, но и когда царственная чета занята делами государства. Мы видим, как девочки взбираются на колени царя и доверчиво гладят его по лицу. Старшие дочери даже участвовали в официальных церемониях (например, введения чиновников в должность). Счастливые родители в порыве нежности обнимают детей и осыпают их поцелуями. Царь Рамсес II безмерно гордился тем, что число его отпрысков перевалило за сто шестьдесят. Страбон с изумлением отмечает тот факт, что египтяне считали своим долгом выкормить и вырастить всех родившихся детей. Действительно, египетские семьи были намного больше греческих, и объясняется это плодородием земли и благоприятным климатом страны. Как говорит Диодор, в Египте родителям не приходится тратить на детей. В самом нежном возрасте они бегают босиком и нагишом: мальчики носили только ожерелье на шее, а девочки - гребень в волосах и поясок. А кормиться они могут стеблями папируса и сырыми или вареными кореньями, которые ничего не стоят.

Аменхотеп IV с женой и детьми (Эрман. Религия египтян)

Рождение ребенка всегда было желанным событием, но большинство египтян конечно же мечтали о сыне. Мы уже читали, как относился к этому великий жрец Птаха - Пхеренптаха. «В древние времена, - говорится в начале сказки об обреченном принце, - жил царь, который не имел сына и очень о том горевал. Он молил богов своей страны даровать ему наследника, и они услышали его молитвы». Лишь благодаря сыну может продолжиться жизнь отцовского имени. Долг сына - напоминают сотни надписей в гробницах - должным образом похоронить отца и следить за его последним пристанищем.

Египтянам всегда хотелось знать, что ждет их впереди, поэтому при рождении ребенка они призывали семь богинь Хатхор. Невидимые Хатхор слетались к детской колыбели и рассказывали родителям, какая смерть ждет новорожденного. Так, девушке, которую боги решили отдать в жены Бате, они предсказали смерть от меча, а царю, вымолившему себе сына в «Обреченном царевиче», было сказано: «Он умрет от крокодила, или от змеи, или же от собаки». Однако богини никогда не уточняли, когда с их подопечным произойдет несчастье. Поэтому, например, жизнь юного царевича оберегали так старательно, что, достигнув зрелости, он был вынужден объявить своим не в меру заботливым родителям, что не желает более пытаться обмануть судьбу и собирается впредь поступать так, как ему вздумается. Мы не знаем, всегда ли Хатхор прилетали по первому зову родителей; так или иначе, любой отец мог без особого труда получить гороскоп своего ребенка. «Кроме всего прочего, - говорит Геродот, - каждый месяц и год у египтян посвящены тому или иному богу. Всякий может заранее узнать, какую судьбу, какой конец и характер будет иметь родившийся в тот или иной день». Так, согласно календарю благоприятных и неблагоприятных дней, тому, кто родился в четвертый день первого месяца сезона *перет*, предназначено пережить всех своих родичей и достичь возраста более преклонного, чем его отец, ибо это благоприятный день. Большая удача - родиться в девятый день второго месяца *ахита*, ибо тогда тебя ожидает смерть от старости, а еще больше повезло появившимся на свет в двадцать девятый день того же месяца, потому что они окончат свои дни окружен-

ные всеобщим почетом и уважением. Четвертый, пятый и шестой дни этого месяца, напротив, крайне неблагоприятны и не сулят ничего хорошего. Родившимся в эти дни предстоит умереть от лихорадки, любви или пьянства. Ребенку, рожденному в двадцать третий день, следовало опасаться крокодилов, в двадцать седьмой - змей.

Для египтян самые незначительные на первый взгляд события могли приобретать огромное значение. Примеры мы найдем в медицинском трактате, известном как «Папирус Эберса». Если первый звук, который произносит новорожденный, «хи-и», значит, он будет жить, если же он скажет «мби», он умрет. Если он издаст звук, напоминающий скрип старой сосны, или повернется лицом вниз, его ждет смерть. Люди, сведущие в религиозной мифологии, знали, что из тела мертвого Осириса, прибитого морскими волнами к берегам Библа, выросло волшебное хвойное дерево. Именно поэтому детский крик, похожий на скрип сосны, - звук, знакомый тем, кто побывал в Сирии, - не мог быть добрым знаком.

Дочь фараона, найдя подкидыша Моисея в корзине, первым делом дала ему имя, которое затем прославилось на весь мир. Как в древности, так и в наши дни многие пытались доказать, что имя Моисей так или иначе связано с обстоятельствами чудесной находки. Однако *Моше* вовсе не означает «спасенный из воды». Это лишь египетская транскрипция слова «мес» или «мос», которое служит окончанием таких имен, как Тутмес (или Тутмос), Яхмес (или Яхмос), и целого ряда подобных имен. Царевна, спасшая младенца, решила, что он сирота, и потому дала ему первое пришедшее на ум имя.

У некоторых египтян были очень короткие имена: Ти, Аби, Туи и Ту; другие имена состояли из целых фраз: например Джд-птах-иуф-анх (Птах говорит, что он будет жить). Со временем некоторые нарицательные существительные, прилагательные и даже частицы превращались в имена собственные: Джаа (палка), Шеду (кожаная бутылка, бурдюк), Нахт (сильный), Шери (маленький) и Тамит (кошка). Многие родители стремились обеспечить своим детям покровительство богов; таким образом, крестники Хора получали имя Хори, крестники Сета - Сети, а крестники Амона - Амени. Историк Манефон имел покровителя в лице Монту, фиванского бога. Некоторые имена означали, что бог доволен; так появились бесчисленные Аменхотепы, Хнумхотепы и Птахотепы; «бог шествует впереди (ребенка)» - Аменхет, или «бог защищает», или «является отцом» новорожденного. Люди с именем Сенусерт (по-гречески Сесострис) были сыновьями богини Усерт, а те, кого называли Сиамон, - детьми Амона. Мутнеджем означает, что богиня Мут преисполнена добра. Таким образом, по именам мы можем судить о популярности того или иного бога в тот или иной период. В Среднем царстве владычица Библа стала крестной множества египтянок. Со времени восшествия на престол фараона Рамсеса I и вплоть до Войны с нечистыми мы постоянно встречаемся с такими именами, как Сетнахт и Сетемуйа (Сет в барке [Ра]). Это связано с тем, что правящая династия вела свое происхождение от убийцы Осириса бога Сета. После войны к Сету стали относиться с большим презрением, и теперь уже ни один отец не стал бы называть в его честь любимого отпрыска. Фараон также считался богом, и его покровительство ценилось ничуть не меньше, чем защита небожителей. В эпоху Восемнадцатой династии мы находим такие имена, как Джосеркар-Сенеб, Менхеперра-Сенеб и Немар-Нахт. Затем на протяжении двух династий мы постоянно встречаем имя Рамсеснахт (Рамсес могуч).

Выбор был поистине велик, поэтому родители иногда руководствовались посторонними обстоятельствами, например сновидениями. Жена Сатни-Хамуаса, не имевшего наследника, однажды провела ночь в храме Птаха. Во сне ей явился бог, который заговорил с ней и повелел ей совершить некие действия. Она поспешила исполнить приказ и вскоре забеременела. А мужу приснилось, что ребенка следует назвать Са-Осирисом.

После того как имя было выбрано, родителям оставалось лишь зарегистрировать ребенка как полагается. Вот что рассказывает царевна Ахури, жена Неферкаптаха: «Я дала жизнь этому младенцу, которого ты видишь перед собой. Я нарекла его Мерибом, имя его занесено в списки Дома Жизни». Дом Жизни, о котором нам приходится так часто упоминать, представлял собой своего рода египетскую академию наук, где хранились и преум-

ножались знания в области истории, астрономии и философии. Возможно, он служил и более земным целям, и, помимо ученых и мыслителей, там трудились обычные писцы, занимавшиеся регистрацией рождений, смертей и бракосочетаний. Однако это лишь догадки, поэтому разумнее не пытаться спорить с Масперо, считавшим, что детей приносили в Дом Жизни, чтобы составить гороскоп и узнать, какие меры следует принять, чтобы оградить ребенка от невзгод, предназначенных ему судьбой. Возможно, для Мериба было сделано исключение - что ни говори, он был не совсем обычным ребенком. Так или иначе, правительство, несомненно, вело учет рождениям, смертям и бракам. В юридических документах указаны сперва собственные имена обвиняемых и свидетелей, затем имена их родителей и лишь в конце - каким ремеслом они зарабатывают на хлеб. Несмотря на обширный выбор имен, мы очень часто сталкиваемся с совпадениями. Аменхотеп, любимец и советник царя Аменхотепа III, имел прозвище Хеви: дело в том, что Аменхотеп было настолько распространенным именем, что прозвища стали использоваться повсеместно. Поэтому царский фаворит обычно добавлял к своему имени и прозвищу еще и имя своего отца: Аменхотеп Хеви, сын Хапу. Такое добавление вовсе не было пустой прихотью, оно носило официальный характер. Подобный обычай лишней раз свидетельствует, что власти уделяли большое внимание учету населения.

Как правило, ребенка оставляли при матери, которая обычно носила его в специальной сумке, висящей спереди на шее, так что руки ее были свободны. Писец Ани так описывает преданность и нежность египетских матерей: «Воздай матери своей за все, что она сделала для тебя. Давай ей столько хлеба, сколько нужно, и носи ее на руках, как носила она тебя, ибо ты был для нее тяжелой ношей. И даже когда пришло время тебе родиться, она еще долго носила тебя на своей шее, и три года кормился ты ее грудью. Она не бежала с отвращением нечистот твоих». Царицы, а возможно, и другие знатные дамы не столь щепетильно относились к своим обязанностям. Мать Кенамона имела титул «великая кормилица, та, что вырастила бога». Этим богом был не кто иной, как фараон Аменхотеп II, до конца жизни сохранивший привязанность к своей кормилице. Он часто навещал ее, присаживаясь к ней на колени, как в раннем детстве. Малолетних царевичей принято было вверять заботам надежных людей, состарившихся на службе царю. Пахери, князь Чени и правитель

Нехеба, изображен в своей гробнице с крохотным младенцем на коленях. Прядь волос прикрывает правую щеку ребенка. Это царский сын Уаджмес. К своему титулу верный слуга царя не забывает прибавить звание воспитателя царевича. Славный воин Яхмос из Нехеба рассказывает: «Моя старость прошла счастливо среди приближенных царя... Божественная супруга, великая спутница царя Мааткара (Хатшепсут), вернула мне свое расположение... Мне довелось воспитывать ее старшую дочь, царскую дочь Неферуру, когда она была еще младенцем, сосавшим грудь». Старый вояка не мог уделять слишком много времени ребенку, поэтому она имела еще одного воспитателя, главного архитектора Сененмута, которому мы обязаны храмом в Дейр-эль-Бахри, одним из прекраснейших образцов египетского зодчества, а также обелисками в Карнаке. Великий художник и ребенок прекрасно ладили. Их привязанность была трогательно запечатлена современниками в виде нескольких скульптурных групп. Одна из них представляет собой нечто вроде куба, сплошь покрытого иероглифами, из которого выступает лишь голова заботливого воспитателя, а перед нею маленькая головка царевны.

Наступал день, когда ребенку уже нельзя было бегать нагишом с одной только ниткой бус на шее. Мальчики надевали набедренную повязку и пояс, девочки облачались в платье. Для ребенка получение одежды было серьезным событием. Так, почтенные вельможи Уна и Птахшесес хорошо помнили день, когда впервые застегнули пояс на бедрах в правление одного из фараонов. Существует гипотеза, что именно в этот день детей впервые отправляли в школу. Дети простолюдинов оставались дома, где их обучали ходить за скотом, пользоваться различными инструментами, чтобы, когда придет время, они смогли продолжить дело своих родителей.

4. Слуги и рабы

В росписях и на барельефах, где изображены люди из окружения знатного вельможи, порой нелегко отличить его помощников в делах от обычных слуг. В Египте, однако, их никогда не путали. Хапиджефаи, правителю нома Сиут, приходилось распоряжаться как хозяйством своего отца, так и имуществом царского дома. В первом случае он действовал от своего имени, во втором - от имени государства. Тем, кто участвовал в заупокойном культе его отца, Хапиджефаи платил из собственных средств. Поскольку заупокойный культ был для египтянина лишь продолжением земной жизни, мы можем с полным основанием заключить, что хозяева содержали и вознаграждали слуг из личных средств.

В египетском языке было несколько слов, приблизительно соответствующих нашему понятию «слуга»: «послушный» (призыву своего хозяина), кравчий, или *убау* (иероглиф, обозначающий это понятие, включал значок кувшина), и *шемсу* - «сопровождающий» (обозначался сложным иероглифом, состоящим из изображения трости, свернутой циновки или покрывала, перевязанного тесемкой, и небольшого опахала). Шемсу всюду сопровождал своего господина, и, когда у того появлялось желание передохнуть, он забирал у хозяина трость, расстилал перед ним циновку и обмахивал его опахалом. Хозяин же мог со всеми удобствами побеседовать с управляющими и выслушать их отчет о текущих делах. Другой шемсу должен был носить за господином сандалии, обтирать пыль с его ног и помогать ему обуваться. Кравчие прислуживали за столом. Они играли весьма важную роль в общественной и политической жизни, поскольку их положение позволяло присутствовать при конфиденциальных разговорах, а если надо, то и шепнуть словечко на ухо господину. Кравчие фараона участвовали во всех серьезных процессах и расследованиях.

Все эти слуги были, насколько нам известно, свободными людьми. Они имели право сменить хозяина или заняться другим делом, могли получить наследство, а то и нанять собственных слуг и наслаждаться господской жизнью. После жестокой и несправедливой обиды, нанесенной ему братом, Бата объявил, что больше не желает прислуживать ему, а потому пусть Анупу отныне сам ходит за скотом. Понятно, что между братьями могут быть особые отношения, однако у нас нет никаких оснований сомневаться в том, что Бата мог бы поступить точно так же, даже если бы служил постороннему человеку. Реджедет, мать трех царей, велела высечь свою непокорную служанку. После этого служанка ушла от своевольной госпожи. Правда, на этом ее страдания не окончились - сначала ее жестоко избил брат, а в довершение всех бед ее сожрал крокодил, орудие божьего мщения. Однако все эти невзгоды обрушились на нее не за то, что она оставила место, а за то, что вознаменилась раскрыть фараону тайну бывшей хозяйки. Само собой, господин также всегда мог прогнать неугодного слугу.

Что же касается тех, кого в Новом царстве называли *хему* или *баку*, это были рабы. С ними жестоко обращались, а в случае побега снаряжали погоню. Мы располагаем письмом, в котором писец сообщает своему господину, что «два человека сбежали от конюшего Неферхотепа, приказавшего избить их, и нет никого, кто мог бы заменить их. Сообщаю о том моему господину». Точно так же в один прекрасный день два раба сбежали из резиденции Рамсесов: может быть, с ними жестоко обращались или им надоело жить в неволе. На поиски беглецов послали начальника лучников Какемур. Он выступил из Пер-Рамсеса и уже на следующий день прибыл в Чеку. Здесь ему сообщили, что беглецы прошли южнее Чеку в тот же день. Когда военачальник достиг крепости, то здесь узнал, что рабы перебрались через стены севернее башни Сети Мернептаха. От дальнейших поисков пришлось отказаться. Не всем беглым рабам так везло. В гробнице Неферхотепа мы видим изображение писца, построившего рабов перед своим господином. У одного из рабов связаны руки, а на шею надета грубая веревка. Двое других уже выдержали наказание, и стражник готовится надеть на них оковы. Эту сцену можно назвать «Поимка беглецов».

Рабы, как правило, были чужеземцами, плененными во время успешных кампаний в Нубии или Ливии, Восточной пустыне или Сирии. По приказу фараона пленников либо отдавали отличившемуся в конкретной операции военачальнику, либо распределяли между всеми воинами. Таким образом доблестный Яхмос в ходе своей многолетней службы получил девятнадцать рабов - десять женщин и девять мужчин, большинство из которых имели иноземные имена: Памеджаи, Пааму, Истарумми и Хедеткуш. У других были египетские имена, они, вероятно, достались Ях-мосу за участие в кампаниях в Дельте, или же он сам сменил их ханаанские или нубийские имена на египетские.

Хозяин имел право продавать или отдавать рабов внаем. Мы знаем о человеке, который, когда ему понадобились новые одеяния, нанял на два-три дня сирийскую рабыню. Нам неизвестно, какую именно работу ей надлежало выполнять, но цена за нее была заплачена весьма высокая. Один из фиванских горожан был заподозрен в расхищении гробниц; соседи заметили, что он совершенно неожиданно начал вести роскошную жизнь. Когда судья спросил его жену, на какие средства они купили рабов, она ответила: «Я никогда не видела денег, которые он платил им». Чтобы узнать некоторые способы приобретения рабов, необходимо обратиться к недавно изданному папирусу из Каирского музея. Купец по имени Райа предлагает одному человеку купить у него молодую рабыню из Сирии. Покупатель платит за рабыню не золотом или серебром, а разными предметами, чья ценность пересчитывается на вес серебра. Обменявшись клятвами в присутствии свидетелей, покупатель и продавец регистрируют сделку в суде, после чего рабыня переходит в собственность покупателя, который первым делом дает ей египетское имя.

Когда правительство всерьез взялось за борьбу с разграблением гробниц, виновными в этом преступлении были признаны многие рабы. Суд с ними не церемонился: преступники получали двойное и тройное наказание палками. Впрочем, со свободными людьми, потревожившими покой умерших, обходились не лучше. Хозяин бил своих рабов, но точно так же побоям могли подвергать и нерадивых пастухов, и непочтительных слуг, и злостных должников. Немногие, подобно Неджемабу, жившему в эпоху Раннего царства, могли похвастаться, что с самого рождения никогда не были биты палками перед лицом высоких сановников. Хотя, кто знает, быть может, этот счастливейший из смертных не раз получал побои без свидетелей, но предпочитал не распространяться об этом. Если вспомнить обо всех препятствиях, мешавших представителям низших классов вырваться из тисков нужды, станет ясно, что разница между рабами и бедняками была не так уж велика. Мы уже цитировали фрагменты документа, в котором рассказывалось, как цирюльник подарил своему рабу свободу, передал дело да еще и женил его на своей племяннице. Так что в благоприятных обстоятельствах умелый и ловкий раб вполне мог обрести свободу и стать полноправным членом египетского общества.

5. Домашние животные

Собаке, верному другу и помощнику человека по охоте, разрешалось входить в дом. Она залезала под хозяйское кресло и мирно дремала. Пастушьи собаки всюду следовали за хозяином, который голосом или жестом приказывал им собрать разбредшееся стадо или гнать его в нужном направлении. Чаще всего в качестве сторожевых и пастушьих собак в Египте использовали борзых на высоких ногах, с вытянутой мордой, длинным хвостом и большими болтающимися ушами (реже с заостренными стоячими ушами). К Новому царству более древние породы салуки - среднего размера со стоячими ушами и большими хвостами - и таксы уже почти не встречаются. Кроме борзых, большое распространение получила порода небольших собачек под названием *кеткет*. Такого кеткета подарили Обреченному принцу, который с негодованием отверг подарок и потребовал «настоящую собаку».

На изображениях мы почти всегда видим борзых на привязи, хотя им иногда, разумеется, давали как следует набегаться. Иногда следить за собаками ми доверяли обезьянам. Например, на рельефе в Монтухерхопешефе обезьяна держит собаку на довольно коротком поводке. Собаке явно неудобно, она скалится на обезьяну, рычит и, похоже, даже пытается укусить ее.

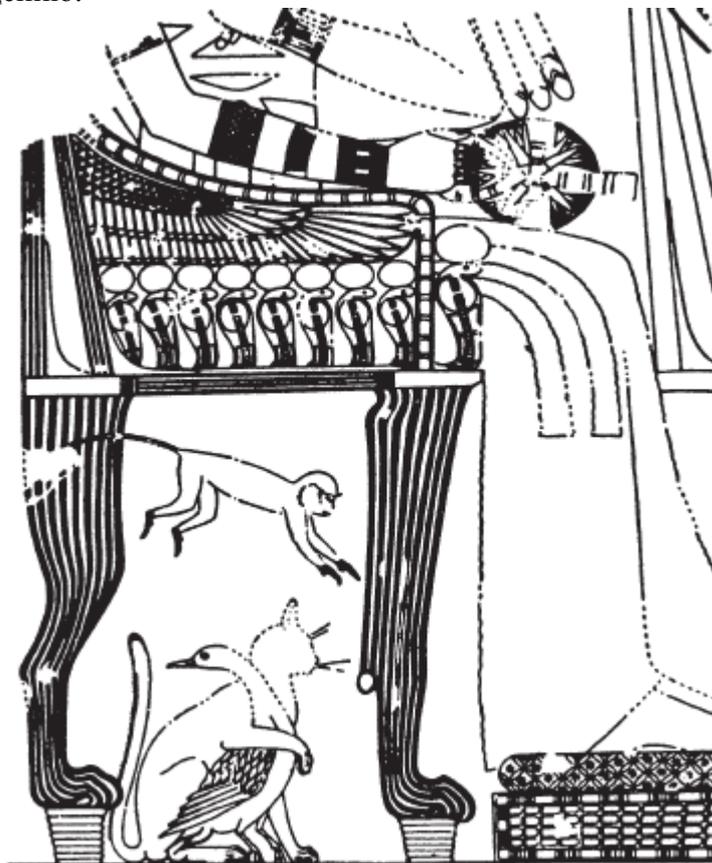

Охотничья собака (*Дейвис*. Пять фиванских гробниц)

Собакам давали клички. В эпоху Первой династии одну собаку, например, звали Неб (повелитель). Она была похоронена подле своего хозяина, причем до нас дошла даже стела с ее именем и изображением. Царь Антеф дал своим четырем собакам берберские имена. Он так гордился ими, что не только повелел изобразить их на стеле, которая сейчас хранится в Каирском музее, но еще и приказал поставить перед своей гробницей статую, которая, к сожалению, не сохранилась. Однако до нас дошел один из судебных отчетов в связи с ограблением царской гробницы, где говорится, что на этой статуе у ног фараона стояла собака по имени Бахика (на берберском языке - сернобык). Собачьи могилы встречались в Абидосе среди гробниц женщин, лучников и карликов, а также в Сиуте, где была найдена знаменитая известняковая собака (сегодня она находится в Лувре). Несмотря на колокольчик, подвешенный к ее ошейнику, она не производит впечатления очень надежного сторожа. Египтяне воздавали собакам пышные погребальные почести, но стоит отметить, что мы нигде не видим изображений человека, ласкающего собаку или играющего с ней. По-видимому, в их отношениях всегда сохранялась определенная дистанция.

Более нежные чувства внушали египтянам обезьяны. Еще в эпоху Раннего царства их начали пускать в дом. Они развлекали всех своими смешными ужимками и прыжками и даже участвовали в представлениях карликов и горбунов, которые жили в каждом знатном доме. Особенно ценились карлики, которых привозили из дальних стран. Хиркхуф заработал царское расположение и обеспечил себе долгую память тем, что привез с юга карлика-танцора, подобного которому в Египте не видели больше ста лет, со времен царя Исеси. Одна из самых роскошных гробниц вблизи пирамиды Хефрена принадлежала карлику по имени Сенеб. Мы знаем, что номархи Менат-Хуфу еще держали карликов и горбунов для своих забав, однако к Новому царству эта практика, похоже, окончательно исчезла. Мы больше не встретим карликов ни при царском дворе, ни в частных домах. А вот мода на обезьян сохранилась. Исследователь Лорэ обнаружил в гробнице царя Тутмоса III мумию павиана. Едва ли это связано с тем, что в образе павиана в Древнем Египте почитали бога письма и знаний, скорее всего, царь надеялся, что в загробном мире зверь будет забавлять его, как и при жизни. Тем же самым объясняется и присутствие в гробнице царя Псусеннеса мумии его верного пса. Обезьяны особенно любили сидеть в удобных хозяйских

креслах. Если в доме не было ни карликов, ни горбунов, они играли с негритами, которым порой доставалось от их проказ. Когда созревали фрукты, обезьяны лазали по деревьям в саду. Несомненно, в это время им доставалось больше фиников и фиг, чем обычно, но это не расстраивало садовников. Разве Египет не достаточно плодороден, чтобы прокормить любую обитающую в нем тварь? Все живое создано Амоном, и Хапи разливает свои воды на благо всем существам. Обезьяны хорошо ладили с собаками и кошками, чего не скажешь об их отношениях с нильским гусем, сварливым созданием, нередко подвергавшимся их нападению.

Домашние животные царицы Тэе (Бюллетень музея искусств «Метрополитен», 1929)

Кошку стали пускать в дом лишь в эпоху Среднего царства. Обычно кошки жили на болотах, в зарослях тростника, и разоряли птичьи гнезда, подобно виверрам и другим мелким хищникам, которые живут за счет пернатых. Охотники не могли составить им серьезную конкуренцию: пока человек пробирался сквозь густой папирус с палкой для метания в руках, кошка уже дважды успевала прыгнуть за добычей. Мы видим, как она сжимает в зубах утку, а лапами держит двух иволг. В конце концов кошка стала жить в человеческом доме, однако нисколько не утратила своего независимого характера и не забыла охотничьих инстинктов. Бывало, что она снисходила до того, чтобы устроиться под стулом, но уже в следующую минуту со свойственной ее породе самоуверенностью вскакивала хозяину на колени или начинала точить когти о хозяйский плащ из тонкого льна. Кошка позволяла надевать на себя ошейник - в конце концов, это неплохое украшение. Однако, когда кошку привязывают к ножке стула, да еще так, что она не может дотянуться до миски с молоком, она понимает, что люди решили сыграть с ней злую шутку. Тогда шерсть ее встает дыбом. Она выпускает когти и изо всех сил рвется с поводка. Обычно кошки неплохо ладили с другими домашними любимцами: обезьянами и гусями. Известно изображение, на котором кошка и гусь смотрят друг на друга с абсолютной безмятежностью, однако не следует забывать, что в данном случае они, возможно, олицетворяют бога Амона и его супругу Мут. Как будто сознавая возложенную на них ответственность, они держатся подобающим образом, как и положено священным животным. На деле же кошка при случае

вполне могла пустить в ход когти, а гусь со своим скверным характером уж точно не лишил бы себя случая воспользоваться своим могучим клювом. Сложно сказать, кому пришлось бы хуже, завяжись между ними драка.

Египтяне ценили кошек, зная, что они являются заклятыми врагами мышей. Чтобы приучить кошку к дому, не нужно было поводка, достаточно было хорошенько угостить ее жирной рыбой. Однажды, когда Ипуи, взяв свою лодку с носом в форме дикой утки, отправился вместе с женой и слугой охотиться на болотных птиц, он не забыл прихватить с собой и кошку - ту самую, которую мы уже видели точившей когти о льняной плащ. Подобно своим диким предкам, кошка нападала на спрятанные в камышах гнезда, но хозяин знал, что надо сделать, чтобы заставить ее вернуться.

Нильский, или египетский, гусь с древнейших времен пользовался особым положением на птичьих дворах египтян. Вместо того чтобы держать его в загоне вместе с прочей домашней птицей, египтяне позволяли ему свободно разгуливать по двору и саду и даже входить в дом. Именно поэтому, когда царю Хеопсу захотелось испытать способности кудесника, который хвастал, будто сумеет приставить отрубленную голову на место, он велел принести для проверки *семена* (нильского гуся). Гусь делил с кошкой привилегированные места у кресла хозяина. Однако независимость он ценил куда выше этих привилегий и охотно отправлялся погулять на берегу Нила. Забот с ним было немало: в жаркий сезон он пожирал финики, в холода подбирал плоды пальмы дум, а во время полевых работ топтался под ногами сеятелей, выковыривая из земли только что брошенные в нее зерна. Поэтому египтяне считали его подлой птицей, не ловили и не приносили в жертву богам. И все же их забавляла его непомерная прожорливость, склочность и хриплый гогот. Бывало, что гусь проявлял себя отменным сторожем, ничуть не уступающим в отваге собаке. Если же его нужно было наказать, этим с охотой занимались веселые обезьяны, несмотря на риск получить удар клювом.

Глава IV

ЖИЗНЬ В ДОМЕ

1. Туалет

Египтяне отличались большой чистоплотностью: они считали, что не только человеческое тело всегда должно быть чистым, но и одежду и жилище необходимо постоянно поддерживать в безупречной чистоте. Вернувшись в Египет, Синухе первым делом сбросил с себя одеяние из крашеной шерсти, которое не снимая носил, пока жил среди бедуинов. Подобно Улиссу, оказавшемуся среди феакийцев, он преобразился, сразу помолодев на несколько лет. Он постригся и расчесал спутанные волосы, натер свое тело благовониями, которые, вполне возможно, хранились в золотом или обсидиановом кувшине вроде того, что правитель Библа Абишем получил в дар от царя Аменмеса III, и облачился в одежды из чистейшего льна.

Египтяне мылись несколько раз в день: утром после сна и до и после каждой трапезы. Умывальные принадлежности обычно состояли из таза и кувшина с носиком, которые, как правило, держали под столом, уставленным яствами. Слово, обозначающее «таз», - *шаути* происходит, по всей вероятности, от слова *ша* - «песок», а название кувшина, *хесмени*, - от слова *хесмен* - «натр». По-видимому, в таз насыпали песок, а в воду в кувшине добавляли натр. В воду, предназначенную для полоскания рта, насыпали немного специальной соли, *бед*. Словом *суаб* (от *уаб* - опрятный, чистый) называлась густая пенящаяся паста, состоявшая из таких ингредиентов, как зола и сукновальная глина.

После утреннего омовения мужчина вверял себя в руки цирюльника и слуг, занимающихся маникюром и педикюром, а женщина - парикмахеру. Утренний туалет фараона был торжественным событием при дворе. Знатнейшие люди страны считали за честь присутствовать при этом и старались никогда не опаздывать. Визири, высшие сановники и номархи также превращали свой утренний туалет в церемонию, на которой собирались все родственники и помощники. Писцы стояли на коленях перед господином, готовясь записать его повеления или развернув длинные свитки папируса с именами, цифрами и перечнем выполненных или предстоящих работ. Тем временем слуги делали ему маникюр и педикюр, а цирюльник брил щеки и голову. Он пользовался бритвой с изогнутым лезвием - инструментом, сильно изменившим свой вид со времен Среднего царства, когда для бритья использовалось устрашающее орудие, больше всего напоминавшее плотницкую стамеску. Бритвы хранились в кожаных футлярах с ручками, а сами футляры обычно держали в изящных ларцах черного дерева. Затем хозяин дома с гладко выбритой головой и короткой квадратной бородкой, умытый, бодрый и свежий, переходил в руки специалистов по умощениям и благовониям. Они приносили ему драгоценные мази и духи в запечатанных сосудах из хрусталя, зеленый и черный порошки (малахит - окись меди и галенит - окись свинца) для подводки глаз. Египтянам нравились глаза миндалевидной формы. Кроме того, порошки обладали профилактическим действием, предохраняя глаза от воспалений, вызываемых слишком ярким солнцем, ветром, пылью и насекомыми.

Девушка перед зеркалом (Эрман. Жизнь в Древнем Египте)

Египтяне пользовались целым набором косметических средств. Чтобы избавиться от запаха пота в жару, надо было в течение нескольких дней натирать все тело мазью, сделанной из терпентинного масла (*сенте*), ладана (*анти*), какого-то неизвестного порошка и благовоний. Отдельные мази были предназначены для умощения паха и подмышек. Были мази, освежающие и омолаживающие кожу, возвращающие телу упругость, и мази от пятен и прыщей на лице. Для разглаживания морщин, например, использовалась смесь толченого алебастра, натра, «северной соли» и меда. Другие препараты замешивались на ослином молоке. Волосы требовали постоянных забот. Седые волосы вырывали, а для предотвращения седины, облысения, а также для ращения волос существовали специальные средства, например касторовое масло. Египтяне умели также удалять лишние волосы, а женщины знали средство, как сделать так, чтобы соперница полностью облысела.

Один из важных рецептов записан в конце медицинского трактата. Название его весьма многообещающе: «Как сделать старика юным». Плоды греческого пажитника (по-арабски - *хелба*) следовало высушить, очистить, отделить мякуну от шелухи. Из растертых плодов и шелухи в равных частях замесить тесто. Выпарить воду. Сухую лепешку растереть в порошок. Замешать из этого порошка тесто и нагреть, на поверхности выступят маленькие капельки. Остается только собрать это масло, очистить, осветлить и слить в сосуд из твердого камня, например обсидиана. Это драгоценное масло придает коже чудесный цвет. Оно же помогает от облысения и уничтожает бурые и красные пятна, которые с годами появляются на коже. Средством этим пользовались тысячи египтян. Единственный его не-

достаток в том, что на приготовление уходило очень много времени, а получалось чудодейственного масла слишком мало, поэтому стоило оно очень дорого.

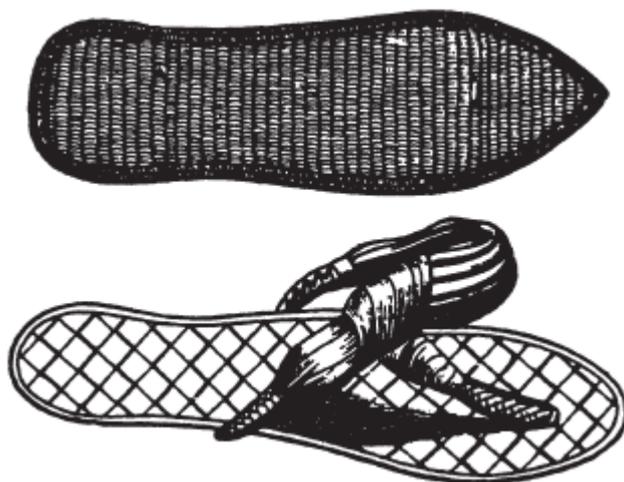
Те, кто победнее, вынуждены были обращаться к уличному цирюльнику, устроившемуся где-нибудь в тени деревьев. Дожидаясь очереди, они лениво переговаривались друг с другом или дремали, склонив голову на колени и обхватив ее руками. Иногда мест не хватало, и двое были вынуждены усаживаться на один табурет. Когда подходила очередь, клиент усаживался на стул с тремя ножками, и вскоре брадобрей отпускал его довольного и чисто выбритого, с головой сияющей на солнце, как отполированный морем голыш.

Туалет состоятельной женщины, как и в случае с ее супругом, был значительным событием. На одном из рельефов мы видим одну из царских фавориток, занятую туалетом. Она сидит в удобном кресле с высокой спинкой и подлокотниками, в руках держит зеркальце - диск из полированного серебра с ручкой черного дерева с золотом в форме стебля папируса. Над ней склонился парикмахер. Его ловкие тонкие пальцы умело заплетают множество маленьких косичек, хотя волосы фаворитки подстрижены достаточно коротко. Шпильками из слоновой кости он заколол те пряди, до которых еще не дошла очередь. На такую прическу уходило много времени, и, чтобы госпожа не скучала, слуга наполняет из маленького кувшинчика чашу и подносит ей со словами: «За твоего *ка!*» Жена Анупу, простого крестьянина, возделывавшего маленький клочок земли, разумеется, не могла позволить себе такой роскоши. Ей приходится причесываться самой, пока муж и его брат работают в поле.

2. Одежда

Во время утреннего туалета мужчина оставался босым, на голове тоже ничего не было. На нем был надет лишь набедренник и пара-тройка украшений. Даже если он собирался выйти из дома, он мог оставаться в этом скромном облачении; ему следовало лишь застегнуть на запястьях пару браслетов, надеть на палец кольцо и повесить на шею пектораль - ожерелье из пяти-шести рядов бус с застежками в форме соколиных голов. Если прибавить к этому подвеску из яшмы или сердолика на длинном шнурке, он приобретал вполне respectable вид: можно было отправиться осматривать свои владения, принимать гостей, вести деловые переговоры или посещать официальные учреждения.

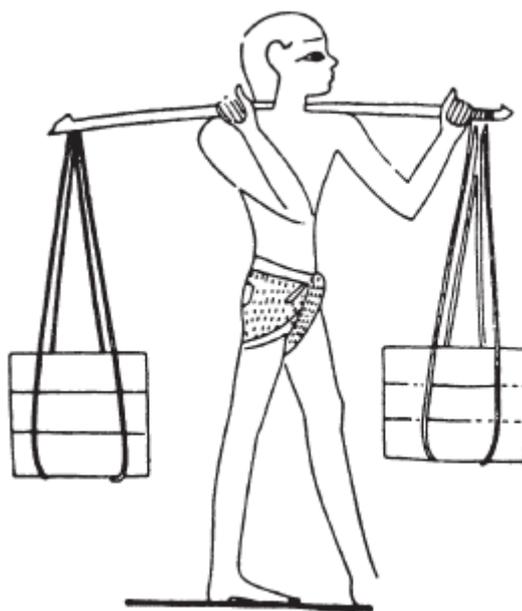
При желании он мог сменить набедренник на широкую юбку и обувь сандалии. Сандалии были известны с давних времен, однако египтяне относились к ним очень бережно и никогда не надевали без крайней надобности. Один из первых царей, Нармер, обычно ходил босиком в сопровождении своих слуг, один из которых нес за ним пару сандалий. Унис строго наказывал своих солдат, которые, преисполнившись алчности, выхватывали сандалии из рук - да-да, выхватывали из рук, а не стаскивали с ног - прохожих. Отправляясь по делам, селянин держал сандалии в руке или же привязывал к концу палки и нес на плече. Надевал он их, лишь добравшись до места назначения. В эпоху Нового царства, в частности при Рамсесидах, в ходу были сандалии из плетеного папируса, кожи, а иногда даже из золота. Ремешок от носка подошвы проходил между первым и вторым пальцем ноги и соединялся на лодыжке с другими ремешками, что придавало обуви вид стремени; ремешки завязывались сзади над пяткой. У сандалий с золотыми подошвами ремешки также были сделаны из золота. Носить их, должно быть, было довольно больно, особенно если они были чуть великоваты своему обладателю. Как написано в медицинских папирусах, египтяне часто жаловались на боли в ногах.

Сандалии из волокон пальмового дерева (*Эрман. Жизнь в Древнем Египте*)

Некоторые египтяне носили прямые, доходящие до щиколоток одеяния, державшиеся на скрепах. Большинство, однако, предпочитало этому довольно строгому облачению легкую гофрированную накидку, которая оставляла шею открытой, плотно облегла грудь и расширялась книзу. Короткие рукава также расширялись внизу. Поверх накидки завязывали широкий пояс из той же материи, который свободно ниспадал спереди треугольным передником. Праздничное одеяние дополнялось большим завитым париком и всевозможными ослепительными украшениями, ожерельями, подвесками, пекторальями из двух рядов, браслетами на запястьях и выше локтя и парадными сандалиями на ногах.

Наряд египетской модницы практически не отличался от одеяний ее мужа. Он состоял из тонкой рубашки и прозрачной складчатой накидки, наподобие той, что носили мужчины. Женская накидка имела вырез почти до пояса и была собрана на левой груди, так что правая грудь оставалась почти совсем открытой. Короткие рукава с бахромой закрывали руку лишь до локтя, выставляя напоказ тонкие грациозные руки с дорогими браслетами на запястьях. Браслеты могли быть самыми разными, например, в виде двух пластинок чеканного золота, закрепленных на подвижных колечках. Женщины также носили массивные золотые кольца, бусы или плетеные шнурки и раззолоченную тесьму. Завитые локоны парика падали на спину и плечи. В волосах сияла прекрасная тиара из бирюзы, лазурита или золота, концы которой соединялись на затылке шнурком с двумя кисточками. Всю эту изысканную прическу венчало некое благоухающее украшение конусообразной формы. Мы не знаем точно, из чего оно изготовлялось, не исключено, что из какой-то специальной ароматической помады. На некоторых изображениях мы видим мужчин с такими же украшениями на головах.

Работник в кожаной набедренной повязке (*Дейвис*. Гробница Рехмиры в Фивах)

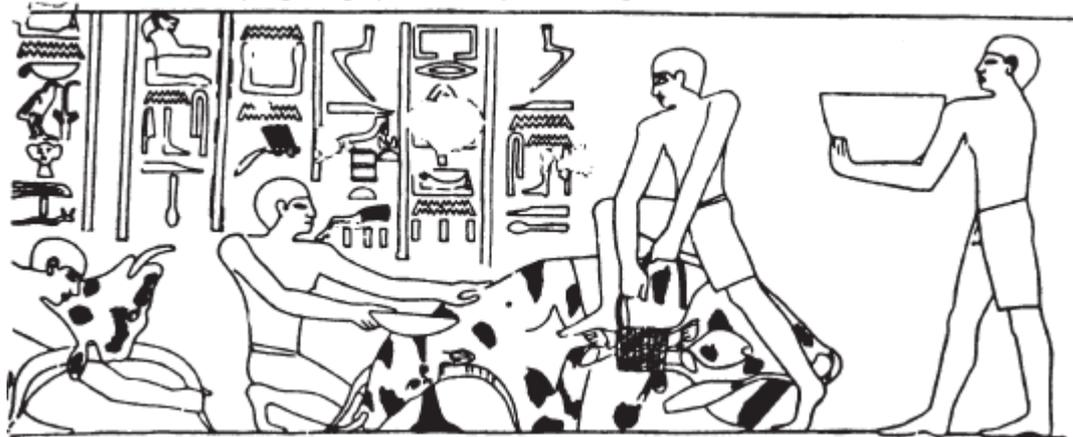
Подобные одеяния, разумеется, носили только богачи; рабочий люд одевался более практично. Крестьяне и ремесленники ходили в традиционной короткой набедренной повязке, которую поддерживал пояс шириной в несколько дюймов без всяких орнаментов, вышивок или кистей, как у азиатов. Однако простые люди любили украшения и драгоценности не меньше богачей, а поскольку золота и серебра они не могли себе позволить, то довольствовались побрякушками из фаянса и бронзы. Певицы и танцовщицы носили такие же прозрачные накидки, как богатые женщины, а зачастую выступали обнаженными, и весь их наряд состоял из нескольких украшений: пояска, ожерелья, браслетов и сережек. Юные служанки, которых на росписях порой легко спутать с детьми, ходили обнаженными - по крайней мере, в тех случаях, когда хозяин принимал гостей, - без стеснения выставляя напоказ свои гибкие и грациозные тела.

3. Пища

Хотя египтяне сознавали, насколько плодородна их земля, и, если надо, никогда не отлынивали от работы, их постоянно преследовал страх голода. Они всегда помнили, что за слишком слабым или слишком сильным разливом Нила последует скудный урожай. Поэтому правителям следовало своевременно подумать о том, чтобы запастись провизию на голодный год, как советовал фараону Иосиф, истолковавший сон о семи коровах и колосьях. Однако цари часто пренебрегали этим советом, особенно в последние годы правления династии Рамсесидов. Женщина, которую вызвали на допрос, чтобы узнать, откуда она взяла золото, обнаруженное в ее доме, рассказала, что выручила его за ячмень во время голода, «в год гиен». Это произошло, когда Война с нечистыми была в самом разгаре. Повсюду свирепствовали разбойничьи банды; они врываются в храмы и дворцы, убивали и грабили мирных жителей, сжигали дома. Продукты ценились на вес золота. То же самое происходило во время нашествия гиксосов. Однако между этими ужасными периодами многие поколения египтян жили мирно и счастливо. При Сети I, а тем более в эпоху великих Рамсесов страна захлебывалась от изобилия. На барельефах в храмах и на росписях в гробницах мы постоянно видим людей, которые несут горы провизии или ведут тучные стада. В большом папирусе Харриса, где подробно описаны щедрые подношения храмам и богам, сделанные Рамсесом III, съестные продукты упоминаются, по крайней мере, не менее часто, чем драгоценные металлы, одежды и благовония. Все это свидетельствует о том, что египтяне грешили чревоугодием и не забывали о еде ни при каких обстоятельст-

вах. В земле Иаа, в Сирии, Синухе нашел инжир и виноград, вина больше, чем воды, мед, масло, всевозможные фрукты, ячмень, пшеницу и стада без числа - одним словом, практически все, что можно найти в прекрасных египетских землях. «Каждый день вместо хлеба получал я нежные лепешки и каждый день запивал пищу свою вином. Доставляли мне мясо и жареную птицу, не считая диких зверей пустыни, которых ловили и клали передо мной, и не считая того, что приносили мои собаки». Даже в Египте ему едва ли могло быть лучше. «Потерпевшему кораблекрушение» моряку, которого выбросило на остров в Красном море, также повезло: «Я нашел там инжир и виноград, множество овощей, лук отменный, огурцы и арбузы, дикую дыню, а также всякую рыбу и птицу. Абсолютно все там было».

Однако настало время вернуться в Египет, чтобы посмотреть, какие яства обычно стояли на столах египтян. Начать лучше всего с мяса, которое поглощалось египтянами в огромных количествах. На стенах гробниц мы можем видеть длинные вереницы скота, который гонят на бойни. Главным источником мяса служил крупный скот. Африканский бык, *иуа*, - большое быстроногое животное с большими рогами. При правильном откорме африканского быка можно было вырастить до огромных размеров. Считалось, что забивать его следует лишь тогда, когда он уже практически не способен передвигаться из-за собственной тяжести. Эти гигантские животные встречаются на рельефах в Абидосе и Мединет-Абу. Погонщик без труда ведет за собой раскормленного быка, продев ему веревку через ноздрю и нижнюю губу. Жертвенных животных украшали страусовыми перьями между рогами и двойными перевязями. У входа в храм процессию встречал жрец, державший в вытянутой руке зажженный факел. Это изображение сопровождается следующей надписью: «Освящение быка, чистого ртом своим, для чистой скотобойни храма Рамсеса Мериамона близ Та-Ура». Специальные служители проверяли, здоров ли бык, а после забоя проводили еще одну проверку, чтобы удостовериться в качестве мяса.

Забой быка (Скальные гробницы Мейра, I)

Мелких быков, безрогих или с короткими рогами, называли *унджу*, а крупных быков с большими рогами, но более злобных, чем *иуа*, и плохо поддающихся откорму, - *нега*. На изображениях они всегда тощие. Некоторые выражения, относящиеся к убойному скоту, трудно интерпретировать. Например, что такое «бык - уста стада» или «бык ките» (кедет, ките, кит - небольшая мера веса). Бык *хериса*, по-видимому, считался лучшим производителем. Иногда упоминаются также сирийские рабочие быки и быки из страны Куш.

В эпоху Раннего царства египтяне активно охотились на обитателей пустыни: газелей, сернобыков и прочих антилоп. Иногда они старались поймать их живьем и одомашнить. Этот вид разведения почти утратил свое значение во времена Рамсесидов, хотя мы знаем, что Рамсес III отправлял своих охотников в пустыню за сернобыками. За время своего царствования он пожертвовал великому храму Амона 54 орикса, одну североафриканскую антилопу и 81 газель. В другом списке подношений значатся 20 602 быка и 367 сернобыков, козерогов и газелей. На изображении в Абидосе мы видим прекрасного сернобыка с

длинными прямыми рогами, который почему-то назван «быком-ориксом из хлева Рамсе-са». Порой на росписях можно увидеть сернобыков, которых ведут на убой, однако я никогда не слышал, чтобы их забивали для пиршеств. Из этого можно заключить, что животный мир пустыни не был одним из основных источников пищи, хотя принести сернобыка или газель в жертву богам считалось благим делом. Это делалось как бы в память о тех временах, когда население Египта питалось скорее за счет охоты, чем за счет скотоводства. Мне не доводилось видеть ни одного документа, где упоминалось бы, что египтяне употребляли в пищу свинину, козлятину или баранину, однако мы знаем, что многие держали свиней, коз и овец даже в Верхнем Египте.

Пастухи приводили быка на бойню и передавали его мясникам, которые вчетвером или впятером забивали его без особого труда. Они действовали способом, известным с древнейших времен. На левую переднюю ногу быка набрасывали затяжную петлю, перекидывали веревку через спину животного, после чего один из мясников со всей силы дергал за нее. Бык терял равновесие, и в этот миг остальные дружно набрасывались на него: сильнейший вскакивал ему на шею и, ухватившись за рога, оттягивал голову назад, другой держал его за хвост, а третий пытался запрокинуть его заднюю ногу. Повалив животное, мясники связывали его задние ноги с передней, чтобы он уже не мог подняться. Другую переднюю ногу оставляли свободной, поскольку несчастная жертва уже никак не могла помочь себе, разве что на мгновение отсрочить смерть, из последних сил выгибая спину. Затем один из силачей хватал быка за голову, поворачивал ее так, чтобы рога вонзились в землю, и удерживал в таком положении. В этот момент главный мясник вскрывал быку вену на горле. Кровь собирали в специальный сосуд. Инструментами старшего мясника были лишь нож с длинной рукояткой, около девяти дюймов в длину и закругленный на конце, чтобы не повредить шкуру, и оселок, привязанный сбоку к переднику.

Если подобная сцена происходила на бойне, принадлежавшей храму, к забитому быку приближался жрец, чтобы вылить на рану содержимое кувшина, который он держал в руках. Не исключено, что он выполнял функции своего рода санитара. Мясник протягивал ему ладонь, источавшую приторный запах только что пролитой крови, и говорил: «Вот эта кровь». Наклонившись вперед, чтобы лучше рассмотреть, жрец отвечал: «Она чиста».

Туша разделялась с удивительной быстротой. Сначала отрезали переднюю ногу, которая оставалась свободной. Один из помощников придерживал ее, поворачивая и наклоняя, пока мясник возился с сухожилиями и суставами. Отрезанную ногу сразу же передавали носильщикам. Затем быку отделяли голову и делали длинный продольный разрез на животе, чтобы снять шкуру и вынуть сердце. Задние ноги резали на три части: заднюю (*сут*), голяшку (*уа*) и копыто (*инсет*). С хребта и ребер по очереди срезали филейные куски, которые считались самой лакомой частью, и седло. Из внутренностей высоко ценились только печень и почки. Отделив кишечник, мясник осторожно поднимал и опорожнял его. Все это происходило под постоянные окрики и понукания: «Поспешите! Поторопитесь, ради бога! Кончайте с этой ногой! Заканчивайте с сердцем!» Если работа шла в храме, приход распорядителя церемоний или даже простое упоминание его имени удваивало рвение мясников. «Ну же, торопитесь, люди, вырезайте ребра, пока мастер церемоний не явился! Вот филе. Возьмите и отнесите его на стол!» Тот же, к кому были обращены эти увещевания, лениво отвечал: «Хорошо. Я сделаю, как ты говоришь». Порой, если мясник работал в одиночку, он тихонько ворчал себе под нос: «Нелегко сделать это дело одному!»

В это время египтяне еще не знали петухов и кур, однако активно разводили других домашних птиц. В Большом папирусе Харриса их исчисляют сотнями тысяч. В одном из перечней даров, где четвероногие составляют всего лишь 3029 голов, записано 126 250 различных птиц, в том числе 57 810 голубей, 25 020 водоплавающих птиц, пойманных живьем в сети, 6820 гусей *ра*, 1534 гусей *тереп*, 4060 несущек, 1410 птиц, которые в перечне названы «большими палками», и 160 серых журавлей; а число перепелов (*нарт*) добавля-

ло к общему числу еще 21 700 и 1240. Но этот список далеко не полон, поскольку на сценах охоты и животноводства в гробницах эпох Раннего и Среднего царств изображены многие другие птицы. Египтяне знали три разновидности журавлей: *джат*, *айу* и *га* плюс еще нумидийский журавль (*уджа*). На рельефах, о которых мы упоминали выше, изображены также разнообразные гуси, утки и чирки; эти птицы, разумеется, были известны и в эпоху Рамсесидов, однако птичники предпочитали не иметь с ними дела, занимаясь разведением тех видов, которые лучше поддавались одомашниванию.

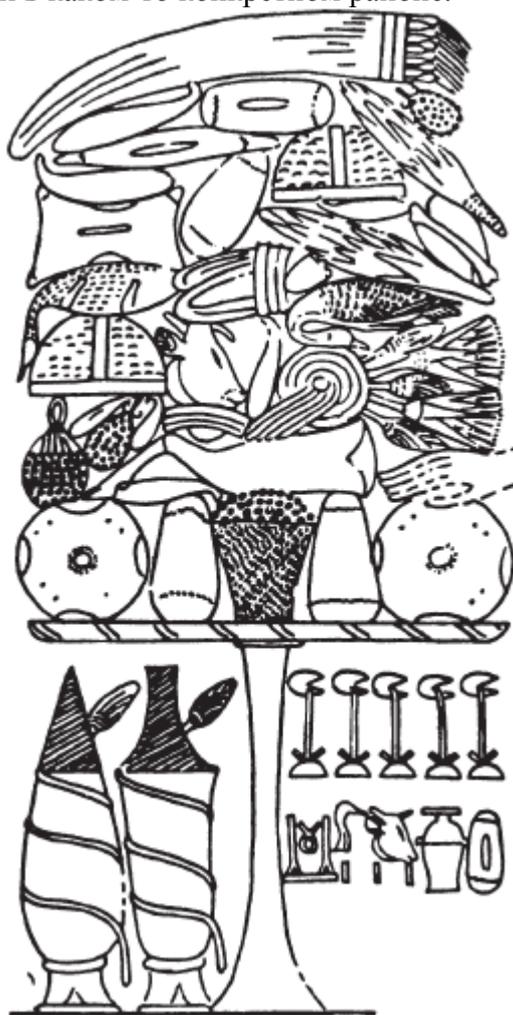
Откармливание уток (Мастаба Мереруки)

На стеле эфиопского царя Пианхи написано, что после завоевания Египта (в 730 г. до н. э.) он отказался сидеть за одним столом с правителями Южного Египта и Дельты, потому что они были развратниками и употребляли в пищу рыбу - страшное оскорбление для царского дворца. Исключение было сделано только для Немрота, который не ел рыбу, возможно, потому, что родился в древнем религиозном центре, городе Шмун (Гермополь, город бога Тота). Во времена Нового царства рыба исключалась из числа продуктов, жертвовавшихся усопшим, а в разные периоды в отдельных деревнях и номах вводился запрет на употребление тех или иных видов рыбы. Это означает, что далеко не все египтяне относились с такой строгостью к определению чистой и нечистой пищи: многие с большим удовольствием поедали рыбу, хотя, вполне вероятно, и брезговали отдельными видами, которые носили такие неаппетитные названия, как *бу* («омерзительная») и *шеп* («жалкая»). Жители Дельты и берегов озера Фаюм жили за счет рыболовства. Археолог Мариетт обнаружил в Танисе гранитный рельеф, изображающий двух дородных длинноволосых бородачей, тащащих стол, с которого свешиваются хвосты аппетитных кефалей. В папирусе Харриса в перечне провизии, ежегодно доставляемой в храмы Фив, Она и Мемфиса, упоминается о 441 тысяче рыб, большую часть которых составляют кефаль, мормиры (*mormyrus caschive*), зубатки (*clarias anguillaris*), батенсода (*synodontis batensoda*) - рыбы среднего размера, которые плавают кверху брюхом, крупные хромисы (*tilapia niloticus*) и гигантские окуни (*lates niloticus*) - гигантские рыбины, каждую из которых тащили по два человека; они продевали сквозь ее жабры палку и клали на плечи, а хвост речного чудовища волочился по земле. Одной такой рыбы хватало на несколько семей.

Овощи внесены в годовой календарь Мединет-Абу под общим названием *ренпут* - «продукты года». Их раскладывали на столах или связывали пучками. Отдельно упоминаются репчатый лук и лук-порей, известные с древнейших времен. Некий торговец эпохи Раннего царства говорит покупателю, держащему в руках пшеничную лепешку: «Отдай ее мне, а я дам тебе несколько превосходных луковиц (*хеджу*)». В медицинском папирусе Эберса упоминается лук-порей (*иакет*); о нем упоминается и в истории о Хеопсе и чародеях; моряк в «Сказке о потерпевшем кораблекрушение» рассказывает, что собирал его на своем острове изобилия.

Египтяне очень любили чеснок. Геродот рассказывает, что рабочие, строившие пирамиду Хеопса, получали редиса, лука и чеснока на 1600 серебряных талантов. Возможно, так оно и было, хотя эти сведения и не высечены на самой пирамиде, как утверждал Геродот. Зато связки чеснока были найдены в фиванских гробницах. Лорэ распознал иероглифическое изображение чеснока (*хизан*) в Большом папирусе Харриса и нашел его соответствие в

коптской версии Библии. Царь Рамсес III в изобилии снабжал храмы чесноком. Во время своих блужданий по пустыне евреи с тоской вспоминали об огурцах, арбузах, луке и чесноке щедрого Египта. Огурцы, арбузы и дыни часто появляются на жертвенных столах рядом со связками стеблей папируса, которые некоторые исследователи ошибочно принимали за спаржу. Античные авторы утверждают, что религия запрещала египтянам употреблять в пищу фасоль и турецкий горох, причем Диодор полагал, что таким образом люди должны были учиться воздержанности. Однако мы находим и фасоль, и горох (и турецкий, и обычный) в гробницах. Известно, что жрецы Ома и Мемфиса ели фасоль во времена Рамсеса III. И хотя турецкий горох своей формой очень похож на соколиную голову (а сокол, как мы помним, был в Египте священной птицей) - например, голову на крышке третьей из четырех каноп, известных как Кебезсенуф, - это нисколько не мешало египтянам с удовольствием есть его. Быть может, запрет на эти продукты был введен на какой-то небольшой период времени в каком-то конкретном районе.

Жертвенный стол с яствами (Дейвис. Гробница Рехмиры)

Салат-латук считался священным растением фаллического божества Мина, статуи которого часто возвышались прямо перед грядками. Его выращивали в огородах при доме. Латук нуждался в обильной поливке. Помимо Мина, некоторые другие боги были не прочь отведать латук. Автор истории о ссоре между Хором и Сетом рассказывает, что однажды Исида пришла в дом Сета и попросила его садовника сказать ей, какие овощи предпочитает его господин. Садовник ответил, что никогда не видел, чтобы Сет ел какие-нибудь овощи, кроме латука. На следующий день, говорится в истории, Сет вернулся в свой сад и по своему обыкновению наелся латука. Сет считался распутником, хотя Мин конечно же был похлеще него. Египтяне, верившие, что салат-латук увеличивает мужскую силу и женскую плодовитость, поедали его в больших количествах. Часто мы видим прекрасные коча-

ны латука на жертвенных столах. Употребляли его, по-видимому, на современный арабский манер: в сыром виде с растительным маслом и солью.

Древние египтяне, в отличие от наших современников, ничего не слышали о таких фруктах, как апельсины, лимоны и бананы. Груши, персики, миндаль и вишню стали выращивать в Египте только в римскую эпоху. Зато в течение всего лета они могли наслаждаться виноградом, инжиром и финиками, а также плодами сикомора, которые, правда, были не такими крупными и изысканными на вкус, как фиги. Лучшие финиковые деревья произрастали в Фивах. Плоды пальмы дум считались съедобными, но использовались главным образом в медицинских целях. Кокосовые орехи были большой редкостью, а потому считались деликатесом. Гранаты, оливки и яблони завезли в Египет гиксосы; они прижились и давали обильные урожаи. Оливковое масло использовалось для освещения, что вовсе не означает, что его совсем не употребляли в пищу. До появления оливковых деревьев египтяне выращивали другие масличные растения, например морингу (*бак*). К списку фруктовых деревьев можно добавить мимозу (персею), баланитес и ююбу (или китайский финик). Не следует забывать, что многие встречающиеся в различных текстах названия деревьев до сих пор не идентифицированы, а потому мы не можем составить полный перечень овощей и фруктов, которые попадали на столы египтян. Беднякам порой приходилось довольствоваться сердцевинной стеблей папируса, которую они подолгу жевали, подобно тому как жуют современные египтяне сахарный тростник, или корневищами прочих водяных растений. В гробницах мы часто находим кувшины, доверху наполненные кореньями.

Молоко считалось настоящим лакомством. Его наливали в пузатые глиняные горшки, горлышко затыкали пучками сухой травы, чтобы уберечь от насекомых и не дать ему скиснуть. Известен целый ряд слов, обозначающих молочные продукты, - сливки, масло и сыр, однако поручиться за точность их перевода я не берусь. В некоторые блюда и добавки добавляли соль, причем иногда в весьма немалых количествах. Чтобы подсластить кушанье или напиток, в него клали мед или семечки рожкового дерева, поэтому иероглиф *неджем* (сладкий, сладость) изображался в виде стручка. За диким медом и воском египтяне ходили в пустыню. Это требовало большой сноровки. Отправляясь в незнакомые вадди, сборщики меда часто объединялись со сборщиками терпентинной смолы. Нередко царь посылал с ними лучников, которые должны были защитить их от опасностей, подстерегавших каждого, кто отваживался выйти за пределы Нильской долины. Пчел разводили и в садах. В качестве ульев использовались большие глиняные кувшины. Пчеловод бесстрашно отгонял пчел рукой, чтобы достать соты из улья. Мед хранился в больших запечатанных каменных сосудах.

4. Кухня

Главным предметом кухонной утвари были переносные глиняные печи. В высоту они имели около трех футов. Внутри вставлена решетка или прутья, на которые клали топливо. В нижней части проделано отверстие для тяги, использовавшееся также, чтобы выгребать из печи золу. Несомненно, у них должен был быть дымоход, однако до нас не дошло ни одного изображения печи с трубой. Сверху на нее ставили котел с двумя ручками, дно которого обычно было немного шире, чем сама печь. Если было нужно, повар вполне мог обойтись без печи: он ставил котел на три камня и разводил под ним небольшой костер. Кроме того, египтяне пользовались металлическими печами, которые представляли собой что-то вроде невысокого сундука без дна и крышки. Горючее укладывали в них на плиту с отверстиями. Я нашел такую печь в гробнице некоего Псусеннеса, жившего в дни правления Рамсеса II. Тяга в них наверняка была очень слабой, поэтому повару приходилось постоянно раздувать пламя веером.

Ни в Египте, ни в соседних странах нет каменного угля, поэтому поварам, гончарам, литейщикам и прочим работникам, имевшим дело с печами, приходилось обходиться дровами или древесным углем. Древесный уголь (*джабет*) упоминается в документах, найденных в Сиуте, как весьма ценный товар. В календаре Мединет-Абу и в папирусе Харриса приведены цифры, по которым можно судить об объемах его потребления, - они весьма скромны. Уголь разносили в мешках и корзинах.

Пчеловодство (*Дейвис*. Гробница Рехмиры)

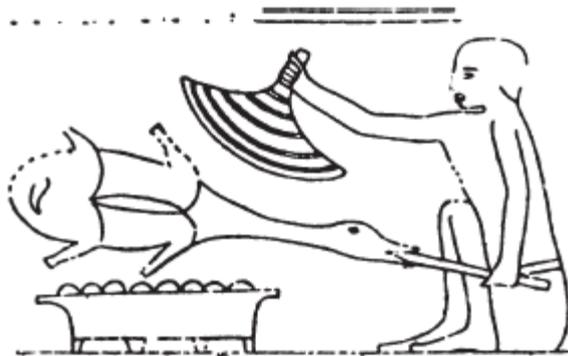
Чтобы развести огонь, египтяне пользовались так называемыми «огненными палочками». Как и уголь, это был редкий и потому весьма ценный товар. Даже такой солидный храм, как Карнакский, тратил всего лишь шестьдесят «огненных палочек» в месяц, по две в день. Они были известны с глубокой древности, поскольку один из самых древних иероглифов уже воспроизводит их упрощенное изображение. Приспособление для разжигания огня состояло из двух частей: палочки с заостренным концом и утолщенным основанием и своеобразного стаканчика. Материалы для изготовления палочек привозили из южных стран. Потерпевший кораблекрушение моряк рассказывает, что ему посчастливилось найти его на острове Доброго Змея в Красном море, поэтому он смог быстро развести огонь, принести жертву богам, а себе приготовить еду. Некоторым египтянам, вероятно, не доставалось «огненных палочек», и остается лишь гадать, каким образом они выходили из положения. Скорее всего, им приходилось постоянно просить у добросердечных и более предусмотрительных соседей немного горящих углей.

Кроме печи, жаровен, топлива и «огненных палочек», кухонная утварь состояла из котлов, мисок, кувшинов и всевозможных глиняных сосудов, не говоря уже о котомках и сумках, ведрах и корзинках для провизии. На кухне стояли столы с тремя или четырьмя ножками для разделки мяса и рыбы и для обработки овощей, низенькие столики, за которыми, сидя на корточках, работали повара, и, наконец, большие козлы, на которых развешивали мясо и птицу.

Нам известны два глагола *песи* и *ашер*, которые относятся к приготовлению пищи на огне. Первый из них применяется по отношению к молоку и мясу и, следовательно, скорее всего, переводится как «варить». В некоторых сценах изображен очаг с глубоким котлом, из которого выглядывают ломти мяса, варящиеся в какой-то жидкости. Но нам неизвестно, что египтяне делали с вареным мясом: может быть, мелко крошили и подавали на стол с овощами и специями, может быть, скатывали в шарики и делали нечто вроде котлет или лепешек. Египтяне не оставили нам ни одной поваренной книги, однако мы можем судить об их изобретательности по медицинским папирусам, где приведены многие рецепты средств против несварения желудка. Они знали, что масло, сливки (*сми*), а также гусиный и говяжий жир прекрасно подходят для приготовления сладостей. На кухне в доме визиря

Рехмиры мы видим на печи котел, явно слишком мелкий для варки мяса. Повар, если верить подписи, заливает в котел жир, а его помощник мешает содержимое кастрюли каким-то инструментом с длинной ручкой, вилкой или ложкой - неясно. Скорее всего, они готовят что-то вроде рагу.

Глагол *ашер* означает «жарить». Ощипав и выпотрошив гуся или утку, повар отрезает голову, кончики крыльев и лапки, насаживает птицу на вертел и держит на вытянутых руках над невысокой жаровней. Так жарили, по всей вероятности, не только птицу, потому что у нас есть запись, где словом *ашер* (жаркое) называется какое-то мясное блюдо. Слово, используемое для обозначения филе, переводится как «отборное мясо», вырезку называли словом, которое в буквальном переводе означает «плоть». Эти части тоже, скорее всего, жарили на вертелах.

Приготовление гуся (Петрик, Дешаша)

Геродот сделал следующие замечания относительно употребления рыбы и птицы в Древнем Египте: «Египтяне одну рыбу едят сырой, другую сушат, третью же просаливают в рассоле. Перепелок, уток и мелких птиц едят они также в соленом виде. Птицу и рыбу прочих пород едят они жареной или вареной». Изображения и тексты в общем подтверждают эти сведения. Кефаль, хромисов и мормиров приносят в корзинах и вываливают на землю. Сидя на деревянном табурете, повар ножом вспарывает им брюхо и раскладывает для сушки. Хозяин и его жена увлеченно наблюдают за его работой, запах, по-видимому, ничуть их не смущает. Икру кефали откладывают в сторону, чтобы позже приготовить из нее особую приправу. Множество выпотрошенной рыбы отправляли в храм вместе с рыбой «цельной», что, вероятно, означало свежую рыбу. Храмы также получали горшки, наполненные рыбой под «парусным деревом» (Брестед переводит это выражение как «рыба под деревянной крышкой»). Очевидно, речь здесь идет о каком-то неизвестном нам способе хранения рыбы. Иногда нам попадаются изображения, на которых водяных птиц потрошат рядом с рыбой, подготовленной к солению, так что их тоже, вероятно, ели сушеными или засоленными. Водоплавающих птиц иногда потрошат неподалеку от места, где сушат рыбу, наверняка для того, чтобы засолить и провялить их. В храмы посылали иногда живую птицу, иногда целые птичьи тушки, которые быстро съедали, а иногда разделанную и вяленую птицу, которая могла сохраняться более продолжительное время.

5. Выпечка

Кулинарный словарь эпохи Раннего царства насчитывал не меньше пятнадцати слов, обозначающих различные виды хлеба или лепешек. В более поздних текстах мы находим несколько дополнительных терминов. Описать все эти сорта хлебных изделий, увы, не представляется возможным. Скажем лишь, что они отличались мукой, формой, степенью пропеченности и всевозможными добавками в тесто, такими, как мед, молоко, разнообразные фрукты, жир или масло и так далее. Египтяне пользовались ячменной (*им*) и пшеничной (*сут*) мукой, а также мукой из полбы (*бути*). Богачи держали зерно либо во дворе, ли-

бо на крыше дома. Некоторые самостоятельно мололи зерно и пекли хлеб (именно так поступали в храмах), другие - те, что победнее, - обычно пользовались услугами мельников и пекарей.

Очищенное зерно сначала отдавали на размол. Немного зерна насыпали в каменную ступу, и два или три здоровяка тщательно толкли его с помощью тяжелых деревянных пестов. Когда зерно было таким образом раздавлено, женщины просеивали его, откладывая отруби для скота, а остальное передавали мельнику. Конические мельницы еще не были известны египтянам, поэтому они пользовались большой колодой с двумя отделениями. Мельник насыпал зерно в верхнее отделение и, нагнувшись, начинал водить по нему взад-вперед тяжелым камнем, ссыпая муку в нижнее отделение. Затем муку снова просеивали и снова мололи, пока, наконец, она не достигала требуемой степени помола. Работа шла под несмолкающее пение: «Да ниспошлют боги этой земли силу и здоровье моему господину!» Каждый день готовили ровно столько муки, сколько необходимо было на дневную выпечку. На некоторых изображениях мы видим, как пекари работают бок о бок с помольщиками. Тем временем какая-то женщина расставляет над очагом остроконечные формы таким образом, чтобы пламя лизало их изнутри. Прикрыв глаза рукой, чтобы не попали искры, она веером раздувает огонь. После того как формы нагрелись, их переворачивали, ставили на специальную доску с круглыми отверстиями и наполняли тестом, в которое предварительно добавляли дрожжи. Потом формы закрывали и ставили на очаг. Готовые хлеба извлекали из форм, пересчитывали - египтяне больше всего любили пересчитывать продукты своего труда - и относили в корзинах заказчикам.

Так делали хлеб со времен Раннего царства. Этот способ отнимал много времени и требовал участия многих работников, которых приходилось кормить (а то и платить им за работу). На росписи в гробнице перед нами предстает забавная сценка: голодный ребенок с мисочкой в руках подходит к матери, которая обеими руками раскатывает тесто. Он просит кусочек лепешки, а взамен получает нагоняй за то, что его прожорливость превосходит потребности обыкновенного царского раба. В Новом царстве хлеб делали точно так же, но начали пользоваться большими печами, где можно было выпекать по многу хлебов сразу. Кроме того, египтяне с незапамятных времен умели печь лепешки на раскаленном песке, как современные бедуины.

6. Напитки

Национальным напитком древних египтян было пиво, которое пили повсюду - дома, на открытом воздухе, на борту корабля и в харчевнях. Получивший царское прощение Синухе возвращается на корабле из Путей Хора в Ититауи и с удовольствием пьет пиво, которого так долго был лишен, в знак возвращения к египетскому образу жизни. Пиво делали из ячменя или пшеницы и фиников. Пивовары использовали примерно такие же формы, как пекари, корзины и целый набор глиняных кувшинов и мисок. Для начала выпекали несколько хлебов. Как и в пекарне, вокруг очага выстраивали пирамиды форм. Одновременно замешивали специальное тесто под названием *уаджет* (свежее). Потом его переливали в нагретые формы и держали на огне, пока хлеба не покрывались румяной корочкой. Внутри они оставались сырыми. Затем недопеченные хлеба крошили в большие бадьи и заливали сладким соком, выжатым из фиников. Полученную массу тщательно перемешивали и процеживали. Вскоре жидкость начинала бродить. Готовое пиво разливали по кувшинам и закрывали специальными пробками, которые представляли собой маленькие плоские диски, запечатанные сверху кусочком материи, пропитанной илом. В таком виде кувшины можно было безопасно перевозить на дальние расстояния. Перед употреблением пиво переливали в специальные пивные кувшины, вмещавшие три-четыре пинты. За столом его обычно пили из каменных, фаянсовых или металлических кубков. Горькое нубийское пиво делали примерно так же, но его нельзя было долго хранить. Когда умирал царь,

говорили, что он отправился в страну, где хлеб не черствеет, а пиво не киснет. Из этого можно сделать вывод, что в реальной жизни пиво частенько скисало.

Переливание вина в кувшины (Дейвис. Гробница Рехмиры)

С тех пор как в Египте стали править цари родом из Дельты, высоко ценившие виноград, этот дар Осириса стали возделывать в невероятных количествах. Это эпоха расцвета торговли вином. Один из царских чиновников, отвечавший за поставку вина во дворец, прибыл в Пер-Рамсес с тремя судами - собственным кораблем и двумя баржами, выделенными Домом миллионов лет Усермаатра. На борту судов был двадцать один пассажир, пятнадцать сотен запечатанных кувшинов вина, пятьдесят кувшинов напитка под названием *шедех* и столько же кувшинов напитка *паур*, а также несколько корзин винограда, гранатов и прочих фруктов. Вероятно, один из упомянутых напитков был сделан из гранатового сиропа, а второй был каким-то ликером; так или иначе, *шедех* часто упоминается, когда речь идет о вине. Школярам нравились оба напитка, к большому неудовольствию их учителей-писцов.

В Рамсесеуме было обнаружено большое количество винных кувшинов. Многие, разумеется, были разбиты, однако на них остались следы иероглифических надписей, которые содержали интересную информацию о происхождении содержавшегося в кувшинах вина. Почти все виноградники находились в Дельте, вернее, в восточной ее части. В различных текстах упоминается «доброе восьмикратное вино, и «трехкратное вино», а также «сладкое вино». Я уверен, что под «сладким» подразумевается молодое вино, тогда как «трехкратное» или «восьмикратное» указывает на то, сколько раз вино подвергалось процеживанию - многократно процеженное вино дольше хранилось. Другой способ уберечь вино от закисания заключался в кипячении. Этот процесс изображен на одной из росписей в Бени-Хасане, к сожалению, она довольно плохо сохранилась. Не знаю, натирали ли египтяне внутреннюю поверхность винных кувшинов смолой, как это делали греки. Едва ли, поскольку выше всего в Египте ценилось вино сладкое как мед.

7. Трапеза

Итак, мы описали основные продукты, служившие пищей египтянам. Мы не располагаем документами, в которых достаточно подробно сообщается, как подавали еду в частных домах. Можно с уверенностью утверждать лишь одно: египтяне ели либо в одиночестве, либо парами, сидя за маленькими столиками, уставленными блюдами с мясом, птицей, фруктами и овощами. Дети усаживались на подушки или на циновки на полу.

Семья редко собиралась за столом по утрам. Главе семьи еду подавали сразу после умывания. На завтрак он обычно получал хлеб, пиво, толстый ломоть жареного мяса и лепешки (*шенес*). Его жена ела, как правило, сразу по окончании утреннего туалета или пока служанка трудилась над ее прической. На одной из росписей в Фивах слуга подносит сво-

ей госпоже чашу, в то время как она смотрится в зеркало. На столике перед ней шкатулка и две вазы.

Основная трапеза состояла, по-видимому, из мяса, птицы, овощей и фруктов по сезону, хлеба и лепешек. Египтяне обильно запивали свою пищу пивом. Совсем не обязательно, что мясо ели каждый день и за каждой трапезой;

Египет - страна с жарким климатом, а розничная торговля здесь была развита крайне слабо. Позволить себе забить быка мог лишь тот, кто был уверен, что справится с ним за два-три дня, то есть крупные землевладельцы, жрецы и люди, которые собирались устроить пиршество. Обычные люди могли зарезать быка только по случаю праздника или паломничества. Мне известен только один рельеф, где египтяне изображены во время еды. Он находится в гробнице в Тель-эль-Амарне. За столом сидит Эхнатон со своей семьей: царь с большим аппетитом ест кусок сочного мяса, а его супруга - птицу. Одной рукой она подносит пищу ко рту, а другой протягивает кусочек одной из маленьких царевен. Вокруг стоят столы, заваленные самыми разнообразными яствами, однако в глаза бросается отсутствие блюд, тарелок, мисок и чаш. Это тем более удивительно, что в археологических музеях мы можем видеть огромные коллекции глиняной посуды, в которой обычно подавали супы, соусы, овощи и гарниры, сладости, фрукты и сливки. Поэтому я полагаю, что в какой-то момент гости получали не только тарелки, но и ножи, ложки и вилки - столовые приборы также можно порой увидеть в музеях. В Лувре, например, хранится прекрасный набор деревянных ложек с восхитительно красивыми ручками - похоже, что ими никогда не пользовались. Над гробницей царя Осоркона II я нашел ложку, рукоятка которой выполнена в виде человеческой руки, вставленной в металлическую трубку. Кстати, под столиками с овощами и фруктами часто можно увидеть тазик и кувшин для омовения рук. Это доказывает, что египтяне обычно ели руками.

Иногда в середине дня, около четырех-пяти часов, устраивали дополнительную трапезу, после которой египтяне возвращались к работе или развлечениям.

8. Вечер

Осенью и зимой крестьяне работали до наступления темноты. Возвращаясь с поля, они надеялись найти свой дом освещенным. Когда Анупу вошел в свой дом, погруженный в темноту, он сразу почувствовал, что произошло что-то ужасное. Даже у бедных крестьян было чем осветить дом в темные вечера, а школяры и ремесленники в сумерках продолжали работать при свете ламп, заправленных касторовым или оливковым маслом. В наших музеях хранятся несколько приспособлений, предназначенных для освещения. В одной из гробниц Первой династии я нашел красивую каменную лампу в форме бутона цветка папируса с желобком для фитиля. Другие лампы были сделаны в форме лотоса. В Лувре хранятся несколько маленьких плоских мисок с черным следом от фитиля, который, по всей видимости, пропитывали жиром. Подобными простыми светильниками пользовались работники, трудившиеся в некрополе и гробницах. Египтяне также изготавливали свечи, которые применялись в храмах ночью накануне наступления нового года или в канун праздника *уаг*. Свечи, похоже, стоили очень дорого, поскольку мы знаем, что отвечавший за них служитель получил высокое вознаграждение за то, что передал уже послужившие свечи жрецу *ка* Хapidжефаи, чтобы тот мог осветить ими статую своего господина. Усопшему желали, чтобы его лампа горела до самого рассвета, а по случаю пяти добавочных дней года ему преподносили пять конусообразных сосудов с ручками, напоминающими по форме рождественские елки, верхняя часть которых была облита воском и могла гореть. Такие лампы должны были скрасить умершему одиночество. Никаких фактов, что ими пользовались живые, не обнаружено.

На основе этих, весьма, впрочем, скудных сведений сложно понять, каким образом освещались дома. Так или иначе, египтяне не засиживались вечерами подолгу. Они вставляли

с первыми лучами солнца, поэтому и ложились довольно рано (это конечно же не относится к жрецам и ночной страже). В рассказе о покушении на свою жизнь, раскрывшем ему людскую неблагодарность, царь Аменемес I упоминает, что после *месита*, то есть вечерней трапезы, он посидел с часик и отправился на свое ложе, где, сморенный усталостью, вскоре уснул. После ужина египтяне проводили час-другой в беседах у тусклой коптящей лампы, а затем в доме до самого утра воцарялась тишина.

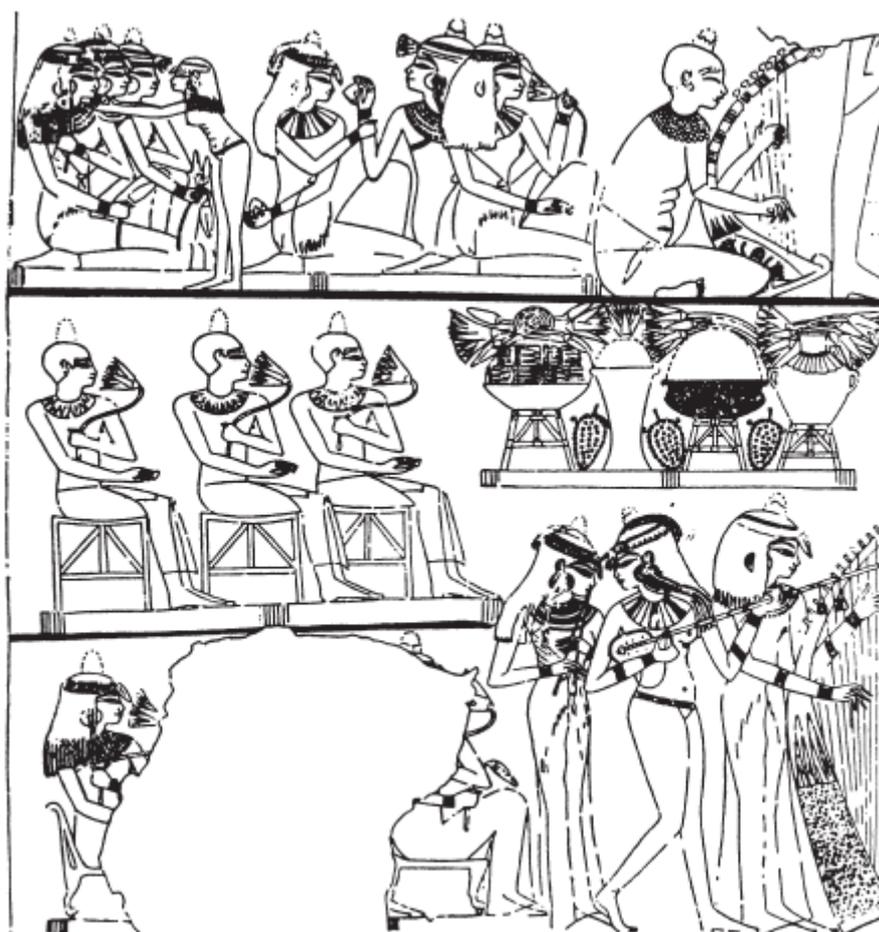
9. Пиршества

Богатый египтянин не испытывал недостатка в свободном времени и хорошо знал, как с толком провести его. Охота в пустыне, пешие прогулки, паломничества в храмы, ловля рыбы и птицы на болотах, посещение харчевен - выбирай любое. При желании он мог приятно провести время в стенах своего дома.

Едва ли что-либо могло доставить египтянину больше удовольствия, чем пиршества, на которые созывали многочисленных родственников и знакомых. На рельефах в гробницах часто встречаются сцены пиров в «домах вечности», на которые в качестве гостей собираются призраки умерших. Эти застолья, однако, во всех мелочах совпадают с пирами, на которых веселился при жизни хозяин гробницы. Благодаря этим сценам, а также древним текстам мы можем описать, как это происходило.

Разумеется, во всем доме - в кладовках, на кухне и в гостиной - поднималась страшная суета. Забивали быка. Делили тушу. Готовили жаркое, тушеное мясо, соусы. Ощипывали и жарили на вертелах гусей. Расставляли кувшины с пивом, вином и ликерами, пересыпали в корзины и раскладывали на блюдах фрукты. Все это тщательно накрывали от насекомых и пыли. Из шкафов вытаскивали золотые и серебряные чаши, алебастровые вазы, расписную глиняную посуду. В сосудах из пористой глины охлаждалась вода. Весь дом был вычищен и вымыт до блеска, садовые аллеи подметены, опавшие листья подобраны. Музыканты, певцы и танцоры уже собрались. Привратники стояли у дверей. Теперь все ждали гостей.

Если среди гостей должны были присутствовать важные персоны, хозяин сам встречал их у входа в сад и проводил в дом. Точно так же поступали жрецы, когда царь удаивал храм своим посещением. Если глава семьи отправлялся в царский дворец и возвращался оттуда осыпанный всевозможными милостями, домашние тоже выходили поприветствовать его у дверей. Порой хозяин дожидался приглашенных в гостиной, как фараон в приемной зале. В таких случаях гостей встречали дети и слуги.

Гости на пиру (Дейвис. Гробница Нахта)

После встречи хозяин и гости начинали долгий обмен приветствиями и комплиментами. Судя по надписям на стелах, египтяне готовы были без устали разглагольствовать о собственных добродетелях. Гость обычно обращался к хозяину с пространной речью вроде той, которую мы читаем на одном из папирусов времен Рамсесидов. «Да пребудет милость Амона в твоём сердце! Да дарует он тебе счастливую старость и да поможет провести жизнь твою в веселии и добиться всяческих почестей! Губы твои здоровы, члены могучи, а глаза остры. Одежания на тебе из чистого льна, ты правишь колесницей, сжимая в руке плеть с золотой рукоятью и новые вожжи. В твоей упряжке сирийские жеребцы. Негры бегут впереди тебя, расчищая тебе дорогу. Ты всходишь на свою лодку из пихты, покрытую украшениями от носа до кормы. Ты возвращаешься в свой прекрасный дворец, который сам построил. Рот твой полон вина и пива, хлеба и мяса и лепешек. Быки уже разделаны, а вино распечатано. Приятное пение услаждает твой слух. Хранитель благовоний распространяет над тобой аромат душистых смол, а садовник приносит тебе гирлянды цветов. Охотник приносит тебе перепелок, а рыбак - разной рыбы. Твой корабль привозит тебе из Сирии всякие драгоценные грузы. Твой хлев полон быков. Твои женщины-прядильщицы преуспевают. Ты неуязвим, и враги твои повержены. Худое, что люди говорят о тебе, неправда. Ты предстаешь перед божественной Эннеадой (девять божеств, которые судят людей) и, торжествуя, выходишь!»

В соответствии с правилами хозяин должен был дать не менее любезный ответ. В некоторых случаях он мог с интонацией легкого снисхождения пробормотать себе под нос: «Добро пожаловать!» или «Да будут хлеб с пивом на твоём столе!». Вежливее, однако, было пожелать прибывшему божьего благословения: «Да будешь ты жив, здоров и силен! Да пребудет с тобой милость Амона-Ра! Молю Ра-Хораhti, Сета и Нефтис и всех богов и богинь нашего края ниспослать тебе жизни и здоровья, дабы я видел тебя в благополучии и мог обнять!» Царскому придворному надлежало сказать: «Я молю Ра-Хораhti от его

восхода до отхода ко сну, и всех богов Пер-Рамсеса, и великого *ка* Ра-Хораhti даровать тебе милость Амона-Ра. Я взываю к *ка* царя Банра Мериамона (да будет Жив, Здоров и Силен!) - твоему доброму повелителю (да будет Жив, Здоров и Силен во всякий день!).

Покончив с комплиментами, пожеланиями и приветствиями, объятиями и поцелуями, гости и хозяйева могли занять свои места. Хозяин садился на стул с высокой резной спинкой, деревянное сиденье которого было инкрустировано золотом и серебром, бирюзой, сердоликом и лазуритом. Такие же роскошные стулья предоставлялись почетным гостям. Остальные усаживались на более скромные стулья с обычными или перекрещенными ножками. В бедных домах гости располагались на циновках на полу.

Юные девушки предпочитали сидеть на кожаных подушках. Мужчины и женщины расаживались в разных половинах комнаты. Рассудительный и мудрый Птахотеф советует молодым людям и даже зрелым мужчинам не слишком заглядываться на женщин в доме друзей. Его совету следовали не всегда. Иногда мужчины и женщины садились вместе, и тогда муж мог не расставаться с женой. Слуги и служанки сновали между гостями с цветами и благовониями. На изображениях служанки всегда молоды и красивы. На них надеются прозрачные накидки, не скрывающие их прелестей. Часто на них вообще ничего не было - только ожерелье да пояс. И мужчины и женщины получали цветок лотоса и водружали на голову белый колпачок. Служанки делали эти украшения из волос, обмазанных ароматным маслом, которое черпали из большой чаши. Хозяйева дома, их дочери и служанки имели на голове это украшение, обязательное для торжественных приемов. Именно на него намекает автор восхваления, процитированного выше: «Твой хранитель благовоний распространяет над тобой аромат душистых смол». Без благовоний не может быть радости! К тому же они отбивали запахи пива, вина и жаркого. Служанкам эти маленькие конусы на голове, по-видимому, нисколько не мешали. Художники, которые никогда не упускали случая изобразить даже в гробнице какой-нибудь смешной или нелепый эпизод, ни разу не показали, чтобы это благоуханное украшение свалилось у кого-нибудь с головы. Водружая его, служанки ловкой рукой поправляли нагрудное ожерелье гостя.

Наконец настал момент подавать яства, приготовленные поварами и кондитерами. Тут были блюда на самый взыскательный вкус. Старый Птахотеф предупреждал: чтобы заслужить милость богов и добрую репутацию среди людей, необходимо проявлять умеренность не только в словах и взглядах, но и в еде. Хозяйева старались усладить не только желудок, но и слух гостей, поэтому ни одно пиршество не обходилось без музыкантов. В Египте во все времена обожали музыку: даже когда еще не было музыкальных инструментов, египтяне сопровождали песни хлопками в ладоши. Флейта, гобой и арфа появились в эпоху строительства пирамид. Они звучали то все вместе, то по двое, то поодиночке. К эпохе Нового царства, отчасти под влиянием культуры соседних народов, многие музыкальные инструменты были существенно усовершенствованы. Арфы становятся больше: объем резонатора удваивается, количество струн возрастает. Одновременно появляются маленькие переносные арфы, средние - с подставкой и большие - настоящие произведения искусства с нанесенным на них растительным или геометрическим орнаментом, с резными позолоченными головками наверху или у основания стойки. Цитра была привезена в Египет из Азии. Мы видим бедуинов (*аму*), пришедших в Менат-Хуфу (близ современного Бени-Хасана), чтобы встретиться с губернатором нома Орикс, с цитрами в руках. Некоторые музыканты - судя по всему, тоже иноземцы - играют на огромных цитрах с подставкой. Были и небольшие изящные цитры всего с пятью струнами. Видоизменилась и двойная флейта: трубки из стеблей камыша теперь сходились под острым углом (раньше они были скреплены по всей длине, параллельно одна другой). Лютня представляла собой маленькую продолговатую коробку, плоскую с боков, с шестью или восемью отверстиями и длинным грифом, украшенным лентами, на котором были натянуты четыре струны. Барабаны делали круглыми или квадратными, но ими пользовались главным образом во время народных и религиозных празднеств. То же самое относится и к другим инструментам - трещоткам и систрам. Трещотки, по-египетски *менат*, состояли из двух одинаковых дис-

ков из слоновой кости или дерева; их подвешивали на обруч. Сistr делался в форме головы богини Хатхор, покровительницы пиров и музыки, прикрепленной к длинной ручке. Вместо рогов в головной убор богини были вставлены длинные металлические столбики, между ними натягивали проволочки с нанизанными на них маленькими металлическими дисками. Потряхивая систром, музыканты извлекали из инструмента длинные или отрывистые звуки, которые хорошо подходили в качестве аккомпанемента пению. Менат сильно напоминал современные кастаньеты, так что любой поклонник испанского танца представляет себе, каким образом они использовались. Певицы также могли сопровождать свое пение хлопками в ладоши.

Мерерука слушает музыку (*Клебс*. Рельефы и живопись Нового царства)

Чтобы развлечь гостей, хозяева часто приглашали акробатов. Они демонстрировали свою ловкость и изящество, выгибаясь назад так, что касались пола волосами.

Итак, даже после того как гости наелись, пиршество продолжалось: начинались выступления музыкантов, певцов и танцоров, а приглашенные с еще большим удовольствием поглощали лакомства. Певцы на ходу сочиняли стихи, прославляющие щедрость хозяина или великодушные богов. «Его безупречность в сердце каждого мужа... Птах сделал это собственными руками для умащения сердца своего. Каналы вновь наполняются водой: Земля орошается его любовью». «Счастлив его день, - подхватывает второй, - когда человек постигает красоту Амона! Сколь сладостно это, заставить весь свод небесный звенеть хвалой ему!» За все на земле подобало благодарить богов, но египтяне всегда помнили, что им недолго наслаждаться их дарами, ибо срок жизни короток. А потому следует от всего сердца наслаждаться этим прекрасным днем, когда милость богов так удачно соединилась с щедростью гостеприимного хозяина. Арфист Неферхотепа напоминает об этих истинах на одном из пиров: «Тела человеческие возвращаются в землю с начала времен, и место их занимают новые поколения. До тех пор пока Ра восходит утром, а Атум заходит в Ману, мужчина оплодотворяет, а жена разрешается от бремени и каждый вдыхает воздух через ноздри. Но однажды каждому из рожденных суждено отправиться в свое место [то есть умереть]. Проведи же свой день в счастье, о жрец! Да радуют прекраснейшие души и благовония твое обоняние, да украшают лилии и гирлянды твои плечи и плечи возлюбленной сестры твоей, что сидит подле тебя. Да услаждают песни и музыка слух твой. Изгони невзгоды из мыслей своих и помышляй лишь о приятном, пока не придет день тебе отправиться в землю Мертсегера, обитель молчания. Проводи же свои дни в счастье, о Неферхотеп, правдивый голосом, прекрасный отец, чьи руки чисты. Я слышал обо всем, что приключилось [с нашими прародителями]. [Стены городов их] сровнялись с землей,

жилищ их нет боле, и самих их будто бы никогда не было с начала времен. Стены твоего дома крепки. Ты посадил сикоморы на берегу твоего пруда, и твоя душа отдыхает под ними и пьет их влагу. Следуй же призывам твоего сердца и не поддавайся сомнениям, пока ты на земле. Давай хлеб тому, кто ничего не имеет, чтобы имя твое превозносилось вовеки. Проводи дни в счастье... Подумай о дне, когда ты должен отправиться в землю, куда отправляются все люди. Нет человека, которой мог бы взять туда свое богатство, и нет от туда возврата».

Другой арфист напоминает нам, что тщетно пытаться избежать смерти. Египет во времена Рамсесов был уже древней страной, и любой мог видеть, какая судьба ждала великие пирамиды. «Боги, что были в старинные времена, покоятся в своих пирамидах, подобно мумиям и духам, также погребенным в пирамидах. Они были построены, чтобы стоять вечно. Что стало с ними? Я слышал слова Имхотепа и Хардидера во многих песнях. Их гробницы разрушены, их жилищ больше нет, как будто и не было никогда. И никто не приходит оттуда, чтобы рассказать, какими людьми были они и что имели».

«А потому, пока жив, следуй желаниям своего сердца. Окропляй чело свое маслами, укрывай свое тело льняными одеждами, умащай себя редчайшими благовониями, дарованными тебе богом... Следуй своему сердцу и делай себе благо, пока живешь на земле. Не давай сердцу обесилеть, пока не пришел еще для тебя день, когда человеку надо взывать о милосердии, моля бога, чье сердце уже не бьется, услышать взывающего к нему...»

К периоду Нового царства египтяне уже не довольствовались простым перечислением печалей загробного мира и радостей жизни на земле, чтобы побудить сотрапезников воспользоваться этими радостями. Греческие авторы, чьим словам вполне можно доверять, рассказывают, что по окончании трапезы хозяин показывал гостям маленький деревянный гробик, в котором лежала раскрашенная фигурка мертвеца (спеленатой мумии). В одном из частных домов в Танисе мне посчастливилось найти несколько подобных фигурок длиной примерно восемнадцать дюймов. Хозяин демонстрировал их гостям со словами: «Взгляни, а затем пей в свое удовольствие, ибо когда умрешь, то будешь подобен ему». Если верить Плутарху и Геродоту, именно так вели себя египтяне за веселым шумным застольем. Лукиан, утверждавший, что пишет лишь о том, что видел сам, рассказывает, что на пиру Неферхотепа мертвецы были в числе гостей. Мы не располагаем доказательствами, что Неферхотеп приглашал мертвецов на пиршества или что хозяева показывали гостям маленькие фигурки мумий, подобно тому как греческий плутократ Тримальхион развлекал гостей серебряным скелетом с подвижными суставами.

К тому же гости и так охотно следовали советам сладкоголосого арфиста. Призыв веселиться, пока живешь на земле, часто воспринимался как повод хорошенько выпить. Вот, например, как проходил пир, устроенный Пахери и его женой. Хозяин и хозяйка сидят рядышком. Привязанная к ножке стула Пахери обезьянка вытаскивает из корзины фиги и уплетает их за обе щеки. Позади стоят слуги. Родители Пахери удобно расположились напротив сына. Дядья, двоюродные братья и приятели хозяина сидят на циновках на полу. Между ними снуют слуги: одни разносят чаши с выгнутыми краями, другие прислуживают женщинам. «Здоровья твоему *ка!* - кричит один из гостей, поднимая полную чашу вина. - Пей, пока не опьянеешь! Проводи свой день в счастье, послушай, что говорит твоя подруга!» Женщина, о которой он говорит, только что приказала слуге: «Подай мне восемнадцать мер вина! Как я люблю его». Другой слуга поддерживает ее: «Не стесняйся ни в чем, ибо я не отойду от него ни на шаг [кувшина с вином]». Рядом с ним другая женщина, устав дожидаться своей очереди, кричит: «Пей, не привередничай! Дойдет ли до меня чаша? Поистине это царь всех напитков». В углу две женщины, позабытые слугами, делают вид, что отклоняют воображаемое угощение. Пахери жил в годы окончания освободительных войн в Нехебе, поэтому его пир, по-видимому, носит несколько провинциальный, грубоватый характер. Однако на фиванских пиршествах *манерос* (по Плутарху, термин, соответствующий греческому принципу «умеренности во всем») также не очень то соблюдался. Нередко на сценах пирушек мы видим перепивших мужчин и женщин, ис-

торгающих отвратительные струи рвоты. Их соседи не находят в этом ничего необычного. Они поддерживают головы своих ослабевших товарищей и, если нужно, помогают им дойти до ложа. Слуги проворно приводят все в порядок, и всеобщее веселье продолжается.

10. Игры

Пирь устраивались далеко не каждый день. Хозяин и хозяйка дома знали, как с удовольствием провести будничные дни: они любили посидеть в беседке в своем саду, наслаждаясь свежестью мягкого северного ветра, или поплавать в лодке по своему озерцу, забавляясь рыбной ловлей. Одним из любимых развлечений супругов была игра в шашки. Прямоугольная доска была разделена на тридцать три поля. Белые и черные фигуры напоминали современные шахматные пешки. Игроки сидели на табуретах, подложив под ноги подушки. Сохранилось много изображений таких сценок. Вот супруги играют друг с другом, или подле отца стоит, обнимая его за шею, дочь. Петосирис играет со своими друзьями после завтрака, ожидая, когда придет время отправиться в его комнату, чтобы освежиться холодным пивом. Некий фиванец, видимо, не имея достаточно терпения дождаться, когда наступит сладостный час, пьет пиво, не отрываясь от игры. Правила этой игры нам неизвестны, но, похоже, в отличие от современных шашек, где ходы игроков зависят исключительно от их умения, египтяне бросали кости, чтобы определить, куда следует передвинуть свою фигуру.

Играющие мальчики (*сверху*). Сборщики и давилышки винограда (*снизу*). (Дейвис. Масаба Птахотепа)

В древние времена игры были более многочисленными и более разнообразными. Самой популярной была игра в змею (*мехен*). Играли в нее на невысоком столике, на поверхности которого была вырезана или выложена драгоценным камнем свернувшаяся кольцом змея. Голова ее находилась в центре столика; тело по всей длине было разделено косыми линиями на клетки. Игра проходила с помощью фигур: трех львов, трех львиц, а также черных и белых шаров. По окончании игры фигуры складывали в ларец, сделанный из черного дерева. Неизвестно, продолжали ли египтяне играть в *мехен* после окончания эпохи Раннего царства. В гробницах времен Первой и Второй династии были найдены целые наборы львов и львиц из слоновой кости, а также фигурки, по-видимому, использовавшиеся в каких-то других играх. Некоторые имели вид домика с островерхой крышей, другие сильно напоминают шахматных королей и ладьи. Трудно поверить, что все эти разнообразные и увлекательные игры, кроме одной или двух, были впоследствии совсем забыты. Вообще египтяне очень любили играть. Мужья, жены и друзья играли, чтобы развлечься, враги - чтобы разрешить спор. Дети тоже играли в разные простые игры. Когда мальчиков было много, они разделялись на две группы и становились друг за другом. Игрок, стоявший сзади, обхватывал руками предыдущего, а передние вставали друг против друга, сплетали руки и пытались повалить противника. Те, кто стоял сзади, подбадривали их

криками: «Твоя рука сильнее его руки! Не отпускай его!» А противники отвечали: «Наш сильнее! Ну-ка покажи ему, друг!»

Девочки, играющие в мяч (*Ньюберри*. Бени-Хасан, II)

Игра в «козленка на земле» напоминала наш бег с препятствиями. Два мальчика садились друг против друга, вытянув вперед руки с широко растопыренными пальцами и положив ноги так, чтобы левая пятка опиралась на пальцы правой ноги. Это и было препятствие, через которое остальные игроки должны были перепрыгивать так, чтобы не быть пойманными. Сидящие игроки, «препятствие», разумеется, старались схватить их за ногу и повалить на землю: поваленный и был «козленком на земле». Разбежаться и не прыгнуть считалось жульничеством - наоборот, сидящих надо было предупреждать о своем приближении криком: «Берегитесь, ребята! Вот и я!» Еще дети состязались в скорости, но, поскольку бегать просто так было скучно, они устраивали бег на коленях, скрестив ноги и удерживая их руками за спиной. Если среди них находился взрослый мальчик, он становился на четвереньки, а двое малышей, сцепившись руками и ногами, раскачивались на его спине, как на качелях. Другая игра заключалась в метании дротика в цель, отмеченную на земле. Состязались также в меткости, стараясь поразить дротиком цель, нарисованную на земле. Эта цель неизвестно почему носила имя бога Сешему, весьма уважаемого бога-покровителя виноделов. Скорее она должна была носить имя убийцы Осириса. Увлекались дети и борьбой. Когда их было достаточно много, одни выстраивались в некое подобие крепостной стены, замкнутого круга, в котором каждый держался за плечи соседа. Остальные пытались вскочить на эту стену так, чтобы их не поймал ведущий. Порой игры переходили в драки: того, кто проявлял неловкость или пытался жульничать, хорошенько угощали пинками и оплеухами. Иногда его даже связывали, как настоящего преступника, и мучители избивали его палками с наконечниками в виде человеческой руки.

Девочки предпочитали игры, которые требовали не столько силы, сколько ловкости. Одной из любимых игр было жонглирование. Или же маленькие девочки забирались на плечи своих подруг постарше и перекидывались мячами. Иногда они, как мальчики, занимались борьбой. Но любимым развлечением конечно же были танцы. Каждая девочка должна была уметь танцевать, даже если она вовсе не собиралась в будущем стать профессиональной танцовщицей. Они привязывали к концу косы тяжелый помпон, брали в руки зеркало или палочку с наконечником в виде ладони, которые обычно просили у мальчиков. Украсив себя таким образом, они принимались кружиться, прыгать, извиваться в хороводе подруг, сопровождавших их танец пением и хлопками в ладоши. Песни, которые распевали девочки во время этой игры, не совсем понятны; можно сказать лишь, что в них упоминалась богиня наслаждений Хатхор. Один танец-игра выглядел весьма любопытно: две взрослые девочки становились спиной друг к другу и разводили руки в стороны. Четыре девочки поменьше повисали у них на руках и откидывались назад, упираясь ногами в ноги старших. По условному сигналу эта живая карусель начинала вращаться все быстрее и быстрее, пока, наконец, все не падали на землю, что означало конец игры.

В гаремах почти всегда можно было увидеть арфы, цитры, лютни и тамбурины. Это, несомненно, связано с тем, что египтяне любили проводить вечера, слушая музыку и песни. Кроме того, они обожали легенды и сказки. В папирусе Весткар, который хранится в Берлинском музее, рассказывается, как сыновья великого Хеопса пробудили в своем истомленном скукой отце интерес к жизни, по очереди рассказывая ему увлекательные истории

о чародеях и кудесниках. Несомненно, это незатейливое развлечение было доступно не только царю, но и простым смертным.

Глава V

СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ

1. Крестьяне

Любой, кто занимался физической работой, вызывал у писцов презрение, однако ниже всех они ставили земледельца. Крестьянин, как и орудия его труда, не может служить долго. Хозяин и сборщик налогов эксплуатируют и избивают его, сосед и вор отнимают у него имущество, непогода, саранча и муравьи разоряют его хозяйство. Долги не дают ему жить спокойно: и вот уже жену его бросают в тюрьму, а детей отбирают. Поистине жизнь земледельца - это нескончаемая цепь невзгод.

Однако греки, пришедшие в Египет из бесплодных земель, где даже самый скудный урожай добывался тяжким трудом, иначе смотрели на жизнь египетского земледельца. Геродот утверждает, что, когда поля засеяны, крестьянину остается лишь беззаботно дожидаться жатвы. Диодор идет еще дальше; по его мнению, «...если у других народов земледелие требует немалых забот и расходов, у египтян оно отнимает немного средств и труда». Среди египетских аристократов находились даже сторонники возвращения к земле. Писцы считали их кучкой безумцев и рисовали мрачные картины из жизни земледельца, чтобы наставить их на путь истинный. Впрочем, крестьянин из Соляного оазиса предстает перед нами не таким уж несчастным. Множество превосходных продуктов даровала ему щедрая земля Египта. Нагрузив ими своих ослов, он отправляется в Ненисут, где, получив за них хорошую цену, купит жене и детям различных лакомств. Жестокий грабитель, встретившийся ему на дороге, захватывает ослов и поклажу. Но тут в историю вмешиваются высокие власти. Если бы мы располагали окончанием этой истории, наверняка она завершилась бы хорошо: правосудие фараона восстанавливает справедливость. Вполне благополучна жизнь старшего брата в знаменитой «Сказке о двух братьях». Он владеет домом, землей, скотом, орудиями труда, зерном. Его жена может позволить себе оставаться дома, пока муж и его брат работают в поле, словно знатная дама, просиживая часы за туалетом. У нее было достаточно времени, чтобы без спешки прибраться в доме, приготовить еду и т. д. Когда муж усталый возвращался с поля, она подавала ему кувшин и тазик для омовения.

2. Полив сада

В главе, где речь шла о жилищах египтян, мы уже отмечали их любовь к садам. И горожане, и деревенские жители стремились иметь сад, чтобы выращивать фрукты и овощи. Наиболее трудоемкой из садовых работ, о которых мы располагаем лишь весьма обрывочной информацией, был полив. Сады и огороды делились на небольшие квадратные участки канавками, пересекавшимися под прямым углом. В древние времена и даже в эпоху Среднего царства садовникам приходилось ходить к водоему, чтобы наполнить круглые глиняные кувшины, которые они носили на коромысле, затем возвращаться в сад, переливать принесенную воду в одну из канавок и снова идти за водой, пока весь участок не будет должным образом орошен.

Это была нудная и тяжелая работа. Изобретение *шадуфа*, наверное, показалось египтянам истинным даром богов. На берегу водоема вкапывали вертикально толстый столб высотой примерно в два человеческих роста. Его могло заменить дерево с обрубленными ветвями, если росло в подходящем месте. К нему привязывали длинный шест, чтобы он мог вращаться во всех направлениях. К толстому концу шеста привязывали тяжелый камень. К тонкому подвешивали на веревке длиной восемь или девять футов глиняную бадью. Крестьянин тянул веревку вниз, чтобы наполнить сосуд, затем вверх, чтобы поднять его. Он выливал воду в желоб и все начинал сначала. В саду Ипуи работало одновременно четыре *шадуфа*. Эти примитивные приспособления довольно эффективны, что подтверждает их существование до сих пор. Однако, похоже, египтяне Нового царства использовали их только для полива садов - их нет ни на одной сцене, изображающей работы в полях. Водяное колесо, или *сагиэ*, чей скрип кажется сегодня неотъемлемой чертой египетской деревни, никогда не упоминается в документах эпохи фараонов, поэтому мы не можем сказать, когда оно появилось в долине Нила. Два отлично сохранившихся больших колодца были обнаружены в некрополе жрецов Тота в Оне, около гробницы Петосириса, в Антиное и в храме Таниса. Первый из них явно предназначался для *сагиэ*, но он не мог быть выкопан раньше, чем была построена гробница Петосириса, которая, по всей видимости, восходит ко временам царствования в Египте Птолемея Сотера.

3. Сбор винограда

В каждом саду был хотя бы небольшой виноградник, посаженный у стены дома или вдоль главной аллеи. Виноградные лозы обвивали жерди и шестки, выгибались, образуя пышные своды над головой, в разгар лета одаряя хозяина богатым урожаем сочных темных ягод, которые египтяне считали величайшим лакомством. Виноградарство всегда было хорошо развито в Дельте, хотя надо отметить, что в первую очередь виноград использовали не как десерт, а как продукт для изготовления вина. Лучшие вина получали из винограда, выращенного в районе болот (*мех*) в Имете на севере Факуса и рыболовной топи (*хами*) в Сине близ Пелусия и в Абеше. Вина из абешского винограда хранились в специальных оплетенных кувшинах, они особо упоминаются в перечнях продуктов. Еще до составления этих перечней вино из виноградника Себахорхентипета доставлялось в запечатанных сосудах в резиденцию тинисских фараонов (Первая династия, около 3000 г. до н. э.). Цари династии Рамсесидов, происходившие из Авариса (между Иметом и Сином), были тонкими знатоками вина и всячески поощряли развитие виноградарства и виноторговли. Именно периодом правления Рамсеса II датируется большинство черепков винных кувшинов, найденных в Рамсесеуме, в Кантире и в фиванских гробницах. На многих из них сохранились надписи, содержащие информацию о происхождении хранившихся в них вин. Если бы мы лучше были знакомы с географией Египта времен фараонов, по этим черепкам можно было бы воссоздать хотя бы приблизительную карту египетского виноделия. Что же касается Рамсеса III, то он говорил: «Я насадил для тебя виноградники в оазисах юга и севера и еще много в других южных землях. В Дельте число их умножилось сотнями тысяч. Я поставил садовников из иноземных пленников следить за ними. Я выкопал пруды и наполнил их водой, и лотосы качаются на их поверхности. Вино и сусло текут здесь, словно вода, чтобы принести их пред лицо твое в Фивах, граде побед».

Нам, увы, известен лишь один аспект египетского виноградарства и виноделия - сбор винограда. Сборщики срывают руками, не прибегая к ножам, тяжелые гроздья темных ягод, наполняют ими корзины, стараясь не раздавить, чтобы драгоценный сок не вытек из корзин, с песнями несут корзины на голове и пересыпают виноград в большой чан. Потом они возвращаются на виноградник. Насколько я помню, для перевозки винограда нигде не использовали животных. Там, где виноградарство было особенно распространено, корзины перевозили к давилям в лодках, чтобы не раздавить гроздья.

Чаны были круглыми и низкими. Неизвестно, из какого материала их делали, во всяком случае, не из дерева, поскольку мы знаем, что египтяне не умели делать даже деревянных бочек. Я предполагаю, они были каменными. Глина, гипс, фаянс могли придать вину неприятный привкус, в то время как некоторые твердые породы камня - например, гранит или сланец - хорошо поддаются полировке и вполне могут использоваться для изготовления абсолютно водонепроницаемого чана, который, кроме всего прочего, можно быстро и без труда очистить. Иногда их ставили на фундамент высотой два-три локтя и украшали рельефами. По обе стороны чана, друг против друга, стояли две узкие колонны или - если винодел не стремился к особому изяществу - два шеста с развилкой на концах. Они поддерживали поперечную перекладину, с которой свисали пять или шесть веревок. Когда чан наполнялся ягодами, сборщики забирались в него и, держась руками за веревки, начинали усердно давить виноград ногами. В доме Мера, визиря царя Пиопи I, мы видим двух музыкантов, которые сидят на циновках и поют под аккомпанемент деревянных трещоток, подбадривая виноделов и заставляя их двигаться в одном ритме. По каким-то необъяснимым причинам к эпохе Нового царства этот прекрасный обычай исчез. Впрочем, давитьщики вполне могли петь и сами. Сок вытекал через два или три отверстия в большие сосуды.

Когда весь сок был выдавлен, давитьщики переключивали раздавленные ягоды в прочный мешок, к каждому концу которого был привязан небольшой шест. Четыре человека брались за эти шесты и начинали вращать их в разные стороны, скручивая мешок. Это было нелегким делом. Давильщикам приходилось держать тяжелый мешок на весу и одновременно вращать шесты. При малейшем промахе сок вытекал на землю, поэтому между четырьмя давитьщиками стоял помощник, который удерживал мешок на месте и подставлял под него лохань для сока. В эпоху Нового царства для этой операции использовали специальное приспособление, которое состояло из двух столбов, прочно врытых в землю, с двумя отверстиями на одинаковой высоте. Между ними подвешивали мешок с двумя петлями на концах. Петли просовывали в отверстия и вставляли в них шесты. Теперь оставалось только крутить их. Давильщики с толком использовали всю свою силу, и ни одна капля виноградного сока не пропадала.

Сок, собранный в сосуды с широким горлышком, переливали в кувшины с плоским дном и оставляли бродить. Когда брожение заканчивалось, вино процеживали и переливали в специальные кувшины для перевозки - длинные, с острым дном, двумя ушками и узким горлом, которое запечатывали гипсом. Обычно их носили на плече. Самые большие и тяжелые кувшины подвешивали к шесту и тащили вдвоем. Как всегда, нашлось дело и для писца. Он считал пальмовые корзины, которые приносили сборщики винограда, а также записывал на кувшинах год изготовления, происхождение винограда, имя винодела и заносил все эти сведения в свои списки. Иногда владелец виноградника сам присутствовал при сборе и прочих операциях. Он устраивался так, чтобы работники могли его видеть, и они запевали в его честь хвалебные песни. Так, работники сада Петосириса пели: «Приблизься, господин, взгляни на свои виноградники, которым радуется сердце твое, пока виноградари давят перед тобой виноград. Лоза гнется под тяжестью ягод, и никогда они не были так полны соком в прежние годы. Пей и забудь о заботах, наслаждайся. Все желания твои исполнятся. Владычица Имета сделала так, чтобы твой виноград рос здоровым, ибо она желает тебе блага».

«Виноградари срезают виноград, а дети помогают им носить его. Уже восьмой час, «час, скрестивший руки». Приходит ночь, и роса небесная густо покрывает виноград. Поспешите выдавить ягоды и принести сок в дом нашего господина». «Все сущее от бога. Господин наш будет сладко пить, благодаря бога за своего *ка*». «Соверши возлияние в честь Ша [покровителя виноградной лозы], дабы он даровал тебе обильный урожай винограда в следующий год».

Египтяне, конечно, испытывали чувство благодарности к богам за хороший урожай, но, будучи практичным народом, никогда не забывали воспользоваться добрым расположени-

ем бога, чтобы испросить у него новых милостей. Порой рядом с давящим чаном изображали готовую к броске кобру с раздутым капюшоном. Ее голову венчал солнечный диск, помещенный между рогами, как у Исиды или Хатхор. Иногда она возлежит в изящном ковчеге, иногда извивается в зарослях папируса. Набожные люди ставили перед нею столик с хлебами, связкой латука и букетом лотосов, а рядом две чаши. Эта змея олицетворяет богиню урожая Ренутет, от чьей воли зависело благополучие закромов, кладовых и виноградников. Празднество в честь Ренутет справлялось в начале сезона *шему* и совпадало с началом сбора урожая. Виноделы чествовали ее отдельно, когда заканчивали давить виноград.

4. Пахота и сев

Сельское хозяйство в эпоху Рамсесидов было основано на выращивании зерновых культур. Поля пшеницы и ячменя простирались от болот Дельты до порогов. Крестьяне Египта были в первую очередь землепашцами. В течение четырех месяцев *ахет*, когда воды Нила затапливали поля, у них было относительно немного работы, однако, как только река возвращалась в свое русло, они спешили использовать каждый час, пока земля еще мягкая от влаги и легко поддается обработке. На многих изображениях полевых работ на заднем плане можно видеть лужи, а это означает, что крестьяне начинали работать, не дожидаясь, пока вода полностью спадет. Таким образом они могли обойтись без предварительной обработки почвы, имевшей огромное значение в европейских странах. Как раз такой момент выбран для начала «Сказки о двух братьях». Старший брат сказал младшему: «Готовь нам упряжку, будем пахать, потому что поле вышло из-под разлива, оно хорошо для пахоты. И ты тоже придешь в поле с зерном для посева, потому что мы начинаем пахать завтра утром». Младший брат сделал все, как ему велели. На следующее утро на рассвете они пошли в поле с зерном и приступили к пахоте. На росписях мы видим, что сеятели и пахари работали вместе, или, вернее, впереди шел сеятель, разбрасывавший зерно, а за ним - пахарь, засыпавший посеянное зерно землей. В Европе, как мы знаем, все делалось наоборот. Сеятель наполнял зерном корзину с двумя ручками высотой около восемнадцати дюймов и такой же длины. Он приносил ее из деревни на плече, а в поле привязывал к ней веревку и вешал себе на шею, чтобы удобнее было доставать и разбрасывать зерно.

Плуг и во времена Рамсесов оставался таким же примитивным, как в глубокой древности, когда его только придумали. Даже в эпоху Позднего царства особой необходимости совершенствовать это орудие не было. Такой плуг вполне подходил для того, чтобы взрыхлить мягкую землю, в которой не было ни дерна, ни камней. Выглядел он так: две вертикальные рукоятки, связанные с поперечиной, скреплялись внизу колодкой, к которой был привязан металлический, а иногда и деревянный лемех. Дышло привязывали веревкой к той же колодке между основаниями рукояток. На конце его находилось деревянное ярмо, которое клали на шею двух животных и для прочности привязывали к рогам.

Во время пахоты египтяне никогда не использовали быков - только коров. Это лишнее доказывает, что эта работа не могла быть слишком тяжелой. Известно, что рабочая корова дает мало молока, а значит, у египтян было достаточно коров и для дойки, и для полевых работ. Быков запрягали в катафалки во время похорон, или они таскали тяжелые каменные блоки. Пахарей обычно было двое. Труднее всего приходилось тому, кто держал рукоятки плуга. Сначала, держась за одну рукоятку, он щелкал кнутом, чтобы заставить коров двинуться с места. Затем, низко согнувшись, он всем телом налегал на плуг, в то время как его помощник, вместо того чтобы тянуть за собой упряжку, пятясь назад, спокойно шел рядом. Иногда эту работу поручали детям; нам известно изображение, где маленький голый мальчик гордо шествует около коров с маленькой корзинкой в руках. Он еще слишком мал, чтобы управляться с кнутом, поэтому ему приходится направлять ко-

ров только криком. Иногда рядом с коровами шла жена пахаря; она же и разбрасывала семена.

Долгий рабочий день не всегда проходил без приключений. У двух братьев кончилось посевное зерно, поэтому Бате пришлось спешно возвращаться за ним домой. Иногда происходили досадные несчастья, о которых предупреждал писец, так не любивший земледелие. Одна из коров спотыкается и падает. Она едва не сломала дышло и чуть не повалила вторую корову. Пахарь подбегает к ней. Он отвязывает несчастное животное и помогает ему подняться. Ничего страшного, вскоре упряжка уже готова тронуться снова как ни в чем не бывало.

Хотя египетские поля выглядели довольно однообразно, деревья на них встречались не реже, чем в наши дни. Развесистые сикоморы, тамариск, ююба, баланитес и персея зелеными пятнами оживляли черную вспаханную землю. Эти деревья не только служили материалом для сельскохозяйственных орудий, но и укрывали усталого пахаря от палящего солнца. Кроме того, придя утром на поле, он клал в тень корзинку с продуктами и большой кувшин со свежей водой, чтобы они охлаждались.

Пока отдыхают уставшие животные, пахари обмениваются замечаниями: «Отличный прохладный день. Скотина тянет хорошо. Небеса благоволят нам. Давай же прилежно работать для нашего господина». В этот момент появляется их хозяин, царевич Пахери, который решил взглянуть, как идут дела. Он сходит с колесницы, а конюх держит вожжи и успокаивает лошадей. Один пахарь замечает хозяина и предупреждает товарища: «Торопись, вожатый! Погоняй коров! Погляди, князь стоит и смотрит на нас». У Пахери не хватало коров для всех плугов, и он боялся, что земля вот-вот пересохнет. Поэтому в одну из упряжек вместо животных впряглись четверо мужчин. Они утешают себя песней: «Взгляни, как мы работаем! Не бойся ничего на земле, это так прекрасно!». Вожатый, явный семит и, как и его товарищи, очевидно, бывший военнопленный, смирившись со своей участью, подбадривает их шуткой: «Как прекрасны слова твои, мой малыш! Прекрасен год, когда он избавлен от бедствий. Густая трава под ногами телят. Это лучше всего!» Наступает вечер, коров выпрягают и награждают их пищей и добрыми словами: «Ху (красноречие) - в быках. Сиа (мудрость) - в коровах. Дайте им корма поскорее!» Собрав все стадо, его гонят к деревне. Плуги остаются на попечении пахарей. Если оставить упряжку в поле без присмотра, неизвестно, найдут ли они ее назавтра. Как говорит писец: «Он (землепашец) уж не найдет ее (упряжку) на месте. Он будет искать ее три дня. Он найдет лемех в пыли, но даже коровьих шкур не найдет он. Ибо волки растерзали его коров».

Египтяне прикрывали семена землей не только с помощью плуга. В зависимости от местности они пользовались для этого мотыгой и заступом. Мотыга была устроена так же примитивно, как плуг. Она представляла собой нечто вроде буквы А, одна сторона которой была гораздо длиннее другой. Мотыга изнашивалась еще быстрее, чем плуг, иногда на ее починку у крестьянина могла уйти целая ночь. Он, однако, похоже, относился к этому философски. «Я сделаю больше, чем велел господин, - говорит один работник своему товарищу. - Не беспокойся!» - «Поторопись со своим делом, друг! - отвечает тот. - И мы закончим в срок!»

На землях, долго находившихся под водой, от всех этих тяжелых трудов избавлялись следующим образом: выпускали на засеянные поля стада. Быки и ослы были для этого слишком тяжелы, поэтому в древние времена использовали овец. Овчар с приманкой в руке вел за собой барана-вожака, а за ним устремлялась на поле вся отара. По неизвестным причинам в эпоху Нового царства для этих же целей использовали свиней. Геродот утверждал, что сам видел их стада на полях.

Бросая зерно в землю, египтяне погружались в мысли о смерти и погребении. Греки замечают, что в период сева они совершали церемонии, напоминающие погребальные обряды. Одни считали эти обычаи неуместными, другие их оправдывали. В дошедших до нас текстах времен фараонов, которыми я пользовался, описывая полевые работы в сезон *перет*, об этих ритуалах почти ничего не говорится. Пастухи, пригонявшие на поле своих

овец, пели жалобную песню; ее повторяли, когда овцы топтали сжатые колосья, разложенные на току:

Вот пастух в воде среди рыб.
Он беседует с сомом,
Он приветствует мормира.
О Запад! Где пастух, где пастух Запада?

Александр Морэ первым предположил, что этот куплет - не просто шуточная песенка о пастухе, провалившемся в грязь, поскольку в грязи не водятся рыбы. Пастух Запада - не кто иной, как бог Осирис, которого Сет разрубил на куски и бросил в Нил, где тигровая рыба, оксиринх и усач проглотили его половые органы. Таким образом, по случаю сева и молотбы египтяне зывали к богу, даровавшему людям полезные растения и настолько связанному в их сознании с этими растениями, что порой его изображали с колосьями и деревьями, произрастающими прямо из его тела.

Геродот наивно полагал, что после пахоты и сева крестьянин мог сидеть сложа руки вплоть до самой жатвы. Увы, это не так. Если бы крестьянин позволил себе подобную роскошь, он мог потерять весь урожай, потому что даже в Дельте не выпадает достаточно дождей, чтобы можно было отказаться от искусственного орошения. А уж тем более в Верхнем Египте, где почва высыхала быстро и колосья, оставленные без присмотра, увядали в «садах Осириса». А потому орошение полей было жизненно необходимо, как напоминал своему народу Моисей, расписывая все достоинства земли Ханаанской: «Ибо земля, в которую ты идешь, чтобы овладеть ею, не такова, как земля Египетская, из которой вышли вы, где ты, посеяв семя твое, поливал [ее] при помощи ног твоих, как масличный сад. Но земля, в которую вы переходите, чтоб овладеть ею, есть земля с горами и долинами и от дождя небесного напояется водой». Видимо, его слова означают, что вода подавалась на поля с помощью некоего приспособления, приводимого в действие ногами. Однако египетские тексты и изображения не дают нам оснований предположить, что у египтян существовала такая хитроумная машина. Быть может, слова Моисея могут объясняться следующим: управляющие, работавшие на озера Мерис, открывали шлюзы, когда поля нуждались в поливе. Каналы заполнялись водой. С помощью шадуфов или кувшинов - что гораздо тяжелее - воду переливали в оросительные каналы. Их открывали и закрывали с помощью небольших плотин, рыли новые каналы и возводили новые плотины, и все это приходилось делать «ногами», как мы можем видеть на одной росписи в Фивах, где работники ногами вымешивают глину для гончарных изделий.

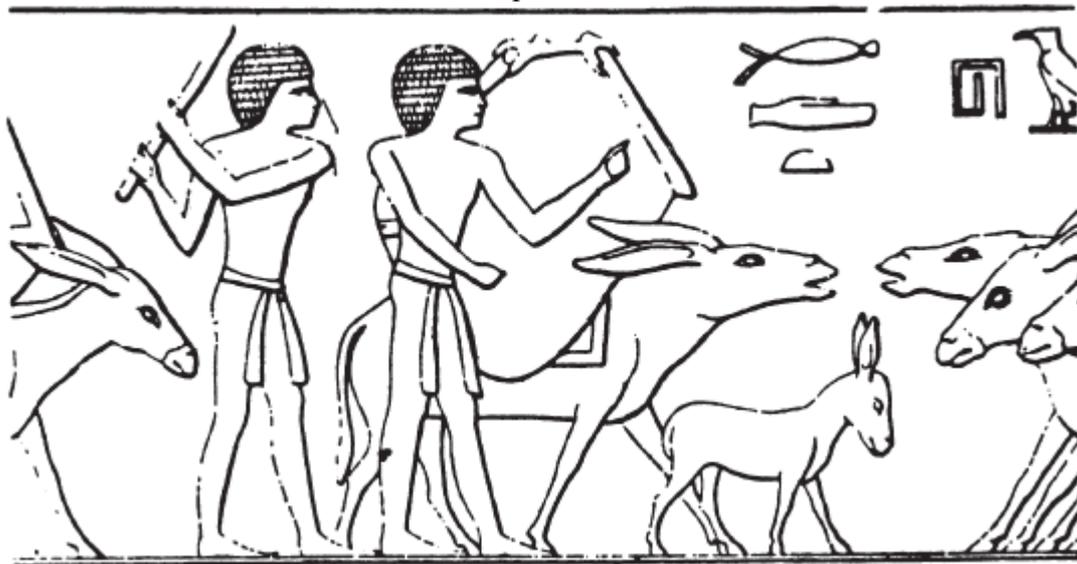
5. Сбор урожая

Когда колосья начинали желтеть, крестьянин с беспокойством ждал нашествия своих главных врагов: хозяина или его представителей, армии писцов, землемеров и стражи. Первым делом они принимались измерять площадь возделываемого им участка земли, затем подсчитывали, сколько выращено зерна в бушелях. Таким образом они точно вычисляли налог, который крестьянину предстояло отдать в царскую казну или управителям владений какого-нибудь великого бога вроде Амона, ведь ему принадлежали самые плодородные земли Египта.

Владелец земли или его представитель выходил из дома ранним утром. Он управлял колесницей. Слуги следовали за ним пешком, неся кресла, циновки, мешки и ларцы - все, что понадобится писцам для подсчета урожая, и многое другое. Вот колесница остановилась возле деревьев. Неизвестно откуда появившиеся люди распрягают коней, привязывают их за одну ногу к деревьям, приносят воду и корм. В то же время они сооружают подс-

тавку для трех больших кувшинов. Из ларцов вынимают хлеб и другие продукты, которые раскладывают по блюдам и корзинам, и даже умывальные принадлежности. Конюх устраивается в тени и засыпает, зная, что несколько часов может отдыхать. Хозяин уже совещается с землемерами. Он облачен в свои лучшие одежды: на нем парик, рубашка с короткими рукавами и поясом над набедренником, на груди - пектораль, в руках - посох и скипетр. На ногах у него сандалии и что-то вроде гетр на шнуровке, которые предохраняют его от укулов жесткой травы. Помощники его довольствуются набедренными повязками; некоторые обуты в сандалии, остальные босы. В поместье некоего Мена землемеры тоже одевались в парадный наряд - рубашку с короткими рукавами и гофрированную юбку. В руках они держат свои инструменты: свитки папирусов, дощечки для записей, мешки и сумки с кисточками и чернилами, мотки шнура и колья длиной четыре-пять футов. Когда обмеры производились на полях, принадлежащих Амону, самому богатому и самому алчному из египетских богов, землемеры пользовались шнуром, намотанным на деревянный брусоч, украшенный головой барана, священного животного Амона.

Старший землемер вычисляет, где находится межевой камень. Удостоверившись, что камень лежит точно на месте, и призвав в свидетели великого бога, он кладет на него свой скипетр, напоминающий символ Фиванского нома, в то время как его помощники разматывают и туго натягивают шнур. Дети машут руками, отгоняя перепелов, которые порхают над спелыми колосьями. Разумеется, поглазеть на эту сцену собирается целая толпа зевак, каждый из которых готов, если нужно, дать ценный совет. Землемеры измучены жарой, но заботливая служанка постоянно подносит им питье, а во время перерыва в работе их ожидает сытный полдник в тени сикомора.

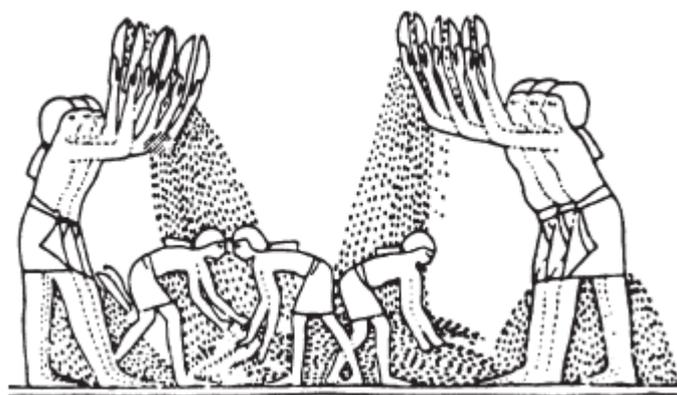

Ослы, навьюченные зерном (*Ленсий*. Иллюстрированный журнал, II)

Жатва и обмолот продолжались несколько недель, и работников порой не хватало. На больших участках, принадлежавших государству или великим богам, на работу приглашали «сезонников», которые сначала убирали урожай в южных номах, а затем переходили в северные, где их уже ожидали другие поля, готовые для жатвы. Когда в Верхнем и Среднем Египте уборка урожая подходила к концу, она только начиналась в Дельте. О существовании таких мобильных бригад работников мы знаем из декрета Сети I, которым персонал храма под названием «Дом миллионов лет» в Абидосе освобождается от воинской повинности.

Жнецы срезали колосья серпом с короткой рукояткой длиной примерно в ладонь. Лезвие серпа было широким у основания и сужалось к концу. Египтяне не старались срезать стебель под корень. Они шли, чуть пригнувшись, забирали в горсть левой руки добрый сноп пшеницы, подрезали его прямо под колосом и клали на землю, оставляя позади себя довольно высокую ость. За ними шли женщины, которые собирали срезанные колосья в

корзины из пальмовых ветвей и относили на край поля. У нескольких женщин были миски для собирания осыпавшегося зерна. Солому вряд ли оставляли гнить на полях, но об этом мы ничего конкретно не знаем. Землевладельцев иногда изображали на поле, где они сами жали и собирали колосья. На этих изображениях они в той же парадной белой гофрированной одежде. Возникла мысль, что они делали, так сказать, зачин, а потом уступали место настоящим жнецам. Однако художники изображали таким образом эпизод из будущей жизни на загробных полях Иалу, где всего было вдоволь, но каждый должен был работать сам. А на самом деле хозяин, например Мена, сидя на табурете на скрещенных ножках в тени сикомора рядом со всевозможными яствами, наблюдал, как собирают урожай.

Работники, собирающие и провеивающие зерно (Журнал египетской археологии, XLI)

Работы начинались на рассвете и заканчивались только в сумерках. Под жарким солнцем жнецы останавливались время от времени, брали серп под мышку и выпивали кружку воды. «Дай много земледельцу и мне дай воды, чтобы я утолил жажду». В древности люди были более требовательными. Один из них говорит: «Пиво тому, кто жнет ячмень!» (Может быть, потому, что пиво делали в основном из ячменя-беша?) Жнецов, которые слишком часто останавливались, тут же сурово отчитывал надсмотрщик: «Солнце сияет, все это видят, а ты еще ничего не сделал. Где хоть один твой сноп? Не останавливайся больше и не пей в этот день, пока не закончишь работу!»

Жнецы изнемогали под солнцем, а несколько человек сидели в тени, уронив голову на колени. Кто это - работники, улизнувшие от бдительного взгляда надсмотрщика, любопытные зеваки или слуги хозяина, ожидающие, когда он закончит свои дела, - неизвестно. Среди них мы видим сидящего на мешке музыканта, который играет на флейте. Это наш старый знакомый, ибо мы уже видели его в гробнице Ти времен Раннего царства, где такой же музыкант с флейтой длиной два локтя следовал за жнецами. Перед ним шел один

из жнецов, который бил в ладоши, не выпуская из-под руки серпа, и пел песню погонщика быков, а затем другую, которая начиналась словами: «Я двинулся в путь, я иду!» Таким образом, гнев надсмотрщика был, скорее всего, показательным. У Пахери нет флейтистов, но жнецы сами импровизируют песню-диалог: «Как прекрасен день! Выходи из земли. Поднимается северный ветер. Небо исполняет наши желания. Мы любим нашу работу».

Собравшиеся зеваки не ждут, пока все поле будет сжато, и подбирают пропущенные колосья или выпрашивают осыпавшееся зерно. Это женщины и дети. Вот одна женщина протягивает руку и просит: «Дай мне хоть горсть! Я пришла вчера вечером. Не будь сегодня злым, как вчера!» На это жнец, к которому обратились с подобной просьбой, отвечает довольно резко: «Убирайся с тем, что у тебя в руке! Уже не раз прогоняли за такое». В очень древние времена существовал обычай отдавать работникам в конце жатвы столько ячменя и других злаков, сколько они смогли сжать за один день. Этот обычай сохранялся на протяжении эпохи фараонов. У Петосириса, когда жнецы работали на хозяина, они говорили: «Я хороший работник, который приносит зерно и наполняет две житницы для своего господина даже в плохие годы благодаря своему усердию полевыми злаками, когда приходит сезон *ахет*». Но теперь наступает черед жнецов. И они говорят: «Да возрадуются дважды те, кто сделал в этот день поля изобильными! Они оставили крестьянам все, что они соберут». Другие, хоть и жалуются, что им оставили мало, все же утверждают, что и это немногого стоит собрать: «Маленький сноп за весь день, я работаю ради него. Если ты будешь жать за один этот сноп, лучи солнца падут на нас, озаряя наши труды».

Опасаясь воров и прожорливых птиц, зерно сразу увозили. В районе Мемфиса сжатые колосья перевозили на ослах. Вот целая вереница ослов, ведомых погонщиком, прибывает на поле, вздымая тучи пыли. Снопы бросают в веревочные вьючные мешки. Когда они заполняются, сверху еще накладывают снопы и перевязывают веревками. Ослы нагружены тяжелой ношей, перед ними скачут ослята, до которых никому нет дела, а погонщики шутят или бранятся, размахивая палками: «Я привез четыре кувшина пива!» - «Я, пока ты сидел без дела, отвез на своих ослах две сотни и два мешка!»

В Верхнем Египте иногда тоже использовали ослов, но обычно сжатые колосья переносили люди. Может быть, поэтому, чтобы сократить сроки уборки урожая, колосья срезали очень коротко, оставляя на полях длинную солому. Колосья уносили в веревочных сетках, натянутых на деревянные рамы с двумя ручками. Когда такая сетка заполнялась и в нее уже невозможно было добавить и горсти колосьев, в ручки этих носилок вставляли шест длиной четыре-пять локтей и закрепляли его узлами. Двое носильщиков поднимали шест на плечи и несли сетку с колосьями на ток, весело распевая, словно для того, чтобы доказать писцу, что их участь не хуже: «Солнце светит в спину. А Шу мы дадим за ячмень рыбу!» Один из писцов подгоняет их, говоря, что, если они не поторопятся, их застигнет новый разлив. Он говорит: «Эй вы, поспешите! Шевелите ногами! Вода прибывает, сейчас дойдет до снопов!» Он, конечно, преувеличивает, потому что до следующего разлива Нила по крайней мере два месяца.

Эту сцену сменяет другая. Один носильщик взялся за шест носилок с колосьями. Другой тоже берет шест, но явно старается замедлить ритм работы. Он говорит: «Слишком тяжел этот шест для моего плеча».

Колосья разбрасывают на току, где земля хорошо утоптана. Когда слой колосьев достаточно толст, на ток вступают быки, погонщики с кнутами и работники с вилами. Быки топчутся на току, а работники перетряхивают вилами колосья. Жара и пыль делали эту работу нелегкой. И все же погонщик подгоняет быков: «Топчите его, топчите для своего же блага. Зерно получит хозяин, а солома достанется вам. Не останавливайтесь, ведь уже холодает». Время от времени какой-нибудь бык наклоняется, подбирает солому и зерно, но никто не обращает на это внимания.

Когда быков уводили, работники еще старались вилами частично отделить зерно от соломы. Более мягкая, чем зерно, солома оказывалась сверху. Ее можно было смести метелками. Под конец для этого использовался своего рода дуршлаг. Работник наполнял его

зерном, брал за ручку, поднимался на цыпочки как можно выше и высыпал зерно, чтобы ветер сдувал полову.

Но вот зерно очищено. Берутся за дело писцы со своими принадлежностями и мерами для зерна. Горе земледельцу, попытавшемуся утаить часть урожая или даже при всем желании не сумевшему собрать урожай, которого ожидали с его поля. Виновного кладут на землю и бьют, а в дальнейшем его, может быть, ожидают и более суровые наказания. Работники с корзинами, полными зерна, проходят между писцами, входят на двор, окруженный высокими стенами, где стоят башни-зернохранилища высотой до неба. Эти башни в форме сахарных голов тщательно обмазаны изнутри, а снаружи побелены известью. По лестнице носильщики поднимаются до отверстия, куда и ссыпают зерно. Позднее, когда оно понадобится, его будут выгребать через маленькую дверцу внизу башни.

В общем, все эти тяжелые работы проходят весело. Один-другой удар палкой быстро забывается. Земледелец к этому привык. Он утешался тем, что палка в его стране - удел многих и гуляла по спинам и менее привычных. Слова псалмопевца вполне уместны по отношению к египтянам: «Сеявший со слезами будет пожинать с радостью. С плачем несущий семена возвратится счастливым, неся снопы свои».

Когда зерно бросали в землю, люди оплакивали божественного пастуха Запада. Теперь, когда урожай собран, египтяне полны радости. Но им еще предстоит отблагодарить богов. Провеивание зерна проходило под покровительством загадочного идола, имевшего вид раздутого посередине полумесяца! Сегодня во время молотбы крестьяне в Фаюме устанавливают на крышах или подвешивают к двери чучело, украшенное кукурузными початками, которое они называют *арус*, невеста. Этой «невесте» они преподносят чашу с питьем, яйца и хлеб. Многие склонны считать, что идол в виде полумесяца выполнял те же функции. Помимо *аруса*, землевладелец должен был почитать богиню-змею Ренутет. В ее честь совершались обильные жертвоприношения в виде снопов пшеницы, огурцов и арбузов, хлебов и различных фруктов. В Сиуте каждый земледелец-арендатор преподносил первые плоды своего фруктового сада Упуату, богу этой земли. Несомненно, таким же образом чествовали любое местное божество. Сам царь при всем народе подносил сноп зерна богу плодородия Мину во время празднества, справлявшегося в первый месяц *тему*. Каждый, независимо от своего положения, возносил благодарность богам, владыкам всего, что дает земля, и с надеждой ждал следующего разлива Нила, после которого ему предстояло снова приняться за работу.

6. Лен

Лен вырастал толстым и высоким. Собирали его, как правило, во время цветения. На цветных изображениях полевых работ в гробницах Ипуи и Петосириса мы видим стебли льна с маленькими голубыми цветочками, которые высоко вздымаются среди васильков.

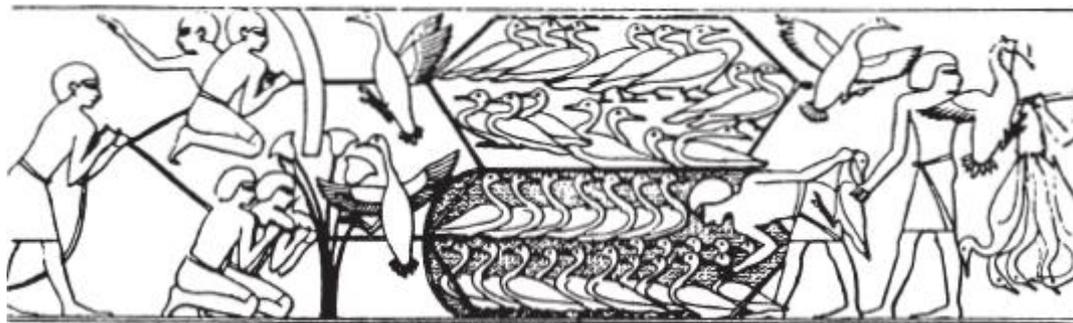
Чтобы вырвать лен из земли, его захватывали обеими руками довольно высоко, стараясь не повредить волокнистый стебель. Затем с корневищ стряхивали землю и укладывали стебли в ряд, ровняя от корней. Затем собирали стебли в снопики так, чтобы цветы торчали с обеих сторон, и связывали посередине жгутом, также свернутым из стеблей. Египтяне знали, что качество и прочность льна повышаются, если собирать его слегка недозрелым. Один из древних текстов подтверждает это: в нем рекомендуется собирать лен в пору цветения. Однако часть урожая следовало сохранять до полной зрелости, чтобы получить семена для следующего посева, а также для лечебных целей.

Работники уносили снопики льна на плечах, дети водружали их себе на головы. Те, кому посчастливилось иметь ослов, наполняли льном переметные корзины и приказывали погонщикам следить, чтобы ни один снопик не выпал по дороге. На месте их уже ожидает человек, который чешет лен на наклонной доске. Один из носильщиков кричит ему: «Поторопись, старик, и не болтай слишком много, ибо люди с полей идут быстро!» На что тот

невозмутимо отвечает: «Принеси мне хоть одиннадцать сотен и девять снопов, я вычешу их все». Служанка Реджедет, которая, похоже, была одержима каким-то демоном невезения, выбрала как раз такой момент, чтобы сообщить брату тайну своей госпожи. Брат заставил ее жестоко поплатиться за то, что она отрывает его от работы, благо в руках у него как раз был снопик льна - самое подходящее орудие, когда необходимо хорошенько отхлестать кого-нибудь за нескромность.

7. Вредители

Мы уже убедились, что урожай в Египте подвергался угрозе со стороны целого сонма врагов. Когда ячмень созревал, а лен покрывался цветами, грозы и град обрушивались на страну, грозя «побить во всех землях египетских все, что было в поле, а равно человека и зверя». Это было седьмое из бедствий, которые Бог иудеев наслал на Египет, но сердце фараона не дрогнуло, потому что кукуруза и пшеница созревали поздно и потому избежали ущерба. Тогда восточный ветер принес тучи саранчи, которая уничтожила все, что еще уцелело, так что «не осталось ни зеленого листка на дереве, ни травинки в поле во всей земле египетской».

Ловля птиц (*Ленсуи*. Иллюстрированный журнал, II)

Перед лицом таких врагов крестьянин мог только просить заступничества у богов, и прежде всего взывать к богу саранчи. Однако с некоторыми нежеланными гостями, посещавшими его сады весной и осенью, - иволгами (*гену*) и сизоворонками (*сурут*), птицами с блестящим опереньем из отряда вороньих, - он мог бороться и сам, причем довольно успешно. Эти птицы были весьма полезны, поскольку истребляли многих вредных насекомых, однако они наносили большой вред садам. Художники часто изображают, как они кружатся над фруктовыми деревьями и пожирают их плоды. Охотники ловили их в большие сети, растянутые высоко над деревьями с помощью высоких кольев. Сеть не мешала птицам добраться до плодов, но, когда птиц собиралось много, дети тихонько подбирались к дереву и выдергивали колья. Сеть падала, накрывая дерево вместе с птицами. Охотники залезали под сетку, собирали птиц, словно спелые фрукты, и сажали в клетки. Кроме сетей, египтяне пользовались ловушками с пружиной, известными с глубокой древности.

В сезон миграций огромные стаи перепелок прилетали в Египет. Утомленные долгим перелетом, они были настолько истощены, что порой падали на землю. Разумеется, египтяне предпочитали ловить здоровых птиц. Рельеф, хранящийся в Берлинском музее, показывает нам шестерых охотников с сетью с мелкими ячейками, натянутой на деревянную раму. Особого внимания заслуживает их наряд: они обуты в сандалии, чтобы ходить по жнивью, и подпоясаны белыми платками. Когда большие стаи перепелок появлялись над сжатым полем, ловчие неожиданно выскакивали из укрытия и начинали размахивать своими белыми платками, вызывая среди птиц ужасную панику: испуганные, птицы начинали метаться и в конце концов попадали в сети, запутывались лапками в мелких ячейках, мешали друг другу и не могли высвободиться. Четверо ловчих осторожно поднимали раму с сетью, а двое вытаскивали из нее пойманных перепелок. В крестьянских семьях

очень любили перепелиное мясо, да и боги ими не брезговали. Так, за время царствования Рамсеса III в жертву Амону были принесены 21 700 перепелок, то есть почти шестая часть общего числа птиц, пожертвованных великому богу.

8. Животноводство

В самые древние времена египтянам приходилось опытным путем выяснять, каких животных можно приручить и одомашнить, а каких нельзя. Многие попытки оканчивались неудачей. На охоте товарищем человека стала собака. Бык и осел оказались полезны для перевозки тяжестей. Бедуины высоко ценили овечью шерсть, но египтяне считали, что она не подходит ни для живых, ни для мертвых; овцам они предпочитали коз. Кроме этих животных, которых удалось быстро одомашнить, как и свинью, египтяне ловили на охоте и пытались приучить к жизни в неволе газелей, оленей, сернобыков, антилоп, аддаксов (вид антилоп, напоминающих сернобыка), козорогов и даже внушавших им отвращение гиен. Уже в эпоху Среднего Царства правитель нома Орикс содержал в своих загонах несколько прекрасных животных, в честь которых был назван этот ном (сернобыков, или ориксов). Ко времени Нового царства, однако, египтяне отказались от подобных опытов. Один из учителей выговаривает нерадивому школяру в таких выражениях: «Ты хуже антилопы, что живет в пустыне и ни на миг не остановится на месте. Она никогда не станет пахать, ни вытаптывать зерно на току». Теперь египетские скотоводы имели дело лишь с самыми полезными для человека животными; это были лошадь, бык и осел, коза, овца, свинья, гусь и утка. Верблюды были известны только жителям восточной части Дельты. Домашние куры появились намного позднее. Не следует думать, что на других животных не обращали никакого внимания: в храмах, где они почитались символами разных богов, за ними заботливо ухаживали и даже испытывали к ним определенную привязанность - однако сейчас мы ведем речь лишь о разведении животных для сельскохозяйственных целей.

Лошадей в Египте начали использовать незадолго до эпохи Рамсесидов и, несмотря на то что азиаты нередко присылали их царю в виде дани, они не получили широкого распространения. У Хеви была конюшня, стоявшая отдельно от хлева для быков и загона для ослов; но Хеви был как-никак царским сыном и наместником Куша и занимал одно из первых мест в государстве: он был один из немногих привилегированных, кто выезжал на своей колеснице, направляясь во дворец, на прогулку или на осмотр своих владений. Владельцы лошадей не решались ездить на них верхом - нам известны всего два-три египетских изображения всадников. Здесь кочевники превосходили египтян в отваге, и, если в разгар боя колесница оказывалась поврежденной, они выпрягали из нее лошадей, вскакивали на них верхом и уносились прочь. На лугах лошадей пасли отдельно от остальных животных.

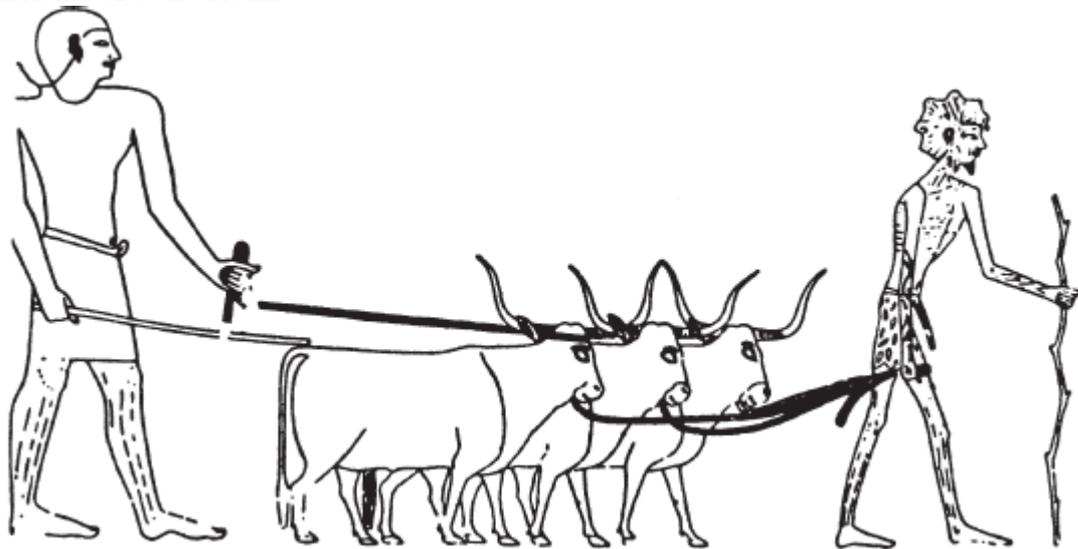
Хлев для быков обычно находился неподалеку от хозяйского дома, в пределах одной ограды с хлебным амбаром и нередко даже примыкал к нему. Там же ночевали и слуги, которые стерегли быков и выводили их по утрам. В маленьких глинобитных хижинах, черных внутри и снаружи, они хранили еду и готовили себе нехитрый ужин. На одной из росписей мы видим, как слуги, тяжело нагруженные, бредут впереди стада или подгоняют отставших. Чтобы облегчить ношу, они распределяли ее на две равные части и, разложив в кувшины, корзины или узлы, несли на коромыслах. Если у них была только одна емкость - узел, кувшин и т. д., - они несли его на палке, перекинутой через плечо. Так делал Бата, но ведь он был настоящим силачом! Женщины на него заглядывались. А большинство пастухов - несчастные бедняки, замороженные работой: лысые, больные, с редкой бородачкой, с большим животом, а иногда такие тощие, что страшно смотреть! В одной из гробниц Меира беспощадный художник изобразил их в таком виде без прикрас.

Жизнь пастухов нельзя было назвать монотонной. Если пастух любил своих животных, он постоянно с ними разговаривал и, зная места, где растет лучшая трава, водил туда сво-

их любимцев. Животные отвечали ему преданностью и тем, что быстро росли, нагуливали жир, приносили большой приплод. А при случае сами оказывали пастуху добрую услугу. Для пастуха всегда бывал нелегким переход через болота; там, где люди и взрослые животные проходили без труда, теленок мог утонуть. Поэтому пастух взваливал его себе на спину, сжимал покрепче его ноги и отважно входил в воду. Корова-мать следовала за ним с жалобным мычанием, испуганно тараща глаза, за нею устремлялись и остальные коровы. Мудрые старые быки в сопровождении других пастухов шли спокойно, соблюдая порядок. Если место было глубокое, а рядом заросли тростника и папируса, следовало опасаться крокодилов. Но пастухи тогда знали, какое слово следует сказать, чтобы крокодил тотчас превратился в безобидное растение или ослеп. Полагаю, эти магические слова не были позабыты и в эпоху Рамсесидов, однако документы на этот счет молчат. В гробнице в Эль-Берше сохранился текст песни одного пастуха, который исходил много земель: «Вы топтали пески всех пустынь, а теперь вы топчете травы. Вы едите густые травы, теперь, наконец-то, вы сыты, и вот благодать нисходит на вас». Пастух из поместья Петосириса дает своим коровам поэтические имена: Золотая, Сверкающая, Прекрасная, как если бы они олицетворяли богиню Хат-хор, которой принадлежат все эти эпитеты.

Случки, рождения телят, бои быков и постоянные переходы были теми основными моментами, когда пастух мог показать свои знания и самоотверженность. Если он не справлялся со своим делом, тем хуже для него. Если крокодил схватит теленка, если вор угонит быка, если болезни опустошат стадо, никакие объяснения не принимались. Виновных били палками.

Одним из наиболее эффективных средств против угона скота было клеймение, к которому прибегали главным образом во владениях Амона и других великих богов, а также в царских владениях. Коров и телят сгоняли на край луга и поочередно ловили с помощью аркана. Им связывали ноги и опрокидывали на землю, словно собираясь прирезать, затем раскаляли железное клеймо над переносной печкой и прикладывали его к правой лопатке животного. Писцы, разумеется, присутствовали при этой операции со всеми своими принадлежностями, и пастухи целовали землю перед этими представителями власти, чтобы выразить им свое почтение.

Тощий пастух и откормленный скот (Скальные гробницы Мейра, II)

В другой сценке мы видим коз, разбредшихся по рощице, деревья которой предназначены на вырубку, и они в мгновение ока объедают всю зелень. Они торопятся не зря, потому что дровосек уже наносит первые удары топором по стволу одного из деревьев. Однако этим коз не остановишь! Легкомысленные козлята резвятся вокруг. Козлы тоже не теряют времени даром. Но вот пастух с посохом, похожим на фиванский скипетр, начинает соби- рать свое стадо. На плече у него коромысло, на один конец которого он подвесил большой

мешок, а на другой в качестве противовеса - козленка. В руке он держит флейту, но, увы, на берегах Нила нет ни Феокрита, ни Вергилия, которые могли бы сложить песнь о любви пастухов и пастушек.

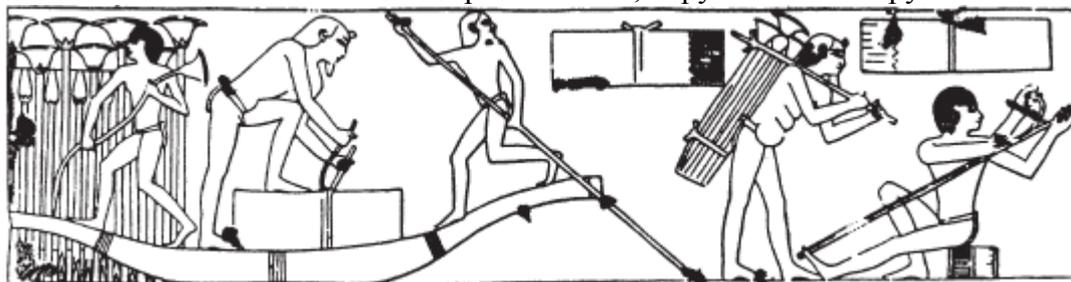
Птиц разводили на птичьих дворах, практически не изменивших свой вид со времен Раннего царства. В центре, как правило, возвышалась стела и несколько статуй богини Ренутет. В одном углу мы видим навес, где сложены кувшины, мешки и весы для взвешивания зерна, в другом - участок, отделенный сеткой, с небольшим водоемом посередине. Гуси и утки плавают в нем или, переваливаясь, бродят по берегу, ожидая, когда птичник придет кормить их.

9. Обитатели болот

Значительная часть Нильской долины была занята болотами. Каждый год река возвращалась в свои берега, и каждый год на возделанных полях оставались большие лужи, вода в которых не высыхала вплоть до сезона *шemu*. Поверхность таких болот была устлана ковром водяных лилий, а берега окаймлены зарослями тростника и папируса. Порой папирус рос так густо, что не пропускал ни одного лучика солнца, и был таким высоким, что птицы, строившие гнезда в его зонтиках, чувствовали себя в полной безопасности.

Обитатели болот издавна были излюбленной темой для египетских художников. На росписях они демонстрируют чудеса ловкости, словно крылатые акробаты, носясь над своими гнездами. Куропатка высидывает яйца. Неподалеку ушастая сова ожидает наступления ночи. Естественные враги птиц - генетта, мангуста и дикий кот - ловко лазают по деревьям и легко добираются до птичьего гнезда. Отец и мать отчаянно сражаются с грабителем, в то время как их птенцы призывают на помощь, хлопая своими еще голыми крылышками. Гибкие рыбы скользят между стеблями тростника. Мы видим среди них кефаль, сома, мор-мира, жирного нильского окуня, хромиса (чуть поменьше размером), а также фахака, которого, по выражению Масперо, природа могла создать разве что в час добродушного веселья. А вот батенсода плывет брюхом вверх: из-за ее пристрастия к столь оригинальной позе спина у нее побелела, а брюхо стало темным. Самка гиппопотама отыскивала укромное место, чтобы родить детеныша, но рядом притаился коварный крокодил, который только и ждет, чтобы утащить новорожденного, прежде чем вернется самец. Тогда разгорится беспощадная борьба, из которой крокодилу не выйти победителем. Гиппопотам схватит его своими огромными челюстями. Напрасно тогда будет крокодил пытаться ухватить его за ногу: он теряет равновесие и гиппопотам перекусывает его пополам.

Чем дальше на север, тем обширнее болота и гуще заросли папируса. Египетское название Дельты - *мехет* - означает в то же время болото, окруженное папирусом.

Сбор и очистка папируса (Дейвис. Гробница Пуэтра в Фивах)

Египетский язык, столь богатый синонимами для обозначения природных явлений, имел специальные слова для обозначения разных болот: болото, поросшее водяными лилиями, - *ша*, болото с зарослями тростника - *сехет*, болото с водоплавающей птицей - *ун*, лужи воды, оставшиеся после разлива, - *пеху*. Все эти болота были истинным раем для охотника и рыбака. Почти все египтяне и даже дети, которым предстояло стать писца-

ми, при малейшей возможности отправлялись на болота поохотиться или порыбачить, а женщины и девочки восхищались их удалью и радовались, если удачливый охотник приносил им в подарок живую птицу. Подростки легко осваивали гарпун и палку для метания. Если для большинства это было приятным развлечением, то жители Нижнего Египта жили за счет болот.

Во-первых, болота давали им все необходимое для жилья и изготовления орудий. Египтяне срезали папирус, вязали из стеблей большие снопы и, согнувшись под тяжестью ноши, медленно, спотыкаясь, брели с ними в деревню. Здесь они раскладывали их на земле и выбирали стебли, пригодные для строительства жилища, - вместо домов из кирпича-сырца здесь строили папирусные хижины, обмазанные илом или глиной. Стены в них были тонкими, обмазка часто осыпалась, но замазать трещины и щели заново было несложно.

Из волокон папируса плели веревки различной толщины, циновки, сети, кресла и клетки для птиц, которые охотно покупали жители засушливых районов. Веревками из стеблей папируса связывали изящные, практичные лодки, незаменимые для охоты и рыбалки. Прежде чем отправиться за добычей, новое суденышко следовало испытать.

Надев на головы венки из полевых цветов и гирлянды из водяных лилий на шею, несколько человек влезали в свои лодки, которыми правили с помощью длинных, раздвоенных на конце шестов. Соревнование - а это было именно соревнование - начиналось с обмена порой весьма забористыми ругательствами, которые довольно быстро переходили в угрозы и удары. Со стороны казалось, что вот-вот начнется страшная потасовка, однако на самом деле противники старались только столкнуть друг друга в воду или опрокинуть лодку противника. Игра заканчивалась, когда на воде оставался только один участник, и тогда победители и побежденные снова становились закадычными друзьями и вместе возвращались в деревню.

Когда рыбаки собирались отправиться в дальнее плавание, они пользовались одномачтовыми деревянными судами. Между специальными опорами натягивали веревки, на которых развешивали рыбу для сушки. Порой на мачту садилась хищная птица.

Существовало несколько способов рыбной ловли. Одинокий рыбак устраивался со своими припасами в маленькой лодочке, находил спокойное место и забрасывал в воду леску. Когда на крючок попадалась крупная рыба, он осторожно втягивал ее в лодку и убивал ударом дубинки. В неглубоких болотах египтяне расставляли ловушки, имеющие форму бутылки, или более сложные ловушки, состоящие из двух отделений. Привлеченная наживкой зубатка легко проталкивалась через узкое горлышко ловушки, сделанное из тростника, но выбраться обратно уже не могла. Вскоре ловушка заполнялась рыбой. Удачливый рыбак опасался только завистливого соседа, который мог выследить его и явиться к ловушке первым. Ловля с помощью сачка требовала выдержки и твердой руки. Рыбак оставив челнок в рыбном месте, погружал снасть и ждал. Когда рыба сама заходила в сачок, его нужно было быстро поднять, не делая, однако, резких движений, иначе рыба могла выскользнуть. Ловля неводом требовала участия дюжины человек, по крайней мере двух лодок и невода - огромной прямоугольной сети с поплавками на верхнем краю и каменными грузилами - на нижнем. Невод опускали в воду, загоняли в него рыбу, а затем сеть начинали потихоньку подтягивать к берегу. Наступал самый ответственный момент, потому что такие ловкие и сильные рыбы, как однозубы, легко перепрыгивали через невод, и рыбакам приходилось хватать их на лету.

Для охоты на нильских окуней - таких больших, что хвост волочился по земле, когда два рыбака несли эту рыбину, подвешенную к шесту, - лучше всего подходил гарпун. Гарпуны применяли и для охоты на гиппопотамов, но, поскольку обычный гарпун сломался бы, словно тростинка, в теле этого чудовища, для охоты на них пользовались массивными гарпунами с металлическим наконечником, прикрепленным к деревянному древку и к длинной веревке с несколькими поплавками. Когда гарпун попадал в цель, древко могло сломаться, но наконечник все равно оставался в теле гиппопотама, который старался уйти от преследователей, подбиравших поплавки, подхватывавших веревку и подтягивавших

ее, чтобы подобраться поближе к жертве. Гиппопотам поворачивал к охотникам свою огромную голову и показывал гигантские клыки, которыми легко мог бы разнести лодку в щепы. Но на него сыпались все новые удары гарпунов, и вскоре животное погибало от потери крови.

Охота с палкой для метания была скорее развлечением для богачей, чем настоящим промыслом. Мы видим, как Ипуи занимает место в роскошной лодке в форме гигантской утки (большинство охотников, впрочем, довольствовались обычными серповидными челнами из папируса). В качестве приманки для диких гусей с собой часто брали нильского гуся. Охотник брал свое орудие - палку с набалдашником в виде змеиной головы на одном конце - и с силой бросал его в свою жертву. Бумеранг и сбита дичь падают на землю к его ногам. Товарищи охотника или его жена и дети быстро подбирают и то и другое. Восхищенный маленький мальчик кричит: «Отец, я поймал иволгу!» Кстати, дикий кот, прячущийся в зарослях, за это время успел поймать уже трех птиц.

С помощью сети охотник мог поймать сразу много птиц. Однако для этого ему требовались помощники. Даже родственники царя и самые высокие вельможи не стеснялись участвовать в такой охоте в качестве руководителей или даже простых наблюдателей. Для этого нужно было сначала найти прямоугольный или овальный водоем довольно большого размера. По обе его стороны растягивали прямоугольные сети, которые, если их соединить, закрыли бы всю его поверхность. Главное - быстро и неожиданно накинуть обе сети, чтобы сразу все птицы, находящиеся в этот момент на поверхности воды, оказались в ловушке. Для этого в землю вбивали четыре шеста - по два с каждой стороны водоема. К ним привязывали две сети-ловушки, два внешних угла которых соединялись веревками с толстым колом, вбитым поодаль точно по центру водоема, а два других - с главной веревкой длиной более десяти метров, с помощью которой захлопывалась эта ловушка. Когда все было подготовлено, сигнальщик прятался неподалеку в зарослях, часто стоя по колено в воде, или прятался за плетеным щитом с отверстиями для наблюдения. Дрессированных птиц выпускали погулять на берег водоема, и вскоре уже вокруг них опускались стаи диких уток, а трое или четверо охотников держали спусковую веревку. Они прятались довольно далеко от водоема, чтобы не спугнуть чутких птиц, готовых взмыть в воздух при малейшем шуме. Сигнальщик поднимал руку или взмахивал платком. По его знаку охотники резко отклонялись назад и дергали за веревку. Две сети падали одновременно на стаю птиц. Напрасно они отчаянно бились, пытаясь выбраться из сети. Не давая им опомниться, охотники, которые от резкого рывка сами валились на землю, быстро поднимались и подбегали с клетками. Наполнив их, они ломали остальным птицам крылья или вырывали перья на крыльях, чтобы не упустить их по пути в деревню.

Для любого вида охоты необходимы были терпение, ловкость, а иногда и определенное мужество, однако и от них было бы немного толка, если охотникам не покровительствовала богиня, которую они называли Сехет - «луг». Ее изображали в виде крестьянки в тесном платье и с распущенными волосами, спадающими на плечи. Даже сеть была принадлежностью сына Сехет, бога, чье имя переводилось как «сеть». Однако рыбаки поклонялись не ему, а его матери, которой принадлежали все рыбы и птицы и которая готова была щедро делиться ими со своими союзниками и друзьями - охотниками и рыбаками.

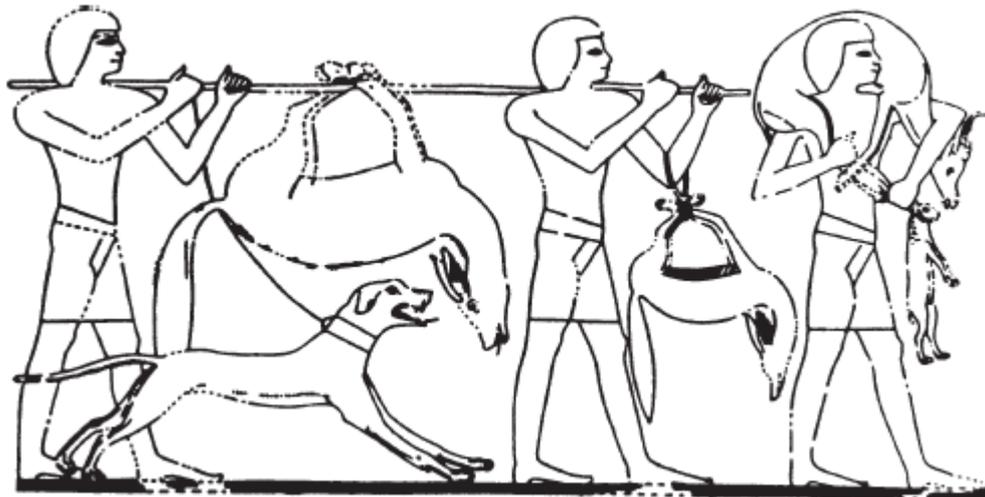
10. Охота в пустыне

Охота в пустыне была не только развлечением для царских родственников и высоких вельмож, но и промыслом профессиональных охотников. Так, почти в каждой гробнице мы найдем изображение ее владельца, осыпающего градом стрел газелей и антилоп, на небольшом огороженном участке, очень напоминающем наши зоопарки. Когда лучники, патрулировавшие пустыню, или солдаты, охранявшие золотую гору Коптоса, отправлялись с донесением к верховному жрецу Амона Менхеперра-сенебу, их часто сопровождал

старший охотник, желавший продемонстрировать ему свои многочисленные трофеи: страусовые яйца и перья, живых страусов, газелей и туши убитых животных. Царь Рамсес III учредил специальные отряды из лучников и профессиональных охотников, чья задача была следить за безопасностью сборщиков меда и смол, а также ловить сернобыков, которых приносили в жертву *ка* бога Ра на всех его празднествах. Потому что во все периоды египетской истории, как и в те далекие времена, когда охота была основным источником пропитания человека, жертвоприношения животных пустыни считались особенно угодными богам.

Охотники, как любители, так и профессионалы, всегда искали способ избавиться от ненужного труда. Никто не желал в течение многих часов преследовать дичь, которую боги наделили быстрыми ногами, рискуя при этом заблудиться в пустыне и стать жертвой жадных гиен и стервятников. Хорошо изучив повадки животных и зная их обычные места водопоя, египтяне пытались заманивать как можно больше дичи на заранее подготовленный участок, где их можно было поймать или убить без лишней суеты. Для этой цели обычно использовалась узкая долина или вади, где еще оставалась влага и была какая-то зелень, но главное - где имелись по бокам крутые склоны, на которые не могли взобраться животные. В двух местах долину перегораживали сетями, растянутыми на кольях. Расстояние между заграждениями всякий раз определяли, исходя из конкретных условий долины; так или иначе, по изображениям судить об этом нельзя. В первой сети было проделано отверстие, через которое легко мог пройти человек или зверь; внутри ограждения раскладывали корм и ставили воду, и вскоре загон наполнялся животными, не подозревавшими о нависшей над ними опасности. Мы видим диких быков, не спеша передвигающихся по «вольеру», страусов, танцем приветствующих солнце, газель, кормящую своего теленка. Насытившийся дикий осел вот-вот уснет. На небольшом холмике сидит, тревожно приняв хиваясь, заяц.

Иногда охотники отправлялись за добычей пешком. Господа шествовали налегке, а слуги несли за ними все необходимое: луки и стрелы, клетки, сети и корзины для дичи, псарь вел на поводке гончих и специально натасканных гиен, которые отличались такой свирепостью, что их приходилось досыта кормить перед охотой. С тех пор как в Египте стали активно использоваться колесницы, аристократы начали выезжать на них охотиться в пустыню, словно отправляясь на войну, с луком и стрелами. Слуга (*шемсу*) следовал за хозяином пешком, с грузом кувшинов, фляг, корзин, мешков и веревок. Когда маленький отряд прибывал на место назначения, господин со своим оружием сходил с колесницы. Псарь держал на поводках свору борзых; гиен, популярных среди охотников Раннего царства, к этому времени давно уже не использовали.

Возвращение с охоты (*Дейвис*. Гробница Рехмиры)

Внезапно на дичь обрушивали дождь стрел и спускали с поводков собак. Несчастные животные тщетно искали выход: крутые склоны долины и сети со всех сторон прегражда-

ли им дорогу. Все они были обречены. Страус, на которого напала собака, отчаянно отбивается, колотя ее тяжелым клювом. Испуганная газель рожает на бегу, и борзая тут же раздирает только что появившегося на свет теленка. Сернобык делает отчаянный бросок, пытаясь спастись, но попадает прямо в пасть другому псу. Третья борзая опрокинула газель и вцепилась ей в горло. Если верить изображению в гробнице некоего Усира, внутри огороженного участка расставлены дополнительные ловушки, однако роспись сохранилась довольно плохо и разобраться в том, как они устроены, не представляется возможным. Охотники наверняка пользовались какими-то силками, иначе как удалось бы Усиру и некоему Аменемхету поймать столько животных живьем. Последнему удалось привезти с охоты козерога, газель, сернобыка и страуса. Один слуга нес за господином молодую антилопу, водрузив ее себе на плечи, другие тащили за уши зайцев, по всей видимости убитых. Гиена подвешена к шесту за лапы; голова ее раскачивается из стороны в сторону - похоже, она тоже мертва. Эти охотники не теряли времени даром, но были и другие, те, кто, то ли презирая легкую добычу, то ли не боясь опасностей, преследовали быстрых антилоп на своих колесницах, способных мчаться быстрее ветра. Так поступал не знающий устали царевич Аменхотеп. Некий Усерхет отправлялся в пустыню на колеснице, вооружившись одним только луком. Вот он гонит перед собой целое стадо быстроногих антилоп, которое увлекло за собой нескольких зайцев, гиену и волка. Его ожидает богатая добыча.

Глава VI

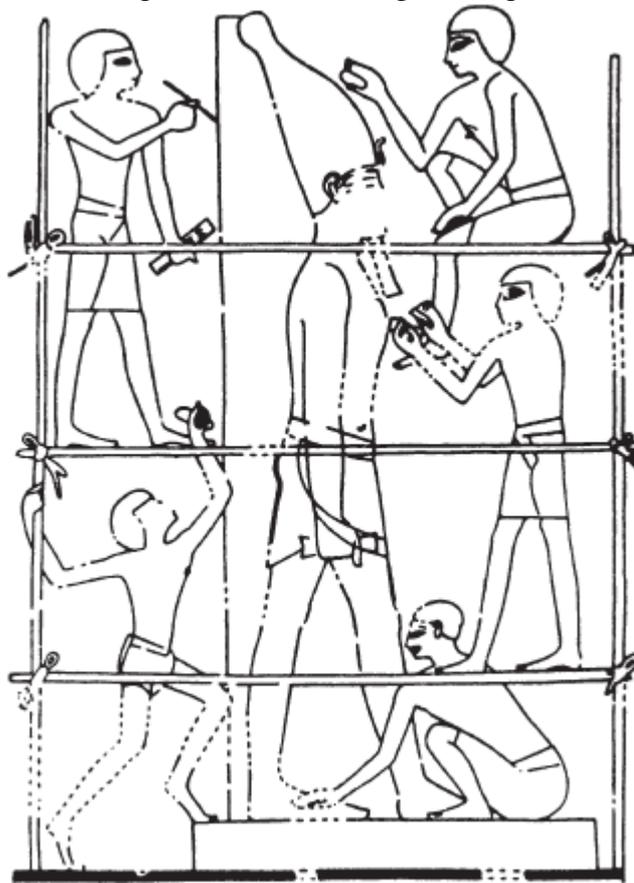
ИСКУССТВА И РЕМЕСЛА

Конечно же в Египте жили не одни только земледельцы, писцы и жрецы. Если бы это было так, не существовало бы ни пирамид, ни храмов, ни гробниц со скульптурами. Едва ли царевна Хнумит смогла бы возложить на свои прекрасные волосы знаменитую диадему - подлинное чудо ювелирного мастерства. Кто смог бы вырубить из скалы гранитный брус длиной почти сто футов? Кто переправил бы его из Асуана в Фивы? Кто выточил бы из него обелиск, вырезал на нем безупречные иероглифы, водрузил его на основание - и все это за семь месяцев. А ведь египтянам приходилось совершать подобные подвиги практически при каждом новом правителе Нового царства. И все равно писцы смотрели на ремесленников с презрением, как на низшую расу. Пришло время нам кратко познакомиться с их работой и образом жизни.

1. Каменотесы

В двух пустынях по обе стороны Нильской долины египтянам принадлежали огромные запасы камня, который поставлялся зодчим и скульпторам для воплощения их самых грандиозных замыслов, а также ювелирам, создававшим из него чудеса изящества. Месторождения известняка занимали обширную зону между Мемфисом и Иунитом (Гермонтис, современный Армант) к югу от Фив. Самый прочный и белый известняк добывался в каменоломнях Ройа (совр. Тура) неподалеку от горячих источников Хелуана, а также в фиванских горах. Красный кварцит (*мери*), цветом напоминавший древесину кедра, привозили с Красной горы, владения богини Хатхор, на северо-востоке от Она. При Двенадцатой династии разработка каменоломни шла полным ходом; мы помним, что, смешавшись с толпой работников этой каменоломни, возвращавшихся после работы в свое селение, беглец Синухе сумел покинуть Египет. Особенно интенсивно работа велась при Рамсесе II. Однажды в присутствии самого великого правителя, прибывшего в пустыню Она на гра-

нице с владениями Ра, каменотесы нашли гигантский блок, равного которому не видели с начала времен. Недолго думая египтяне решили, что это его величество сотворил его своими лучами. Царь приказал лучшим каменотесам обработать его, и уже через год из блока была сделана колоссальная статуя, названная «Бог Рамсес». Главный управляющий работами получил в награду золото и серебро, остальные работники тоже удостоились разнообразных царских милостей. Царь присутствовал при всех работах, и мастера трудились с двойным усердием. Неподалеку от первой была открыта вторая каменоломня, в которой высекали камень для колоссов храма Птаха в Мемфисе и храмов Птаха и Амона Рамсеса.

Скульпторы, работающие над колоссом (*Дейвис*. Гробница Рехмиры)

Песчаник, хотя и не такой красивый, как из Красной горы, но все же вполне достойного качества, в изобилии добывали в трех южных номах. Район Асуан славился своим гранитом. Гранит трех сортов - розовый, серый и черный - добывали недалеко от города, а также на островах Абу (Элефантина), Сатит и Сенмут. Обелиски, саркофаги, гигантские изваяния Осириса говорят об активных разработках в древних каменоломнях, повсюду можно увидеть следы их деятельности. Этот район гранитных месторождений простирается довольно далеко на юг. А если отправиться из Идахета на запад, через три дня пути уже можно добраться до диоритовых карьеров, заброшенных со времен Среднего царства. Но местность это была настолько дикая и пустынная, добыча камня требовала таких жертв и усилий, что даже правители династии Рамсесидов, которые никогда не имели в своем распоряжении достаточно военнопленных, не решились возобновить здесь работы. Тем более что с гораздо меньшими затратами они могли добывать великолепный камень в Среднем Египте: в Хатнубе, в нескольких часах ходьбы от покинутой столицы Эхнатона, и южнее, в долине Рахену (так называли Вади-Хаммамат при Двенадцатой династии), в трех днях хода от Коптоса. Это алебастр, черный песчаниковый сланец *бехен*, хорошо поддающийся полировке, а также зеленая и обычная брекчия или конгломерат. Почти во всех древних каменоломнях сохранились ниши с надписями, но обычно они представляют собой списки

имен и титулов, и лишь в текстах карьеров из долины Рахену приводятся любопытные подробности.

Разработки в каменоломнях велись нерегулярно. Если фараону необходим был камень *бехен*, он снаряжал экспедицию; каждая экспедиция считалась великим достижением, поскольку для нее нужно было привлечь тысячи работников. Всех, однако, превзошел Рамсес IV, который мобилизовал для своей огромной по тем временам экспедиции 9368 человек. Он готовился к ней очень тщательно: обращался к книгам Дома Жизни, послал специальный отряд на разведку. Возглавляли экспедицию тринадцать высших сановников, среди них верховный жрец Амона со своими помощниками и 20 военных писцов. Все они были опытными специалистами, способными решать самые различные проблемы: от чисто технических, таких, как поднять обелиск, поставить колосс высотой пятьдесят пять футов или воздвигнуть помост из необожженного кирпича, до чисто административных, как, например, во время подготовки похода в Сирию. Кроме того, в походе участвовали девятьюстами с лишним объездчиков лошадей, конюхов и конюших, пятьдесят человек стражи разного ранга и пятьдесят чиновников различных категорий. С удивлением мы видим тут же двести старшин рыбацких артелей; не очень понятно, зачем они понадобились в этой экспедиции, поскольку происходила она в *шему*, сезон, не подходящий для рыбной ловли. Основную часть экспедиции составляли пять тысяч воинов, две тысячи работников из храмов и восемьсот наемников (*анеру*). Кроме того, в поход отправились и девятьсот правительственных чиновников, замыкавших шествие. Множество повозок, влекаемых быками, сопровождали эту чиновничью армию. Однако настоящих специалистов было среди них сравнительно немного: начальник художников, три начальника каменоломен, сто тридцать каменотесов, два рисовальщика и четыре резчика по камню. Большинство людей использовалось для перетаскивания тяжелых блоков на полозьях и доставки продовольствия. Одна из самых серьезных проблем состояла в том, чтобы прокормить всю эту многотысячную армию среди голой пустыни. Каждому полагалось немного воды, немного пива и немного хлеба, а специалистов и начальников следовало кормить получше, согласно их рангу, и, наконец, необходимо было достойно отблагодарить богов - хозяев россыпей *белена*, прежде всего Мина, Хора и Исиду; без их благоволения вся экспедиция была обречена на провал. Как выражались египтяне своим образным языком, им предстояло превратить пустыню в цветущий сад, а пыльную дорогу - в полноводный канал. Зато с какой гордостью могли они потом начертать на стеле отчет, где говорилось, что за все время операции не пал ни один осел, никто из людей не страдал от жажды и даже не потерял ни на мгновение присутствия духа. И действительно, на что им было жаловаться, этим странникам в пустыне, если их поили пивом и кормили хлебом, как в праздничные дни в Египте.

Метод работ в каменоломнях был предельно примитивен. Египтяне не искали жилу в скалах и не вырубали из них блоки нужных размеров. Они находили поблизости уже отбитые блоки, подходившие им для изготовления саркофага, крышки к саркофагу или статуи. Те, кто приходили первыми, брали каменные глыбы поближе к дороге, остальным приходилось карабкаться по склонам и скатывать крупные камни оттуда. При этом многие глыбы разбивались, и вниз летели одни осколки. Смотрителю каменоломни по имени Мери пришла в голову поистине гениальная мысль: построить на склоне специальную наклонную дорогу, чтобы блоки могли соскальзывать по ней. Успех превзошел все ожидания: изобретательному инженеру удалось доставить целых десять статуй длиной около семи футов - поистине беспрецедентное достижение. Чтобы додуматься до этого, понадобилась всего лишь какая-то тысяча лет.

Египтяне видели во всем происходящем божественное вмешательство, а тут, посреди пустыни, даже самое обыденное событие казалось им чудом. Как-то раз, когда каменотесы бродили вокруг горы *бехена* в поисках подходящей глыбы для крышки саркофага фараона Небтаира Ментухотепа, перед ними появилась газель - без всяких сомнений, руководимая неким божеством - и вывела их на правильную дорогу. «Тяжелая детенышем газель» посмотрела на людей, но не убегала от них, «пока не дошла до места на великой горе, где ле-

жала крышка саркофага, и на ней она и отелилась. Воины фараона, видевшие это, перерезали ей горло. Они остановились здесь, принесли газель в жертву богам и спустились в долину с миром. Величием могущественного бога, владыки пустынь, ниспослан был этот дар сыну его, Небтаиру, да живет он вечно, дабы ублагостить его, чтобы он жил на своем троне вечно и праздновал без числа годовщин своих».

Найденный камень спустили, не повредив, на дорогу, уложили на полозья, однако глава экспедиции не мог дать сигнал к отправлению, пока божествам гор *бехена*, из которых первым был Мин, владыка Коптоса и Ипу, не воздвигли подобающий памятник, тем более что после чуда с газелью случилось другое, не менее удивительное происшествие. Посреди долины нашли квадратную цистерну около десяти локтей в длину. Она была до краев наполнена водой. Египтяне приняли специальные меры, чтобы антилопы не замутили священную воду и кочевники ее не нашли.

«Ибо воины предыдущих царей проходили мимо и уходили, но ни один глаз ее не замечал, ни одно человеческое лицо не отразилось в ней. Она сама открылась только для его величества... Когда те, кто в Томери, народ *рехет* (так называли себя жители Египта; точное значение слова неизвестно), которые в Египте, на севере и на юге, слышат об этом, они склонятся лбом до земли. Они признают совершенство его величества вечно и во веки веков».

По воле его величества «эта стела была воздвигнута в честь Мина, его отца, владыки пустынь на этой священной горе, первородной, первой поставленной на земле восходящего солнца, божественный дворец, давший жизнь Хору, божественное гнездо, где бог радуется, чистое место его веселья в пустынях божественной земли. Чтобы *ка* его был удовлетворен, а бог восхитился в сердце своем, правя с великого трона, который выше других тронов, чтобы воздвигли памятники совершенному богу, властителю радости, страшному во гневе, великому любовью, наследнику Хора в его Обеих землях, воспитанному Исидой, божественной матерью Мина, великой волшебницей в царстве Хора Обоих берегов. Поставлена эта стела царем Юга и Севера Небтаира, живущим вечно, подобно Ра».

Он говорит: «Мое величество повелел Аменемхету, наследному царевичу и визирю, начальнику работ, радующему сердце царя, выступить с войском в 10 000 человек из южных номов, начиная с Уабута (ном Оксирихус), чтобы доставить ему достойный блок, драгоценный камень, самый чистый, который есть на этой горе, укрепленный богом Мином, для его саркофага, напоминающего о вечности больше, чем все памятники в храмах Верхнего Египта; предпринят этот поход царя, владыки Обеих земель, чтобы доставить ему из пустынь отца его Мина то, что вожделеет сердце его».

Через двадцать два дня экспедиция тронулась в обратный путь, волоча на полозьях превосходный блок около двадцати футов длиной, шести футов шириной и трех футов толщиной. Перед этим были принесены в жертву быки и антилопы и воскурены благовонные смолы во славу благосклонного бога.

Египтяне не любили излишне нагружать себя работой и всегда по возможности добывали камень именно этим методом. Похоже, они склонны были полагать, что блок песчаника, который выше любого обелиска, найденного в каменоломнях Красной горы, также был даром богини Хатхор. Однако, если другого выхода не было, они выдалбливали в скале галерею, чтобы добыть камень. Высекая гробницы в фиванских горах, египтяне достигали сразу двух целей: они создавали «вечные пристанища» для своих мертвых и добывали каменные блоки для живых. Многие каменотесы и резчики были либо военнопленными, либо осужденными преступниками, хотя нам точно известно, что свободные египтяне тоже занимались этим делом. Так или иначе, во времена последних Рамсесидов, когда страну раздирали надвое кровавые междоусобные войны, они разбили свои цепи и, присоединившись к врагам Амона, рассеялись по всей стране, грабя, убивая и совершая ужасные святотатства. Едва ли это указывает на то, что прежде они были довольны своей участью.

2. Рудокопы

В пустыне между Нилом и Красным морем египтяне имели множество богатых золотых рудников. Особо стоит отметить три места. В древних текстах, в том числе в папирусе Харриса, не раз упоминается золото Коптоса; речь здесь идет о золоте, которое находили в горах *бехена*. Природные условия соединились таким благоприятным образом, что золотые рудники и каменоломни, в которых добывался камень, столь необходимый скульпторам (и не только им - *бехен* активно использовался в качестве точильного камня), оказались расположены недалеко от источника воды, в точке соединения нескольких дорог через пустыню, равноудаленной от Нила и от моря. Этот район регулярно посещали смотрители золотых рудников Коптоса, начальники охотничьих отрядов, посланные на ловлю страусов, зайцев и газелей, и солдаты из Коптоса, отвечавшие за безопасность экспедиций, пересекавших пустыню с грузом драгоценных металлов.

Другие, более древние рудоносные районы были одарены природой менее щедро, чем «горы *бехена*». Однажды царь Сети I, подробно изучавший пустыню, пожелал осмотреть рудники, откуда ему доставляли золото. Он отправился из Эдфу, обследовал каналы, пересекавшие этот район, и прервал свой путь, чтобы поразмыслить над следующей проблемой: «Как изнурительна дорога без воды! Как можно идти по ней, если горло пересохло? Кто утолит жажду путника? Низина далеко, пустыня обширна. Жаждающий человек на холмах стенает. Как помочь ему? Я найду средство, чтобы люди жили, и они будут благодарить бога моим именем во все грядущие годы. Будущие поколения станут славить меня за мои дела, ибо я провидец, обращающий лик свой к путнику».

Высказав эти соображения, царь направился в пустыню в поисках места для колодца. Бог направлял его шаги, и вскоре каменотесы приказали копать колодец в горах, чтобы он мог утолить жажду измученного путника и освежить его, опаленного летним зноем. Попытка эта вполне удалась, поэтому на царской стеле мы сегодня можем прочесть следующий текст: «О, бог внял моим мольбам! Он ниспослал мне воду в горах. Дорога, которая была опасной с начала времен, в мое царствование стала благоприятной».

Но это было только начало. Царь намеревался основать настоящий город с громким именем «Менмаатра, дающий воду, как два неиссякающих источника Элефантина» (речь идет о пещерах, которые Геродот называет Крофи и Мофи, легендарные источники Нила). Поскольку город немыслим без храма, управителю царских работ было поручено воздвигнуть храм. Каменотесы некрополя принялись за дело, и вскоре у подножия горы появился маленький, изящный храм, который красотой своих статуй и надписей не уступал другим памятникам той эпохи. В нем поклонялись одновременно многим богам: Амону, Ра, Осирису, Хору и «девяти богам, в храме сем обитающим», в число которых входил сам царь. Сети прибыл на открытие храма и обратился к своим предкам-богам с такой молитвой: «Слава вам, всемогущие боги, сотворившие небо и землю по своему разумению, взирающие на меня с благоволением и продлившие имя мое на все времена. Ибо я глубоко предан вам, я забочусь о том, что вы любите. Счастлив тот, кто внемлет словам бога, ибо замыслам его суждено исполниться. Да будет все совершенно по воле вашей, потому что вы всемогущи. Я отдал жизнь мою и мои силы вам, изыскивая в вас благо себе. Сделайте так, чтобы памятники мои навечно остались для меня и мое имя продолжало жить в них!» Благодарные рудокопы не уставали восхвалять фараона, который указал, где копать колодец, приказал соорудить водоем и построить храм, угодный богам. Они без устали повторяли: «Амон, ниспошли ему вечность, умножь годы его жизни! О боги, пребывающие в источнике, передайте ему ваше долголетие, ибо он открыл нам дорогу, которая была для нас закрыта. Мы идем по ней, и нам хорошо. Когда достигаем источника, он возвращает нам жизнь. Дорога, что была непроходима для нас, стала хорошей дорогой. Благодаря нашему царю путь золота стал прям, как взгляд сокола».

Рудники отдали во владение храму. Все золото, добытое в них, следовало передавать храму и лишь оттуда перевозить в царскую сокровищницу. Для охраны храма и его слу-

жителей был выделен отряд лучников. Другие золотоискатели, бродившие по пустыне, лучники или стражники не имели права менять порядки, установленные царем. Никто не имел права уводить для какой бы то ни было работы людей, добывавших золото для храма, а тем более прикасаться к золоту, считавшемуся «плотью богов». Будущие властители обязаны считаться с волей Сети I, и тогда делам их будут благоволять боги Амон, Хоракти и Птах Татенен. «Они будут управлять землями милостиво. Они будут властвовать над пустыней и Землей Лука. Их *ка* будут вечными. Они накормят всех, кто есть на земле... Но горе всем им, будь то цари или чернь, кто останется глух к моим словам! Осирис покарает их, Исида будет преследовать жен их, а Хор - детей их с помощью всех вождей Та-Джесер [некрополя], которые и приведут в исполнение праведный суд».

Положение царских рудокопов в Нубии было куда тяжелее. Вот перед вами цитата: «В стране Икаита [восточнее второго нильского порога] много золота, но из-за отсутствия воды путь к нему очень труден. Из всех, кто шел туда мыть золото, лишь половина дошла до места, остальные же погибли от жажды, как и их ослы, которых они гнали перед собой. У них не хватало воды для питья, и не было у них сил ни идти вперед, ни вернуться, когда вся вода в их кожаных бутылках вышла. Поэтому из-за отсутствия воды добыть там больше золота было невозможно». Правители прошлых лет, говорит в своем донесении царский сын, наместник Куша, пробовали вырыть колодцы глубиной до 200 футов, но бросили свои попытки прежде, чем удалось найти воду. Однако инженеры Рамсеса II, уверенные, что Хапи, отец всех богов, не поспеет дать немного воды своему возлюбленному сыну, возобновили эти работы и на сей раз добились успеха. Вода из *Дуата* (потустороннего мира) послушалась воли царя и поднялась в колодец. Рудокопов больше не ждала неминуемая смерть в дороге, однако работа их оставалась такой же тяжелой. По словам Диодора, которого мы вынуждены цитировать за неимением более древних текстов, рудокопы нагревали скалу, чтобы сделать ее поверхность более хрупкой, а затем крушили ее металлическими клиньями вдоль рудоносной жилы. Обломки руды выносили из галерей, размывали и промывали, пока в лотках не оставалась только сверкающая золотая пыль. Из этой пыли химическим путем получали очень чистое, по оценке того же Диодора, золото. Однако на практике египетское золото обычно смешано с серебром, медью и другими металлами.

На Синае египтяне добывали драгоценную бирюзу, *мефкат*, которая очень высоко ценилась ювелирами, и малахит, *сеимет*. Начатая еще при царе Санахте (2750 г. до н. э.) разработка рудников при Рамсесидах велась более активно, чем когда-либо. Недостатка воды здесь не наблюдалось, а кочевники, прежде неоднократно нападавшие на рудокопов и караваны с сокровищами, либо отказались от разбоя, либо были покорены могучими правителями. Однако никто не был застрахован от капризов природы. Вот что рассказал живший при Двенадцатой династии Хорурра. Ему поручили провести изыскания в руднике, но он прибыл на место только на третий месяц сезона *перет*, считавшийся неблагоприятным для работ. На следующий день по прибытии он посоветовался с самыми опытными рудокопами, и они в один голос сказали: «Запасы бирюзы в горе безграничны, но в сезон *шему* надо быть внимательным к ее цвету. И раньше говорили нам то же: в руднике этом прекрасные камни, но в дурной сезон *шему* цвет их уходит (блекнет)». Хорурра добавляет: «Пока длится *шему*, пустыня обжигает своим жаром. Горы тогда становятся подобны раскаленному докрасна металлу, а камни теряют свой цвет». В действительности Хорурра принялся за дело в конце зимы. Настоящая жара еще не настала, но до палящих дней было уже недалеко, и зной должен был начаться как раз в разгар работы. Однако желание послужить фараону, а также непоколебимая вера в благоволение небесной госпожи Хатхор - владычицы бирюзы и покровительницы рудокопов - заставили его упорствовать.

Все его люди прибыли на место без потерь. Первая же добыча еще более ободрила его. Благодаря упорной работе ему удалось завершить возложенное на него дело в первый же месяц сезона *шему* до наступления жары, которая могла бы испортить цвет бирюзы. И ликующий Хорурра завершает свое повествование: «Я собрал эти драгоценные камни. Я

преуспел больше любого, кто приходил сюда до меня, и собрал больше бирюзы, чем было приказано. Можно ли желать лучшего? Цвет [бирюзы] был безупречен, и глаза мои возрадовались [при взгляде на нее]. Камень был даже прекраснее, чем в обычный сезон... Теперь доверьтесь же богине Хатхор! Сделайте так, и это обернется благом для вас. Вы добьетесь еще большего, чем я. Я желаю вам удачи!»

Таким образом, благодаря прекрасной работе инженеров, выносливости работников и предприимчивости торговцев (о которых нам еще предстоит поговорить в одной из следующих глав) хранилища и сокровищницы Египта наполнялись ценными материалами, использовавшимися в разных областях производства: камнем, металлами и деревом. Теперь давайте посмотрим, как ремесленники работали с ними в своих мастерских.

3. В мастерских

В гробницах Нового царства мы находим много росписей, на которых показана работа в ремесленных мастерских. Эти изображения, а также подписи к ним наводят на мысль, что все ремесленники - резчики по камню и по дереву, точильщики каменных ваз, золотых дел мастера, ювелиры и гранильщики драгоценных камней, изготовители металлических сосудов, оружейники, столяры и мастера по изготовлению колесниц - работали одновременно в одном помещении. Однако это впечатление может быть обманчивым: возможно, это всего лишь традиционный в Древнем Египте композиционный прием. На изображениях за происходящим в мастерской следит строгий надсмотрщик, который выглядит настоящим гигантом по сравнению с корпящими над работой ремесленниками. Вокруг него мы видим иероглифическую надпись, определяющую спектр его обязанностей. Некий Дуаунехех, смотритель владений Амона, описывается как «приходящий, чтобы проверить, осмотреть мастерскую, открыть два дома золота и серебра, устроить все работы и делать все, что положено смотрителю...» Не исключено, что все лавки, объединенные той или иной специальностью, располагались на одной улице, как мы можем видеть сегодня в Каире или Дамаске, и что надсмотрщик обходил их одну за другой. Примечательно, что деревянные, а возможно, даже и каменные статуи украшались инкрустациями, а мебель, оружие и отдельные детали колесниц - деревянной резьбой или узорами из золота и драгоценных камней; каменная ваза вставлялась в золотую оправу и инкрустировалась бирюзой и лазуритом. Значит, или один работник должен был владеть всеми этими весьма разнообразными специальностями, или же нам остается предположить, что несколько специалистов работали бок о бок, передавая друг другу изделие, пока работа над ним не будет доведена до конца.

4. Скульпторы

Мы знаем, что резчики по камню предпочитали работать в одиночку. На той росписи, где мы уже видели Дуа-унехеха, они как раз заканчивают работу над монолитной рамой для дверного проема в виде двух косяков, притолоки и карниза, над ажурной плитой для фасада какого-то здания и над колонной, вырубленной из цельного каменного блока с пальмовидной капителью вроде колонн в Танисе и Ахнасе. Один орудует теслом, другой - долотом, третий - полировальной доской; одни работают стоя, другие сидят на табуретах, третьи взобрались на гранитные блоки. Их работа еще не закончена, но рисовальщики с тростниковой палочкой в одной руке и палитрой в другой уже обозначают контуры иероглифов, которые позже будут вырезаны на камне и раскрашены голубой или зеленой краской. В мастерской Рехмиры, которая также принадлежала к владениям Амона, скульпторы работают одновременно над гигантской статуей царя, сидящего на квадратном стуле с низкой спинкой, колоссом, опирающимся на колонну, сфинксом и жертвенным столом.

Работники стоят на лапах и на спине сфинкса, на столе и на передвижных деревянных подмостках, благодаря которым они могут заниматься обработкой лиц и волос колоссальных фигур. Некоторые действуют киянками и долотом, другие заняты полировкой гранита. Рисовальщик палочкой наносит иероглифы на поверхность колонны, а художник окунает кисть в миску, чтобы раскрасить их. Как им удастся совмещать столь разные работы? Ведь если скульптор, обтачивающий отдельные детали лица, и резчик, работающий над иероглифами на колонне, могут и не мешать друг другу, то уж полировку-то следовало бы отложить, пока скульптор и резчик не закончат. А художник вообще должен приступить к работе в последнюю очередь. Остается лишь предположить, что автор этой сценки решил собрать в одной мастерской ремесленников, которые на самом деле работали по очереди.

Однако то же самое мы видим и в других мастерских, где изготавливали иные предметы. Египтянам, несомненно, нравилось начинать работу сразу со всех концов одновременно. Рано или поздно, когда полировальная доска непременно сталкивалась с резцом или долотом, поднимался крик. Тот, кто считал себя правым, поносил соседа, отвечавшего ему шутками. Статую заканчивали в рекордный срок и отправляли в храм или во дворец, где она представляла перед восхищенной толпой как свидетельство благоволения царя к народу или же богов к царю.

Перевозка статуи в храм превращалась в настоящий праздник. Если статуя была огромной, а дорога - трудной, это событие становилось триумфом египетской техники и организованности. Однажды потребовалось доставить алебастровую статую высотой около двадцати футов из мастерской, расположенной в предместье города, по дороге к алебастровым каменоломням, в здание, названное в честь его основателя «Любовь Джутихотепа вечна в его номе». Только благодаря исключительной благосклонности царя это здание могло получить имя частного лица, и для него могла быть изваяна статуя, которую теперь и собирались перевозить с особой пышностью. Сначала ее установили на прочные сани, состоявшие из двух толстых полозьев, приподнятых с одной стороны и соединенных мощными поперечинами. Алебастр - мягкий камень, поэтому везде, где веревки могли его повредить, под них из предосторожности подложили подушки. К этим саням, на которые водрузили груз в пять-шесть тонн, привязали четыре очень длинных каната. Их должны были тянуть четыре отряда: жители западной и восточной части нома, воины и служители храма.

Двое людей, не боясь увеличить вес саней, залезли на статую. Один стоял на коленях и с помощью специальной лампы окуривал алебастровый лик благовонным дымом терпентина, второй разбрызгивал из кувшина воду, как это делают в храмах перед статуями богов. Рядом с санями шли водоносы, которые должны были поливать землю, чтобы полозья лучше по ней скользили. Несколько человек держали огромное бревно, которое, возможно, использовалось в качестве рычага, хотя точно сказать этого нельзя.

Прозвучал сигнал к отправлению. Всеми маневрами руководят управляющий работами по изготовлению статуи и его помощники. Они передают приказания людям, наделенным даром красноречия, или, точнее, даром овладеть вниманием всей этой армии и вдохнуть в них энтузиазм речью, которая заканчивалась неудержимым возгласом «Хайя!». Статуя трогается с места и начинает медленно ползти по дороге, которую предварительно очистили от больших камней. Солдаты, расставленные вдоль дороги, сдерживают толпы желающих полюбоваться редким зрелищем. На канале, параллельном дороге, статую сопровождают лодки. Матросы и пассажиры присоединяют свои голоса к реву толпы на берегу. На набережной уже установлены накрытые столы для тех, кто устал тащить тяжеленную статую, и для тех, кто устал надрывать глотку. Центральная фигура в этой сцене - сам Джутихотеп на носилках, которые несут слуги, а за ним следуют его сыновья, солдаты и слуги с циновками и опахалами из перьев. Он считал, что более прекрасного зрелища в его номе еще не видели: «Родственники царя, которые правили здесь прежде, управляющие, заботившиеся о вечности в стенах этого города, где я поставил алтари над рекой, не

могли даже помыслить о том, что я сделал для себя. Вот я завершил мой труд для вечности, закончив сооружение моей гробницы, да пребудет она вечно».

Это событие, однако, вовсе не было столь исключительным и необычным, как полагал правитель нома. Подобные торжества происходили всякий раз, когда царь разрешал частному лицу перевезти свою статую в храм, или при перевозке в храм статуй царя. Египтяне обожали устраивать подобные массовые сборища, на которых можно было вволю накричаться, хорошенько напиться и вечером возвратиться домой счастливыми и довольными. Некто Кенамон удостоился даже большей милости от царя - ему разрешили перевезти в храм сразу три свои статуи. Огромная толпа приветствовала процессию криками и возбужденными жестами. Жрецы окуривали все вокруг терпентинным маслом. Мужчины несли в руках стебли папируса, жрицы Хатхор, владычицы Фив, били в бубны и встряхивали сistrы, танцовщицы и акробаты развлекали толпу.

5. Ювелиры, гранильщики, золотых дел мастера

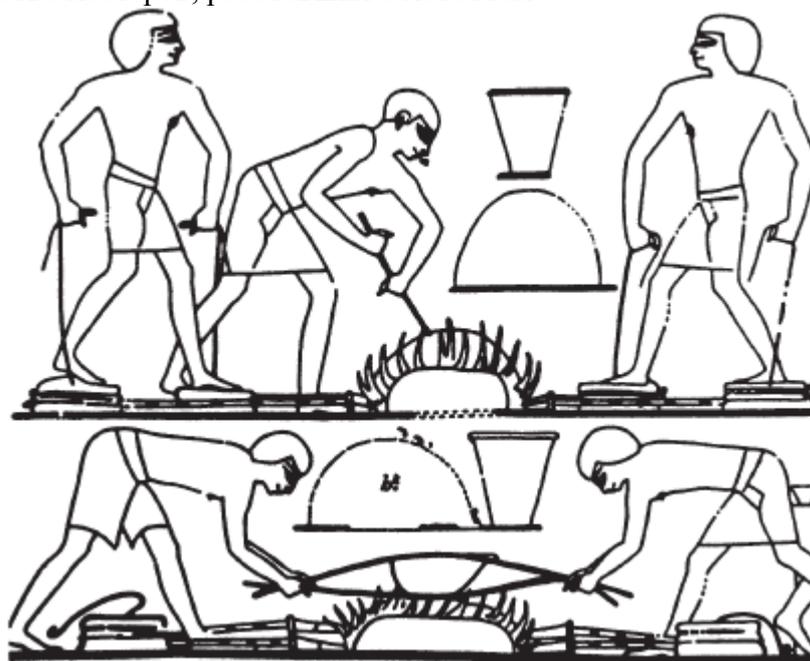
Уже при Первой династии фараонов египтянам удалось достигнуть высочайшего мастерства в изготовлении каменных ваз. В эпоху Рамсесидов это искусство продолжало процветать. Алебастр, сланец и брекчия превращались в изящнейшие кувшины и кружки, амфоры, миски, чашки и тазы, порой украшенные фигурами людей или животных. Орудия мастеров были предельно просты; один из наиболее часто используемых инструментов - сверло с деревянной рукояткой, сверху обтянутой кожей. Ремесленник зажимал кусок камня между колен и, приставив к нему сверло, вращал рукоятку ладонями. Иногда бывали и неудачи. Слишком сильно раскрутив сверло, мастер мог пробить стенку сосуда, но это не очень расстраивало его: аккуратно вырезав поврежденное место, он ставил каменную заплату. В гробнице Тутанхамона было обнаружено несколько изделий из алебастра, которые свидетельствуют скорее о мастерстве их создателей, чем об их вкусе: многие не раздумывая отдадут предпочтение прекрасной амфоре из гробницы Пуиемры, украшенной лишь краткой иероглифической надписью.

Изготовление металлических ваз (*Дейвис*. Гробница двух скульпторов в Фивах)

Многие ремесленники делали металлические изделия. По общему признанию сокровищница Бубаста с ее золотыми и серебряными вазами, жертвенными чашами, серьгами и браслетами, а также драгоценные украшения из гробницы Сиптаха из Серапеума, хранящиеся ныне в Лувре и датирующиеся эпохой Рамсесидов, ни по богатству, ни по разнообразию не могли сравниться с потрясающей коллекцией Тутанхамона или Псусеннеса. Однако заглянем в Большой папирус Харриса, где перечислены щедрые дары Рамсеса III богам. Каждый раз речь идет о золоте, серебре, меди, лазурите и настоящей бирюзе. Двери фиванских святилищ сделаны из золота или меди, сверкавшей как золото. Некоторые статуи богов облачены в золотые наряды, жертвенные столы и чаши сделаны из серебра. Царские декреты о привилегиях Амона вырезались на огромных золотых, серебряных и

медных пластинах. Роскошь великого дома Амона (главная святыня храма) и его священная ладья не поддавались описанию. В храме Атума в Оне стояли уникальные золотые весы: на их пьедестале сидел большой, отлитый из золота павиан, который должен был следить за правильностью взвешивания. Множество фигур божества Нила были изготовлены не менее чем из двадцати одного материала: 13 568 статуэток из настоящего лазурита и бирюзы, примерно вдвое меньше из золота и других материалов. Во всех храмах были свои сокровищницы. Добавим к этому драгоценности фараонов и частных лиц, и тогда нам удастся составить хотя бы приблизительное представление о том, на каком уровне находилось искусство мастеров, работавших с металлом.

Плавка бронзы (Дейвис. Гробница Рехмиры)

Первым делом в мастерских тщательно взвешивали золото и серебро и только потом передавали их мастеру. Весы существовали лишь для этой цели, во всяком случае, в земной жизни, а в загробном мире их использовал бог Тот для взвешивания сердец в присутствии Осириса и богов *Аментета* (подземного мира). Зерно измеряли египетскими мерами (бушелями). Слитки азиатской меди принимали на счет и не взвешивали. Весы состояли из колонны (она заканчивалась головой Маат, богини истины), прикрепленного к ней горизонтально металлического прута и коромысла со стрелкой посередине; на концы коромысла подвешивали на трех шнурах две одинаковые чаши. Чтобы произвести взвешивание, коромысло с чашами ставили на прут так, чтобы оно сохраняло равновесие. Гири делали в форме лежащего быка, взвешиваемый металл поступал в мастерские в виде колец. Весовщик клал на противовес гири, придерживал руками колебавшиеся чаши и добивался вертикального положения стрелки. Писец, вынув из футляра палочку для письма и палитру, записывал результаты в присутствии начальника храмовых мастерских, который затем забирал взвешенное золото и раздавал его ремесленникам. Золотых дел мастерам для работы требовались золотая проволока, чтобы делать цепочки, пластинки и узкие ленты для оправы камней, большие полосы металла для изготовления ваз и кубков, золотые трубки для браслетов, а также крупные слитки. Поэтому, чтобы получить все эти разнообразные заготовки, металл плавил в тиглях над очагом.

Для плавки золота и серебра египтяне пользовались открытым огнем. С полдюжины ремесленников вставали вокруг очага и усиленно раздували пламя через длинные трубки глиняной насадки с очень маленьким отверстием на конце. Надо отметить, что при этом они перебрасывались шутками, хотя работа была весьма изнурительной. Этот метод, унаследованный с древнейших времен, претерпел серьезные изменения в эпоху Нового царст-

ва: трубки стали крепить к лежащим на полу мехам с отверстием на противоположном конце. Отверстие-клапан открывали и закрывали с помощью привязанных к мехам веревок. Работник становился на них ногами, взяв по веревке в каждую руку, и поочередно переступал с одного меха на другой, дергая при этом то за одну, то за другую веревку и открывая или закрывая таким образом отверстие. Струя воздуха устремлялась из трубки в очаг. Когда металл расплавлялся, двое горновых, которые не боялись ни жары, ни дыма, подхватывали тигель металлическими щипцами, отбивали изогнутую горловину и выливали металл в формы, расставленные на столе. Полученные слитки передавали кузнецам, наковальню им заменял большой камень, а молот - камень поменьше. С помощью таких нехитрых инструментов они выковывали проволоку и бруски, ленты и пластины. Ковка укрепляла металл, даже если он был достаточно чистым. Затем его снова нагревали, чтобы вернуть пластичность. Мастер брал пластину щипцами, подносил к огню и раздувал его с помощью трубок. Чтобы улучшить качество проволоки, ее многократно протягивали через волоочильные доски с отверстиями все более и более мелкого размера. С помощью таких примитивных методов египтяне получали заготовки всех необходимых форм, оставалось лишь обрезать и собрать изделие. Если мастер собирался сделать золотую или серебряную чашу, то садился на табурет перед врытым в землю верстаком и, умело орудуя инструментами, придавал пластине нужную форму.

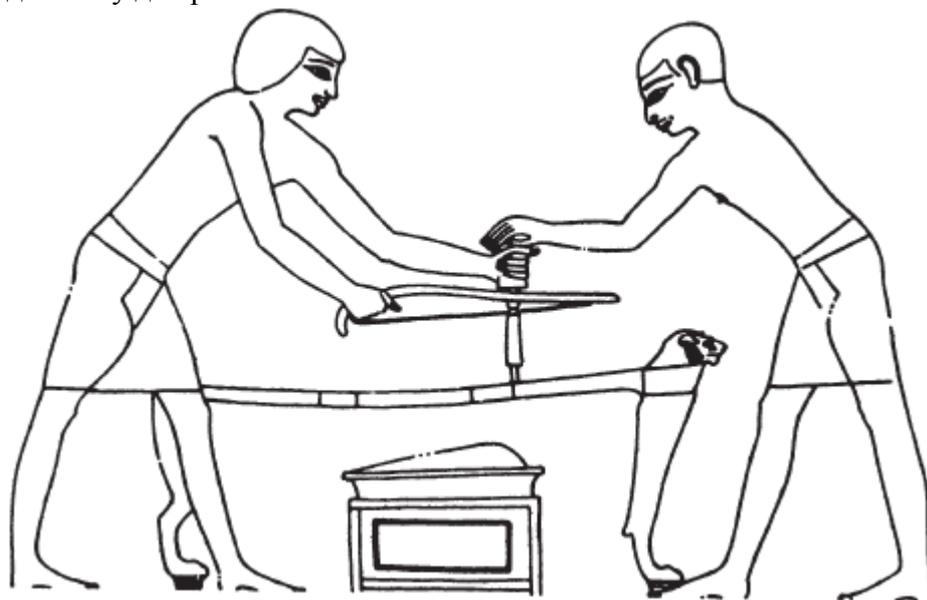
Ювелир, работающий над ожерельем (*Дейвис*. Гробница двух скульпторов в Фивах)

После окончания основной работы начиналась отделка - здесь египтяне проявляли недюжинную фантазию: чаша могла быть украшена цветочным или геометрическим узором, обрамляющим религиозную или светскую сцену. Или же они неожиданно проявляли крайнюю сдержанность, вырезав краткую иероглифическую надпись на утонченно простой вазе. После того как изделие было должным образом украшено и отполировано, его выставляли для обозрения на полку, которая к концу дня оказывалась заставлена самыми разнообразными предметами.

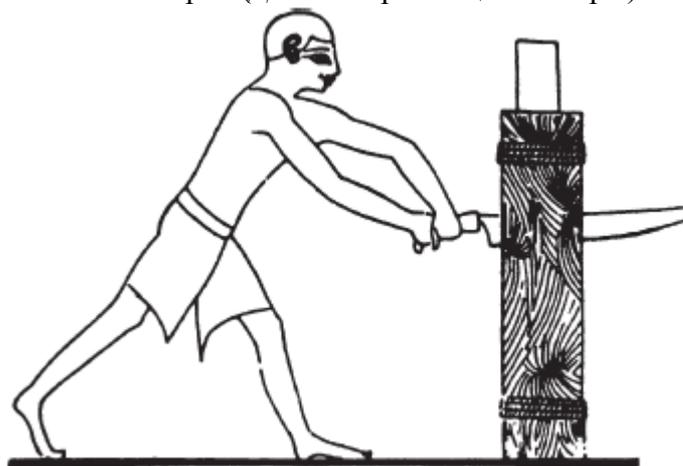
6. Работа с деревом

Египетские столяры пользовались такими породами дерева, как акация, рожковое дерево, можжевельник и другие местные виды, которые пока не удается установить и которые, так же как и черное дерево, произрастали в южных землях. Использовали они и древесину, поставлявшуюся из Сирии: сосну (*аш*) и ель (*мер*), своим цветом напоминавшую квар-

цит, добываемый на Красной горе. Плотники обрубали сучки топорами на длинных топорщах, а затем распиливали стволы на толстые доски и брусья ручными пилами. Тесло, состоявшее из широкого металлического лезвия, под прямым углом прикрепленного к концу деревянной рукоятки иногда в ладонь, иногда в целый локоть длиной (от 6 до 18 дюймов), использовалось в качестве современного рубанка или струга. Круглые дыры проделывали сверлом, которое вращали с помощью своеобразного смычка, а длинные прорези - долотом и киянкой. Столярного верстака тогда еще не существовало, поэтому, чтобы распилить в длину деревянный брус, его привязывали к вкопанному в землю столбу. Чтобы брус не соскальзывал и не трескался во время распиловки, его крепче связывали со столбом, а между ними закрепляли палку с привязанным к ней тяжелым грузом. Если брус был не слишком большим, ремесленник прижимал его к земле одной рукой, а пилил другой. То же самое он делал, работая теслом, только в этом случае он для верности прижимал брус еще и ногой. Соединяя деревянные детали, египтяне пользовались клинышками, заклепками и клеем, а не металлическими гвоздями, которые, как правило, применяли, когда прикрепляли металлические пластины к дереву. Скобель использовали для устранения мелких неровностей после того, как все детали были собраны. Теперь оставалось лишь хорошенько отполировать изделие, и готовый ларь или кресло можно было передавать художнику для росписи.

Использование смычкового сверла (*Дейвис. Гробница Рехмиры*)

Распилка бревна (*Дейвис. Гробница Рехмиры*)

Два огромных наоса, изготовленные по приказу Ипуи для храма божественного царя Аменхотепа I, показывают, с каким размахом египтяне украшали свои храмы и как они работали. Оба сооружения высотой почти двадцать футов. Первый наос установлен на помосте, и к нему ведут пять ступеней. Папирусообразные колонны поддерживают карниз с царскими уреями. Крыша обычной сводчатой формы. На фасаде Хор и Сет сплетают около царя символические растения севера и юга. Другой наос трехъярусный, каждый из которых поддерживают миниатюрные колонны. Нижний - пустой, чтобы там можно было поставить ложе с подголовником, скамеечку, столик и зеркало. Фасады остальных этажей закрыты ажурными панелями с резьбой. На них среди прочего можно отметить символ богини Хатхор, царские картуши, символы Исиды и Осириса, увенчанных коронами соколов, Бэса, играющего на тамбурине, и Таурис, сжимающей в руках свой амулет. Мастером, изготовившим эти два наоса, пришлось, по-видимому, проявить недюжинную ловкость. Те, кто вырезал иероглифы на двух больших колоннах, стояли на земле, а вот двоим другим, которые занимались украшением карниза, пришлось взбираться вместе со своими инструментами по колоннам. Вот один из них поставил ногу на выступ под сводом, другой взобрался на свод, и оба, держась одной рукой за урея на карнизе, другой орудуют киянками. На этом втором наосе неожиданный приход надсмотрщика застал ремесленников врасплох: один сидит внизу и, похоже, не торопится браться за работу, другой же быстро взбирается по колоннам, стараясь спрятаться от грозного представителя власти. В дальнем углу один из художников в шутку разрисовывает красками лицо соседа, что тот явно находит весьма забавным. Надзиратель проходит мимо них, ничего не сказав, потому что заметил столяра, который сладко спит, растянувшись перед неоконченной работой. Он в ярости кричит на него. Один из мастеров, балансировавших на верхнем этаже, от неожиданности теряет равновесие. А на самом верху двое других поспешно хватаются за инструменты. Один сверлит дырку, другой полирует дерево, а третий, внизу, пытается растолкать спящего. В Древнем Египте отдавали предпочтение работе в «бригадах», но, чтобы она была эффективной, требовались многочисленные надсмотрщики с зорким глазом, которые не стеснялись, если нужно, пустить в ход палку... а также надсмотрщики над надсмотрщиками.

В эпоху Нового царства появилось новое ремесло - изготовление колесниц. Их в основном делали из дерева, колеса никогда не обивали металлом, но на корпусе порой укрепляли металлические пластины. Колесница состояла из множества деталей: в одном стихотворении перечисляется полсотни их названий, и это еще далеко не полный список. Самой трудной частью работы считалось изготовление идеально круглых колес с четырьмя или пятью спицами. Обод делали из многочисленных сегментов, выпиленных из досок подходящей толщины и скрепленных между собой.

Лавка столяра (Дейвис. Две гробницы Рамсесидов в Фивах)

Кроме того, столяры занимались изготовлением луков, стрел и дротиков, всевозможных царских скипетров и жреческих посохов, всяческих знаков власти для знатных особ, военачальников и чиновников, а кроме того, мастерили музыкальные инструменты. Посохи могли быть идеально прямыми или изящно изогнутыми. В мастерской Менхеперра-сенеба мы видим, как один из ремесленников испытывает лук, а его товарищ пробует стрелу на вес и проверяет, достаточно ли она прямая. Чтобы загнуть ветку, ее нагревали, затем обдирали кору и закрепляли рогатиной, а нужный изгиб придавали с помощью рычага. Посохи, скипетры и музыкальные инструменты часто украшались, так же как и мебель, инкрустациями или накладными металлическими пластинами. Иногда к грифу инструмента или кончику посоха приделывали резную голову человека или животного. Сегодня в Лувре хранится деревянная женская голова, когда-то украшавшая арфу. Изящно изогнутые посохи Тутанхамона были сделаны из черного дерева или слоновой кости и оканчивались резными головами негра или азиата.

7. Обработка кожи

Ремесло кожевников расцвело еще в Раннем царстве. Некий Ута, один из мастеров той эпохи, занимался изготовлением сандалий, сумок и листов пергамента для чиновников, которые со свитком в руке руководили религиозными или светскими церемониями. Эти предметы производили во все времена, а чуть позже к ним добавились разнообразные шлемы, доспехи, колчаны и обтянутые кожей щиты, укрепленные металлическими заклепками, окантовкой или пластинами. Когда египтяне овладели искусством тиснения кожи, то начали украшать колчаны и щиты орнаментами, частично перенятыми у сирийцев, однако в изяществе и тонкости исполнения они оставили сирийских мастеров далеко позади. Однако в Египте кожу никогда не дубили, предпочитая жировую обработку, как при изготовлении замши. Сначала кожу растягивали на доске, а потом погружали в чан с растительным маслом. Через некоторое время ее вытаскивали, а когда она начинала подсыхать, отбивали деревянными молотками, чтобы масло проникло во все поры. После этого кожа приобретала все необходимые качества: гибкость, водонепроницаемость и долговечность.

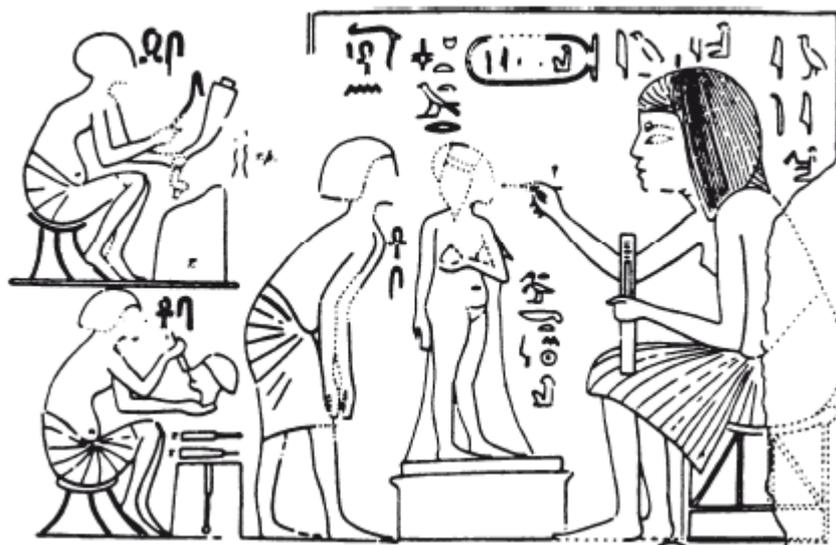

Кожевники (Дейвис. Гробница Рехмиры)

8. Художники и ремесленники

Во всех мастерских законченные изделия расставляли на столах и на полках, чтобы управляющий работами мог как следует осмотреть их и решить, есть ли среди них достойные занять почетное место в царских или храмовых сокровищницах. Кроме этого, устраивались общие выставки, на которых представляли самые разные предметы египетского производства. В гробнице Кенамона воспроизведен своего рода иллюстрированный каталог подарков, врученных царю по случаю наступления нового года, а в Карнакском храме выставлен на обозрение другой восхитительно выгравированный каталог даров фараона богу Амону. В изобилии представлены статуи фараона, выставленные в наосах на ладье древнейшего устройства, статуи мужчин и женщин, стоящих, сидящих или коленопреклоненных, статуи сфинксов с человеческими головами, с головами соколов, увенчанными коронами или без них; животных: газелей, сернобыков и козерогов. С каменными вазами, напоминающими о древних временах, соседствуют округлые амфоры на тонких ножках, резные чаши и кубки, внутри которых изображен садик с лотосами, папирусами, маргаритками и гранатами, цветущими вокруг крошечной лягушки, сидящей на возвышении. Некоторые соусницы имеют форму птиц. Иногда их ручки вырезаны в виде утиной головы, обращенной внутрь: то ли содержимое столь аппетитно, то ли в соусницу в качестве украшения помещали искусственного утенка. Еще удивительнее выглядели огромные чаши, сделанные в форме сирийской крепости вместе со всеми защитниками, или дома, на стены которого бросаются пантеры, пытаясь добраться до прекрасной птицы, сидящей на крыше. Мебель состояла главным образом из сундуков, кресел и табуретов. Ювелиры представили многорядные ожерелья с застежками в виде цветущих растений. Изготовители колесниц и оружейники прислали колесницы с упряжью и попонами для лошадей, хлысты, луки, мечи, кинжалы, щиты, кольчуги, чехлы для луков, колчаны, секиры, ножи и шлемы. Из бытовых предметов упомянем только зеркала, солнечные зонтики из страусовых перьев с ручками черного дерева, украшенными золотом, и, наконец, палки с набалдашником в виде головы птицы с длинным клювом и непомерно длинной шеей, назначение которых определить невозможно. По-видимому, они вообще не имели практического применения. В моду все больше входят чисто декоративные предметы мебели, украшенные резными изображениями пальм с карабкающимися по ним стаями обезьян; единственное их предназначение - радовать глаз. Это были поистине великолепные выставки!

Работники царских мастерских и мастерских Амона не посрамили своих хозяев на земле и на небесах.

Скульптор за работой (*Дейвис*. Скальная гробница в Эль-Амарне)

Возникает вопрос: как вознаграждали этих прекрасных мастеров, многие из которых были настоящими художниками? Когда Пуиемра, второй пророк Амона и главный управляющий всеми работами храма Амона, осматривал изделия своих мастерских, его подчиненные, начальник мастеров и начальник художников, обращались к нему с такими словами: «Сердце каждого радуется твоему богатству!» Однако Пуиемра даже не отвечает. Он смотрит на эти чудеса изобретательности и мастерства так же равнодушно, как на корзины с приношениями, на образчики тканей, минералы и провизию, доставленные сборщиками налогов. Не видно, чтобы он похвалил самых искусных своих мастеров. Рехмира, посетив одну из мастерских при храме Амона, сообщает, что дал всем работникам задания и потребовал, чтобы они посвящали больше времени работе. Он не забывает лишний раз перечислить для нас все свои титулы, однако не упоминает даже о том, кто из ремесленников лучше справлялся со своим делом. Надсмотрщик обращается к мастерам, как к простым рабочим: «Пошевеливайтесь, ребята, займитесь делом! Сделайте так, чтобы управитель похвалил вас, закончите эти памятники для его господина во владении отца его Амона, имя которого продлится благодаря им, установленным на все грядущие годы». Мастерская работала во славу Амона, царя, визиря или верховного жреца, но продукция ее была анонимной, и история не узнала имен своих лучших мастеров. Великий скульптор воспринимался только как дар богов.

Однако на восьмом году царствования Рамсес II повелел поставить в храме города Он стелу по случаю своего посещения каменоломен Красной горы, где был найден гигантский каменный блок. На ней высечена надпись, что он даровал свои милости всем, кто участвовал в изготовлении сфинксов и статуй - стоящих, сидящих и коленапреклоненных, которыми он заполнил святилища Египта: «Слушайте, что я вам говорю! Вот добро, которым вы обладаете. Что я повелел, было исполнено. Это я, Рамсес, создал поколения и дал им жизнь. Пища и напитки перед вами, всего вдоволь, что может возжелать ваше сердце... Я переменял вашу участь, чтобы говорили: вы работаете для меня с любовью ко мне и ваши приветствия меня укрепляют. Я сделал, чтобы вам давали пищи вдоволь за вашу работу в надежде, что вы будете жить и доведете работу свою до конца... В амбарах полно зерна, и я не оставляю вас ни на один день без хлеба. Каждому выплачено положенное за месяц.

Я наполнил для вас хранилища разным добром: хлебом, мясом, лепешками, чтобы кормить вас; различными благовониями для умащения ваших голов каждый десятый день; одеждой, чтобы вы были одеты весь год: сандалиями, чтобы у вас была хорошая обувь на

каждый день; чтобы никто из вас не провел и ночи, страшась нищеты. Я поставил людей разных достоинств, чтобы кормили вас даже в голодные годы, я повелел людям болот приносить вам рыбу и дичь, а другим - людям садов - вести счет того, что вам причитается. Я построил гончарную мастерскую, чтобы делать для вас сосуды, где будет охлаждаться ваша вода в *шему*. Ладьи с ячменем, пшеницей, крахмалом, солью и бобами плывут для вас с юга на север безостановочно. Все это я сделал, говоря: «Сколько вы живете, вы не перестанете работать для меня!»

Все это в высшей степени похвально. Царь желает увековечить свое имя на памятниках, неподвластных времени, а потому хочет, чтобы его художники были сыты, хорошо одеты и с радостью трудились на щедрого правителя. Людовик XIV раздавал художникам награды и назначал пенсии. Рамсес сделал практически все, что было в его власти: специально выделил огромное поместье с многочисленными работниками, доходы которого обеспечивали художников мастерских, подобных мастерским в Оне. И все же мы испытывали бы к самому великому из фараонов еще большую признательность, если бы он выделил из числа своих прекрасных мастеров хотя бы одного выдающегося художника и вознаградил его. Но, увы, на всех многочисленных сценах награждения слуг царя мы видим лишь вышших чиновников, придворных и верховных жрецов. Поэтому, видимо, прав писец, заметивший: «Не видел я ваятеля в качестве посла и бронзовых дел мастера, возглавлявшего миссию. Но видел я медника за работой его у отверстия печи его, причем пальцы его как у крокодила, а сам он более смраден, чем рыба икра».

И все же мы можем отыскать несколько свидетельств, что наиболее выдающиеся художники пользовались известным почетом. На стеле времен Среднего царства сохранилась надпись, в которой мастер рассказывает о себе следующее:

«Я знал тайну божественных слов, ведение обрядов богослужения. Я устраивал всякие магические обряды так, что ничто не ускользало от меня. Ничто из них не было скрыто от меня. Я - владетель великих тайн. Я видел Ра в образах его».

Действительно, художник обязан был знать литургию, мифологию, все атрибуты царской власти и всех богов - немалое достижение! Финикийцы, которые охотно копировали египетские образцы, совершали при этом в деталях такие ошибки, от которых египтяне пришли бы в ужас. Далее наш художник превозносит свои способности в следующих словах: «Но я был и художником, опытным в искусстве своем, превосходящим всех знанием своим. Я умел передать движение фигуры мужчины, походку женщины, положение поднявшего гарпун, взгляд глаз, смущенный вид пробуждающегося ото сна, положение руки вздымающего копье и согнутую походку бегущего. Я умел делать инкрустации, которые не горели от огня и не смывались водой.

Никто не превосходил в знаниях меня и сына моего старшего от плоти моей. Когда бог прикажет, он сядет за работу и сделает как приказано. Я видел творение рук его в каждом ценном камне - от серебра и золота до слоновой кости и черного дерева...»

Что ж, нам остается лишь надеяться, что все эти достоинства признавали и другие, а не только сам художник. В гробнице одного из многочисленных Аменемхетов в Фивах есть изображение, не имеющее аналогов в известном нам наборе сцен египетских мастеров. Аменемхет предлагает четверем мужчинам, сидящим напротив него на циновках, богатое угощение: хлеб, мясо, птицу, овощи, фрукты, напитки, а также расставленные перед ними благовония. Один из этих четырех гостей - художник Яхмос, другой - скульптор, чье имя до нас не дошло. Этот пир был высшей наградой художникам, которые украшали хозяйскую гробницу. По-видимому, изысканные яства должны были доставить художникам такое же наслаждение, какое получил Аменемхет, созерцая богатства, изображенные в гробнице. Уже в эпоху пирамид управитель царского дома по имени Мени похвалялся тем, что хорошо вознаградил всех, кто участвовал в сооружении его гробницы: «Всякий, кто сделал это, никогда об этом не пожалеет. Художники ли, каменотес, я вознаградил всех!» Первый пророк Нехбет, по имени Сетау, в царствование Рамсеса IX поручил украшение своей гробницы выдающемуся художнику Мерире. Он с удовольствием отмечает его дос-

тоинства и оригинальность: «Он сделал надписи собственной рукой, когда пришел украшать гробницу Сетау... Писец божественных книг, Мерира не [просто] переписчик. Его вдохновляет сердце его. Никто не показывает ему образцов, он все делает сам, писец с умелыми пальцами, сведущий во всех вещах».

Художник Хеви (*Ленсий*. Иллюстрированный журнал)

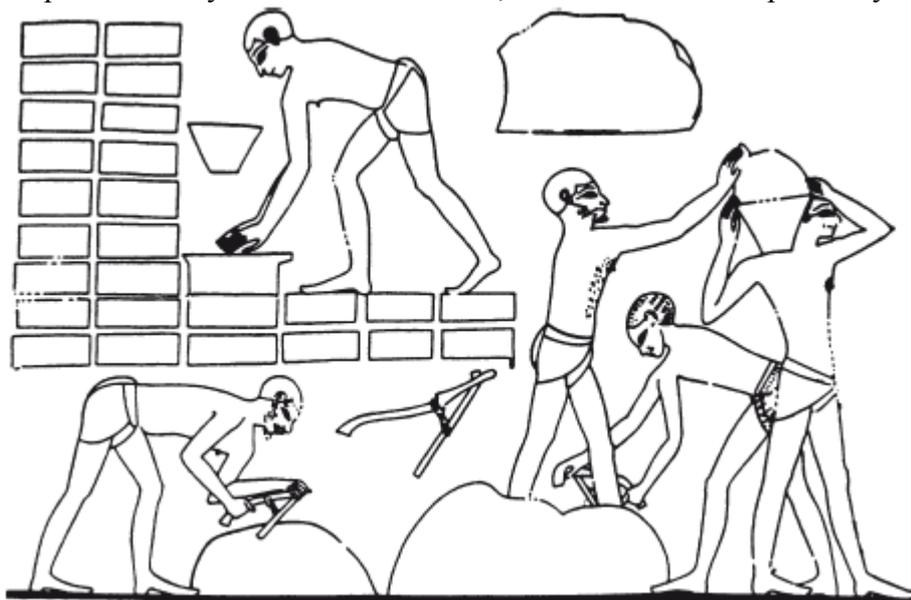
Таким образом, можно утверждать, что фараоны, царские родственники, жрецы - другими словами, все заказчики не оставались неблагодарными по отношению к прославлявшим их художникам. Художник, живший в царствование Рамсеса III и Рамсеса IV, запечатлел себя во время работы, когда рисовал статуи фараона Аменхотепа I и его матери. Отбросив традиционную сдержанность, в которой выполнял другие фигуры, он запечатлел себя в свободной, естественной позе: он сидит на цоколе, скрестив босые ноги так, что левая ступня лежит на правом колене, длинные волосы ниспадают на плечи, в одной руке у него кисть, а в другой - палитра. Этот рисунок привлек внимание современников - до нас дошла его копия, сделанная каким-то учеником на обломке известняка. Она конечно же уступает оригиналу, однако для нас эта копия поистине бесценна, потому что благодаря ей мы узнали не только имя художника, но и его титулы: «высший правитель» и «писец». Мы знали и раньше, что художники, творившие при Эхнатоне, такие, как Джутимес и Хеви, были людьми богатыми и уважаемыми, но благодаря этому обломку известняка мы узнали, что в конце эпохи Рамсесидов египетский художник мог по своему положению быть ровней правителям номов.

9. Каменщики и другие

Теперь настало время обратиться к более тяжелому или низменному делу, которым обычно приходилось заниматься чужеземцам, свободным или военнопленным, и которое едва ли могло принести им титул «высокого правителя».

Египетский каменщик занимался прежде всего изготовлением и кладкой необожженных кирпичей. Каждый город окружала стена около пятидесяти футов толщиной и шестидесяти - высотой. Только ворота в ней каменные, а вся стена из кирпича-сырца. Административные здания и частные дома тоже сложены в основном из кирпича: камня в них, как и в главной городской стене, было совсем немного. Когда Рамсес II задумал построить свой любимый город, который египтяне обычно называли Пер-Рамсес, и государственные храмы в Питоме, он собрал сынов Израилевых, назначил над ними надсмотрщиков и заставил их формовать кирпичи. Работа была монотонной, но не такой уж трудной. Нильский

ил перемешивали с песком и рубленой соломой. Чтобы смесь получалась однородной, ее смачивали, долго топтали и время от времени переворачивали лопатой. Работник наполнял этой сырой смесью форму доверху, снимал излишек деревянной лопаткой, быстро переворачивал форму и осторожно снимал, чтобы не повредить содержимое. Кирпич оставляли сохнуть восемь дней, после чего он годился в дело. Формовщики работали преимущественно на берегу водоема, чтобы водоносам было удобнее доставлять им воду. Другие работники срезали на сжатых полях стерню и делали из нее рубленую солому. Когда фараон потребовал, чтобы сыны Израилевы собирали солому, не снизив установленной нормы производства кирпича, это сильно ухудшило их и без того нелегкую участь, однако протесты приводили только к тому, что на их спины обрушивались палки надсмотрщиков. Переносили кирпичи на двух плоских поддонах, подвешенных к коромыслу.

Формовка кирпича (Дейвис. Гробница Рехмиры)

Одно и то же слово *икду* использовалось для обозначения двух совершенно разных профессий: строителя и горшечника. Первого называли *икду инбу*, т. е. «строитель стен», а второго - *икду неджесет*, «строитель малых изделий». Те и другие пользовались одинаковым материалом - нильским илом, но настоящее объяснение схожести названий двух различных профессий нам дает египетский язык. Корень *кед* означает «круглый». Прimitивные глинобитные хижинки имели круглую форму, как горшки (по сути, они представляли собой именно большой горшок). Горшечник месил смесь ногами, клал кусок глины на гончарный круг - деревянный диск, который вращался на вертикальном стержне. Глина под его ловкими руками принимала форму пузатого горшка или миски, чаши или кубка. Таким же способом он изготовлял большие кувшины с заостренным дном, использовавшиеся для хранения вина и пива, и кувшины со скругленным дном, похожие на круглые мешки. Окончательную форму изделия горшечник придавал руками.

После этого горшки относили в печь - нечто вроде круглой трубы высотой два человеческих роста и диаметром около двух-трех футов, если верить изображениям (однако здесь следует еще раз напомнить, что египетские художники очень условно передавали размеры существ и предметов). В эпоху Нового царства египтян уже не удовлетворяли одноцветные горшки, даже если они имели очень изящную форму. Теперь горшечник наносил на чаши и кувшины различные рисунки, заимствованные у резчиков по камню или по дереву, затем, повинувшись собственной фантазии, украшал их по краям геометрическим или растительным орнаментом. Мы видим на них извивающуюся виноградную лозу, разнообразные цветы и деревья, птиц, поедающих рыбу, тяжело нагруженных быков. Таким образом, даже люди скромного достатка, которые не могли позволить себе покупать доро-

кую металлическую посуду, пользовались глиняными изделиями, не лишенными своеобразной красоты.

Египетский цирюльник работал на улице, переходя из квартала в квартал. Он устраивался на перекрестке, где была тень, и вскоре его окружали клиенты. Ожидание могло оказаться долгим, тогда песня или интересный рассказ помогал желающим побриться скоротать время. Именно этим и занимаются два человека, сидящие спина к спине на одном табурете: один уселся вполне удобно, второй же примостился на самой краешке и может свалиться от малейшего толчка. Не обращая на них внимания, остальные клиенты предпочитают подремать сидя, уткнувшись подбородком в колени и прикрыв голову скрещенными руками.

Один за другим клиенты усаживаются на трехногий табурет и, сложив руки на коленях, отдаются во власть цирюльника, который бреет им голову и лицо. Перед ним стоит чашка на высокой ножке с мыльной водой. Бритва представляла собой лезвие примерно в восемь дюймов длиной с изогнутым концом. Хранилась она в специальном чехольчике. Цирюльники, посещавшие богатые семьи и иногда выполнявшие также функции врачей, пользовались целым набором шильцев, щипчиков, ножниц и бритв в кожаных мешочках, которые они носили в изящных ларцах черного дерева. Они посещали клиентов на дому и имели довольно высокое положение в обществе. В пантеоне богов нашлось место и для бога-брадобрея. И тем не менее брадобрей, обслуживавший бедняков на улице, вызывал у людей скорее сочувствие, чем зависть.

10. Хозяева и работники

В качестве образчика добродетелей просвещенного хозяина мы можем взять Рамарай, верховного жреца Амона.

«О жрецы, писцы дома Амона, достойные служители божественных жертвоприношений, пекари, пивовары, кондитеры, все, входящие в эту мастерскую в доме Амона, повторяйте имя мое каждодневно, поминая меня добром, славьте меня за мои благие дела, потому что я был человеком добродетельным.

Я нашел здание это в полном разорении; стены его обвалились, деревянные балки сгнили, дверные рамы, которые были из дерева, развалились, и краски исчезли с барельефов. Я восстановил его полностью, сделал его еще больше, чем оно было прежде. Я сделал дверные рамы из камня-песчаника, вставил в них двери из превосходной ели. Я устроил все, чтобы могли здесь работать пекари и пивовары. Я сделал все это к радости служителей моего бога Амона-Ра».

Другой верховный жрец Амона, Бакенхонсу, по-видимому, тоже заслуживал всяческих похвал: «Я был добрым отцом для тех, кто ниже меня, учил тех, кто молод, протягивал руку тем, кто в беде, поддерживал тех, кто в нужде, и делал много блага своему храму, будучи главным управителем работ в Фивах от имени Рамсеса II». Остается только надеяться, что подчиненные не стали бы опровергать эти слова. Обычай тех времен не позволял принуждать слуг и работников к неоправданно тяжелой работе. Тем не менее рабочий люд не раз протестовал, и часто не без причины. Иногда протесты принимали форму настоящего мятежа. Работники получали еду и одежду иногда раз в месяц, а иногда раз в два или даже в четыре месяца. Наименее бережливые - что вовсе не означает расточительные - ухитрялись исчерпать свои запасы задолго до новой выдачи. «Нас мучает голод, а до следующего месяца еще восемнадцать дней!» Работники собирались на площади перед административным зданием: «Мы не вернемся, передайте это своим хозяевам, собравшимся там». Один из работников подводит итог: «Мы пришли, чтобы выслушать их и чтобы они сказали нам слова правды». Голодная толпа направляется к складам. Пока они не пытаются взломать двери. Один из них громко жалуется: «Нас пригнал сюда голод, пригнала жажда, у нас нет больше одежды, нет масла, нет рыбы, нет овощей. Пошлите к фараону, нашему

хозяину, пошлите к нашему владыке царю, пусть даст нам необходимое для жизни!» Эту жалобу он повторяет перед городским чиновником, но некоторые уже теряют присутствие духа и готовы сказать, что на самом деле все не так уж плохо. Однако другие рабочие отказываются разойтись, пока им немедленно не раздадут продукты. Чиновники решают уступить и призывают писца-счетовода со словами: «Проверь зерно, которое ты получил, и раздай его людям из некрополя!» «И тогда призвали Памонтунебиата и стали выдавать нам наши порции зерна каждый день».

Таким образом мятеж был предотвращен. Участь работников была не так уж тяжела, когда хозяева заботились о них, как Бакенхонсу или Рамарай, вовремя строившие для них жилища и удобные, чистые, хорошо проветриваемые мастерские; им регулярно раздавали припасы и одежду, а самых беспокойных успокаивали дополнительными выдачами. У них было много свободных и праздничных дней, и у нас есть все основания полагать, что наиболее серьезные и умелые работники со временем могли стать надсмотрщиками или мастерами, поднакопить добра и окончить свои дни мелкими собственниками или хозяевами. В смутные времена, когда между сторонниками Амона и Сета разгорелась война, работникам пришлось хуже всех, поэтому они толпами примыкали к бунтовщикам.

11. Торговля и деньги

Во владениях, принадлежавших государству или великим богам, велся строгий учет всех поступающих за день продуктов и изделий, а также расходов на содержание работников. Это были, если можно так выразиться, «закрытые корпорации». Амбары и склады ложились от разнообразных товаров и продуктов, но все эти богатства предназначались лишь для маленькой группы населения. Когда все нужды этой небольшой привилегированной прослойки были удовлетворены, тогда, и только тогда, излишки могли быть пущены в торговый оборот. Большие поместья либо обменивались своими товарами напрямую, либо продавали свою продукцию торговцам, которые сбывали их на свой страх и риск.

Помимо больших государственных и храмовых владений, в Египте было множество частных поместий - крупных, средних и совсем мелких. Скотоводам, земледельцам, производившим зерно, овощи и фрукты, нужны были одежда, мебель, украшения или предметы роскоши, но получить все это они могли, только продав животных или излишки своего урожая. Кроме того, существовали свободные ремесленники, работавшие в собственных мастерских; они зарабатывали на жизнь, сбывая свои изделия. И наконец, существовала еще категория торговцев, которые ничего не производили, но скупали и перепродавали все, что имелось в стране. Все эти люди - покупатели, продавцы и торговцы - встречались на рынках.

В одной истории крестьянин нагрузил своих ослов всякими превосходными продуктами из Соляного оазиса. Если бы его не ограбили по дороге, он бы добрался со своим маленьким караваном до доброго города Нени-сут, разложил на рыночной площади свою соду, вяленые тушки водоплавающих птиц, сушеную рыбу и обменял бы все это на лепешки, ткань и одежду. Ему просто очень не повезло: в обычное время, когда стражники следили за порядком, люди добирались до рынка без всяких происшествий. В гробнице Хаемхета художник изобразил отчаянно жестикулирующих торговцев с узлами и корзинами: один сидит, другие стоят. У этих торговцев не совсем обычная внешность: у них огромные головы и длинные спутанные волосы. Покупатели, которые подходят к ним со своими мешками на плечах, тоже жестикулируют и ругаются, и язык их, наверное, не менее богат и солон, чем у торговцев. Прибытие иноземного судна либо с Верхнего Нила, либо из Сирии всегда собирало не только любопытных, привлеченных странными нарядами чужеземцев и их пестрым товаром, но и египетских торговцев, которые устанавливали на берегу свои лавчонки и продавали финикийцам провизию в обмен на такие товары, как разукрашенный рог или резная голова, насаженная на слоновый бивень.

На рынке (*Дейвис. Две гробницы Рамсесидов*)

Обмен товарами облегчался благодаря тому, что в Египте стоимость продуктов или изделий издавна оценивались с помощью *шетита* («печать» или «печатное кольцо», $\frac{1}{12}$ *дебена*). В документе времен Четвертой династии стоимость дома оценена в *шетитах*, а на папирусе Восемнадцатой династии в *шетитах* определена стоимость рабыни, вернее, ее услуг за определенное время. И тем не менее *шетит* не имел материального выражения. Официальным властям никогда не приходило в голову наделать из металла монеток определенного веса и отчеканить на них соответствующие изображения, однако египтяне хорошо знали, какое количество золота, серебра или меди соответствовало одному *шетиту*. Другими словами, товар не обменивался на деньги. Но тот, кто хотел продать дом и договоривался о его стоимости в *шетитах*, получал зерна или скота на такое же количество этих условных единиц. Делалось это довольно просто: если продавец и покупатель обменивались животными или изделиями разной стоимости, разницу исчисляли в *шетитах*, а затем подыскивали подходящий товар, соответствующий по стоимости этой разнице, который одна сторона могла предложить, а другая соглашалась принять. Порой, разумеется, возникали разногласия. По-видимому, в эпоху Рамсесов *шетит* окончательно вышел из употребления. Он ни разу не упоминается в Большом папирусе Харриса, где вместо него речь постоянно идет о *дебенах* (примерно 2,5 унции) и *кедетах* ($\frac{1}{4}$ унции) золота, серебра, меди и драгоценных камней без каких-либо указаний на их стоимость. Это были чисто весовые единицы. В том же документе и в календаре Мединет-Абу перечисляются меры зерна, корзины фруктов, мешки и корзины из пальмовых ветвей разной величины для других продуктов. Животных и деревья считали поштучно. Египтяне приводят число быков, диких быков, сернобыков, антилоп и газелей по отдельности, потом указывают общую сумму - численность поголовья скота, точно так же они поступают с птицей, нигде не уточняя реальную цену. Если бы это понадобилось сделать, ее выразили бы в весе золота, серебра или меди. Цена быка колебалась от тридцати до ста тридцати *дебенов* меди. Мешок пшеницы (*бедет*) стоил один *дебен* меди. Однако на практике покупатель почти никогда не мог расплатиться с продавцом *дебеном* меди, а тем более золотом или серебром. Расчеты драгоценными металлами начали производить лишь при последних Рамсесидах, когда массовое ограбление храмов и гробниц вернуло в оборот довольно большое количество этих металлов, которые до этого веками хранились под землей или в храмах. Один из таких грабителей отдает за землю *дебен* серебра и пять *кедетов* золота; другой покупает за два *дебена* серебра двух быков. За рабыню по имени Дега уплатили два *дебена* серебра и шестьдесят *дебенов* меди. Пять горшков меда можно было купить за пять *кедетов* серебра, а быка - за пять *кедетов* золота.

До этой эпохи смут и беспорядков покупатель расплачивался продуктами, которые соглашался принять продавец, их оценивали на вес золота, серебра или меди. Писец Пенанукет, продав быка, оцененного в сто тридцать *дебенов* меди, получает льняное платье, стоящее шестьдесят *дебенов*, десять мешков и три с половиной меры зерна ценой двадцать *дебенов*, камня для ожерелья на тридцать *дебенов* и, наконец, еще два платья ценой десять *дебенов*. Одна фиванка купила у торговца рабыню за сорок один *дебен* серебра, однако заплатила не серебром: перед городскими судьями она перечисляет различные предме-

ты, предложенные взамен. Два куска материи она уже вручила продавцу, а вот изделия из меди и бронзы будут ему переданы другими лицами.

Государство волей-неволей было вынуждено пользоваться этим методом при расчетах. Ун-Амуон, который отправился договариваться о покупке леса ко двору царя Библа Зекербаалу, получил семь деревьев и, оставив в залог свое судно, спешно приобрел в Танисе несколько золотых кувшинов и тазиков, пять серебряных кувшинов, десять штук царского льна, пятьсот свертков папируса, пятьсот бычьих шкур, пятьсот мешков чечевицы и тридцать корзин сушеной рыбы, а со следующей оказией получил еще четыре штуки царского льна, мешок чечевицы и пять корзин сушеной рыбы. История, к несчастью, умалчивает, сколько стоил весь этот товар, если оценить его в золоте и серебре. Так или иначе, царь Библа повелел своим лесорубам повалить деревья, перетащить их на побережье и в конце концов передал их посланнику Амона, которому, правда, чтобы добиться этого, пришлось превзойти самого себя в дипломатическом искусстве. Дело в том, что сириец и египтянин перевели стоимость своих товаров на вес золота и серебра, и оба сочли, что оказались в накладе. Отсутствие настоящих денег весьма затрудняло торговлю. Этим, видимо, и объясняются красноречивые жесты торговцев, изображенных в гробнице Хаемхета, и нескончаемый спор, который пришлось вести египетскому посланнику и библскому правителю, прежде чем они смогли договориться.

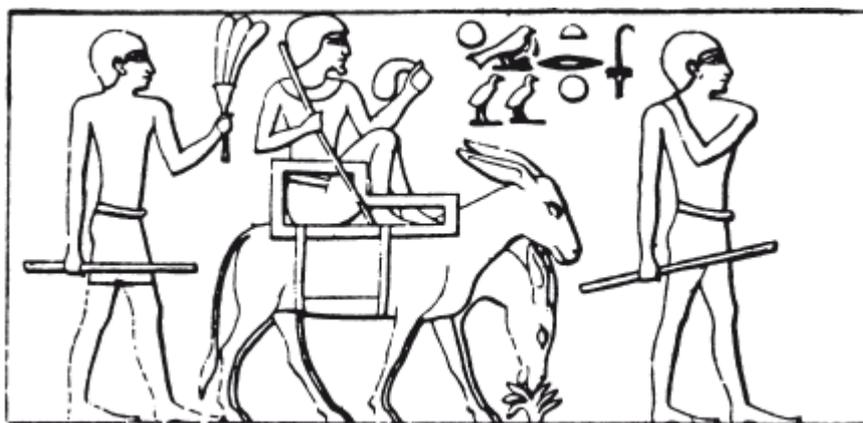
Глава VII

ПУТЕШЕСТВИЯ

1. Странствия по Египту

Вопреки общепринятому мнению, древние египтяне были великими путешественниками. Они постоянно передвигались между деревнями и крупными центрами, между столицами номов и царскими резиденциями. На большие религиозные празднества собирались паломники со всего Египта. Некоторые города - Коптос, Силе, Суну, Пер-Рамсес, Мемфис - на протяжении всего года были наводнены путешественниками, направлявшимися к рудникам, каменоломням или оазисам, державшими путь в Азию или Нубию или возвращавшимися оттуда с грузом иноземных товаров.

Бедняки могли путешествовать лишь одним способом - тем самым, который Жан-Жак Руссо считал самым прекрасным из всех: на своих двоих. Для таких путешествий нужен был лишь крепкий посох, набедренная повязка и пара сандалий. Именно в таком виде покинул Египет Синухе, в страхе за свою жизнь пересекший всю Дельту с запада на восток и отправившийся к Горьким озерам. Анупу обул сандалии, взял посох и оружие, покинул свою деревню и дошел до самой долины дерева *аш* (Долина кедра) в окрестностях Библа. Крестьянин, направлявшийся из соляного оазиса в Ненисут, шагал впереди своих ослов, навьюченных разнообразными товарами, хотя если бы он пожелал, то мог взобраться на одного из них и продолжить свой путь верхом, рискуя, правда, как мельник в Эзоповой басне, навлечь на себе насмешки встречных. В действительности же его ждало худшее несчастье: грабитель, скрывавшийся в укромном месте, напал на беднягу и обобрал его до нитки. Воины тоже представляли постоянную угрозу для путешественников. При встрече с безоружным путником, с мешком муки на плечах или обутом в дорогие сандалии, они в большинстве случаев обирали его. Уна принял решительные меры, чтобы прекратить эти безобразия, и, как утверждал правитель нома Сиут, в его время путешественник, застигнутый в пути темнотой, мог безбоязненно заночевать у дороги, не боясь потерять свое добро и коз - такой страх внушала грабителям местная охрана.

Вельможа верхом на осле (*Ленсуй*. Иллюстрированный журнал, II)

Дорог в Египте было много, столько же, сколько каналов, потому что во время рытья канала землю оставляли по берегам, и она образовывала приподнятую дамбу, которую не заливало в период половодья. Таким образом, одновременно содержались в порядке и каналы и дороги. Очищая каналы, добывали грунт для починки дорог. Эти насыпи служили дорогами для пешеходов, для прогона скота и для причаливания судов. В египетском языке нет слова, означающего «мост», но нам известно по крайней мере одно изображение моста на рельефе, где показано триумфальное возвращение Сети I из похода в Палестину. Перекинутый через поросшее тростником озеро, кишашее крокодилами, этот мост соединяет два укрепленных здания, одно находится на азиатском берегу, а другое - на африканском. Очевидно, он состоял из опор, продольных перекладин-архитравов и поперечин. Разумеется, через великий Нил и даже его второстепенные рукава в Дельте в ту эпоху не было никаких мостов. Даже над каналами каменные или деревянные мосты встречались очень редко. Когда надо было пересечь неглубокий канал или мелкое болото, люди и животные без колебаний входили в воду. Многие египтяне умели плавать. Жители Тентюры (современная Дандара) переплывали Нил, не страшась крокодилов, но на такое мог отважиться далеко не всякий; охотники на водоплавающих птиц и рыбаки, если верить папирусу, в котором высмеиваются их профессии, панически боялись этих чудовищ. Знатные особы считали своим долгом - таким же священным, как накормить голодного или одеть нагого, - переправить через воды тех, у кого не было своей лодки. В Фивах и других больших городах переправой через Нил занимались перевозчики. В процессе над расхитителями гробниц упоминается один из них. Кроме того, боги, удалившись на остров посреди Нила, приказывают перевозчику, богу Анти, не переправлять через реку богиню Исиду. Синухе находит на берегу лодку без руля и переправляется на ней через Нил. Для перемещений на небольшие расстояния знать издавна пользовалась переносными креслами или носилками, что выглядело весьма торжественно, но было дорого, медленно и неудобно. Носильщики пели в такт шагов: «Нам больше нравится [нести] их полными, чем пустыми!» Однако им нужно было платить или хотя бы кормить. В эпоху Нового царства фараон появлялся в таком кресле только во время самых торжественных церемоний. Например, Хoremхеба выносили на носилках в честь его победы. Обычно же царь, как и частные лица, предпочитал появляться на колеснице. Кони и колесница к этому времени уже не считались предметами большой роскоши. Вот какими пожеланиями обменивались друзья: «Ты восходишь на колесницу, золотой хлыст в твоей руке. Ты сжимаешь новые поводья. В твоей упряжке сирийские жеребцы. Негры бегут впереди тебя, расчищая тебе дорогу». Второй пророк Амона, Аменхотеп, собирается на прогулку. В его изящную и прочную колесницу с резными фигурами и накладными украшениями впряжены два коня. У них нет ни удил, ни наглазников.

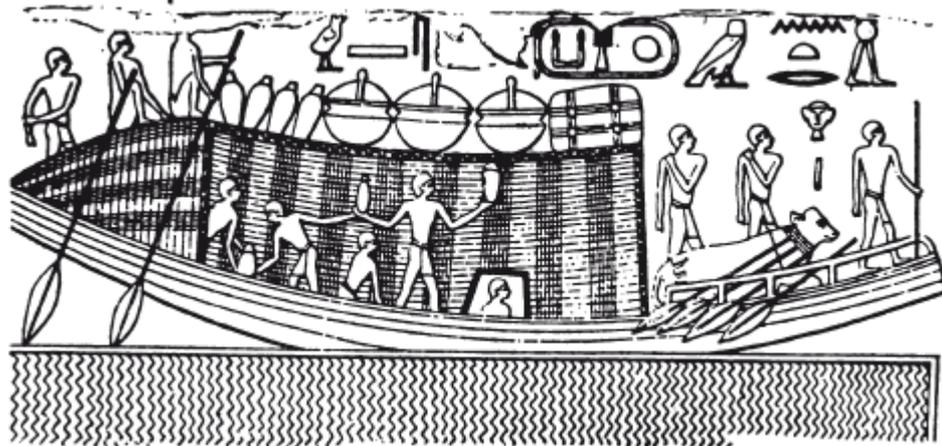
Знатные дамы на колесницах (Дейвис. Эль-Амарна, II)

Упряжь состоит из двух широких ремней, один обхватывает шею лошади и, по-видимому, очень ее стесняет, а второй проходит под брюхом; к дышлу между лошадьми привязаны вожжи. Аменхотеп стоя правит сам, без колесничего. Несколько слуг бегут впереди, другие - *шемсу* - поспевают сзади. Они несут все необходимое на случай, если хозяину захочется отдохнуть или освежиться.

Колесницей пользовались, чтобы нанести визит в царский дворец или в резиденцию ви-зиря, чтобы отправиться осматривать свои поля, а также для охоты. Для путешествий на большие расстояния она не годилась даже при самых благоприятных условиях. Главным видом транспорта в Египте все-таки были разнообразные суда. Царский сын Дедефхор отплыл из Мемфиса на корабле, прошел через Хентхетит, чтобы отыскать на севере чародея, который жил в Джд-Снофру, и на той же лодке доставил его ко двору. Когда помилованный Синухе получил на заставе Пути Хора пропуск в Египет, он добрался от Суэцкого перешейка до Ититауи, что южнее Мемфиса, тоже на корабле. Время на борту он коротал, наслаждаясь вкусом египетских блюд, которые готовили у него на глазах.

Египтянин, собиравшийся совершить паломничество в Абидос, как правило, снаряжал для этой цели целую флотилию. Пассажиры поднимались на барку, корма и нос которой были высоко подняты. Судно имело архаическое устройство, что должно было подчеркивать религиозный характер путешествия. Пассажиры занимали свои места в небольшой кабине под балдахином, напоминающим садовую беседку. Перед ней стоял столик с разными яствами. Носовая часть отводилась под бойню и кухню. Там разделяли бычью тушу и варили для путешественников свежее пиво. Это судно не имело ни паруса, ни весел; его тащила за собой на буксире обычная ладья. Один из матросов на барке следил, чтобы буксирный канат был туго натянут, в то время как второй на корме правил двойным рулевым веслом из крашеного дерева, которое оканчивалось резной головой Хатхор - повелительницы дальних стран и покровительницы путешественников. Мачта буксирного судна была укреплена двумя канатами, тянущимися к носу и корме. В центре находилась кабина с карнизом и росписью по бокам. Рулевое весло, вставленное в выруб на корме, крепилось к маленькой мачте. Кормчий управлял им с помощью приделанной к нему рукоятки. Часто на носовой обшивке таких судов рисовали два удлиненных глаза, по одному с каждой стороны - это была необходимая мера предосторожности, поскольку считалось, что они могут уберечь судно от всяких опасностей. Когда корабль спускался по течению или пересекал большие водные пространства в безветренную погоду, приходилось брать за весла (в Египте преобладал северный ветер, так что «идти под парусом» означало только «плыть на юг, идти вверх по течению»). Гребцов было человек десять-двенадцать, иногда больше. Капитан с длинным шестом стоял на носу, промеряя глубину, а его помощник - на крыше кабины с хлыстом в руках, которым время от времени подгонял нерадивых гребцов. Еще один помощник капитана исполнял обязанности рулевого. Когда судно шло вверх по тече-

нию, на нем поднимали единственный парус, большой и прямоугольный, причем в ширину он часто бывал больше, чем в высоту. Парус крепился к двум реям, управляемым с помощью многочисленных растяжек. Гребцы оставались на своих местах, капитан или его помощники взбирались по веревкам на верхнюю рею, чтобы оттуда видеть, что происходит впереди. Пока судно шло по Нилу, можно было надеяться, что плавание пройдет относительно быстро и без происшествий, но, если приходилось идти по каналам, судоходным далеко не во все времена года, следовало заранее тщательно изучить предполагаемый маршрут. Царь Хуфу задумал посетить храм Ра, властителя Сахебу, находившийся где-то во втором номе Дельты, однако в канале Двух Рыб не оказалось воды. Но чародей, друг царя, успокоил его, сказав: «Вот я покрою водой на четыре локтя отмели канала Двух Рыб». Уна не имел у себя на службе чародеев, тем не менее ему удалось проплыть по каналам в период мелководья. Озеро Мерис, предназначавшееся главным образом для орошения, служило также для того, чтобы облегчить навигацию по каналам, однако, какой механизм использовали для этого древние египтяне, мы не знаем.

Грузовое судно (*Ленсий*. Иллюстрированный журнал, II)

Суда, на которых путешествовали вверх по Нилу, например до Нубии, представляли собой настоящие плавучие дома. Личный корабль наместника Куша, *дахаби*, - это ладья в форме полумесяца с высоко поднятыми носом и кормой. В центре корабля на единственной мачте, с многочисленными растяжками огромный парус. Вместо одного руля в центре кормы здесь было два рулевых весла, с правого и левого борта, и не на самой корме, а чуть ближе к центру, где они крепились веревками к большой тумбе и к бортам. Пассажиры размещались в большой центральной кабине, к ней примыкал навес для лошадей, а также в двух кабинах поменьше, одна находилась на носу, а другая - на корме.

Земельные владения египтян были разбросаны по всей стране. Богатые горожане в Фивах владели собственностью в Дельте, а бог Амон владел деревнями и даже целыми городами не только по всему Египту, но даже в Нубии и Сирии. Храм в Абидосе, построенный царем Сети I, владел поместьями в Нубии. Для координации работ в своих землях, для ввоза и вывоза производимой в них продукции жреческие сообщества и богатые египтяне располагали целыми флотилиями, состоявшими из грузовых плоскодонных судов, имеющих форму вытянутого полумесяца, с одной или двумя кабинами в центре палубы. По текстам с иллюстрациями, которыми мы располагаем, сложно составить четкое представление о количестве и разнообразии судов, ходивших в те времена по Нилу, поскольку язык древних египтян содержит множество специальных слов для обозначения разных кораблей. Баржи использовались для перевозки огромных каменных блоков, вырубленных в каменоломнях, обелисков и колоссов. На росписи в одной из фиванских гробниц мы видим, что статуя Тутмоса III во время перевозки удостоивалась не меньших почестей, чем сам царь: ее поместили в специальный наом, всю дорогу воскуривали перед ней фимиам и разбрызгивали благовонные масла. Баржу со статуей вело буксирное судно. Домашний скот перевозили на специальных судах без кабин, зерно - на барках с кабиной в центре па-

лубы. Когда судно причаливало к пристани, на него перекидывали сходни. Носильщики цепочкой поднимались по ним на борт и возвращались с полными мешками на плечах. Чтобы двигаться в такт и поднять себе настроение, они пели: «Должны мы, что ли, день целый таскать ячмень и пшеницу? Погода прекрасна, амбары уже полны, и вот горы [зерна], чтобы зерно потекло за края. Полны ячменем корабли, и зерно ползет наружу. Нам же велят таскать еще и еще. Они думают, что наши сердца из металла?» После того как все суда были разгружены, на набережную прибывали торговцы. Они устанавливали здесь столы и что-то вроде стеллажей, разжигали очаги, а моряки устраивали на берегу небольшое пиршество с яствами, напитками и песнями, чтобы отпраздновать счастливое окончание долгого плавания.

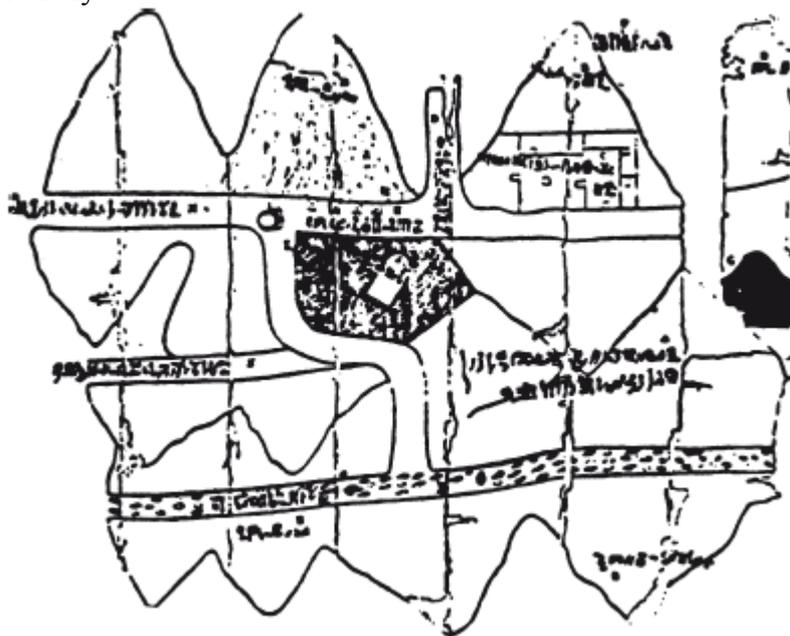
2. Странствия в пустыне

Египтяне издревле испытывали к пустыне благоговение, смешанное со страхом. Они никогда не забывали, что их далекие предки долго странствовали по ней, прежде чем осесть в долине Нила. Мин, один из величайших египетских богов, чьи главные святилища находились в Ипу и Коптосе, считался правителем пустынь от Коптоса до Красного моря. Его главной резиденцией была «гора священная и первая в землях Ахетиона (*Ахетом* называлась страна, расположенная за пределами земель, известных египтянам), божественный дворец, наделенный жизнью Хора, божественный приют, в котором этот бог благоденствовал, священное место его отдыха, царица всех гор божественной земли». Всевозможные опасности, такие, как голод, жажда, нападение разбойников, подстерегали путника, осмелившегося проникнуть в эти священные места без должных приготовлений. Львы, которые прежде подходили вплотную к Нильской долине, чтобы поохотиться на домашний скот, к этому времени почти исчезли, но, как и раньше, следовало опасаться волков, пантер и леопардов. Однажды воин по имени Хоремхеб столкнулся лицом к лицу с огромной гиеной. К счастью, он был знаком с повадками страшного хищника и к тому же хорошо вооружен. Вытянув вперед левую руку, он крепче сжал копьё и пристально посмотрел гиене в глаза. Этого оказалось достаточно, чтобы обратить ее в бегство. К востоку от Она пески пустыни кишели змеями. Некоторые путники рассказывали, что им приходилось видеть там совсем уж диковинных зверей: грифонов с человеческой головой, крылатых пантер, гепардов с шеей длиннее, чем у жирафа, и диких собак с квадратными ушами и прямым, как стрела, хвостом. Всегда существовала опасность повстречаться с племенами кочевников вроде тех, что однажды внезапно предстали перед правителем Менат-Хуфу: среди них были мужчины, вооруженные деревянными метательными копьями, луками и дротиками, а также их жены. Впереди всех шел шейх, за которым следовал жрец, игравший на цитре. Эти люди, как оказалось, были настроены вполне миролюбиво, они хотели лишь обменять на зерно зеленую и черную пудру, из которой египтяне готовили разные средства для подведения глаз. Но менее удачливым странникам могли встретиться кочевники, не помышлявшие ни о чем, кроме грабежа и разбоя. Для защитников в пустыне воздвигали храмы; в одном из таких храмов на пути из Она к Красному морю недавно была обнаружена скульптурная группа, изображающая Рамсеса III и какую-то богиню. Памятник покрыт надписями, большая часть которых взята из древнего сборника, в нем речь идет о многочисленных женах Хора. Эти надписи охраняли в пути тех, кто прочтет их, а возможно, и тех, кто коснется их рукой. Путники покидали храм с уверенностью, что отныне они, подобно самому фараону, находятся под защитой всемогущих богов.

Случалось, что несчастный, не сумевший заручиться расположением богов или доверившийся плохому проводнику, сбивался с пути и блуждал по пустыне. Некий Антеф, которому при Аменмесе I поручили доставить блоки из каменоломен *бехена*, рассказывает: «Мой господин послал меня в Рахену, чтобы я привез этот прекрасный камень, лучше которого не привозили со времен богов. Но не было ни одного охотника, знавшего, где нахо-

дится [Рахену] и как туда добраться. И вот восемь дней блуждал я по пустыне, не зная, где нахожусь. Тогда я простерся на животе перед Мином, Мут - великой волшебницей и всеми богами пустыни. Я возжег перед ними терпентинную смолу. Утром, когда земля озарилась и пришел новый день, мы ступили на прекрасную гору Верхнего Рахену». Антеф добавляет, что во время блужданий по пустыне все его люди остались живы и никто не пострадал, хотя были на волосок от гибели.

Сей достойный слуга царя познакомился с пустыней по воле случая. Но были и такие, которые проводили в песках пустыни многие годы, изучая природные ресурсы пустыни и придумывая способы их использования или же испытывая склонность к кочевой жизни. Некий Саанх, начальник отряда охраны пустыни, управитель хозяйства Египта и начальник речных охотников, руководил здесь экспедициями и собрал для них столько припасов - воды, одежды, хлеба, пива и свежих овощей, - что казалось, долина Рахену превратилась в зеленый луг, а гора *бехена* - в благодатное озеро. В возрасте шестидесяти лет этот почтенный муж, отец семидесяти детей, без усталости бороздил пески пустыни Таау в Менат-Хуфу до самой Великой Зелени (здесь: Красное море, в остальных случаях - Средиземное), охотясь по дороге на птиц и зверей. Именно таким неутомимым исследователям мы обязаны картами вроде той, что хранится в туринском музее, которые по праву считаются самыми древними картами в мире. Они охватывают район каменоломен и золотых рудников, расположенных неподалеку от Коптоса. Равнина обозначена ярко-красным цветом, горы - темно-желтым. Отпечатки ног на дорогах указывают маршрут, которым следовали путешественники. набросок дворца отмечает местоположение развалин, где царь Сети I некогда поставил стелу.

Карта района золотых рудников (Гленвиль. Наследие Египта)

Мы уже рассказывали, какие меры предприняли Сети и его сын, чтобы отыскать воду в этих иссушенных зноем землях. Рамсес III с гордостью вспоминает, как он построил в пустыне Айн большой водоем и обнес его стенами, «нерушимыми, как горы бронзы... Входные ворота в них были из соснового дерева, а замки и петли - из бронзы».

В некоторых вади (пересохших руслах) восточной пустыни росли весьма ценные деревья. Из них получали терпентинную смолу (*сенечер*), которую воскуривали в храмах, дворцах и богатых домах. Правда, благовония, доставленные из земли Пунт, были больше угодны богам. Когда моряк, потерпевший кораблекрушение и выброшенный на благодатный остров Доброго Змея, убедился, что владыка острова вовсе не так уж грозен и страшен, он пообещал одарить его терпентином. Вдоволь позабавившись наивностью своего гостя, змей ответил: «Владеешь ты всего лишь ладаном. Я же есть владыка земли Пунт!»

И действительно, настоящие благовония были большой редкостью, вместо них в курильницах возжигали терпентин, распространявший в воздухе приятный аромат, услаждавший обоняние людей и богов. Еще терпентин жгли, чтобы избавиться во дворе храма от запаха крови после забоя скота, в комнатах - в качестве средства от насекомых, в уборных. Пчелы охотно посещали рощи с деревьями, дающими терпентин, поэтому египтяне не только срезали побеги, чтобы сажать эти деревья в своих садах, но и собирали дикий мед, который пользовался огромным спросом. Рамсес III собрал специальные отряды стражников и лучников, которые должны были охранять караваны сборщиков смолы и меда. Благодаря им путники могли чувствовать себя в негостеприимной пустыне в такой же безопасности, как в Тамери, Возлюбленной стране.

3. Путешествия в Библ

По мнению египтян, море, *йам*, было божеством ревнивым. Когда море увидело, что боги даровали Бате в жены прекрасную деву, оно преисполнилось завистью и затопило землю, чтобы ею завладеть. Но египтяне, не страшившиеся опасностей, подстерегавших их в пустыне, готовы были бросить вызов и этому ужасному божеству. Египетские моряки с древних времен плавали вдоль побережья Сирии. В то время, когда боги еще жили на земле, гроб Осириса, который Сет бросил в Нил, доплыл до Дельты и дальше вниз по Танисскому рукаву реки до самого моря.

Море выбросило его вблизи Библа, где вокруг гроба выросло огромное дерево. Через много дней Исида пришла к волшебному дереву и села у воды, дожидаясь, пока служанки царицы Библа придут сюда, чтобы наполнить свои кувшины. Она убрала им волосы, напитав их прекрасным ароматом, исходившим от ее тела. Царица, тронутая добротой богини, подарила ей священное дерево, в котором было заключено тело ее супруга. Завязавшейся таким образом дружбе между Египтом и Библом было суждено продлиться многие века. Египтяне прибывали в маленький порт Кебен и приносили владычице Библа богатые дары. С согласия жителей города они построили ей храм. Царю они преподносили алебастровые вазы, драгоценные камни и амулеты, назад же возвращались с большим грузом ценных смол, досок, цельных стволов, а порой даже на кораблях, построенных прямо на месте. Вероятно, именно поэтому слово *кебенет*, образованное от египетского названия Библа, *Кебен*, стало означать морские суда. Египтяне воевали с азиатами повсюду: на Синае, в Палестине, Кармеле, Верхнем Ретену (в Сирии); но в Библе, и только в Библе, их всегда принимали радушно. Правда, однажды здесь были зверски убиты несколько египтян; но это преступление было совершено не местными купцами и не библскими моряками, а арабами, «скитальцами пустыни», вечными и коварными недругами Египта.

Постепенно египтяне расширили зону своего влияния. Их посланцы в эпоху Среднего царства отправлялись в Бейрут, Катну и Угарит, оставляя в память о своем посещении статуи и сфинксов. Но Библ сохранял свое привилегированное положение. Его властитель имел высокий египетский титул и гордился своей принадлежностью к египетской культуре. Он построил себе гробницу наподобие гробниц фараонов, наполнил ее утварью по египетским канонам и поставил там даже несколько драгоценных предметов, присланных из самой столицы - Ити-Тауи. Мы не знаем, как вели себя жители Библа во время нашествия гиксосов и помогали ли своим старым товарищам, но по какой-то причине морское сообщение между ними прервалось, и набожные египтяне в растерянности разводили руками, не зная, где им теперь взять дерево для саркофагов жрецов и смолу для мумий. Прекращение этой торговли имело и другие печальные последствия, ибо священные лодки, высокие столбы с лентами, которые стояли перед храмами, возвышаясь над карнизами пилонов, а также различные предметы мебели тоже делали из ели. Но эти ужасные времена миновали: Египет отвоевал свои земли, и египтяне вернулись в Библ. Тутмос III во время своей победоносной кампании не преминул остановиться там и получил от своего союзника

больше леса и судов, чем все предыдущие фараоны. Позднее, когда Сирия начала заигрывать с врагами Египта, правитель Библа, Рибадди, остался верен Аменхотепу II и его преемникам. Рамсес II установил стелы с надписями на берегу Собачьей реки, между Бейрутом и Библом. В Долине деревьев аш, куда рассказчик той эпохи перенес приключения Баты, он основал город, названный его именем. В то время царем Библа был Ахирам. Как и все его подданные, он говорил и писал по-египетски, а для его родного языка использовалось алфавитное письмо, возникшее, наверное, в том же Библе в результате упрощения иератического письма.

Воинственные фараоны Восемнадцатой династии похвалялись, что их посланцы ездили по всей Сирии и никто не смел их тронуть. Без сомнения, этих посланцев хорошо принимали в Библе, но немного позднее, во времена последних Рамсесидов и в начале Двадцать первой династии, положение резко изменилось. Царь Зекербаал, дальний потомок Малькандра, который так почитал Исиду, без всякого стеснения предложил египетскому представителю Ун-Амуну взглянуть на гробницы многих посланников фараона Хаэмуаса - одно из имен Рамсеса XI, - которые умерли в Библе после долгого пребывания в плену. Самому Ун-Амуну удалось после долгих переговоров покинуть порт Библа с грузом леса, но этим он был полностью обязан покровительству своего бога, Амона Дорог, фигурку которого, к счастью, захватил с собой в плавание.

Следует, правда, признать, что история Ун-Амуна - случай особый. Верховный жрец Амона поручил ему доставить лес для священной барки этого бога, *Амонусирхат*, которая в середине сезона разлива ходила по Нилу между Карнаком и Луксором в сопровождении огромных ликующих толп на берегу. Сначала Ун-Амун отправился в Танис к Смендесу и его супруге Тентамон: их еще не признали официально царем и царицей, но они уже были фактическими хозяевами страны. Ему снарядили судно с капитаном Менгебетом во главе, и менее чем через пятнадцать дней он вошел в Средиземное море. Он пристал в Доре, городе народа *саккал*, и, пока здесь грузили на борт небольшой запас провизии - пятьдесят хлебов, кувшин вина и бычьей лопатку, - один из его матросов сбежал с корабельной казной, состоявшей из пяти *дебенов* золота и тридцати одного *дебена* серебра. В страшном волнении Ун-Амун пришел к правителю города и рассказал о своей беде. «Я ничего не знал об этом, - сказал ему правитель. - Если вор родом из моей страны, я возьму тебе убытки из моей сокровищницы, до того как его найдут. Но если вор служил на твоём судне, проведи несколько дней у меня, и я поищу его». Однако прошло девять дней, но ни вора, ни денег не отыскали. Ун-Амуну удалось занять тридцать *дебенов* серебра, в Тире он нашел корабль и прибыл на нем в Библ.

Двадцать девять дней царь Зекербаал отказывался принять его. Он уступил только после того, как Амон, бог Фив, вселился в юношу из царской свиты и его устами повелел царю: «Призови бога всевышнего! Призови посланца Амона, который с богом. Это Амон послал его». На следующий день Ун-Амун отправился во дворец, где нашел царя восседающим на троне спиной к балкону, за которым вздымались высокие волны Средиземного моря. Разговор оказался весьма напряженным: все складывалось против Ун-Амуна. Вместо того чтобы прибыть как официальный посланник на корабле царя Смендеса и предъявить свои верительные грамоты, он приплыл без всяких документов на случайном попутном судне. Ун-Амуну удалось объяснить, что он прибыл за лесом для священной барки Амона-Ра, царя богов. Царь ответил ему: «С давних времен выполняли мои отцы это поручение; после того как приказал фараон (да будет он жив, здоров и силен), чтобы доставили шесть судов, которые были гружены добром Египта, они выгрузили их в мои кладовые. А ты что привез мне?» Спор продолжался. «Он приказал, чтобы принесли поденные записи его отцов, - рассказывает дальше Ун-Амун. - Он приказал, чтобы огласили их передо мной; они нашли 1000 *дебенов* всякого серебра в его записях. Он сказал мне: «Если бы правитель Египта был владыкой моей страны, а я его слугой, разве приказал бы он, чтобы доставляли серебро и золото, говоря: «Выполни поручение Амона», но царю подарков не вручай. Разве я твой слуга, разве я слуга посланца твоего?»

Ун-Амун попытался напомнить царю о всемогуществе Амона-Ра, царя богов, дарующего жизнь и здоровье: «Ведь он (Амон-Ра) владыка твоих отцов: они провели время своей жизни, принося жертвы Амону; ты также раб Амона. Если ты скажешь Амону: «Сделаю, сделаю» и выполнишь его поручение, ты будешь жить, ты будешь невредим, ты будешь здоров и ты будешь хорош для твоей страны и для твоих людей».

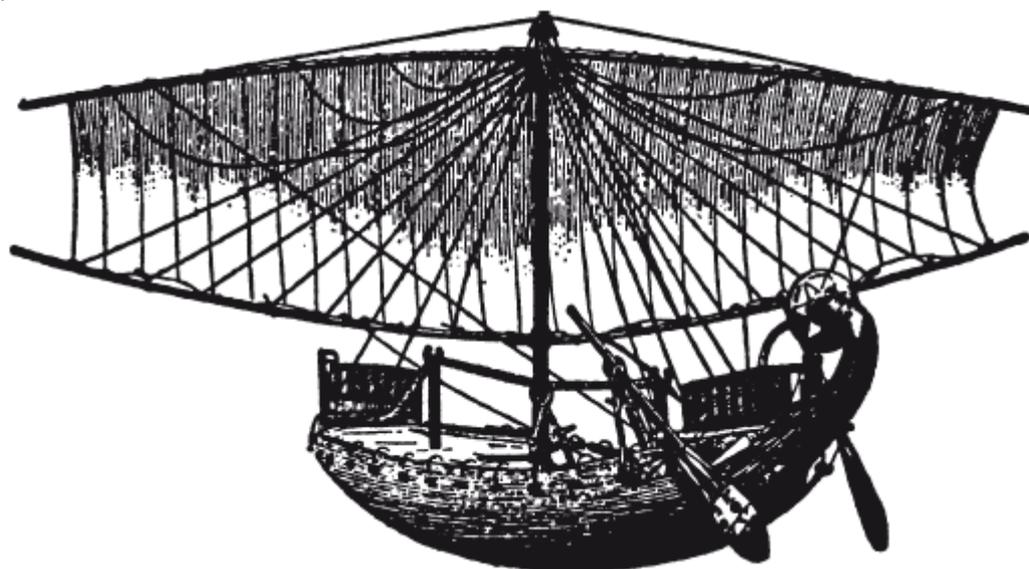
После этого обмена мнениями Зекербаал погрузил на корабль доски для носа и кормы священной лодки, несколько больших брусьев и четыре цельных ствола и отправил его в Египет с письмом от Ун-Амуна. Смендес и Тентамон тут же отправили ему товары, золото и серебро. Ун-Амун получил от них одежды и припасы. Царь был вполне удовлетворен: он вполне мог обойтись без божественных благословений, которыми хотел заплатить ему посланец Амона, поэтому, нисколько не страшась божьей кары, он спокойно забрал египетские товары и лишь после этого отправил триста лесорубов валить деревья. К исходу зимы стволы были доставлены к побережью. Теперь-то, казалось бы, Ун-Амун вполне мог отправиться в обратный путь, но все обстояло не так просто. Зекербаал неожиданно счел, что ему заплатили слишком мало. На это Ун-Амун вполне серьезно предложил ему высечь на стеле следующее: «Послал мне Амон-Ра, царь богов, Амона Дорог, своего посланца, да будет он жив, здоров и силен, вместе с Ун-Амуном, его посланцем-человеком, за строительным лесом для великой священной ладьи Амона-Ра, царя богов. Срубил я его, погрузил я его, снабдил я его своими судами и командами, сделал я, чтобы достиг он Египта, чтобы вымолить мне пятьдесят лет жизни у Амона вдобавок к отведенному мне». И Ун-Амун добавляет в конце: «И когда наступит после этого другой день, и прибудет посланец из страны Египта, который знает письмо, и он огласит твое имя на стеле, то воспримешь ты воду *Аментит*, как и боги, которые там». Царь был побежден и уступил, а Ун-Амун пообещал, что первый пророк Амона, получив от него подробный доклад, тотчас вышлет царю новые дары.

Современные комментаторы обычно делают из этого рассказа вывод, что Египет во времена Смендеса был слаб и не мог заставить чужие народы считаться с ним. В действительности даже в апогее своего могущества фараон не считал царя Библа своим подданным, или «вассалом», который обязан поставлять ему лес даром по первому его требованию. Египетский посланник прибывал в Библ с официальными письмами, золотом, серебром и разными товарами. Царь Библа принимал дары и поставлял Египту лес. После этого обе стороны обменивались благословениями и благодарностями. Фараон добавлял к дарам личные подарки, которые, впрочем, ему обходились недорого: свою статую и какие-нибудь амулеты. Польщенный царь Библа принимал эту статую с благодарностью и приказывал высечь на ее пьедестале финикийскую надпись с пожеланием, чтобы богиня Библа продлила годы царствования фараона. Так обстояло дело с незапамятных времен.

Покинув гавань Библа, Ун-Амун едва спасается от подстерегавших его саккалов, чтобы попасть в руки киприотов, намеревавшихся убить его. Конец папируса оборван, поэтому мы точно не знаем, как он избежал этой новой опасности, однако у нас есть все основания полагать, что ему это удалось. Первое упоминание о Народе моря относится ко времени правления Рамсеса II. С тех пор он не давал покоя египетским мореходам, однако морская торговля не прекращалась. Об этом свидетельствует официальное утверждение Рамсеса III: «Я сделал тебе [Амону] ладьи, барки и корабли с лучниками, со снастями и снаряжением, что ходят по Великой Зелени. Я назначил на них без числа командиров лучников и капитанов с большой командой, чтобы доставлять дары земли финикийской и чужеземных стран на краю земли в твои великие склады в Фивах победоносных». Остается отметить, что фараон рассчитывал не только на милость Амона. Отряды хорошо вооруженных лучников под предводительством опытных военачальников надежно защищали египетские корабли на море и обеспечивали должное почтение к египетскому посланнику на берегу.

4. Путешествия по Красному морю

Целью практически всех путешествий по Красному морю была страна Пунт, земля фимиама, находившаяся за проливом Баб-эль-Мандеба на сомалийском и аравийском побережье. Добрый змей из сказки о моряке, потерпевшем кораблекрушение, назвал себя правителем Пунта и владыкой благовоний (*анты*). Египтяне с незапамятных времен посещали эти земли. Еще в эпоху Раннего царства был обеспечен судоходный маршрут, соединяющий Библ на сирийском побережье с побережьем Пунта - страну Пихт со страной Фимиама. Суда выходили из Библа, достигали египетской Дельты, поднимались по танисскому рукаву Нила до Бубаста, а дальше каналами пробирались к Вади-Тумилат, который можно считать самым восточным притоком Нила. Он не был судоходным круглый год, однако в сезон разлива мелководные египетские суда вполне могли пройти по нему. Они пересекали Горькие озера, проходили до Суэцкого залива и продолжали свое долгое плавание до самых берегов Пунта. Кочевники, которых египтяне называли «живущими в песках», несмотря на свои варварские обычаи, соглашались перевозить путешественников с товарами из Сирии в Аравию. Это было выгодным делом, поэтому они не раз пытались прервать морской путь. Царь Пиопи I неоднократно посылал против них своих воинов, однако отвести кочевников ему не удалось. Судя по документам, после царствования Пиопи II от морских путешествий в Пунт пришлось временно отказаться. Возобновились они в эпоху Среднего царства, а затем снова были прекращены, на сей раз в связи с нашествием гиксосов. И вновь египтяне стали пользоваться этим маршрутом при царице Хатшепсут и позже при Тутмосе II, Аменхотепе II, Хоремхебе, Рамсесе II и Рамсесе III. Чтобы наладить прямое сообщение между своей резиденцией в Дельте и Красным морем, Рамсес II, не поскупившись на расходы, занялся восстановлением «канала меж двух морей», остатки которого были обнаружены во время рытья современного Суэцкого канала. Он проходил мимо Пер-Рамсеса, Бубаста и Пита. По берегам канала были воздвигнуты гранитные стелы на высоких пьедесталах, служившие мореходам напоминанием о славе царя и величии его замыслов.

Модель парусного судна (*Сингер. История техники, I*)

Представим себе, что сирийские суда выгрузили пассажиров и товары в Пер-Рамсесе и путешественники должны пересечь на другие суда, следующие в Пунт. Это корабли библского типа - *кебенет*; они могли быть построены в Библе и куплены у финикийцев либо сооружены на египетских верфях, но опять же из сирийского леса и по библским образцам. У нас есть два изображения таких кораблей. Более древний относится к царствованию Сахура, второй - современник царицы Хатшепсут (примерно 2500 г. до н. э. и 1500 г. до н. э. соответственно). За тысячу лет, разделяющих эти два царствования, конструкция

корабля претерпела лишь незначительные изменения. Корпус длинный с форштевнем, приподнятая корма, верхняя часть ее загибается внутрь и оканчивается большим цветком папируса. На палубе два наблюдательных мостика, спереди и сзади. Два рулевых весла по бортам недалеко от кормы. Толстый канат, поддерживаемый четырьмя стойками с развилками на концах, тянется от носа до кормы судна. На единственной мачте с четырьмя растяжками примерно в центре корабля большой парус, ширина которого превышает высоту. Такими кораблями управляла большая команда: потому что, когда не было ветра, морякам приходилось братья за весла. Обычно это были опытные моряки: «Они видели небо, они видели землю, были храбры сердцем и более осторожны, чем дикие звери; могли предсказать бурю до того, как случится она». На корабле сановники фараона, писцы и воины. Грузят самые лучшие товары земли египетской, которые больше всего ценятся в Пунте: украшения, зеркала, оружие. Царь лично провожал караван. Суда входят в канал, минуют Питом, где иудеи формуют кирпич, и выходят на Великую Зелень.

Дозорные на обоих берегах Земли Богов оповещают о приближении египетских судов. Местный царь, царица и вожди племен выходят из своих жилищ, стоящих на сваях в лагуне, садятся на ослов и спешат навстречу египтянам. Они такие же высокие и широкоплечие, как их гости. Головы у них круглые. Бороды заплетены, как у богов долины Нила и фараонов. Единственная разница в том, что у туземцев бороды свои, естественные, а у египтян - накладные. Они носят на шее круглые медальоны, похожие на те, что в моде у сирийцев. Внешность царицы вызывает изумление - это гора колышущейся плоти, и не очень понятно, каким образом ей удастся самостоятельно передвигаться. Ее дочь, несмотря на молодость, уже многое переняла у матери. Египетские художники во все глаза смотрят на этот новый для них мир. Остается лишь гадать, делали ли они тайком эскизы на клочке папируса или дожидались возвращения на корабль, чтобы там запечатлеть увиденное по памяти. Во всяком случае, им удалось очень живо показать нам эту необычную сцену, точно изобразив все мелочи, заслуживающие внимания: мы видим царя с его царицей, деревню и ее обитателей, даже домашний скот и крабов на земле.

На берегу разбивают палатку, и начинается традиционный обмен приветствиями. Туземцы с благоговением преклоняются перед Амоном-Ра, «первородным богом, обитающим во всех чужих землях». Они рады видеть египтян и прекрасно осведомлены о цели их визита, однако для приличия делают вид, что удивлены, и спрашивают: «Зачем вы пришли сюда, в эту землю, о которой ведомо лишь избранным? Вы спустились с неба? Вы приплыли по воде или пришли по суше? Сколь плодородна Земля Богов, по которой ступает ваша нога! Это Ра, царь земли Тамери. Нет на земле трона, недоступного для его величества. Мы живем дыханием, которое он дает нам!» Согласно повелениям фараона (да будет он жив, здоров и силен!), их величествам преподносят хлеб, вино и пиво, мясо, фрукты и все, чем изобильна благодатная земля Тамери.

Судя по списку товаров, которые грузят на суда египтян, они отнюдь не прогадали на обмене: здесь наилучшие стволы деревьев из Земли Богов, горы сушеных благовоний, живые ростки благовонных растений, черное дерево и слоновая кость, золото, только что добытое в Аму, три сорта благовонных масел (*тишепс*, *хесаит*, *ихмет*), терпентин, черная краска для глаз, обезьяны двух видов, борзые, шкуры южных пантер и множество невольников и невольниц с детьми. Все это весьма ценный груз, несмотря на то что караваны из верховьев Нила тоже доставляли черное дерево, слоновую кость, шкуры пантер и многие другие товары. Но они не могли доставить самого главного, из-за чего, собственно, и затевались подобные долгие и трудные путешествия: древесины из Земли Богов, благовоний и - самое главное - живых благовонных деревьев, которые обитатели Пунта упаковывали вместе с корнями и землей, ничуть не хуже, чем лучшие садоводы Франции. Неудивительно, что удачливых путешественников встречали ликованием, когда их суда наконец приставали к набережной Ипет-Сут (Карнак). Носильщики, считая за честь послужить фараону, обращаются к зеленым деревьям, как к священным существам: «Будьте счастливы с нами, деревья благовоний, покинувшие свое место в Земле Богов и прибывшие к нам, во

владения Амона, где теперь ваше место. [Царица] Мааткара будет возвращать вас в своем саду вокруг своего храма, как повелел отец ее».

Обитатели Пунта недаром спрашивали египтян, как они прибыли к ним: по воде или по суше. Действительно, из Египта в Пунт было два пути. Еще до Рамсеса и даже задолго до царицы Хатшепсут, во времена Одиннадцатой династии, некий путешественник, по имени Хену, добрался до Пунта и вернулся обратно частично по суше, а частично по воде. Его господин повелел ему закупить свежие благовония у «шейхов пустыни», а заодно он должен был постараться внушить обитателям пустыни боязливое почтение к фараону. Другими словами, его путешествие преследовало две цели: торговую и политическую. «Я отправился из Коптоса, - говорит он, - по пути, указанному его величеством. Воины, которые сопровождали меня, были с юга, из владений Уабут, что простираются от Гебелейна до Шабита. Все царские слуги, горожане и крестьяне шли за мной. Путь впереди очищали разведчики, чтобы разгонять врагов фараона. Дети пустыни были моими телохранителями. Все писцы его величества подчинялись мне. Они слали к царю гонцов. Отдав одно повеление, царь мог услышать тысячи голосов, передающих его.

Я выступил с войском в три тысячи человек. Я превратил дорогу в реку, красные земли (т. е. пустыню) - в зеленый луг. Во всякий день я давал каждому моему человеку один бурдюк, один посох, два кувшина воды и двадцать хлебов. Кувшины несли ослы. Когда один уставал, другой занимал его место. Я наполнил двенадцать водохранилищ в вади и в Идахете два, каждый размером двадцать на тридцать локтей. В Иахетебе, где встречаются воды, я построил еще один водоем десять на десять локтей.

И вот я достиг Великой Зелени. Я построил этот корабль и оснастил его как нужно. В честь него я принес великую жертву: диких быков, африканских быков и мелкий скот. Проплыв по Великой Зелени, я сделал, что повелел мне его величество, и принес ему все сокровища, какие нашел на обоих берегах Земли Богов (Та-Нечер). Я вернулся через Уаг и Рахену. Я привез ему прекрасные камни для статуй в его святилищах, такие, каких прежде не видали в царских покоях. Никогда ничего подобного не совершал ни один слуга фараона с начала времен».

Очевидно, это была весьма значительная экспедиция. Хену сопровождали в его переходе через пустыню не менее трех тысяч человек. Проводниками служили «дети пустыни», и, поддерживая постоянную связь с царской резиденцией, Хену, вместо того чтобы двинуться по проторенному пути прямо на восток, направился на юго-восток. Копая по пути колодцы и сооружая водохранилища, он достиг побережья в том месте, где позже появился маленький порт Береника. Здесь он, по его словам, построил корабль, несомненно из финикийского леса, доставленного по морю. Он достиг Пунта, посетил оба берега Земли Богов, закупил благовония и прочие товары этих стран. На обратном пути он высадился в Косейре, а оттуда пошел дальше через долину Рахену. Там он задержался, но вовсе не для отдыха, а чтобы заготовить каменные блоки для скульптурных мастерских фараона. Хену не тратил времени зря и заслужил, чтобы его имя было упомянуто среди величайших землепроходцев древности, потому что даже римлянину Элию Галлу в правление Августа потребовались невероятные усилия, чтобы повторить его подвиг.

Используя накопленный опыт, экспедиции во времена Рамсеса III направлялись в Пунт и по суше, и морским путем. Царь затрачивал на них огромные средства. Флот состоял из множества крупных кораблей и сопровождающих судов, а в команду входили не только моряки, но еще и лучники со своими военачальниками. На корабли погрузили большое количество припасов для команды и товаров для торгового обмена. По словам египетского летописца, этот флот отправился в плавание не из Красного моря, а из «моря Му-Кеди», которое может быть только Персидским заливом, Му-Кеди - «водой страны Кеди» в Нахарине - египтяне называли Евфрат. Возможно, Рамсес III сумел доставить из Финикии к берегам Евфрата стволы деревьев, как это сделал в свое время Тутмос III, и здесь уже построил свои корабли. Или, может быть, он достиг с царем Вавилона соглашения, по которому его воины, моряки и чиновники могли пройти через эту страну до Евфрата, а затем сле-

довать дальше на вавилонских судах. В любом случае, флот экспедиции Рамсеса III должен был спуститься по Евфрату, обогнуть огромный Аравийский полуостров и лишь после этого направиться к берегам Пунта. Путешествие прошло без происшествий; имя грозного фараона на всех наводило страх.

Здесь, в Пунте, все произошло так же, как во времена царицы Хатшепсут. Египтяне встретились с туземцами и вручили им подарки фараона, затем корабли и баржи нагрузили товарами Пунта и всеми чудесными дарами ее таинственных гор, в том числе главной ценностью - сухими благовониями. Флот двинулся на север по Красному морю, достиг Суэцкого залива, а оттуда по каналу прошел из Питома в Нил. Где-то в районе Береники или Косейры дети вождей страны Та-Нечер вместе со своими товарами высадились на берег, собрали караван и, нагрузив ослов и носильщиков, благополучно достигли гор Коптоса. Здесь они взошли на речные суда и проследовали до Фив, где их ожидала торжественная встреча. «Передо мной пронесли всяческие товары и чудесные дары, - рассказывает царь в заключение. - Дети их вождей приветствовали мой лик, целовали землю и простирались на животе передо мной. Я отдал их (дары) Эннеаде и всем богам той страны, дабы умиротворить утром их вождей».

Можно предположить, хотя об этом нигде прямо не сказано, что караван прибыл в Коптос или Фивы одновременно с кораблями. Решение использовать оба пути было явно вызвано желанием фараона любым способом заполучить драгоценные благовония Пунта, потому что плавание по морю было сопряжено с большим риском. Поэт из «Сказки о потерпевшем кораблекрушение» мог бы порассказать, сколько кораблей отправилось на дно вместе с людьми и ценными грузами: «Буря застала нас в море, до того как достигли мы берега. Поднялся ветер. Всколыхнул он волну огромную. Я увидел бревно и схватился за него. Корабль утонул, и не осталось ни одной живой души».

Описанное выше путешествие весьма примечательно, но надо признать, что во времена Рамсеса II египтяне совершали куда более далекие и смелые морские экспедиции, воспетые даже классическими авторами. Египтяне, например, издавна использовали синий камень, лазурит, которого нет в африканских пустынях. Весь лазурит поступал в древности из единственной страны - Бактрии, откуда драгоценный камень перевозили в Египет по суше через Сирию или - что было куда проще - вниз по Инду, а затем вдоль побережья до устья Евфрата. Именно этим маршрутом, должно быть, пользовался позже Нearch. Египтяне не решались отправляться за лазуритом в далекую Бактрию, а довольствовались тем, что покупали его в городе Тефрер. Думаю, не ошибусь, предположив, что так они называли город Сиппар, удобно расположенный на канале, соединявшем Тигр и Евфрат в точке, где они протекают очень близко друг к другу. Египтяне знали, что лазурит поступает из Тефрера; кроме того, оттуда же привозили еще какой-то полудрагоценный камень, который они называли именем этого города, но определить его пока не удалось.

Случилось так, что однажды фараон, принимая в Нахарине почести от иноземных царьков, увидел перед собой царя страны Бахтан (Бактрии), который привез ему богатые дары и предложил в жены собственную дочь, желая заручиться дружбой и помощью Рамсеса. Фараон согласился заключить с ним союз и вернулся в Фивы с царевной. Какое-то время спустя ко двору фараона прибыл посланец от царя Бахтана, сообщивший, что сестра царевны тяжело занемогла. Фараон немедленно отправил в Бахтан своего лучшего врача, выбранного по совету Дома Жизни, однако царевна не поправлялась, и новый гонец проделал долгий путь от Бахтана до Египта. Поскольку врач ничего не мог сделать, оставалось только послать в страну Бахтан одного из могущественных египетских богов. Для этого был избран правящий судьбами людей бог Хонсу. Он покинул Египет на борту большого судна, которое сопровождали пять малых кораблей, и достиг точки назначения через год и пять месяцев - невероятно короткий срок, если учесть, что флотилии пришлось пройти по всему Красному морю, обогнуть Аравию, пройти вдоль побережья, принадлежащего ихтиофагам («пожиратели рыбы» - так греки называли обитателей побережья Белуджистана), и подняться по Инду до места, откуда посланникам царя пришлось добираться до Бах-

тана по суше. Здесь египетский бог оставался в течение трех лет и девяти месяцев, по истечении которых царь скрепя сердце отправил его обратно в Египет, приставив к нему большой эскорт конных и пеших воинов и носильщиков с богатыми дарами. Первый посланец из Бахтана прибыл в Фивы в пятнадцатый год царствования фараона. Хонсу вернулся в тридцать третий год царствования. За эти восемнадцать лет первый иноземный посланец вернулся в свою страну с египетским врачом, затем в Египет прибыл второй посланец и вернулся обратно с богом Хонсу, который провел в Бахтане три года и девять месяцев. Всего, таким образом, расстояние между Фивами и Бахтаном было преодолено пять раз.

В Лувре хранится стела, на которой очень подробно - как в официальных документах - записаны все эти события. Надпись начинается с перечня титулов Тутмоса IV, первого фараона Нового царства, женившегося на иноземной царевне, а два имени в картушах совпадают с именами царя Рамсеса II. По моему мнению, это еще не основание относить данный документ к позднему периоду или вообще считать всю эту историю выдумкой. В те времена многие цари общались друг с другом через посланцев, а искусство египетских врачей славилось далеко за пределами Египта. Память о путешествиях Сесостриса в Эритрейском море (то есть в «красном море» - греческое название Индийского океана) была еще жива во времена Александра Македонского. На самом деле нет ничего невероятного в том, что Рамсесу захотелось установить прямые отношения со страной, из которой в течение многих веков в Египет поставлялся драгоценный камень, который высоко ценился как скульпторами, так и их заказчиками.

Глава VIII

ФАРАОН

1. Основные обязанности фараона

Искусство управления государством - искусство распоряжаться жизнью своего народа - в Египте зиждилось на не совсем обычных принципах. Если властитель (да будет он Жив, Здоров и Силен!) был достойным отпрыском божественной плоти и пользовался покровительством богов, стране были обеспечены мир и процветание. Нил щедро разливал свои воды, поля покрывались богатыми всходами ячменя и пшеницы, стада умножались, со всех сторон света поступали в Египет золото, серебро и медь, ценная древесина, слоновая кость, благовония и драгоценные камни. Но если это главное условие - божественность фараона - не соблюдалось, все шло прахом. Страна приходила в упадок. Никто не имел реальной власти, потому что каждый стремился командовать сам. Брат поднимал руку на брата. И наконец - о, стыд и унижение! - иноземец всходил на трон Египта. Нил более не заливал измученную зноем землю. Народ страдал от голода. Из Сирии и из Куша больше не привозили богатых товаров, в храмах не совершались обильные жертвоприношения. Боги окончательно отвращали свой взгляд от народа, утратившего веру.

Поэтому самая главная обязанность фараона состояла в том, чтобы постоянно всеми доступными средствами выражать свою признательность божественным владыкам мира. В начале многих надписей, которые мы читаем на стелах, сообщается, что Его Величество, посетив Мемфис или Он, Пер-Рамсес или Фивы, посвятил себя делам, угодным богам: восстанавливал разрушенные святилища, возводил новые, укреплял стены храмов, устанавливал в них статуи, обновлял их убранство и священные лодки, воздвигал обелиски, украшал алтари и жертвенные столы цветами, превосходя в щедрости всех своих царственных предшественников. Вот что говорит в своей молитве-исповеди Рамсес III: «Кланяюсь вам, о боги и богини, владыки неба и земли и океана. Велики шаги ваши в ладье мил-

лионов [лет], рядом с вашим отцом Ра, чье сердце радуется, когда он видит ваше совершенство, дарующее счастье Возлюбленной Земле, Тамери... Он преисполняется радости, юность возвращается к нему, когда глядит он на ваше величие в небесах и силу на земле. Вы даете воздух ноздрям, лишенным дыхания.

Я - ваш сын, сотворенный руками вашими. Вы поставили меня правителем (да будет он жив, невредим и здоров!) всей земли. Вы сотворили для меня совершенство на земле. Я исполняю свой долг с миром. Сердце мое без устали ищет, как служить вашим святыням во благо. Великими повелениями, записанными в каждом зале письма, я дарую им людей и земли, скот и корабли. Их барки плавают по Нилу. Я сделал процветающими ваши святилища, что пришли упадок. Я учредил для вас божественные приношения, помимо тех, что были для вас. Я работал во славу вашу в Домах Золота с золотом, серебром, лазуритом и бирюзой. Я бодрствовал над вашими сокровищницами. Я наполнил их многочисленными вещами. Я наполнил ваши закрома ячменем и пшеницей. Я построил для вас крепости, святилища, города. Ваши имена высечены там навечно. Я увеличил число ваших работников, добавив к ним множество людей. Я не забирал людей из тех, что в святилищах ваших, для моих войск и колесниц, как делали прежние цари (то есть не забирал людей на военную службу). Я повелел, чтобы так же делали цари, которые придут после меня. Я приносил вам в жертву множество добра. Я построил вам склады для празднеств и наполнил их пищей. Я сделал для вас сосуды изукрашенные, золотые, серебряные и медные. Я построил вам ладьи, плывущие по реке, и их великие Жилища (имеются в виду «раки», в которых хранятся священные ладьи), покрытые золотом».

После этого вступления Рамсес перечисляет все, что он сделал в главных храмах Египта. Он долго распространяется о дарах, принесенных в честь «Амона, владыки трона Двух Миров», «Атума, владыки Двух Земель Она», «Птаха могучего, что к югу от стены его», и их божественных супругов. Не жалея своей казны и богатств своей земли ради богов, Рамсес III шел по давно проторенному пути. С тех пор как появились фараоны, почти о каждом из них можно было сказать то, что начертано на стеле, воздвигнутой Аменхотепом II в 1447 г. до н. э. в храме Амада в Нубии: «Сей царь благодетелен, ибо он делает угодное всем богам, воздвигая им храмы и высекая изображения их». Рамсес II, едва вступив на трон, задумал показать себя набожным сыном как по отношению к богам, так и к своему земному отцу Менмаатра Сети-Мернептаху (Сети I), который начал в городах богов Анхаре и Уннефера (Абидосе) грандиозные работы, но так и не смог их завершить. Города эти являли собой нечто среднее между строительными площадками и руинами. Межевые камни храмовых владений были непрочно врыты, и любой мог их опрокинуть. И вот Рамсес II повелел своему советнику созвать всех придворных, членов царского дома, военачальников, всех управителей строительных работ и хранителей дома книг и произнес перед ними следующую речь: «Я созвал вас всех, ибо меня посетила идея. Я видел, как строят некрополь и гробницы в Абидосе. Работы, начатые там при жизни их владыки, до сих пор не закончены. До этого дня сын, занявший место отца своего, ничего не делал, чтобы завершить памятник породившему его. И тогда сказал я себе: «Счастье придет к тому, кто поднимает упавшее, и за доброе дело всегда ожидает награда. Поэтому сердце мое велит мне делать то, что будет к чести Мернептаха». И я сделаю так, чтобы повторяли во все времена: «Это его сын продолжил жизнь его имени». Царь еще долго говорил в том же духе и заключил свое обращение так: «Прекрасное дело - воздвигнуть памятник другому памятнику, ибо это сразу два благих дела. Таков есть его сын, таким был тот, кто его породил». Предложение фараона понравилось его советникам. Выслушав их, Рамсес повелел поручить работы зодчим. Он отобрал воинов, каменщиков, резчиков, скульпторов, рисовальщиков и работников всех ремесел, чтобы соорудить святая святых для своего отца и восстановить все обветшалые строения некрополя. Он составил полный перечень переданных некрополю крестьян, полей и стад. Он назначил жрецов, четко определил обязанности каждого, выбрал из их числа верховного жреца. Затем, обращаясь к своему царственному отцу, Рамсес перечислил все, что он сделал для него и его храма: «Все будет сделано во благо

тебе, пока я жив, пока жив Рамсес Мериамон, сын Ра, да будет ему дарована жизнь, достойная Ра». И покойный фараон Сети, обратясь к живому фараону, как отец к сыну, заверил его, что предстал с его просьбой перед Ра и что все боги - Ра, Атум, Тот, Уннефер и великая Эннеада - возрадовались тому, что совершил достойный правитель Египта.

Царь Рамсес был не прав лишь в одном: ему не следовало обвинять всех своих предшественников в пренебрежении к предкам. За полтора века до него фараон Тутмос III Менхеперра нашел храм Птаха в Фивах в жалком состоянии, недостойном такого великого бога. Кирпичные стены пришли в негодность, колонны и деревянные двери развалились. Фараон приказал отстроить храм заново, начиная с фундамента. Стены возвели из прекрасного белого песчаника, храмовую ограду укрепили так, чтобы она могла простоять вечно, новые двери сделали из сосны, а засовы и петли - из азиатской меди. «Никогда ничего подобного не было сотворено до меня, - говорит фараон, разделяя заблуждение, столь милое сердцу любого египтянина. - При мне он стал больше, чем был раньше. Золотом горных земель украсил я его великое жилище, наполнив его вазами из золота, серебра и всевозможных драгоценных камней, одеяниями из белого льна, благовонными мазями, чтобы дать ему радость на празднествах в начале сезона, которые совершаются в его святилище... Я наполнил его храм всякими превосходными вещами, прислал быков, птицу, смолы и вина, подарки и овощи, когда возвратился с гор Речену».

Но даже после того, как царь осыпал богов щедрыми дарами, восстановил старые святилища и построил новые из самых лучших и редких материалов, работа его не была завершена. Ему предстояло проследить за тем, как будут исполняться его повеления, а по окончании работ провести обряд освящения храма и передать его во власть богов.

Для этого ему нужно было разбросать вокруг себя зерна *бесена*, двенадцать раз ударить в дверь храма своим жезлом, освятить наос огнем, а затем обежать вокруг храма, держа в каждой руке по сосуду, или в некоторых случаях в одной руке - весло, а в другой - угольник, каким пользуются зодчие. Иногда рядом с царем гнали священного быка Аписа. Помимо этого, царю приходилось участвовать в некоторых больших религиозных торжествах. Во время великого праздника Опета ему полагалось появляться на священной барке длиной свыше ста локтей, которую вели на буксире от Карнака до Луксора. Не меньшей популярностью пользовалось празднество в честь бога Мина в начале сезона *шему*, когда царь должен был сам срезать сноп пшеницы *бедет*. В отличие от других правителей Рамсес III никак не мог передать эту обязанность никому другому, поскольку празднество совпадало с днем его восшествия на престол. Когда эфиоп Пианхи начал завоевание Египта, сначала он отпраздновал Новый год у себя в Напате. Прибыв в Фивы в день великого плавания Амона, он сопровождал ладью бога. Начиная с этого дня в жизни Пианхи постоянно чередовались сражения и церемонии, пока он наконец не одержал окончательную победу. К жителям Мемфиса он обратился с такими словами: «Не запирайся, не сражайся, древнее пристанище Шу. Пусть входит входящий и пусть выходит выходящий, пусть не задерживается идущий. Принесу я жертву Птаху и богам Белой Стены (Мемфиса). Почту я Сокара в таинственном обиталище его. Я буду созерцать его, «находящегося к югу от своей стены» (Птаха). И я смогу уплыть оттуда с миром, не принесу я горя Белой Стене, так что даже ребенок не заплачет там. Взгляните на номы юга: не был там убит ни один человек, кроме нечестивцев, говоривших дурное против бога». Взяв Мемфис, он совершил обряд очищения города солью и благовониями, совершил все церемонии, которые полагалось совершать фараону, вошел в храм и поднес отцу своему Птаху, «находящемуся к югу от своей стены», богатые дары.

Подобные церемонии повторились вскоре в Оне. После различных предварительных обрядов, которые позволили бы ему достойно войти в святая святых, получив благословение великого жреца и выслушав молитву, охраняющую царя от врагов, Пианхи взошел по ступеням большой террасы, чтобы увидеть Ра в его святилище - Пирамидионе (храм бога солнца Ра в Оне). Он сам отодвинул засовы, распахнул створки дверей и узрел божественного отца своего, ладью Ра и ладью Атума. Затем он вновь затворил двери, наложил на за-

мок ком глины и запечатал святилище царской печатью, после чего жрецы простерлись перед фараоном и пожелали ему долгой жизни и благоденствия.

Пианхи желал показать египтянам, что он так же набожен и так же чтит древние обычаи, как они. Однако здесь Рамсесиды опережали его во всех отношениях. Не было случая, чтобы, проходя по городу, они не зашли в храм поклониться богам. Фараон прежних времен всюду чувствовал себя как дома, потому что, куда бы он ни отправился, всюду видел он изображения себя, подносящего богам воду, вино, молоко, статуэтки богини или воскуривающего на их алтарях благовонные масла. Больше того, Рамсес I и его сын Сети I, прежде чем взойти на трон, были верховными жрецами Сета и участвовали в отправлении культов барана в Мендесе и богини-змеи Уаджет, которая почиталась в их родном городе и в соседних номах. В начале своего царствования Рамсес II принял сан верховного жреца Амона, хотя очень скоро юный фараон, любитель наслаждений, страстный охотник и смелый воитель, с радостью уступил свои обременительные и скучные жреческие обязанности одному из высших религиозных сановников. Тем не менее он, как и его предшественники и преемники, очень добросовестно относился к исполнению своего долга по отношению к богам. Только такой ценой - безусловно, ценой весьма высокой - мог он обеспечить мир и спокойствие в своей стране. И потому во времена Рамсеса Великого простой люд был в целом доволен своей участью, а правитель мог не опасаться серьезного мятежа; те же, кто имел достаточно сил, чтобы нарушить установленный порядок, предпочитали его поддерживать, ибо никому не было выгодно ссориться с правителем, которому благоволят великие боги.

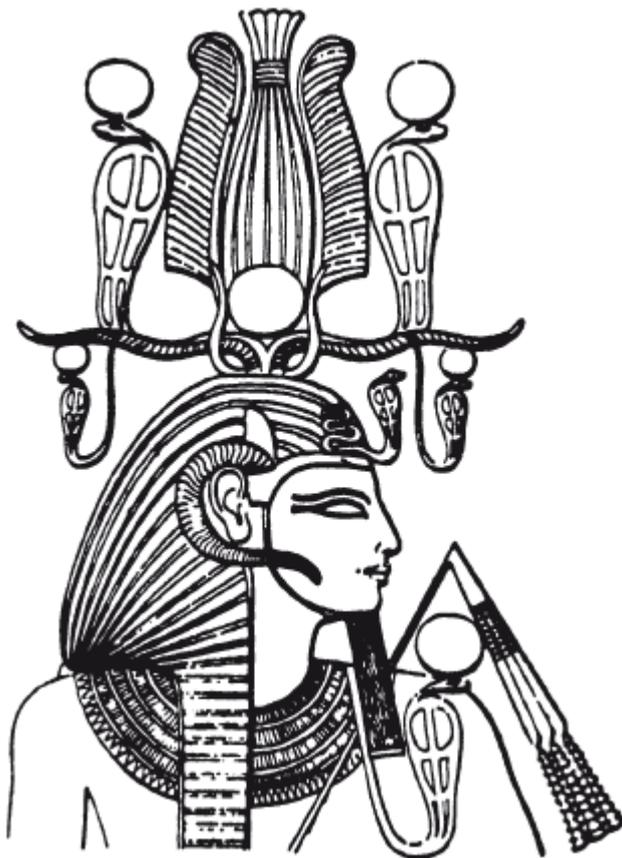
2. Утренний туалет царя

Пробуждение царя ото сна, вероятно, было связано с целым рядом сложных церемоний. Один из высших сановников, Птахмос, рассказывает, что каждый день он вставал вместе с солнцем, чтобы первым поприветствовать своего повелителя. К сожалению, мне не известно ни одно изображение утреннего выхода царя, но в гробнице Птахотепа мы можем видеть, каким образом происходил утренний туалет знатного вельможи: цирюльник, мастера маникюра и педикюра хлопочут над ним, вокруг собрались вся семья и слуги. Надо полагать, фараону уделяли не меньше внимания.

Царский наряд не просто превосходил роскошью одеяния номархов, высоких вельмож и военачальников - он должен был подчеркивать божественную сущность его величества. Фараон никогда не появлялся с непокрытой головой и даже в семейном кругу носил парик. Волосы он стриг коротко, чтобы носить разные головные уборы, самый простой из которых - круглый парик, завязанный узлом сзади и со спускавшимися по бокам свободными концами. Его венчала диадема, обвитая золотым уреем - священной коброй с раздутым капюшоном, - поднимавшимся над серединой лба царя. Парадными головными уборами были короны юга и севера, а также двойная корона. Первая представляла собой что-то вроде высокого колпака, по форме напоминающего кеглю, вторая походила на удлиненную ступку с прямой стрелкой позади, от основания которой вверх отходила металлическая лента, закругленная на конце. Двойная корона содержала элементы обеих. Кроме того, фараон охотно надевал, особенно во время военных парадов и на войне, изысканный и простой голубой шлем с уреями и двумя лентами на затылке.

И короны и шлем надевали прямо на голову, без парика. *Немее* (специальный царский платок) был достаточно велик, чтобы прикрыть круглый парик. Это был просто кусок белой ткани с красными полосками, который закрывал лоб и завязывался на затылке, сзади большим треугольником свисая до середины спины. Иногда царь надевал готовый *немее*, который крепился на голове золотым обручем, одновременно служившим основанием для надевавшейся поверх платка двойной короны, короны юга или короны севера. Иногда *немес* венчали два длинных пера или убор под названием *атешф* - корона Верхнего Египта с

двумя перьями, помещенными на рогах барана со сверкающим золотым диском посередине и двумя уреями, увенчанными такими же золотыми дисками, по бокам. Совершенно очевидно, что подобные головные уборы могли использоваться только во время таких церемоний, когда фараон должен был сидеть неподвижно.

Фараон в короне (*Ленсий*. Иллюстрированный журнал, III)

Еще одна непременная принадлежность торжественного убранства - накладная борода, заплетенная в косичку на манер жителей Пунта - Божественной Земли, откуда произошли многие египетские боги. Накладную бороду соединяли с париком две подвязки. Обычно фараон сбрасывал бороду и усы, но иногда оставлял короткую квадратную бородку.

Основной частью одеяния фараона, как и у всех египтян, была набедренная повязка, но в отличие от простых смертных царь носил большой гофрированный набедренник, который держался на широком поясе с металлической пряжкой, украшенной иероглифами царского картуша. Сзади к поясу крепился бычий хвост. Иногда к поясу подвязывали еще и передник в форме трапеции. Этот передник был целиком сделан из драгоценного металла или же из нитей бус в металлической рамке. С обеих сторон передник украшали уреи, увенчанные солнечными дисками. Фараон не стеснялся ходить босиком, хотя у него было множество сандалий - кожаных, металлических или плетенных из тростника.

Чтобы завершить наш беглый набросок монаршего гардероба, надо описать еще драгоценности и украшения фараона. Он носил самые различные ожерелья. Чаще всего они состояли из небольших золотых брелоков, бусин или шариков, нанизанных на нитку, с плоской застежкой сзади, с которой свисало очень красивое украшение из цепочек и цветов. Такие ожерелья появились довольно поздно. Классическое египетское ожерелье состояло из нескольких нитей бус, натянутых между двумя застежками в виде соколиных голов, и завязывалось сзади с помощью двух шнурков. Бусины на нижних рядах имели форму капли, другие - цилиндрическую или овальную. Такие ожерелья весили порой до нескольких фунтов. Однако это, как видно, вовсе не пугало фараона: помимо ожерелья, царь мог повесить на шею двойную цепь, пектораль, имеющую форму фасада храма, надеть на руки, как минимум, три пары браслетов - на предплечья, запястья и щиколотки. Иногда

поверх всех этих украшений он набрасывал на себя легкую прозрачную рубаху с короткими рукавами и подвязывал ее поясом из той же легкой ткани.

3. Государственные дела

Если верить Диодору, утверждавшему, что он со всем тщанием изучил летописи египетских жрецов, жизнь царя - как общественная, так и частная - была строго регламентирована. Так, едва пробудившись ото сна, он должен был заняться чтением корреспонденции; затем, умывшись и облачившись в царское одеяние, он приносил жертвы, выслушивал молитвы, проповеди и назидательные истории верховного жреца. Дальнейшее его время распределялось между приемами, судебными заседаниями, прогулками и развлечениями. Царь должен был во всем проявлять умеренность и неукоснительно соблюдать закон - так требовала древняя традиция, и царь был вполне доволен своим жребием. Разумеется, не все фараоны вели себя столь безупречно, как это виделось Диодору, однако в целом его представление о распорядке дня египетского царя, по-видимому, вполне соответствует действительности, поскольку известные нам факты нисколько не противоречат его описанию.

Нет сомнений, что многие цари добросовестно выполняли свои обязанности: внимательно выслушивали официальные донесения, участвовали во всех государственных делах, диктовали писцам ответы и при необходимости консультировались с советом. Многие официальные надписи на стелах начинаются словами: «До ушей его величества было доведено, что...» Чаще всего эта фраза касается вражеских нападений. Например, когда царь Псамметих II посещал Танис, в котором совершил множество богоугодных дел, до него дошла новость, что негр Куар поднял меч против Египта. Царь был властителем мира и войны, но он занимался и чисто практическими вопросами. Мы уже знаем, какие усилия приложил Сети I, чтобы обеспечить водой добытчиков золота, работающих к югу от Эдфу: царь отправился к ним, чтобы из первых рук узнать о нуждах своих верных слуг, измученных тяжелым трудом под палящим солнцем. Когда царь Рамсес IV решил увековечить память своих предков, он начал с изучения книг, хранящихся в Доме Жизни, чтобы узнать пути, ведущие к горе камня *бехет*; больше того, он сам предпринял путешествие через священную гору.

Положение Рамсеса II не позволяло ему просто так покинуть берега Нила, однако он не поленился провести серьезную работу в своем дворце Хаткаптах, чтобы изыскать способ добыть воду в ужасной знойной пустыне Икаита. Воссев на золотой трон, надев на голову диадему и взяв в руки скипетр, он велел сидящему подле него хранителю царской печати: «Созови советников моих, которые снаружи [моей приемной залы], скажи, что мое величество хочет слышать их совет об этой земле». Советники предстали перед царем, дрожа, словно преступники, ибо никто не мог без страха взирать на величественный лик фараона. Они поцеловали землю, и царь изложил им суть проблемы. Правила этикета не позволяли им прямо высказать свое мнение, продемонстрировав тем самым свою мудрость, ибо вся слава любого смелого начинания должна была принадлежать только царю. Поэтому они повели себя так же, как придворные, собранные Рамсесом несколько месяцев назад, чтобы выслушать его соображения о завершении строительства абидосского храма: они произнесли восторженную хвалебную речь о правителе, не знаящем себе равных. Так и в этот раз, напомнив царю о прежних бесплодных попытках найти воду в Икаите, советники закончили свою речь словами: «Если теперь ты скажешь Хапи, отцу твоему, отцу богов, что ты желаешь, чтобы он поднял воду в горы, он сделает все, как ты желаешь. Ибо отцы твои боги любят тебя больше, чем любого царя, который управлял Египтом со времен Ра». На этом совет закончился, и теперь дело было лишь за специалистами. На всех этапах работы они постоянно сообщали царю о достигнутом, и, наконец, гранитная стела увековечила успех этого дерзкого предприятия.

Назначение чиновников и высших сановников, очевидно, было царской прерогативой. Выбор верховного жреца Амона был делом крайней важности. Рамсес не забыл споров, которые привели к разрыву между светской властью и жречеством, выступающим от лица самого богатого и самого честолюбивого члена египетского пантеона богов. В начале своего правления Рамсес II лично принял титул верховного жреца. Очень скоро он решил назначить еще кого-то на эту должность, и предпочел он не выходца из жречества Амона, а того, кто не был особенно выдающимся, - верховного жреца Анхура в номе Тините, которого царь заметил, когда посещал здание, взятое под покровительство его отцом в этом священном регионе. Прежде чем сделать окончательный выбор, он предпринял своего рода консультацию, детали которой нам неизвестны, в присутствии самого бога, которому перечислил имена всех членов двора, полководцев, пророков богов и его личных офицеров. Амон не был удовлетворен ни одним из них и выразил свое удовольствие, лишь когда было названо имя Небуннеф. «Будь милостив к нему, - сказал царь в заключение, - ибо он молит тебя». Услышав эти слова, придворные и тридцать советников объединились восславить великодушие его величества, неоднократно поклонившись милостивому богу, и пожелали его душе достигнуть небесных сводов. Когда шквал восхвалений наконец смолк, царь вручил новому верховному жрецу два золотых кольца и жезл из электрума (серебристого золота), что означало для всего Египта, что отныне все владения Амона переданы в управление Небуннефу.

4. Царское помилование

Единственный известный нам случай, когда преступник был помилован фараоном, - это «Приключения Синухе». Зато в них более чем подробно описано, как это произошло. Царь не только простил Синухе и позволил ему вернуться в Египет, но и пожелал видеть его во дворце. Старый скиталец прибыл на заставу Пути Хора, где ему предстояло расстаться со своими друзьями-кочевниками, раздал им подарки, присланные ему владыкой Египта, и вверил себя в руки солдат, которым приказали доставить его в резиденцию в Ити-Тауи. Во дворце его уже все ждали. Родственники царя вышли встретить его в караульное помещение, придворные, которые должны были провожать посетителей в колонный зал, показали ему дорогу. И вот он предстал перед своим господином, восседавшем на троне. Сознывая всю тяжесть своего проступка, Синухе простерся перед ним на полу. «Я был подобен охваченному мраком. Душа моя исчезла, тело ослабло, и не было больше сердца в груди, и не отличал я жизнь от смерти».

Синухе было велено встать. Царь, вначале сурово коривший его, смягчился и велел ему говорить. Синухе не стал злоупотреблять царским великодушием и произнес краткую речь, окончив ее словами: «Вот я пред тобою. Жизнь моя принадлежит тебе. Да поступит твое Величество по усмотрению своему».

Фараон послал за детьми. Когда они пришли, царь заметил царице, что Синухе сильно изменился. И действительно, он прожил среди азиатов так долго, что стал походить на них. Поняв, кто находится перед ней, царица не сдержала изумленного возгласа, а царские дети в один голос подтвердили: «Воистину, твое величество, это не он».

После этого они принесли бубны и сестры обоих видов и подали их царю со словами: «Возьми в руки свои эти прекрасные вещи, возьми убранство Хатхор! Пусть Владычица золота дарует жизнь твоим ноздрям, пусть Владычица звезд соединится с тобой!» После длительных и витиеватых восхвалений они перешли к просьбам о милосердии, моля царя простить Синухе, чьи злодеяния были вызваны единственно недомыслием. Под владычицей сестров и бубнов, как и под Золотой Владычицей звезд, подразумевается богиня веселья, танца и празднеств; ее роль в этой сцене заключалась в том, чтобы должным образом подготовить акт прощения царем заблудшего скитальца. По всей вероятности, без божественного вмешательства в той или иной форме эта история не могла закончиться бла-

гополучно. А закончилась она тем, что Синухе покинул дворец не только с царским прощением, но и осыпанный царскими милостями: щедрый повелитель подарил ему дом и право питаться отборными яствами с царского стола.

5. Царские милости

Один из придворных так сказал о фараоне: «Он тот, кто преумножает добро, кто умеет давать. Он бог, о да, царь богов. Он знает всех, кто знает его. Он награждает того, кто служит ему. Он защищает того, кто поддержит его. Он Ра, чье зримое присутствие есть солнечный диск и кто живет вечно». Во время освободительных войн и похода на Сирию фараон одаривал золотом отличившихся направо и налево. Этот обычай укоренился, и вскоре гражданские лица тоже стали получать награды за верную службу царю.

Случалось, что вознаграждение вручали одному человеку, но чаще во дворце собирали сразу многих удостоенных царской милости. Когда они выходили из дома, облачившись в лучшие одежды, и усаживались в колесницу, все слуги и соседи выстраивались у дверей, чтобы приветствовать счастливых. Перед дворцом колесницу оставляли на специально отведенной площадке. Колесничие переговаривались между собой или со стражниками. Каждый восхвалял своего хозяина и предвкушал ожидавшие его награды. «Для кого сегодня этот праздник, мой друг?» - «Этот праздник для Эйе, божественного отца, и для Тэ-йе, жены его. Они станут людьми золота». Один из зевак не расслышал и спрашивает снова: «Кого это сегодня чествуют?» В ответ он слышит: «Слушай его! Фараон, да будет он Жив, Здоров и Силен, сегодня чествует Эйе, божественного отца, и Тэйе, супругу его. Фараон, да будет он Жив, Здоров и Силен, разве не одарит он их миллионом даров? Выгляни из окна. Мы увидим, что делается для Эйе, божественного отца».

Когда все собираются во дворе, царь выходит на балкон для торжественных церемоний, за которым находится колонный зал. С улицы видна целая анфилада царских покоев с креслами и роскошными ларцами. Подарки разложены на столах рядом с царем; когда он раздаст их, будут принесены и разложены на столах новые. В остальных комнатах дворца снуют слуги. Некоторые мирно беседуют, женщины поют и танцуют, играют на арфах. Во дворе слуги с зонтиками и веерами и распорядители церемоний выстраивают награждаемых и поочередно подводят их к балкону. Здесь они приветствуют фараона, но только поднятием рук, не простираясь на земле, и произносят хвалебные слова в честь повелителя. Царь отвечает похвалой каждому из своих слуг, отмечая его верность, способности и преданность. Иногда он повышает кого-либо в должности со следующими словами: «Ты мой великий слуга, ты исполнял все повеления, и я доволен твоей службой. Я поручаю тебе эту должность и говорю: ты будешь есть хлеб фараона, да будет он Жив, Здоров и Силен, твоего владыки в храме Атона». Затем он бросает с балкона золотые чаши и ожерелья. Распорядители подхватывают на лету эти драгоценные подарки и тут же застегивают на шею награжденного иногда по три-четыре ожерелья сразу. Сгибаясь под этой ношей, счастливый, он идет к выходу с царского двора, а за ним несут остальные дары, которые не смогли на него надеть. Следом выносят яства с царского стола. Писцы аккуратно записывают все происходящее. За пределами царского двора награжденного встречает ликующая толпа друзей, слуг или подчиненных. Он поднимается на колесницу и отправляется назад в сопровождении этой толпы, которая все увеличивается по мере его приближения к дому. Жена приветствует его, воздевая руки к небесам при виде стольких сокровищ. Другие женщины бьют в тамбурины, поют и танцуют. Родственники и друзья входят в его дом, чтобы присоединиться к веселью, которое, видимо, будет продолжаться долго.

Подобное внимание могло оказываться не только мужчинам, но и женщинам. Мы уже встречались с божественным отцом Эйе, когда он получал награды от Эхнатона, но теперь он сам стал фараоном и раздает милости своим слугам. Он наградил уже Неферхотепа, писца и управляющего стадами Амона, и решил теперь особо наградить его супругу Ме-

риту. Действие происходит в царском загородном доме - квадратном каменном здании с маленькими продолговатыми окошками по бокам и дверью, выходящей на балкон, поддерживаемый колоннами с фасада. Это простое сооружение стоит посреди сада, шпалеры виноградника тянутся вдоль аллеи, лозы оплетают небольшие изящные колонны, вроде тех, на которых держится балкон. Около стены стоят вазы, корзинки и блюда. Меритра, очень привлекательная в своем прозрачном одеянии, с благоухающим колпачком на голове, приближается к дому и подхватывает ожерелье, которое фараон бросает ей с балкона. Эта почти интимная сцена проходит практически без свидетелей. Одна женщина хлопает в ладоши, другая целует землю. Повсюду разбросаны цветы. Нанятая по случаю церемонии награждения музыкантша пьет вино, не переставая при этом потряхивать систром. Двое ребятишек сумели пробраться в сад и следят за происходящим во все глаза, но сторож уже заметил их и грозит им палкой. По окончании церемонии Меритра возвращается домой пешком под руку с каким-то мужчиной, чье имя нам неизвестно, - может быть, это ее супруг, а может быть, кто-то из придворных, кому царь поручил проводить ее до дома. Она идет гордой поступью, царские ожерелья украшают ее. За парой следует группа провожающих: среди них мы различаем музыкантшу с систром, к которой присоединились две обнаженные девушки. Слуги несут кто кувшины, кто узлы и корзины с едой - этот примечательный день завершит славное пиршество. Самые дорогие подарки сложены в большой ларец.

Хоремхеб на носилках (*Ленсий*. Иллюстрированный журнал, III)

Иногда подобные церемонии происходили не во дворце, а под открытым небом - либо потому, что награждаемый был слишком важной персоной, чтобы царь считал себя вправе просто так швырнуть ему с балкона пару ожерелий, либо потому, что собиралось слишком много народа. В таких случаях на большом дворе строили легкую беседку с балдахином - подлинное чудо изысканности и роскоши. На рельефах цоколя изображены сирийцы, ливийцы или негры; они стоят на коленях и с мольбой протягивают руки или корчатся в когтях грифона, олицетворяющего царя. На цоколе стоят четыре папирусообразные колонны, покрытые сверху донизу резьбой и инкрустациями; они поддерживают многоэтажный карниз с выпуклой крышей. Фараон поднимается по лестнице, охраняемой сфинксами с соколиными головами, и садится в кресло, поражающее невиданной роскошью. В сцене, которую я собираюсь сейчас описать, царь награждает Хоремхеба, которому в будущем назначено взойти на престол. Сейчас он крупный военачальник, спасший дружественные племена бедуинов от других кочевников. Он разгромил враждебные племена и вернулся в царскую резиденцию с пленниками и освобожденными союзниками; последние пришли

смиренно умолять царя, чтобы им разрешили пройти со своими стадами через египетскую территорию, как они делали прежде. Те и другие присутствовали на триумфе Хоремхеба. Военачальник в парадном одеянии поднимает руку, благодаря за оказанные ему почести, в то время как царские челядинцы застегивают на его шею многочисленные ожерелья. Слуги подносят ему на блюдах все новые ожерелья. Воины Хоремхеба вводят длинную вереницу пленников, которых легко отличить по необычным чертам лица, длинным спутанным волосам и густым бородам. Руки их крепко связаны, а лица искажены болью. Только женщины идут свободно. Походка их исполнена достоинства. Одну из женщин в платье с оборками египетский воин ведет за руку. На плече она несет одного из своих детей, другой - младенец - спит в подвесной сумке, болтающейся у нее на шее. Другая женщина, по видимому, пытается заговорить с идущим впереди воином. Лошади, которых ведет под уздцы один из египетских воинов, представляют для царя куда больший интерес, чем все эти люди, которым суждено вскоре добывать камень в каменоломнях или формировать кирпичи.

После того как Хоремхеб получил свои дары, он излагает царю дело бедуинов, которые, если бы не его помощь, лишились бы всего своего имущества и скота. Обвешанный ожерельями, держа в руке веер, он обращается к фараону, славит его и объясняет суть дела. Потом он поворачивается к переводчику, и тот сообщает бедуинам, что фараон милостиво разрешает им пройти через его земли. Бедуинов мы можем легко опознать как ливийцев по перьям на голове, короткой челке и длинному пучку волос, почти полностью закрывающему половину лица. Есть среди них и несколько сирийцев в одеждах с длинными рукавами и широкими перевязями. Они выражают свою признательность красноречивыми жестами: одни вздымают руки к небу, другие простирают их к фараону, третьи падают ниц. А иные, обезумев от радости, катаются в пыли.

Хоремхеб вполне заслужил такую награду, чего никак не скажешь об Аменхотепе, верховном жреце Амона, которого Рамсес IX возвысил до такого положения, что потом до конца жизни был вынужден делить со жрецами власть над Египтом. Церемония награждения происходила в беседке, где царь и верховный жрец стояли друг перед другом, разделенные несколькими столами, сплошь заваленными различными дарами. Несмотря на то что голова царя увенчана высоким голубым шлемом, а жрец выбрит наголо, скульптор, трудившийся над рельефом в храме Карнака, изобразил их одного роста. Жрец получил роскошные подарки: 10 *дебенов* золота, 20 *дебенов* серебра, яства и напитки для праздничного пира и вдобавок 20 *арур* земли. Однако жрецу Амона удалось добиться от царя гораздо большего - он обеспечил себе поистине беспредельную власть. Потому что царь отказался от всяких попыток как-либо контролировать богатейшие владения Амона, которые, таким образом, превратились в своего рода государство внутри государства. Жрецы Амона, с которыми вовсе не считался Эхнатон, которым не давал воли Рамсес II, вновь получили в Египте то влияние, которого им удалось добиться во времена царицы Хатшепсут и ее преемников, Тутмоса III и Тутмоса IV.

6. Прием иноземных послов

Дары Крита

Прием иностранных послов становился поводом для церемонии еще более пышной, чем награждение подданных. Тщеславие фараона особенно тешила возможность собрать на одну аудиенцию нескольких посланников с разных концов света. Это могли быть нубийцы, негры, сирийцы, ливийцы и послы из Пунта или Нахарины. При дворе Рамсесидов мы уже не увидим критян с длинными вьющимися волосами и в пестрых набедренниках, а было время, когда они подносили египетскому правителю ритоны, вытянутые вазы с широким основанием, чаши с ручками и глубокие блюда, украшенные цветами, умоляя принять их «на царскую воду». Посланники с Крита больше не появлялись здесь, зато слава о могучем царе Египта достигла стран, о которых даже не слыхали во времена Тутмосов и Аменхотепов: Мидии, Персии, Бактрии и берегов Инда. Эти церемонии проходили в специально построенном для этой цели павильоне, который находился в центре большой площади. Вокруг него была расставлена царская личная гвардия, вблизи царя толпились слуги с опахалами и писцы. Послы выстраивались с четырех сторон, сложив перед собой драгоценные подарки. Писцы составляли списки поднесенных царю даров, а затем носильщики уносили их в хранилище ближайшего храма. Царь же за это даровал послам «дыхание жизни», а иногда даже осыпал их подарками куда более ценными, чем те, что были поднесены ему. Фараону льстило считать себя неисчерпаемым источником золота для всего мира. Он предпочитал не отказывать в помощи обедневшим царькам, желавшим поправить свое положение с помощью Египта. Они пытались сблизиться с могущественным царем, предлагая ему в жены своих дочерей или любыми другими способами, при этом, однако, никогда не упуская шанса на всякий случай заручиться поддержкой возможных врагов египтян.

7. Развлечения: спортивные игры

Царь проводил много времени на войне, поэтому наследников престола с юных лет готовили к военному делу. Отец приучал юного Рамсеса II и его товарищей к длительным физическим упражнениям, прививал ему умение преодолевать усталость. Как утверждает Диодор, мальчикам не разрешали прикоснуться к еде, пока каждый из них не пробежит 180 стадиев (около двух миль). Неудивительно, что они вырастали настоящими атлетами. В описании битвы при Кадеше, как и во многих других сказаниях, воспеваются физическая сила, выносливость, ловкость и отвага фараона. Но если мы хотим узнать, как именно проходило спортивное воспитание царевичей, нам нужно обратиться к стеле доблестного

воителя Тутмоса III, или даже лучше к стеле его сына и наследника Аменхотепа II, который, по заключению специалистов, изучавших его мумию, был наделен необычайной силой. Современники говорили о нем: «Так могучи руки его, что ни один не в силах натянуть его лук, ни среди воинов его, ни среди чужеземных вождей, ни среди великих из Речену».

Так как же проходили тренировки царевича, наследника трона Хора? «В возрасте восемнадцати лет он уже достиг полной силы. Ему были ведомы все искусства Монту. Не было равного ему на поле боя. Он постиг искусство управления колесницей. Во всем его воинстве не имел он себе равных. Не было такого, кто мог бы натянуть его лук, и никто не мог сравниться с ним в беге». Другими словами, он был подлинным атлетом, который одинаково ловко владел веслом, луком и уздой.

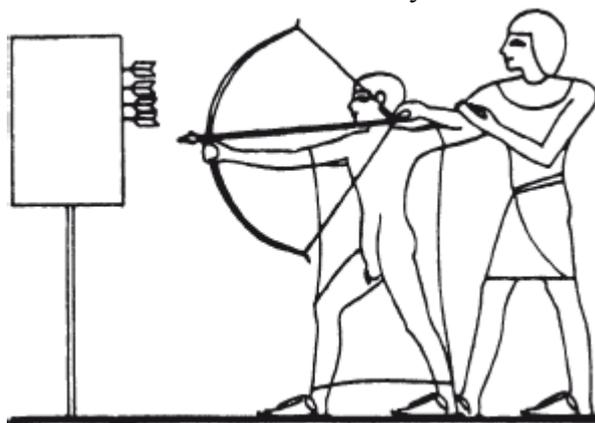
«Он был могуч и не ведал усталости, когда стоял в своем шлеме, сжимая руками руль на корме царского судна, где с ним были люди его числом две сотни. Когда они проплывали половину *атура* (египетская мера расстояния, равная примерно 5 милям), они слабели, и члены их становились хилыми, словно у ребенка, но его величество продолжал править своим огромным веслом длиной двадцать локтей. Они останавливались у берега, и его величество привязывал царское судно, сделав три *атура* без остановки. Каждый исполнялся восторга, видя, как царь делает такое».

Не следует, впрочем, забывать, что работа рулевого значительно облегчилась с тех пор, как рулевое весло стало вставляться в выемку на корме и прикрепляться к короткому шесту с развилкой в середине, или если судно управлялось двумя рулевыми веслами по бокам кормы. В эпоху Древнего царства рулевой держал весло в руках без всякой опоры, и ему приходилось употреблять нечеловеческие усилия, чтобы бороться с течением или менять курс корабля. Едва ли царевич пользовался этой устаревшей системой управления, однако и новая со всеми ее усовершенствованиями требовала от рулевого силы и выносливости.

Хороший лучник должен знать толк в луках: «Он натянул три сотни тугих луков, чтобы сравнить их и отличить изделие мастера от поделки невежды». Выбрав себе безупречный лук, который никто, кроме него, не мог натянуть, царевич «отправился на стрельбище и увидел, что ему поставили четыре цели из азиатской меди толщиной в ладонь. Двадцать локтей отделяли одну цель от другой».

Когда его величество явился на колеснице, как могущественный Монту, он схватил свой лук, взял сразу четыре стрелы и помчался, посылая стрелы, подобно Монту. Первая стрела вышла с другой стороны мишени. Тогда он прицелился в другую. Это был подвиг, какого не совершали прежде ни в одной земле и о каком не слышали прежде: стрела пробила медь и упала с другой стороны на землю. Такое содеять мог только царь, могучий и сильный, которому даровал победу Амон».

На самом деле царевич Аменхотеп всего лишь повторил подвиг своего отца Тутмоса III, который тоже пронзал своими стрелами медную пластину. Тем не менее это было большим достижением. Если бы Аменхотеп, подобно Улиссу, вернулся в свой дом под видом нищего, могучая рука и несравненный лук помогли бы ему покарать тех, кто осмелился бесчинствовать в его доме и посягать на его женщину.

Царевич Аменхотеп тренируется в стрельбе из лука (Бюллетень музея искусств «Метрополитен», декабрь 1925)

Настоящий воин любил своих коней, да и вообще всех лошадей, больше всего на свете. Принц Немарат правил только частью Среднего Египта, но у него была своя конюшня в столице его области, городе Шмуне. Осада Шмуна принесла страдания не только людям, но и лошадям. Когда Пианхи вошел в город победителем, он посетил конюшни, где увидел пустые лари и голодных лошадей. Это зрелище вызвало у него жалость, смешанную с гневом на безрассудных египтян, которые довели благородных животных до такого состояния. «Клянусь жизнью, благосклонностью Ра и ноздрями моими, через которые обновляется во мне жизнь! Вид этих голодных коней печалит мое сердце больше прочего зла, содеянного тобой в твоей греховности. Разве не знаешь, что тень бога надо мной и что я безгрешен перед ним? Я родился из божественного чрева, зачатый богом, и семя богов во мне. Клянусь его *ка*, что не делал ничего без ведома его. Что велит он мне делать, так я и делаю». Рамсес III не доверял даже своим военачальникам и сам следил, чтобы его кони были ухожены и готовы к бою. В полном боевом облачении, с щитом в одной руке и плеткой в другой, в сопровождении своих придворных приходил он в царские конюшни. Раздавались звуки труб, оповещающих о прибытии фараона, возницы бежали к своим местам, каждый хватал вожжи своей пары коней. Царь осматривал их одного за другим.

Царевич Аменхотеп, когда он еще был слишком мал, чтобы заниматься ремеслом воинственного Монту, уже усердно тренировал свою силу и ловкость. Он очень любил лошадей и стал настоящим мастером объездки. Его отец, грозный Тутмос III, прослышав об успехах сына, преисполнился радости и гордости. Он сказал своим придворным: «Дайте ему лучшую упряжку из моих царских конюшен в номе Белой Стены (т. е. в Мемфисе). Скажите ему: «Делом твоим будет объездить их, обучить и наполнить силами! Таково желание твоего отца». Получив эти наставления, препоручив себя Решефу и Астарте, богам Сирии, родины этих лошадей, царевич принялся за дело. Он воспитал коней, не имевших себе равных в выносливости, и даже после долгих пробегов на их спинах не выступало ни капли пота.

Длительные поездки на колесницах совершались чаще всего неподалеку от великих пирамид, к западу от Мемфиса. Когда уреи засверкали на челе Аменхотепа (то есть когда он стал царем), он повелел построить там мавзолей, который стал основанием огромной стелы из белого камня; на ней сегодня мы можем прочитать о его подвигах. Его сын Тутмос IV мечтал повторить их. Он любил стрелять из лука по мишени неподалеку от великого Сфинкса, любил охотиться в пустыне. Однажды царь уснул между лапами статуи, и во сне ему явился Сфинкс, повелев очистить засыпающий его песок. Сделав это, царь заслужит право воссесть на трон Геба. Царевич подчинился божественному повелению и, разумеется, счел необходимым записать это чудесное происшествие для потомков. Если бы не благочестие и набожность этих молодых царей, мы никогда не узнали бы, каким образом они готовили себя к восшествию на престол.

8. Царская охота

Царевич мог забавляться стрельбой по медным мишеням или гонять антилоп в пустыне близ пирамид, вверив себя покровительству Хораhti, но царь предпочитал более опасные развлечения, поэтому отправлялся за Евфрат или на юг от порогов, чтобы травить свирепых диких зверей, которых не встретишь в пустынях, обрамляющих долину египетского Нила.

Однажды царь Тутмос III со своими спутниками на охоте преследовал стадо из ста двадцати слонов. Это произошло в месте под названием Мий, в долине Евфрата, где река течет между двумя высокими скалами. «Ни один царь никогда не совершал подобного с

начала времен». Самый большой слон бросился на фараона (несомненно, это было подготовлено самим провидением), желая растоптать его. К счастью, рядом находился его старый товарищ по оружию Аменемхеб, который взмахнул мечом и отрубил чудовищу хобот. Фараон щедро наградил его золотом, но обошел молчанием его подвиг в официальном отчете об этом происшествии, высеченном на стеле в Напате. Что выглядит особенно нелестно, если учесть, что в конце отчета фараон утверждает: «Я честно сказал все, как было, не солгав ни одним словом». И мы, наверное, никогда не узнали бы правду, если бы Аменемхеб не поведал об этой памятной охоте в своем, к сожалению, слишком коротком рассказе. Будь на его месте воин рангом ниже, кто рассказал бы нам о его подвигах?

В известных нам текстах не упоминается, охотились ли Сети I и Рамсес II на слонов на Евфрате или на носорогов между третьим и четвертым порогами. Но в Мединет-Абу сохранился рельеф, на котором Рамсес III охотится на льва, дикого буйвола и антилопу. Царь мчится в колеснице в полном боевом облачении, как будто собрался на войну. Под копытами коней на спине лежит смертельно раненный лев, пытаюсь когтями вытащить стрелу, вонзившуюся ему в грудь. Другой лев, пораженный двумя стрелами и дротиком, оскалившись, пытается спрятаться в камышах. Третий выскакивает из зарослей позади колесницы, но царь уже обернулся к нему и занес копье - зверю не уйти от смертоносного удара.

На другом рельефе царь со свитой охотится среди заросших тростником и высокой травой болот на стадо диких быков. Охотники, вооруженные, как будто для битвы, луками, копьями, мечами и щитами, выстроились в линию. Обезумевшие животные бегут от них, но царь настигает их на своей колеснице. В руках его треугольный лук и копье. Утыканный стрелами, один из быков опрокинулся на спину в заросли и бьет воздух копытами. Второй бык свалился прямо под копыта коней. Третий отчаянным прыжком пытается добраться до воды. Хвост его вытянут, язык от напряжения высунулся изо рта, но у него недостает сил, и он падает на колени.

Преследование антилоп в пустыне кажется просто детской забавой по сравнению с подобной охотой, когда фараон один гонит опасного зверя в своей колеснице. Он не пытается загнать животных в ловушку, как это делают жители Фив или профессиональные охотники, однако, завидев вдали диких ослов или антилоп, пускается за ними в погоню на своей быстрой колеснице и преследует их, пока не настигнет.

9. Частная жизнь царя

По возвращении из длительного путешествия или похода через пустыню царь мог наслаждаться отдыхом в своем дворце в Пер-Рамсесе, Мемфисе или Фивах. Эхнатон так восхищался своим новым дворцом в Ахетатоне, что почти не покидал его. Нежный отец, любящий муж и почтительный сын, он чувствовал себя счастливым лишь в кругу своей семьи, рядом с царицей и царевнами, сопровождавшими его во время прогулок, посещавшими вместе с ним храм, присутствовавшими на приемах иноземных послов и на церемониях раздачи наград. Они готовили для него всякие лакомства. Царица наполняла его чашу горячим питьем. Когда царица-мать приходила навестить детей, фараон был очень доволен.

Эхнатон и его семья (Бюллетень музея искусств «Метрополитен», декабрь 1923)

Завтраки и обеды всегда проходили в семейном кругу. Мы не знаем, все ли фараоны следовали этим привычкам, потому что Эхнатон выступал против многих традиций и обычаев своего времени, но после его смерти они возродились вновь. В начале Восемнадцатой династии царь проводил с семьей куда меньше времени. Например, царь Яхмос отправляется в свои покои для отдыха, где его дожидается прекраснейшая дочь царя, сестра царя и жена бога, Великая Спутница Царя Яхмоса Нефертари. О чем же они беседуют, спросите вы? Царь делится с ней своими мыслями о том, что полезного он мог бы сделать для обитателей подземного мира, для мертвых, которые нуждаются в столах, уставленных кувшинами с водой и яствами для праздничных пиров на небе и на земле. Царица, имевшая все основания рассчитывать на нечто более романтическое, изумленно восклицает: «К чему такие мысли? Зачем говорить об этом? Что волнует твое сердце?» На это царь отвечает: «Вспомнил я Тетишери, мать моей матери, мать моего отца, Великую Спутницу Царя, царскую мать, правдивую голосом, чьи гробница и памятник ныне лежат в пыли в Фивах и Тини. Так я сказал тебе, ибо я желаю построить пирамиду для нее и дворец в некрополе Таджестер рядом с моим. Следует выкопать водоем, насадить деревья, принести хлеба, дать земли с людьми и стадами, поставить жрецовы *ка*, распорядителей церемоний, чтобы каждый знал, что делать ему».

Можно восхищаться набожностью фараона, его красноречием и почтением, которое он оказывает жене, посвящая ее в свои мысли, однако, надо полагать, царица предпочла бы поговорить о чем-нибудь другом. Рамсес II был не столь строг к себе. Многочисленные тексты, в которых упоминается Пер-Рамсес, построенный им на руинах Авариса в Восточной Дельте, расхваливают эту прелестную и веселую царскую резиденцию. Там любили поесть, еще больше - выпить, особенно вино, сладкое как мед. Жители Пер-Рамсеса наряжались в венки из цветов, каждый день шумно восхваляя славного царя. Подлинный рай на земле! В Ахетатоне жизнь тоже проходила в нескончаемых праздниках, однако совсем иного характера - фараон-еретик был поборником семейных добродетелей в современном понимании: верность, постоянство. А Рамсесиды любили разнообразие. При Рамсесе II, насколько нам известно, титул Великой Спутницы Царя носили пять женщин. Это не так много для властителя, который царствовал шестьдесят семь лет, но мы знаем также, что у него было сто шестьдесят два ребенка - ясно, что Рамсес не ограничивал себя только офи-

циальными женами. Как ладили между собой члены этого гигантского семейства, мы не знаем за недостатком документов. Зато нам известен пример истинно рыцарской галантности великого царя. Несмотря на мир, заключенный Египтом с его старым недругом хеттским царем Хаттусилисом III, сражения продолжались. Всякий раз, когда египтяне наталкивались на хеттский отряд, между ними завязывался бой. Тогда Хаттусилис решился на смелый шаг: он собрал все свои сокровища и отправил их Рамсесу II вместе со своей любимой дочерью. Караван тронулся в путь в неблагоприятное время года, однако бог Сет, который ни в чем не мог отказать своему далекому потомку Рамсесу, сотворил по его просьбе чудо: вдруг настали летние дни, и так продолжалось до тех пор, пока царица не добралась из Малой Азии до Египта. Но это еще не все. Рамсес II построил между Египтом и Финикией крепость, которую назвал Рамсес, Великий Победой. Ее охраняли четыре божества: два азиатских - Сутех и Астарты и два египетских - Амон и Уаджет. Он наполнил склады продовольствием, послал туда четыре статуи и, наконец, сам прибыл в крепость, чтобы встретить здесь царицу с ее свитой и проводить в свою главную резиденцию - великий Пер-Рамсес. Народ шумно выражал восторг при виде прекрасной царицы, а египетские и хеттские воины поклялись друг другу в братской верности.

Преемники Рамсеса II и не пытались сравняться с ним. Даже Рамсес III, старавшийся во всем превзойти своего великого предшественника, ограничился всего-навсего тремя женами и десятком детей. Так или иначе, женское общество он ценил весьма высоко. На росписях мы видим, как он играет в египетские шашки с прекрасными полуобнаженными девушками, которые приносили ему цветы, напитки и сладости.

Египетские цари также любили отдыхать в обществе своих товарищей по оружию и по охоте и ученых мужей, славящихся своей мудростью. Хеопс однажды созвал своих сыновей и повелел им по очереди развлекать его увлекательными историями. Тот же самый Хеопс, прослышав, что в его стране живет мудрец, умеющий творить чудеса, немедленно отправил за ним одного из своих сыновей. Царь Снофру призвал к своему двору ученого, который знал прошлое и умел предсказывать будущее, а Аменхотеп III много веков спустя поверял свои страхи и свое заветное желание узреть богов мудрецу, которого также звали Аменхотепом.

10. Гаремные интриги

Хотя никто не сомневался в божественности фараона, законного сына Амона, всюду находились святотатцы, стремившиеся свергнуть его с престола, погубить и навеки пресечь его ветвь, чтобы получить власть. В конце царствования Рамсеса III одна из его жен, Ти, преисполнилась желанием увидеть на египетском престоле своего сына, которого Туринский папирус называет именем Пентаур (хотя это явно не настоящее его имя). В подготовленный ею заговор был втянут один из управляющих дворцом, Пабакикамун, чье имя означает «слепой слуга». Он выполнял функции посредника между преданными Ти женщинами гарема и их матерями и сестрами, которые старались вовлечь в заговор как можно больше царских вельмож. Пабакикамун считал, что нашел ценного союзника в лице одного из пастырей царских стад по имени Пенхуибин, который потребовал достать ему книгу, принадлежавшую царю Усермаатре Мериамону, великому богу (да будет он Жив, Силен и Здоров!). С помощью этой книги Пенхуибин взялся составить письменные заклинания и сделать восковые фигурки, которые должны были оказать на фараона и его сподвижников магическое воздействие: одних лишить силы, других заставить позабыть о своем долге. К заговору присоединилось множество женщин и чиновников. Один из них, командующий лучниками Куша, родной брат той самой наложницы, которая испытывала столь неблагоприятную страсть к письмам, на судебном процессе получил имя Бинемуат («злоба в Фивах»), а один из военачальников - Меседсу-Ра («Ра ненавидит его»). До того как их преступные замыслы были разоблачены, их, скорее всего, звали «благо в Фивах» и

«Ра защищает его». Неизвестно, каким образом заговор был раскрыт, мы знаем только, что главных зачинщиков и их помощников арестовали, а с ними и всех тех, кто знал об их презренных замыслах, но не оповестил об этом фараона. Были назначены судьи: два казначея, носитель опахала, четыре виночерпия и один глашатай - царь предпочитал обычным судьям людей из своего окружения. В предварительной речи на суде, начало которой не сохранилось, он наказывает им не выказывать милосердия к преступникам: «Пусть содеянное ими падет на их головы. Я же освобожден и спасен навеки, ибо я в числе праведных царей, которым суждено сидеть между Амоном-Ра и Осирисом, владыкой вечности».

Однако выбор судей оказался не совсем удачным: двое из них, а также один из солдат царской охраны, узнав, что некоторым из заговорщиц удалось бежать, показали свое истинное лицо и покинули царский дворец, чтобы присоединиться к ним «в дурных местах». Вскоре их разыскали и для начала отрезали носы и уши. Так царь Хоремхем обычно карал чиновников и военных, пренебрегавших своими обязанностями.

Описывая казнь заговорщиков, автор отчета употребляет не совсем понятное выражение «Их привели на место, где они умерли сами». Это может означать, например, что приговоренных оставили в зале суда наедине со своей нечистой совестью, положив перед ними острый кинжал. Интереснее, однако, выглядит гипотеза Гастона Масперо, исследовавшего так называемую «мумию неизвестного царевича», которая была обнаружена в Дейр-эль-Бахри. Это мумия мужчины двадцати пяти - тридцати лет крепкого сложения, не отмеченного признаками каких-либо физических недостатков, который по неизвестным причинам был похоронен без соблюдения традиционных операций, связанных с бальзамированием. Его мозг не был извлечен из черепа, внутренние органы также остались на месте. «Никогда я не видел лица, на котором так отчетливо проступали бы следы мучительной и страшной агонии, - пишет Масперо. - Чудовищно искажившиеся черты его заставляют предположить, что несчастный умер от удушья, будучи похоронен заживо». Эта гипотеза может показаться слишком смелой, однако мы не располагаем никакими свидетельствами, что в Египте преступникам предоставлялась возможность самим свести счеты с жизнью. Тем более сложно поверить, что столь милосердное решение было принято по отношению к злодеям, посягнувшим на жизнь фараона.

11. Заветы фараона

Долгое царствование и различные неприятные происшествия вроде описанного в предыдущей главке могли пробудить в фараоне естественное желание поведать о своем богатом опыте грядущим поколениям. Некоторые властители, в том числе Аменмес I, отец Сесостриса I, оставили своим преемникам поучения. К сожалению, до нас не дошли ни воспоминания Сети I, «сошедшего в Аментет» во цвете лет, ни Рамсеса II, никогда не уставшего исполнять роль бога среди людей. Зато мы располагаем почти полным текстом папируса, продиктованного Рамсесом III незадолго до смерти. Фараон явно считал, что успел многого достичь: он сделал все возможное, чтобы увеличить и украсить святилища египетских богов, в первую очередь храм Амона в Опете, Атума - в Оне, Птаха - в Мемфисе, а также храмы их божественных супругов, не забыв при этом воздать должные почести второстепенным божествам. Царь отдал в их распоряжение многих хорошо подготовленных людей, на каждое празднество посылал на их жертвенные столы яства и напитки. И при этом он никогда не забывал о благополучии своего народа. Он обеспечил мир и порядок во всем царстве. Он изрубил или побросал в тюрьмы тысячи ливийцев, которые до этого свободно разгуливали по всем территориям между западной дельтой Нила и Сахарой, как будто эти земли по праву принадлежали им. Морскому народу, пытавшемуся разрушить границы египетского побережья, был нанесен удар, от которого он не скоро сможет оправиться. Он построил и оснастил флот, он рассылал свои суда во все страны за

благовониями, бирюзой, золотом, медью, черным деревом, слоновой костью и хвойным деревом Ливана. Египет стал цветущим садом, и мир воцарился в нем.

«Я дал жизнь всей земле и людям, в ней обитающим: *рехет, пит и хенмет* (слова, точное значение которых неизвестно; очевидно, они означают разные народности, проживавшие в Египте) - мужчинам и женщинам. Я поднял человека из убожества, в котором он пребывал, дал ему дыхание и защитил его от сильнейшего... Страна была сытой весьма в мое правление. Делал я благие дела как богам, так и людям. И не было у меня ничего из вещей других людей. Провел я царствование на земле в качестве правителя Обеих Земель, причем были вы рабами у ног моих и не попирали вы меня. Были вы угодны сердцу моему сообразно с полезными делами вашими, и выполняли вы рьяно мои повеления и мои поручения. И вот упокоился я в некрополе, подобно отцу моему Ра. Я соединился с великой девяткой богов на небесах, на земле и в *Дуате*».

Несмотря на свою искреннюю веру в благосклонность богов, царь беспокоился за своего сына, «порождение Ра, зачатого его семенем, сына Амона, вышедшего из его плоти, коронованного властителя Обеих Земель, подобного Татенену». Разумеется, мир лежит у ног фараона и каждый египтянин считает за честь поцеловать землю перед ним. Но последует ли народ завету того, кто ныне приобщается к породившим его богам, чтобы они всюду следовали за его сыном, почитали его, восхваляли его, словно Ра, дарующего свой свет Египту? Словно предвидя, что лучшие дни Египта уже миновали, царь не устает снова и снова взывать к богам, умоляя их быть милостивыми к его сыну. Он обращается к Амону: «Услышь меня, отец мой, господин мой! Я один в Эннеаде богов, которые рядом с тобой. Сделай так, чтобы сын мой предстал царем в обители Атума... Ты сам провозгласил его царем, когда он был еще юношей, сделал его властелином, да будет он жив, силен и здоров, над землями и над людьми... Пошли ему царствование на тысячи лет!.. Дай молодость его членам, детей - на каждый день! Ты щит, который обороняет его повседневно. Подними свой меч и свою булаву над азиатами, дай повергнуть их в страх, как будто он - сам Баал. Пусть он расширит границы по воле своей. Пусть земли и пустыни трепещут перед ним. Дай ему Тамери с рукоплесканиями. Отведи от него беды, катастрофы, несчастья. Пусть радость пребывает в его сердце, пусть кричат, поют и танцуют люди перед его прекрасным лицом. Вложи любовь к нему в сердца богов и богинь, нежность к нему и почитание - в сердца людей...»

«Что ты предсказал, исполнится твердо и точно. Все, что ты сказал, будет чудесно невыблемым. Дай мне царствование на двести лет, чтобы укрепить его для моего сына, который останется на земле. Продли его дни более, чем царя всякого, помня о том добре, что я сделал для тебя. Он будет послушным тебе властелином, ибо ты возложил на него корону. Он не отвернется от твоих дел, владыка богов. Сделай Нил великим и могучим в твоё время, чтобы приносил он царству пищу в изобилии. Сделай так, чтобы цари, не знающие Египта, приходили в его священный дворец с дарами на плечах...»

Такие же пылкие мольбы обращает царь к Атуму, Птаху и ко всем богам и богиням Великой Эннеады. Последние строки этого документа - горячая просьба к людям и богам за возлюбленного сына. Быть может, кто-то из египетских мудрецов-прорицателей, а их в Египте было великое множество, предупреждал Рамсеса III, что все невзгоды, которые смог предотвратить он благодаря своей прозорливости, храбрости и удачливости, обрушатся на Возлюбленную Землю, едва его не станет? Давным-давно фараону Хеопсу было предсказание, что его династия угаснет через три поколения. Династии Рамсесидов было суждено просуществовать еще более семидесяти лет, и последние годы их преследовали беды и поражения. Однако вслед за ними пришли новые правители, сумевшие вновь поднять Египет с колен.

Глава IX

ВОЙСКО И ВОЕННОЕ ДЕЛО

1. Плюсы и минусы военного дела

Писцы считали, что военное дело стоит куда ниже их ремесла, однако их ученики, ослепленные блеском военной славы, нередко меняли тростниковую палочку и дощечку для письма на меч и лук, а уж тем более на колесницу с горячими скакунами. Чтобы наставить этих юнцов на путь истинный, писцы старались всячески продемонстрировать им все тяготы солдатской жизни, и среди множества стилистических упражнений эпохи Рамсесидов большое место занимают различные вариации на эту тему. Если верить им, чтобы стать пехотным командиром, необходимо с колыбели готовиться к военной карьере. Когда он достигал трех футов роста, его отправляли в казармы для обучения, в ходе которого на его голове и теле оставались шрамы на всю жизнь. Если он ленился, его выбивали как ковер (в тексте - «как лист пергамента»). Но все это было лишь подготовкой; после того как начальники признавали наконец его годным для военного дела, жизнь его превращалась в настоящий кошмар: «Приди, послушай о походах в Сирию и как переходит он через горы. Он несет хлеб свой и воду свою на плечах, как осел несет свой груз; его хребет разбит. Он пьет воду протухшую и гонит от себя крепкий сон. Когда достигает он врага, он подобен птице, пойманной в силок, и сил не осталось в его членах. Когда ему удастся вернуться в Египет, он походит на палку, изъеденную червем. Он болен, бессилие охватывает его, и его приходится везти на осле. Одежду его украли грабители, и слуга его сбежал». Все эти беды не грозят военачальнику, который разъезжает на колеснице. Поначалу, когда ему выдали пару прекрасных коней из царских конюшен и пятерых слуг, чтобы ходить за ними, он преисполнен радости. Он торопится попасть в свой родной город, чтобы покрасоваться там перед людьми. Он задирает каждого, кто имеет дерзость не выразить при виде его восхищения. Но он должен содержать двух из выделенных ему слуг, а теперь еще он собирается купить новую колесницу. Дышло стоит три *дебена* серебра, а корпус - пять. Это все, что досталось ему от небогатых родителей. Но вот он ввязывается в новую ссору с завистниками и оказывается ранен, а его упряжь стоит в придорожной канаве, и в этот самый момент высшее начальство проводит общий смотр. Его арестовывают и назначают сто палок. Несчастного бросают на землю и приводят приговор в исполнение.

Все это, разумеется, большое преувеличение, оно лишь доказывает, что ученые мужи недолюбливали солдат, которые наверняка отвечали им взаимностью. Воины, вернувшись из походов в Сирию, Нубию или Ливию, могли окончить свои дни в относительном достатке, как Яхмос, сын Абена, или обеспечить себе синекуру при дворе, как Яхмос из Нехеба. Едва ли у них были основания пенять на даром потраченное на воинской службе время. «Имя отважного мужа, - говорит сын Абена, - не будет забыто на земле во веки веков». К тому же это было вполне прибыльным делом, поскольку после каждой победы воины делили между собой добычу. Героям, о храбрости которых докладывали царскому гонцу, доставались не только наделы земли в их родных городах, но также рабы и рабыни. Например, Яхмос за свою доблесть получил девятнадцать рабов и рабынь и золото в виде ожерелий и чаш, подобных чаше Джуги, на которой была выгравирована следующая иероглифическая надпись: «Даровано милостью царя Менхеперра благородному правителю, божественному отцу, любимцу богов, кто наполнял царское сердце радостью во всех чужеземных странах, как и на островах Великой Зелени, кто наполнил его склады лазуритом, золотом и серебром, управителю чужеземных стран, военачальнику, любимцу доброго бога. Твое будущее в руках владыки Обеих Земель, царский писец Джуги».

Другого воина звали Диду, ему пришлось сменить немало должностей: он был начальником пустынь к западу от Фив, посланником во всех иноземных странах, знаменщиком

царской личной охраны, капитаном судна «Мери-Амон» и, наконец, главой городской охраны. Он тоже неоднократно удостоивался похвал и награждался золотом. На его нагрудном ожерелье красовались золотые пчелы и лев с поднятой передней лапой.

Один знаменосец, живший в то же время, что и Диду, и по имени Небкемет (владыка Египта), получил в награду за службу браслет из серебристого золота (электрума).

Однако счастливее всех оказался знаменосец Небамон, который состарился на службе фараону; смелый и верный воин, он за всю свою долгую жизнь ни разу не подвергался наказанию. Царь решил вознаградить его заслуги двухэтажным домом с внутренним двориком, осененным пальмами. А кроме того, ему были дарованы земли со стадами, слугами и рабами, которые не могли быть реквизированы царскими чиновниками. Ему присвоили почетное звание *имаху* («почтенный») - это звание предусматривало похороны за счет царя. И наконец, не желая, чтобы он совсем отошел от дел, фараон назначил Небамона начальником корпуса охраны, патрулировавшей пустыню к западу от Фив. Все эти титулы и подарки были оглашены и вручены ему на военном параде. Когда Небамон был знаменосцем, он, как и упомянутый выше Диду, служил на военном корабле «Мери-Амон», поэтому на знамени его отряда был изображен корабль с кабиной посередине, рулевым веслом и такелажем. Вся команда собралась на судне, чтобы присутствовать при награждении бывшего капитана. Военачальники сидели на стульях с перекрещенными ножками, матросы стояли, выстроившись в четыре ряда. Небамон передал одному из военачальников знамя, которое носил, когда сопровождал повелителя Обеих Земель в чужеземных странах, и почтительно поклонился ему. Затем один из носильщиков царского опахала вручает ему другое знамя с изображением газели со страусовым пером на спине - символом корпуса, патрулировавшего пустыню к западу от Фив. Кроме того, он передает ему небольшой - чуть длиннее ладони - цилиндр в форме пальмы, который, возможно, служил футляром для папируса с копией указа о назначении Небамона на новую должность. После этого *меджаи* (патруль) прошел парадным маршем перед своим новым начальником. Два военачальника преклонились перед ним, опираясь на локти. Мимо него пронесли знамена, одни квадратные, другие полукруглые, на которых, скорее всего, были записаны названия, численность и эмблемы отрядов, составляющих корпус *меджаи*. Наконец прозвучала труба, и началось торжественное шествие: впереди шел знаменосец, за ним - лучники, а позади воины с копьями и щитами. Проходя перед Небамоном, лучники приветствовали его поднятым в правой руке луком, затем снова вешали луки на шею и маршировали дальше, сжав руки в кулаки.

Подобным людям едва ли приходилось жаловаться на обращение повелителей, однако о судьбе других военачальников и рядовых воинов мы знаем гораздо меньше, поскольку они не могли позволить себе пышных гробниц с росписями, изображающими их военные подвиги. И тем не менее дошедшие до нас изображения рассказывают кое-что о жизни простых египетских воинов. Высшее воинское начальство, царские писцы и вербовщики - Чануни, Хоремхеб, Аменемхеб и прочие - весьма заботились о войсковом довольствии. Как правило, ежедневный рацион включал в себя хлеб, мясо, вино, лепешки, овощи и множество других питательных продуктов. Мы видим воинов, шествующих в строгом порядке за своим командиром, каждый несет на плечах мешок с провизией. Вот они входят в ворота и видят на дворе кувшины и корзины с сухарями, пирогами и кусками мяса. Позади корзин сидят на земле пожилые люди в белых одеждах, очевидно пекари и повара. Писцы отмечают в списках людей и полученную ими провизию.

В обязанности Небамона, после того как он встал во главе отрядов *меджаев*, входило, помимо всего прочего, воспитание и обучение новобранцев. Мы видим, как он занимается этим делом, удобно усевшись на табурете; рядом с ним два помощника, которые держат наготове еще один табурет, сандалии и палки. Перед ним писцы запечатывают кувшины с вином, клеймят быков, отмеряют продовольствие и все записывают. Надо полагать, что эта провизия предназначалась не только Небамону, но и его воинам.

Рамсесиды, как и их предшественники, старались, чтобы воины были сыты и хорошо снаряжены. Они делали все возможное, чтобы воины не жаловались на судьбу. Именно поэтому Рамсес II с такой горечью упрекал своих воинов, которые бросили его среди врагов, предоставив на милость Амона: «Как ничтожны вы сердцем, мои колесничие! Нет у меня отныне доверия к вам. Разве есть хоть один среди вас, кому я не сотворил бы добра в стране моей? Не одарял ли я вас как владыка, когда вы были бедны? Не назначал ли я вас по благосклонности своей начальниками? Не отдавал ли я сыну имущество отца его, положив конец всякому злу в сей стране? Я дал вам рабов и вернул вам других, отобранных у вас. Всякому, обращавшемуся с просьбой ко мне, я говорил ежедневно: «Исполню я это». Никогда еще не делал владыка для войска своего того, что я, ваш царь, по прошением вашим. Я позволил вам обитать в городах ваших, когда вы не выполняли обязанности воинов, и моим колесничим открыл я доступ в города их, говоря: «Я тоже найду их в тот день, в час сражения».

Рамсес II, возможно, горько раскаивался, что так избаловал своих воинов. Но Рамсес III последовал его примеру. Через несколько лет после восшествия на престол, когда враги Египта не осмеливались уже нападать в открытую, он разрешил воинам жить со своими семьями в выбранном ими месте в абсолютном безделье. «Дал я пребывать в праздности войску и колесничим в мое время, причем *шердены* и *кехеки* (ливийские наемники) пребывали в своих городах в праздности. Не испытывали они страха, ибо не было мятежей в Сирии и схваток в Куше. Их луки и оружие мирно покоились на складах, тогда как они насыщались и пили с радостью. Их жены были с ними и дети при них. Не оглядывались они назад из беспокойства. Сердца их довольны, ибо был я с ними, защищая и охраняя их». В целом к египетскому войску времен Рамсесидов вполне можно применить слова Геродота, описывавшего армию Псамметиха. Существовали, говорит он, два рода войск: *каласирии* и *гермотибии*, что соответствует египетским *меша* (пешие воины) и *тентхетер* (колесничие). Военное дело было наследственной профессией, сын занимал в войске место отца. В семьях воинов обычно не занимались другими ремеслами. Личная гвардия царя получала дополнительный рацион зерна, вина и мяса.

2. Служба внутри Египта

Когда фиванские цари начали освободительную войну против гиксосов, их войско состояло только из египтян, однако вскоре была введена практика использовать в качестве солдат пленных. Полк, которым командовал Чану-ни, служивший писцом у Тутмоса IV, состоял из роты храбрых воинов, на вид ничуть не похожих на египтян. Египтяне обычно высокие и стройные, с широкими плечами и плоским животом. А воины Чануни - с толстыми мускулистыми руками и ногами и длинными, свисающими ниже плеч волосами. Их огромные животы подпоясаны широкими кушаками, к которым сзади привешены хвосты пантер, свисающие до самых щиколоток. Это явно выходцы с юга, хотя и не негры. Они идут стройными рядами, каждый держит в правой руке дубинку. Эхнатон вообще предпочитал чужеземцев, и в личной охране, сопровождавшей его по пути из дворца в храм, мы всегда видим больше сирийцев, ливийцев и нубийцев, чем египтян.

Египетское войско Мединет-Абу

Во времена Хоремхеба в египетском войске появляются хетты, а во времена Сети I - «морской народ». Гвардия Рамсеса II целиком состояла из *шерденов*: высоких, худощавых, хорошо сложенных бойцов. Египетские художники отличались большой наблюдательностью и очень точно передавали отличия между египтянами с их правильными чертами лица и неграми с плоскими лицами, костлявыми ливийцами и горбоносими семитами. На стене храма в Абидосе мы видим отряд наемников, которые, судя по их виду, были набраны фараоном из числа европейцев. В результате успешных походов против ливийцев и «морского народа» Рамсес III захватил множество военнопленных. Первым делом на них, словно на скот, было поставлено клеймо с царским именем, и вскоре, пройдя необходимый курс дополнительного обучения, они стали воинами египетской армии.

Воинское обучение сводилось к строевому маршу и рукопашному бою. Любимыми развлечениями фараона были борьба и состязания между самыми ловкими воинами, которых приглашали даже ко двору. Замечательные изображения военных турниров сохранились в Мединет-Абу. Родственники царя и правители номов прогуливаются с веерами в руках. Закрепленные в волосах подвески спускались на лицо. Их сопровождают несколько иноземных царьков, как позднее беглец Хадад, враг Давида. Нетрудно отличить бородатых сирийцев - у них широкие кушаки и длинные волосы, стянутые лентой. У негра в ушах большие серьги, а волосы украшены страусовым пером. Хетты и ливийцы выступают в парадных одеяниях. Все хором приветствуют фараона: «Ты подобен Монту, владыка, да будешь ты жив, здоров и силен, наш милостивый господин. Амон отдал в руки твои этих злодеев, иноземцев, осмелившихся пойти против тебя».

Но вот соперники выходят на арену. Первая пара - мужчины, вооруженные палками, в воинских набедренниках с большим треугольным передником, обращенным острым концом вниз. Левое предплечье у каждого защищено нарукавником, правая рука - в кожаной перчатке, на подбородке и обеих щеках толстая повязка, которая крепится к налобной ленте. Один из соперников кланяется наследному царевичу, военачальнику армии, который ободряет его словами: «Да будет все по сердцу твоему, по сердцу твоему, о мой боец!» Другой соперник воздевает руки к небесам. И вот схватка начинается. Соперники наносят удары друг другу палками наотмашь, защищая лицо левой рукой. Один из них подзадоривает противника: «Берегись! Я покажу тебе руку истинного бойца!»

Вслед за ними на арену выходят борцы. Египтянин, обхватив руками своего противника-ливийца, отрывает его от земли, тот пытается укунить его за руку. Египтянин кричит: «Осторожнее, ты, кусачий сириец [так]! Фараон, да будет он жив, здоров и силен, со мной, против тебя!» Эти слова могут означать, что фараон вот-вот вмешается в поединок и накажет борца, столько грубо нарушающего правила честного единоборства, или же что недостойное поведение не сможет помешать египетскому герою доказать повелителю свою силу. А вот сошлись в борьбе два египтянина. Тот, что слева, схватил противника за ногу и, используя казарменную лексику, обещает повергнуть его на землю перед фараоном.

В последней сцене мы видим египтянина, возможно победителя предыдущей схватки, который борется с негром. Судья ободряет своего соотечественника, хотя это и не по правилам: «Помни, твой милостивый владыка фараон, да будет он жив, здоров и силен, смотрит на тебя!» Египтянин обхватывает негра руками, поднимает и, прежде чем опрокинуть на землю, говорит: «Ты повержен, грязный негр! Вот я сейчас растопчу тебя в крошево перед фараоном!» Это решающий момент схватки. Дальше мы видим негра, стоящего на четвереньках. По-видимому, он признал себя побежденным, потому что египтянин стоит с поднятыми руками. «Амон вечно цветущий, победитель чужеземцев! Великий полк Усер-маатры-предводителя завоевал все земли!»

Таким образом египетская гордость удовлетворена. Можно лишь предполагать, как отреагировал бы двор, если бы победа досталась чужеземцу. Однако автор барельефа, изображающего сцены из жизни египетского воина, ничего не рассказал нам ни о том, что ждало побежденного, ни о том, какую награду получал победитель. Зато он показал нам, с каким выражением наблюдают за боем иноземные царьки, сидящие во втором ряду. Судя по их холодным, непроницаемым лицам, это зрелище не доставляет им никакого удовольствия.

3. Войско на войне

Во времена Девятнадцатой и Двадцатой династий египетскому воинству неоднократно выпадала возможность проявить свою доблесть. Если верить официальным отчетам и изображениям на барельефах, особенно тем из них, которые повествуют о победах Сети I в Палестине и кампаниях Рамсеса III против ливийцев и «морского народа», военные походы предстают перед нами в виде драмы в четырех действиях: в первом воинам раздают оружие и войска выступают; во втором разгорается великая битва в чистом поле; в третьем египтяне осаждают и берут город; и, наконец, в четвертом с триумфом возвращаются в Египет. При Рамсесидах в большинстве случаев все происходило примерно так, и все же победа, как и сегодня, иногда доставалась и противнику. Египтяне не любили вспоминать о своих поражениях, но мы знаем, что бывали сражения, когда врагам удавалось наголову разбить египетское войско. Например, в конце Девятнадцатой династии хеттский царь Суббилулиумма не только разгромил египтян, но и гнал их через всю Сирию, желая отомстить за смерть своего сына, подло убитого в Египте, куда он отправился по призыву фараоновой вдовы. Однако в целом эпоха Рамсесидов была для египтян более чем удачной. Последуем же за ними в их победоносном марше.

4. Сборы и раздача оружия

Прежде чем приступить к военным действиям, фараон обычно созывал своих советников; нередко это делалось даже в том случае, если царь уже принял окончательное решение. Именно так поступил Камос, один из освободителей Египта, когда, вдохновленный Амоном, он решился напасть на гиксосов, оккупировавших всю Дельту и Верхний Египет вплоть до четырнадцатого нома; те намеревались распространить свою власть и культ своего бога Сутеха на весь Египет. Советники Камоса опасались слишком поспешных действий и предпочитали выждать, чтобы не ухудшать и без того непростое, но хотя бы привычное положение дел. Однако царь имел свои соображения на этот счет, поэтому было принято решение выступить. Мы не знаем, как обстояло дело: послал ли фараон к гиксосам гонца с вестью о своем решении или же захватчики узнали о нем, лишь когда увидели приближающиеся с юга египетские войска. В древности восточные правители часто вели переписку. Они посылали друг другу намеки, угрозы, требования или жалобы, извещали друг друга о рожденьях, похоронах или интригах сторонников одного или другого царя. В

двадцать первый год правления Рамсеса II (1280 г. до н. э.) был положен конец вражде между египтянами и хеттами; обе стороны подписали договор, составленный по всем правилам - с преамбулой, многочисленными статьями и заключением - и скрепленный государственными печатями. Долгое время этот договор считался самым древним в мире. Сегодня мы знаем и несколько более древних, однако до нас не дошел ни один документ, возвещающий об объявлении войны. Я, однако, склонен полагать, что такие документы должны были существовать, поскольку, как мы увидим далее, гиксосы и египтяне активно обменивались посланиями.

Когда фараон понял, что война неизбежна, он начал готовить свою пехоту и колесницы и прежде всего шерденов, которых его величество пленил, укротил, вооружил и обучил египетской тактике боя. Шерденами командовал сам фараон. Основу войска составляли египтяне, сирийцы, ливийцы и другие средиземноморцы, распределенные по разным отрядам. В текстах времен Сети I мы находим упоминание об отряде Амона, известном также под названием «Доблестные луки», отряде Ра «Множество рук», отряде Сета «Могучие луки». Четвертый отряд, отряд Птаха, впервые упоминается в документе, относящемся к царствованию Рамсеса II.

Раздача оружия и снаряжения считалась торжественным событием, при котором присутствовал сам царь. Рамсес III, заняв место на помосте с балюстрадой и положив руки на подушку, принимал приветствия воинов и выслушивал доклады своих военачальников. Затем он обращался к ним: «Принесите оружие, выставите его, дабы укротить храбростью отца моего Амона мятежные страны, не знающие Египта!» Ради этой церемонии он надевал полное боевое облачение, включая пышный набедренник и сандалии. Вокруг него стояли наследник престола, царский писец и высшие полководцы. Оружие сваливалось в кучи: шлемы, полностью закрывающие голову и заднюю часть шеи, с прорезью для глаз и двумя лентами с кисточками на концах; чуть в стороне дротики, треугольные луки, колчаны и кольчуги с короткими рукавами, защищавшие все тело, мечи с изогнутым, как у серпа, клинком и длинной рукоятью, который египтяне называли *хе-неш* - «рука». Воины в простых набедренных повязках с треугольным передником подходили по очереди и, получив оружие, удалялись, а писцы записывали их имена и выданное им оружие.

Фараон в короне (*Ленсий*. Иллюстрированный журнал, III)

К концу XIII в. до н. э. египтяне переняли оружие у своих старых врагов сирийцев, иначе они не смогли бы победить их. Шлемы, которые Рамсес III раздавал своим воинам, к тому же изображенные в красках в его гробнице, почти ничем не отличаются от шлемов сирийских воинов, хорошо нам знакомых по сценам сражения на колесницах времени

Тутмоса IV, по процессиям иноземных послов с дарами и, наконец, по оригиналам подлинных сирийских шлемов. Форма их та же самая. Египтяне только заменили конский хвост сзади лентами с кисточками. Бог Сет, которого в то время называли Сутехом, самый азиатский из всех египетских богов, носил подобный шлем с солнечным диском между двумя острыми рогами, оплетенными лентами, которые почти у самой земли завязывались треугольным бантом. Сутех был богом войны, и, можно полагать, шлемы воинов были подобием божьего шлема, только упрощенного. Однако не следует забывать, что Сутех носил азиатские одения и походил на Баала, как родной брат.

Азиатские воины издавна пользовались треугольным луком, египтяне же предпочитали луки самой разной формы. Сначала они стреляли из луков с двойным изгибом, позднее, в эпоху Древнего царства, это был просто изогнутый лук, но и старая модель еще не вышла из употребления. Именно с помощью такого древнего лука Тутмос III и Аменхотеп II пронзали стрелами медные мишени. Во времена Рамсесидов все египетское войско было вооружено треугольными луками, которые, видимо, были проще для массового производства. Что же касается изогнутых серповидных мечей, то мы хорошо знаем, что это традиционное азиатское оружие. Каждый царь Библи в эпоху Среднего царства повелевал положить такой роскошный *xepesh* в свою гробницу. Мы знаем изображения, на которых сирийские воины подносили такие же мечи великому жрецу Амона, Менхеперра-сенебу. Изогнутые мечи с длинными рукоятками подбирали в Сирии воины Тутмоса III, быстро понявшие, насколько это страшное оружие. Царь начал пользоваться подобным мечом, и вскоре все стали следовать его примеру.

Защитная накидка в виде кожаной безрукавки, покрытой маленькими металлическими пластинками, тоже сирийского происхождения. Большинство сирийцев, изображенных на колеснице Тутмоса III, почти все в таких кольчугах. Лишь у немногих вместо кольчуги два широких ремня, перекрещенные на груди. И хотя кольчуга не могла защитить «гнушенных воинов Речену» от стрел фараона, египтяне все же не отказывали ей в некоторых достоинствах.

Колесница, игравшая такую большую роль в войнах той эпохи, тоже была заимствована египтянами у сирийцев. Мы не знаем, когда именно в Сирии стали использовать лошадей и когда там изобрели колесницу. В документах Среднего царства, как египетских, так и сирийских, нет и намека на коней и колесницы (однако документы из Мари на Евфрате показывают, что лошади были известны и ценились правителями сирийских государств уже в XI в. до н. э.). Камос в своем рассказе тоже не упоминает о них, но уже с начала Восемнадцатой династии кони и колесницы используются в бою обоими противниками. Однако преимущество явно за сирийцами, потому что египетские названия колесницы и ее частей, лошадей и их упряжи - все из семитского словаря. Самые популярные украшения на колесницах - пальметты, противоборствующие звери, спиральные завитки - тоже азиатского происхождения. Колесницы фараона и царевичей, украшенные золотой чеканкой, были непозволительной роскошью даже для самых знатных воинов Речену. Египтяне украшали упряжь золотыми дисками и металлическими пряжками. Однако мы не должны быть настолько ослеплены всем этим изяществом и богатством, чтобы не заметить, что они были плоховато оснащены для своей основной функции - добиться от лошади максимальной скорости, сохранив над ней полный контроль. Сбруя состояла из намордника с двумя поводьями, соединявшимися узлом, налобника, удила и наглазников. Голову лошади защищал чепец со страусовыми перьями или искусственными цветами. К удилам привязывали настоящие или декоративные вожжи. Вместо современного хомута египтяне пользовались упряжью из трех соединенных между собой частей: широкий ремень охватывал шею лошади, второй, поуже, довольно свободно висел под ее животом, и третий туго охватывал грудь. Таким образом, почти все тело коня оставалось свободным. Привязанные тут и там ленты развеивались по ветру. На ремнях сверкали золотые диски, наглазники украшало изображение Сутеха, покровителя лошадей.

Экипаж колесницы состоял из двух человек: возницы и воина. Первый держал в руке хлыст, часто богато украшенный, а воин был вооружен луком со стрелами в колчане и дюжиной дротиков, которые хранились в футляре, прикрепленном к корпусу колесницы. Площадка колесницы находилась примерно в тридцати дюймах над землей и опиралась прямо на оси без всяких рессор. Эти повозки легко опрокидывались на каменистых дорогах Сирии, правда, колесничий в таких случаях успевал соскочить, потому что колесница была открытой сзади. А в тех случаях, когда она разбивалась, сирийские воины спешили выпрячь лошадей и вскакивали им на спину. Думаю, египтяне поступали так же, когда того требовали обстоятельства, хотя художники ни разу не изобразили опрокинутую египетскую колесницу - такое им и в голову прийти не могло!

Когда шердены поступили на службу фараону, они не перестали пользоваться своим прежним снаряжением. Они продолжали носить набедренные повязки, круглые щиты, мечи с треугольным лезвием и шлемы, немного похожие на круглую миску, которые украшали солнечный диск и гребень в форме полумесяца. То же самое можно сказать о филистимлянах, которых легко узнать среди египтян по пышным головным уборам из перьев. Сирийские доспехи практически не отличались от египетских; некоторые сирийцы носили пекторали и набедренники с кисточками. Негры остались верны своим лукам с двойным изгибом. Многие из них пользовались метательными палками.

5. Выступление в поход

Представим себе египетское войско, собравшееся на равнинах Дельты и готовое двинуться в поход. Сначала египтянам предстоит пройти по мосту Силе над озером, кишачим крокодилами, которое так прекрасно изображено на рельефе времен Сети I на храмовой стене в Карнаке. В Мединет-Абу мы видим выступление в поход войска Рамсеса III. Во главе колонны рядами по семь человек идет отряд пехотинцев. За ними шагают трубачи, вернее, музыканты с длинными прямыми горнами из меди или серебра длиной около восемнадцати дюймов, из которых можно извлечь лишь несколько не очень воодушевляющих звуков. Барабаны к этому времени уже были изобретены, но мне никогда не приходилось видеть барабанщиков в сценах, изображающих царские походы, - только в сценах сбора новобранцев или празднеств. Похоже, воины вообще не использовали барабаны во время военных действий.

Далее следуют военачальники из личной охраны фараона, а за ними - колесница со штандартом священного барана, увенчанного солнечным диском, который обеспечивал войску покровительство великого бога Фив. За этой колесницей шла другая группа полководцев. И наконец, за двумя пешими носильщиками опахала следовала колесница Рамсеса, управляемая им самим. Рядом с конями шел лев без поводка. Следом двигается основная часть армии: пехотинцы всех родов войск, колесницы, эшелоны снабжения со своими ослами, навьюченными мешками и кувшинами, или повозками, запряженными шестью быками. Пустыня велика, а Палестина - земля бедная. Египтяне давно убедились на горьком опыте, что войско может рассчитывать только на то, что возьмет с собой.

Наконец, колонна пеших воинов и колесниц, бесконечно растянувшаяся по дороге, достигает первого источника под названием Хупана, вблизи от водоема и крепости под названием «Львиное укрепление». В зависимости от маршрута войско шло, передвигаясь от одного источника к другому, либо в Беэр-Шеву и Хеврон, либо в Газу на морском берегу. Оно проходило по побережьям, песчаным дюнам и пальмовым рощам вплоть до Мегиддо, где местность становится гористой, а дороги - каменистыми. Сады Тира и Сидона позволяли усталым воинам хорошенько передохнуть. На равнинах вокруг Берита (совр. Бейрут) тоже можно было найти свежие фрукты. Дальше открывался вид на снежные вершины гор со склонами, поросшими соснами и елями. Еще один переход, и войско достигает быстрого ледяного потока, где Рамсес II установил свои стелы с надписями. Пройдя через дере-

вушки рыбаков, лесорубов и пахарей, войско подходит к берегу реки, очень напоминавшей предыдущую. Воды ее каждый год были красны от крови бога (река Адониса - Нахр-Ибрагим, - с которой связана легенда об Адонисе и Астарте). Необходимо было пройти через горные перевалы, но если идти вдоль морского побережья, то после короткого перехода вы попадали в священный город Капни (Библ), где жили ловкие и корыстолюбивые торговцы, всегда находившие случай выгодно продать египтянам лес или сдать внаем корабли. Поистине стоило задержаться в этом месте и испросить покровительство здешней богини, которая, как сестра, походила на Хатхор из Мемфиса и на Иунит. Покрытые снегом кряжи, если смотреть на них с побережья, казались примерно одного размера с пирамидами, видимыми из Мемфиса. Измученное войско чувствовало, наконец, дуновение прохладного ветра. Плато оканчивалось крутым спуском вниз, преодолев который воины оказывались на зеленой равнине с прекрасно возделанными полями, многочисленными селениями и оросительными каналами. Теперь все знали, что до Кадеша совсем близко.

6. Сражение

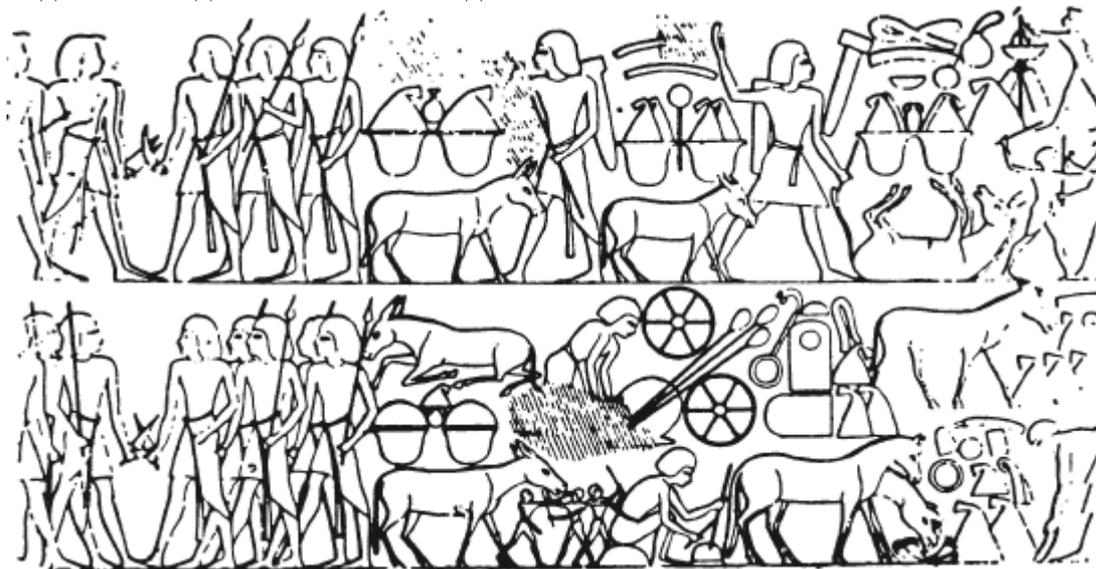
При желании противник мог укрыться в одной из своих крепостей, избрав оборонительную тактику боя. Если же он считал себя в силах сразиться с врагом в чистом поле, он должен сам назначить день и место боя, при этом учитывая интересы противной стороны. Когда Пианхи двинул свое войско на север против Египта, он не забыл об этой традиции, вернее даже, об этом законе. Вот фрагмент из его знаменитого «Военного приказа»: «Не нападайте на врага ночью, но сражайтесь тогда, когда видно. Объявите ему сражение издали. Если он скажет «торопитесь» войску и колесницам другого города, то сядьте ожидать прихода его войска. Сражайтесь, только когда он скажет об этом. Если его союзники будут в другом городе, то пусть дождется их. Надежные отряды ливийцев, которые он призвал к себе на помощь, следует первыми вызывать на бой. Скажите: «Ты, кто бы ни был ты, командующий войском, запрягай лучших лошадей из своей конюшни, начинай сражение. Ты знаешь, что Амон - бог, пославший нас!»

Это правило честного боя, установленное фараоном Пианхи, соблюдалось далеко не всегда. Его применяли в соответствии с законами войны, как их понимали в античности и в Средние века. Монтень рассказывает, как хитрость, примененная легатом Луцием Марцием, вызвала гнев старцев сенаторов: «Хранившие в памяти нравы своих отцов, они осудили действия Марция как противоречащие древним установлениям, которые заключались, по их словам, в том, чтобы побеждать доблестью, а не хитростью, не засадами и не ночными схватками, не притворным бегством и неожиданным ударом по неприятелю, а также не начиная войну прежде ее объявления, но, напротив, зачастую заранее оповещая о часе и месте предстоящей битвы». Обычаи древних римлян мало отличались от обычаев египтян. Благодаря Монтеню мы сегодня понимаем, что имел в виду Пианхи, когда говорил о «правилах игры». Противники должны выстроиться друг против друга без всяких уловок, не скрывая своих сил и намерений, чтобы у обоих были равные шансы, как у шахматистов - равное количество фигур перед началом партии. Победа достанется лучшему, как рассудит бог!

О том, что египтяне приняли правила честного боя задолго до эфиопа Пианхи, свидетельствует эпитет, которым иногда награждали воинственного бога Сета: «Объявляющий сражение», а также рассказ о битве при Мегиддо, когда армия Тутмоса III сразилась с войсками азиатской коалиции.

Египетское войско на 16-й день первого месяца сезона *шemu* дошло до города Ихема. Его величество фараон созвал на совет своих храбрых воинов и объявил, что враг из Кадеша, обосновавшийся в Мегиддо, собрал вокруг себя властителей всех стран, которые прежде были покорны Египту (буквально «на царской воде»), начиная с Нахарины, и сказал им: «Я буду ждать врага здесь, в Мегиддо, и дам ему бой». Советники заподозрили ло-

вушку. Дорога от Ихема к Мегиддо резко сужается. Придется следовать по ней колонной по одному, человек за человеком, лошадь за лошадей. Авангард вступит в бой, когда арьергард будет еще в Алуна. Лучше пойти кружным путем, чтобы все войско могло приблизиться к Мегиддо с севера. Однако фараон отклонил этот разумный план. Он воскликнул: «Клянусь, как любит меня Ра, как жалуется мой отец Амон, как молодо [дышит] мой нос жизнью и счастьем, мое величество пойдет по пути тому на Алуна! Пускай, кто желает из вас, идет по этим путям, о которых вы говорите, и пускай тот, кто желает из вас, идет в числе сопровождающих мое величество. Да не скажут они, эти враги, омерзительные для Ра: «Его величество пошел по другой дороге, испугавшись нас!» - так скажут они». Эта речь сразу убеждает несогласных, и они примыкают к фараону: «Смотри, мы будем в числе сопровождающих твое величество во всяком месте, где будет ходить твое величество, ибо раб должен следовать за своим владыкой».

Египетский военный лагерь близ Кадета (*Ленсий*. Иллюстрированный журнал, III)

В свете наставлений Пианхи военный совет египтян обсуждал вполне очевидную ситуацию. Враг из Кадеша отправил фараону послание, назначив день и место сражения. Советники подозревают подвох, однако Рамсес считает недостойным себя и богов, которые его любят и защищают, отклонить это предложение, вполне соответствующее древним обычаям. Дальнейшие события показали, что он был прав. Войско во главе с фараоном вошло в узкую долину и заполнило ее целиком. Военачальники еще раз обратились к нему, умоляя не продвигаться дальше, пока арьергард не минует опасную теснину. Но эта предосторожность оказалась излишней. Противник, расположившийся между Таанак и Мегиддо, даже не подумал атаковать египетское войско на марше, а позволил ему развернуться и занять к середине дня боевые позиции к югу от Мегиддо, где оно приготовилось к сражению. Правила игры были соблюдены.

Однако советники по-прежнему выполняли свой долг, напоминая фараону об осторожности. Перед ним стояло войско под водительством царя Митанни, но в нем было множество воинов-аму, этих извечных и коварных врагов Египта, о которых один старый фараон Одиннадцатой династии говорил в своем поучении, составленном для сына, Мерикара: «Аму... не сидит он на одном месте, ноги его всегда в движении. Он сражается со времен Хора, но не побеждает и сам не бывает побежден. Подобно человеку, задумавшему плохое, не объявляет он дня битвы». Аму прекрасно знали свои леса и горы и тщательно избегали сражений на открытой местности, где у них не было никакого преимущества. Они нападали на египтян внезапно и тут же рассеивались. Скрытность, быстрота и неожиданность - их лучшее оружие. Но даже в тех случаях, когда египтяне встречались с достойным противником, внезапность могла сыграть решающую роль. И она чуть не привела к

разгрому египетской армии под Кадешем, когда Рамсес II двинулся навстречу армии хеттов.

Но вернемся к нашему рассказу. «Подлый враг» из Хатти создал против Египта коалицию из всех северных стран, вплоть до народов с далеких берегов моря. К обычным противникам фараона, собранным с территории от Сирии до Евфрата, присоединились народы Малой Азии: *дарданы*, люди из Илиона (Троя), Кешкеша, Каркиша, Луки, а также европейцы, например из Месен. Царь Хатти растратил все свои богатства, чтобы привлечь их всех на свою сторону, войско его заняло все горы и долины, как стаи саранчи. Главные силы скрытно сосредоточились северо-восточнее Кадеша. Но египтяне думали, что они задержались в районе Алеппо, потому что разведчики нигде не могли их обнаружить и доверчиво вступили в долину Оронта. Рамсес во главе своего эскорта пересек реку вброд, за ним последовал корпус Амона. Корпус Ра перешел реку вброд у города Шабтуна. Корпус Птаха дожидался, пока освободится брод, в своем лагере в городе Аронаме. Последний корпус, корпус Сета, тщетно пытался догнать войско, но отставал от него на несколько дней марша.

Когда фараон был в Шабтуне, к нему явились два воина-*шасу*, два кочевника из тех, что наводили ужас на караваны на путях между Сирией и Египтом и на земледельцев Суэцкого полуострова. Они сказали, что хотят перейти на службу к фараону. «Где же ваши братья? - спросил Рамсес. - И какие сведения вы принесли моему величеству?» - «Они там, где подлый царь Хатти, - ответили кочевники. - Ибо поверженный правитель Хатти сейчас в земле Алеппо, к северу от Тунипа. Он слишком боится фараона, да будет он жив, здоров и силен, и не идет на юг, с тех пор как узнал, что фараон поднимается на север».

Они бесстыдно лгали. По приказу «низко павшего царя» Хатти эти шпионы пришли разведать позиции египтян и усыпить их бдительность ложными сообщениями.

Допрос лазутчиков Хатти (*Ленсий*. Иллюстрированный журнал, III)

И вот фараон решает встать лагерем севернее Кадеша, на западном берегу Оронта. На ровном поле начертили огромный прямоугольник и обнесли его оградой из щитов или чем-то похожим на них. В центре воздвигли большой шатер для фараона и три шатра поменьше, а на всем остальном пространстве поставили множество маленьких палаток. Лев фараона, привязанный за лапу, растянулся на земле и дремлет. Лошадей распрягли и кормят. С ослов сняли поклажу, и они катаются в пыли, брыкаются или скачут галопом. Воины собирают оружие, а в это время в лагерь прибывают все новые повозки, запряженные быками. Высшие командиры располагаются в деревянных шатрах с центральной колонной, подпирающей кровлю, и с дверью как в настоящем доме. Внутри на полках расставлены большие кувшины и лохани. Из багажа извлекают столы, табуреты, циновки. Дежурные сметают веничками пыль, разбрызгивают воду. Другие подгоняют навьюченных ослов или несут узлы на коромыслах. Рядом с шатрами стоит лошадь, засунув морду в ясли. Конюх старается успокоить двух других горячих лошадей, а колесничий расположился в своей колеснице и спит сладким сном. Один воин пьет. Никто не думает об опасности. Но

вот египетский патруль захватил двух разведчиков «низко павшего царя». Их приводят к фараону, который сидит на помосте, на своем золотом троне. Палка - безотказный инструмент для развязывания языков. Пленники во всем признаются: «Мы принадлежим царю Хатти, он послал нас узнать, где остановился его величество». - «Но где он, поверженный правитель Хатти? Я слышал, он в земле Алеппо, к северу от Тунипа!» - «Смотри, поверженный царь Хатти идет с многими народами, которые к нему примкнули... Они многочисленнее песчинок на морском берегу. Сейчас они изготовились и ждут боя около старого Кадеша». - «Они затаились около старого Кадеша, а мои иноземные союзники ничего не знают, и военачальники страны фараона тоже! А теперь нам говорят, что они идут!» Советники признают, что была совершена непростительная ошибка: «Плохо, плохо, иноземные командиры и военачальники фараона, да будет он Жив, Невредим и Здоров, допустили большую ошибку, они не сказали, где находится подлый поверженный царь Хатти, в своем ежедневном докладе фараону, да будет он Жив, Здоров и Силен». Тут же отравили визиря, чтобы он поторопил отряды, задержавшиеся к югу от Шабтуна, и привел их к лагерю фараона, но, пока Рамсес II держал совет, подлый царь Хатти уже приближался со своими воинами и колесницами и со всеми своими союзниками. Южнее Кадеша он перешел реку вброд, который никто не охранял. Захваченные врасплох египетские воины и колесницы обратились в бегство. Враг уже захватил пленных из эскорта его величества.

В час этой страшной опасности фараон поднялся, как отец его Монту. Он схватил свое боевое оружие. Он облачился в доспехи. Он был как Баал в его грозный час. Возничий царя Менна задрожал, когда увидел, сколько вражеских колесниц окружает его господина. Члены его сковал великий страх. «Владыка прекрасный мой, могучий правитель, великий спаситель Египта в день битвы, мы с тобой одни среди врагов. Смотри, покинули нас войска и колесничие, а ты продолжаешь сражаться, спасая их. Ради чего? Давай расчистим путь себе и спасемся сами, о Усермаатра!»

Его величество успокаивает своего товарища по оружию. Фараон ничего не боится. Воины покинули его, вместо того чтобы занять боевые позиции. С ним не осталось ни приближенного, ни колесничего, ни проводника, ни военачальника. Но ведь не напрасно Рамсес поставил столько памятников и столько обелисков отцу своему Амону, наполнил пленными его храмы, отправлял ему корабли с экзотическими товарами. Призыв фараона долетел до Фив. Теперь у него союзник, который один стоит миллионов. Рамсес мечет стрелы направо, обороняется щитом слева. Две тысячи пятьсот вражеских колесниц опрокинуты. Руки не повинуются его врагам. Они не могут больше стрелять, не могут поднять меч. Фараон загоняет их в воду, как крокодилов. Те, кто полз по земле, уже не встают. «Подлый царь Хатти», смотревший на все это в окружении своих воинов и колесниц с тремя воинами на каждой, теперь в страхе поворачивается к фараону спиной. Все его воины и колесницы, все его союзники, царь Луки, царь Ирчу, царь Месен, царь Илиона, царь дарданов, царь Кешкеша, царь Каркиша и царь Алеппо и даже его собственные братья бегут, потрясенные подвигами фараона, и кричат: «Спасайтесь, кто может!», а его величество мчался за ними, как Тифон. Он обрушивался на них пять раз, как Баал в час своего могущества. Он сжег всю равнину Кадеша, чтобы больше никто не узнал это место, истоптанное его врагами.

Теперь воины возвращаются, поскольку сражение уже выиграно благодаря силе и храбрости фараона, а может быть, и по какой-то другой причине, о которой автор этой эпической поэмы не счел нужным упомянуть. Фараон осыпает их насмешками и упреками: «Ни один из вас не устоял и не протянул мне руки, когда я сражался. Клянусь *ка* отца моего Амона, если бы был я в Египте подобен отцу моих отцов, который не видел сирийцев, и не воевали они против него... не вернулся бы в Египет из вас ни один, чтобы рассказать о своей службе позорной!.. Преступление, совершенное войском моим и колесничими моими, столь велико, что не выразить словом... страны чужие, видевшие победу мою, прославят имя мое в дальних землях неведомых».

Воины покорно воздают почести своему отважному повелителю. Знатные сановники и колесничие восхваляют могущество его рук: «Вот он, отважный воитель, стойкий сердцем! Ты спасаешь войско свое и колесничих своих! Ты сын Амона, повергающий врагов десницей его! Ты превращаешь страну хеттов в развалины мощной дланью своею! Ты ратоборец великий, и нет тебе равного! Ты царь, сражающийся за войско свое в день битвы! Ты храбр сердцем, первый в сражении! Не тревожит тебя обилие стран, выступивших против тебя! Великим победителем предстаешь ты пред войском своим и всей страной! Говорим тебе это без лести - ты защитник Египта, покоритель стран чужеземных! Ты сломал хребет страны хеттов навеки!» Но фараон отвечает только новыми упреками: «Что с вами, военачальники мои, войска мои и мои колесничие, не умеющие сражаться! Разве не возвеличивается человек в городе своем, когда возвращается он, проявив доблесть перед владыкой своим, славой осиянно имя такого воина отныне и впредь. Почитают человека искони за могучую длань его! Разве я не творил вам добра, что покинули вы меня одного среди врагов!»

Упреки эти не так уж страшны: войско просто лишится очередных награждений. А вот другой властитель, Пианхи, действительно разгневался на свое войско, хотя оно неплохо сражалось. Его воины заставили Тefнахта бежать на север с жалкими остатками его отрядов. Однако Пианхи хотел одним ударом захватить или уничтожить всех врагов. Когда войско узнало о разочаровании своего военачальника, оно с ходу захватило три укрепленных пункта, хотя противник защищал их с небывалым ожесточением. Фараон узнал об этом, но все еще не был удовлетворен. Он предстал перед войском на колеснице, запряженной двумя конями. Колесница стояла на палубе его корабля. Разъяренный, как пантера, фараон обрушился на воинов: «Разве медлительность, с которой вы выполнили мое поручение, - это стойкость в битве? Разве завершился год, распространив страх в Нижнем Египте и нанесен их врагам мощный и болезненный удар?»

Тем временем подлый царь Хатти, этот изменник, присылает посланца, чтобы тот восславил фараона, как самого Ра, и сказал: «Ты Сутех, сам Баал, страх пред тобой - клеймо твое на стране хеттов». Посланец доставил письмо с просьбой о перемирии: «Говорит слуга твой, дабы ведали: ты - сын Ра, зачатый от семени его. Дал он тебе одолеть все страны, собравшиеся вместе. Страна Египет и страна хеттов - рабы твои, они под стопами твоими. Дал их тебе Ра, отец твой прекрасный. Не сокрушай нас. Ведаю, мощь твоя велика. Сила твоя тяготеет над страной хеттов. Разве хорошо, что ты убиваешь слуг своих? Твой лик свиреп, нет у тебя милосердия. Вчера ты убил сотни тысяч... пришел ты сегодня и не оставил наследников нам. Не будь жесток в деяниях своих, царь! Мир благотворнее битвы. Дай нам дыхание жизни».

Тогда его величество поспешил созвать военачальников колесничих и знать и сообщил им о просьбе поверженного царя Хатти. Не колеблясь ни минуты, они ответили в один голос: «Очень, очень хорошо заключить мир, царь, владыка наш!» Это был крик сердца, но они тут же поправляются: «И нет зла в примирении, которое ты совершишь, ибо кто [осмелится] тебе перечить, когда ты разгневаешься?»

Фараон весьма обрадовался этим словам. Египетское войско спокойно ушло на юг, даже не попытавшись захватить Кадеш, чьи зубчатые башни были хорошо видны за рукавом Оронта.

На самом же деле фараон просто чудом избежал полного разгрома. Он ничего не знал о позиции хеттов и без всякой разведки, без флангового охранения вслепую ввел свое войско во вражескую страну. Его спасла только стойкость царской гвардии, состоявшей в основном из шерденгов, ибо можно заметить, что все упреки обращены к одним египтянам. Возможно также, что хетты, ворвавшись в богатый лагерь фараона, уже ни о чем не думали, кроме грабежа. Они стали жертвами собственной алчности, и их успех превратился в разгром. Так что их царь был весьма доволен, когда огромное египетское войско ушло восвояси.

Другие военные действия египтян заканчивались более определенными результатами, например великая битва с ливийцами, выигранная Рамсесом III. Как и его предок, фараон отличался мужеством. Кони его колесницы мчатся галопом. Он привязал вожжи к поясу, чтобы стрелять из лука. На голове у него воинский шлем, на руках и запястьях - браслеты, на груди - два ожерелья. На перевязи висит открытый колчан. Чехол, прикрепленный сбоку колесницы, наполнен дротиками. Военачальник позади фараона не участвует в бою: он держит в руках золотую чашу и кувшин, которые мы уже видели при выступлении войска из Египта. Другие колесницы с двумя воинами на каждой мчатся за колесницей фараона. Наемники-филистимляне проявляют чудеса храбрости в бою с ливийцами. Когда ливийский вождь Мешешер, сын Капуру, видит, что кони его убиты, а колесничий, пронзенный копьем, упал с колесницы, он поворачивается к фараону, поднимает руку с вытянутым вверх указательным пальцем и признает себя побежденным. Его воины сдаются десятками. Они держат копья остриями вверх, как свечи, и протягивают левые руки, повернув ладони к земле. «Морские народы» появились во времена Рамсеса III. Их бесчисленные орды пришли в Египет по морю и по суше. Повозки со сплошными колесами, закрепленными чеками в оси, с впряженными буйволами везли женщин и детей. Длинные корабли с носом в виде головы льва или птицы и с приподнятой кормой были до отказа нагружены воинами. На суше и на море происходили ожесточенные сражения. Вот фараон сошел с колесницы, чтобы было удобнее стрелять из лука. За ним следует вся его свита: командиры, которые несут лук, колчан и дротики, слуги с предметами туалета, опашалами и мешками, откуда при первой же передышке они вынут сменную одежду и все необходимое, чтобы привести себя в порядок.

Одержав победу, царь всходит на помост, чтобы окинуть взглядом поле битвы. Слуги закрывали его от солнца большими зонтами. Рядом колыхались царские знамена. Вельможи и полководцы осыпают царя поздравлениями и восхваляют его доблесть и силу. Писцы уже приступили к подсчету добычи. Как и во времена Яхмоса, каждый воин, убив врага, отрубал ему руку или, если врагом был ливиец, отрезал половой член. Все эти трофеи приносились царским писцам, а затем сваливались в кучу вместе с оружием около царского помоста, где целая армия писцов терпеливо все сортировала и пересчитывала. Пленных проводили перед фараоном со связанными руками. Военачальников держали про запас для более торжественных церемоний. Простых же воинов выводили по одному и передавали палачу, который ставил им клеймо раскаленным железом. Вокруг стояли вооруженные до зубов солдаты, готовые подавить любую попытку мятежа, однако побежденные покорно принимали свою участь. Денанеане и филистимляне, отмеченные клеймом, вступали в ряды царской армии, в которой оставалось все меньше и меньше египтян. Бывшим пленникам даже платили за службу фараону.

7. Осада

Иногда египтяне вели осадную войну, потому что неприятель не осмеливался сойтись с египетским войском в чистом поле или же потому, что после битвы у него еще оставалось довольно воинов для обороны. Крепости обычно строили на возвышениях, иногда даже на вершинах крутых гор, и обносили рвом с водой и палисадом. В соседнем лесу могли укрыться беглецы или те, кто не успел добраться до крепостных стен прежде, чем ворота закрыли. В лес также сгоняли стада быков, предпочитая, чтобы они достались медведям, чем египтянам. Как правило, крепость окружали возделанные поля, склоны были покрыты виноградниками и фиговыми деревьями, вдоль дорог цвели кустарники. Область, непосредственно окружающая крепость, обычно возделывалась, склоны были покрыты виноградом и фиговыми деревьями, а вдоль дорог цвели кустарники. Прежде чем возвращаться домой, египетские воины никогда не забывали вырубать все ценные деревья, как требовал обычай.

Сирийские крепости состояли из высоких зубчатых башен с нависающей платформой и стен по всему периметру возвышенности с воротами и окнами. Нередко город защищали два или даже три ряда стен. Иногда над нижней башней стояла вторая, над ней - третья. Над самой верхней башней развевалось знамя. На храмовых рельефах, изображающих сцены осады, мы видим, как египтяне осыпают стены стрелами и гонят перед собой беглецов. Одни из тех, кто уже находится внутри, нагибаются и втягивают на руках запоздавших, другие мечут стрелы, дротики и камни, третьи стоят наготове с мечом в руке. Жрец возжигает смолистые курения на жаровне с ручкой, похожей на египетские курильницы *ах*, прося защиты у богов города, и воздевает руки, как Моисей в битве с амалекитянами. Иногда он перегибается через зубцы, ободряя защитников нижнего этажа. Но все средства обороны оказываются недейственными. Подступы к крепости усеяны трупами. Защитники убиты на своих боевых постах. Египтяне приближаются к подножию стены, высаживают ворота, приставляют лестницы к стенам, и вот уже первая линия взята.

Когда осада доходила до этого момента, осажденным, если они дорожили жизнью, оставалось только прекратить сопротивление и постараться с помощью даров смягчить жестокых победителей. Вождь страны Амор протягивает свою курильницу Рамсесу III и левой рукой униженно приветствует его: «Дай нам дыхание жизни, чтобы могли от сына к сыну вдыхать от твоего могущества!» Победенные военачальники появляются один за другим. Одни ползут на брюхе, другие несут вазы с искусственными цветами, амфоры с рельефными изображениями животных, драгоценности. Эти предметы очень ценились фараоном и великими жрецами, которые в конце концов заполучали их в свои храмы. Войско больше интересовало другие трофеи: зерно, вино, скот, оружие. Воинов ежедневно поили и кормили до отвала, как в дни великих праздников. Сирийские города славились своими лошадьми. Цвет их воинства сражался на колесницах. Тутмос III только в одном Мегиддо захватил 892 обшитые золотом колесницы «подлых» врагов. Правда, в данном случае царь Кадеша организовал против Египта целую коалицию. К нему стекались союзники даже с берегов Евфрата. Этих чужеземных царьков Тутмос III отправил по домам, посадив их на ослов лицом к хвосту, - победа привела царя в хорошее расположение.

Горы Ливана покрывали леса. С незапамятных времен египтяне отправлялись в Библ за древесиной для своих священных кораблей, для высоких столбов с лентами, которые устанавливались перед пилонами храмов и использовались для самых разных целей, как религиозных, так и светских. Самым прекрасным деревом считалась пихта (*аш*), которую можно было заострить, как ячменный колос. Египтяне также ценили красную древесину кедра (*мер*), рожковое дерево (*сеснеджем*) и некое дерево, которое они называли *ван*, возможно можжевельник. Став хозяевами в Сирии, египтяне принялись расширять заготовку леса. По приказу Тутмоса III воины отправлялись в горы и валили деревья, а сирийцы на быках перетаскивали стволы к воде. Построенные здесь суда перевозили ливанских правителей с драгоценными дарами Божественной Земли в Египет. К Девятнадцатой династии Ливан перестал быть колонией, которую можно было эксплуатировать как хочешь. Во-первых, в спор за нее вступили хетты, а во-вторых, местные жители набрались сил и научились самостоятельно давать отпор захватчикам. Тем не менее и лес, и другие товары ежегодно доставлялись в Египет в больших количествах. Царь Сети I пользовался достаточной властью, чтобы принудить правителей страны валить пихты и переправлять в Египет, когда сочтет нужным.

8. Походы в Нубию

Война против южных народов, похоже, никогда не воспринималась египтянами всерьез, поскольку, чтобы разгромить противника, египтянам нужно было лишь окружить их лагерь, что не составляло труда. Нубийские мужчины выходили против них, одетые в шкуры пантер. Женщины с детьми в специальных заплечных сумках пытались прятаться в

пальмовых рощах. Неравная борьба очень скоро оканчивалась победой египтян, которые получали богатую добычу, так как южане были искусными и трудолюбивыми мастерами. Они делали из золота, слоновой кости и черного дерева различные изделия, в которых непривычная египтянам грубость сочеталась со своеобразным изяществом. Кроме того, в их хижинах всегда хранились большие запасы страусовых перьев, слоновьих бивней, шкур пантер, рогов и благовоний.

9. Триумфальное возвращение

Фараон показал свою силу всем народам мира, и каждый уголок, куда достигает солнце, стал свидетелем его успеха. Он установил границы там, где ему это было угодно, как повелел Амон-Ра и все его отцы-боги. Теперь оставалось лишь возвратиться в Возлюбленную Землю Тамери, чтобы принять восторг и обожание своего народа и благословение жрецов, которым, наверное, уже не терпится записать в своих свитках все имена и цифры, а затем посвятить лучшие трофеи богам, наградить храбрейших героев и наказать презренных предателей, чтобы это послужило примером для всех народов земли.

Войско выстраивается для возвращения примерно в том же порядке, что и при выступлении в поход. Перед колесницей фараона идут знатные пленники, руки у них в колодках, иногда сделанных в виде пантеры, на шее - веревка. У большинства пленников руки связаны за спиной или над головой. Празднества начинаются сразу, как только войско вступает на землю Египта. Жрецы-пророки встречают его букетами цветов на мосту Силе. Некоторых высокопоставленных пленников, по обычаю, предают смерти при большом скоплении народа. Аменхотеп II, подобно Геркулесу, палицей убивает восьмерых на корабле, затем приказывает повесить шестерых в Фивах перед стеной храма и еще двоих - в Напате, «дабы все узрели победы фараона отныне и навсегда, во всех землях и на всех горах страны негров». Перед смертью пленные выражают жестом свою покорность: ливийцы поднимают указательный палец, остальные поворачивают ладонь к палачам. После победы Рамсеса III старый ливийский царь Капуро написал царю, умоляя помиловать его сына, который попал в плен к египтянам, и предлагая принять все муки вместо него. Но все оказалось тщетно. Ливийская угроза была столь велика, что сердце фараона не пожелало открыться для милосердия. Рамсес III в своем политическом завещании говорит: «Они осели в Египте. Захватили они города западного побережья от Мемфиса до Кербена. Достигли они Великой реки [Нила] по обеим ее сторонам, и грабили они города Ксоисского нома в течение очень многих лет, пока они были в Египте. И вот я поразили их, истребив разом... Заставил я их уйти до границы Египта. Привел я тех, кого оставил я живыми, собрав их в качестве добычи многочисленной, связав их, словно птиц, впереди моих лошадей. Их жены и дети - числом в десятки тысяч, их скот - в сотни тысяч. Поселил я их вождей в крепостях, названных моим именем. Приставил я к ним начальников отрядов и глав племенных, причем они превращены в рабов и заклеены моим именем». Когда осужденные на смерть были казнены, в храмах начались другие церемонии, где не только решалась судьба остальных пленных и происходило освящение трофейных даров.

Шерден и филистимлянин ведут пленника Мединет-Абу

Перед ликами богов раскладывают сокровища из проклятой страны хеттов: чаши и амфоры, ритоны и кубки из золота и серебра, усыпанные драгоценными камнями, подобные тем, которые осажденные сирийцы предлагали победителям, сдавая свои города, или же тем, что приносили в мирное время посланцы Речену, Амора или Нахарины в качестве военной контрибуции или умоляя принять их «на воду фараона». Затем прибывает сам фараон, ведя пленников со связанными руками и веревкой на шее: негров, ливийцев, сирийцев, аму, аморитов и хеттов.

Пленные признают поражение. Фараон подобен свирепому огню, который ничем не смирить. Он карает за малейшее неповиновение и заставляет умолкнуть уста, с которых сорвалось нечестивое слово. Он может лишить дыхания ноздри своего врага. Фараон, в свою очередь, признает, что победа над врагами - дар его милостивого отца Амона, и поэтому, отдавая часть пленников и сокровищ храмам, он лишь возвращает дарованное ему богами.

Глава X

ПИСЦЫ И СУДЬИ

1. Чиновничий аппарат

С древнейших времен в Египте действовала административная система. Уже во времена Первой династии чиновники, заведующие царским хозяйством, с помощью специальных цилиндрических печатей отпечатывали на пробках кувшинов свои имена и титулы. Любой, чье имя дошло до нас благодаря статуе, стеле или гробнице, имел, по крайней мере, один титул. А у некоторых звания и титулы исчислялись десятками. В период Раннего царства титулов и должностей развелось так много, что перечень их заполнил бы целый том. Что

же касается интересующей нас эпохи, мы располагаем справочником египетской иерархии времен Рамсесидов. Открывают его боги и богини. За ними следуют второстепенные божества, правящий царь, его супруга, божественная мать царя и царские дети, за ними судьи и советники, и в том числе визирь, и все те, кому посчастливилось жить рядом с Солнцем (царем): царские родственники, полководцы, писцы царской библиотеки, глашатаи, носильщики опахал и вееров, царские писцы, работники Белого дома (казначейства), писец верховного суда и сборщики налогов. В другом списке перечислены царские представители в иноземных странах, а также египетских провинциях и городах; царские посланники в разных землях; хранители печати Дома моря и управляющий устьями каналов. Не хватит пальцев перечислить специальные чиновничьи должности. Каждый из высших чиновников имел в своем распоряжении большой штат работников. Правители номов жили в собственных резиденциях, как фараон в столице, и содержали множество служителей по примеру царского двора. Такой бог, как Амон, обладал несметными богатствами, которые находились в ведении жреческой администрации со строгой иерархией. У первого пророка служили управляющий домом, хранитель покоев, писцы, начальник моряков и многочисленные слуги. Второй пророк тоже имел штат чиновников, приставленных к его персоне. Даже четвертый пророк чувствовал бы себя несчастнейшим из смертных, если бы его не сопровождала небольшая свита. Что уж говорить о целой армии управляющих, судей и писцов, ответственных за выполнение решений, принятых высшими жрецами. Из них самыми главными были хранители и писцы казначейства, главный хранитель печати казначейства и хранитель печати дома Амона. Бог Мин, владыка Коптоса и Ипу, который, разумеется, почитался не так широко, как Амон, однако был далеко не последним из божеств египетского пантеона, имел в своем услужении, помимо жрецов, еще и множество чиновников: писцов, управителей работ, ответственных за стада, ответственных за ткацкие мастерские, ответственных за перевозку товаров, а кроме того, кладовщиков и счетоводов. Чиновничий аппарат во все времена имел тенденцию к увеличению. За тридцать один год своего царствования Рамсес III обогатил египетских богов, а расширение их хозяйства неизбежно влекло за собой появление новых чиновничьих должностей. Стране постоянно требовалось все больше и больше писцов для вычисления и сбора налогов, надзора за рабами, инспекции каналов и дорог, пристаней и амбаров.

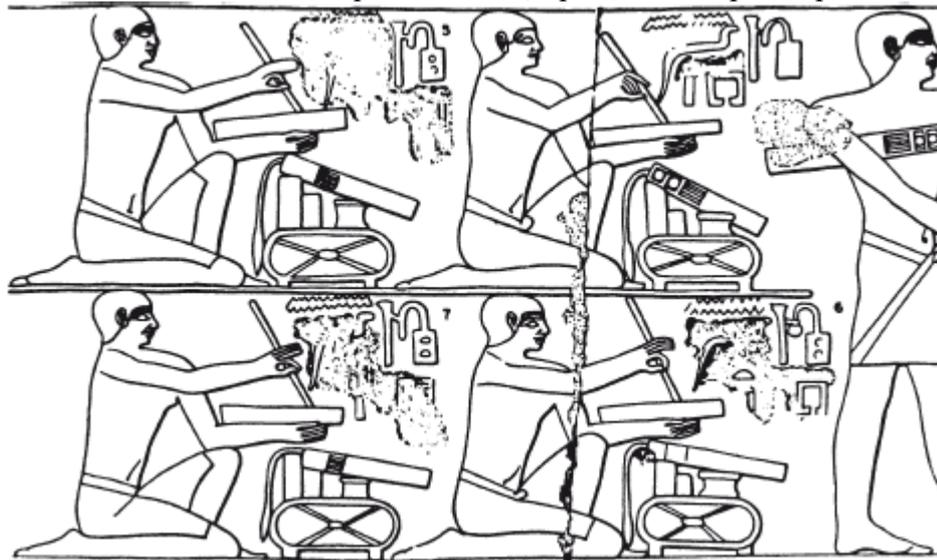
2. Набор и обучение чиновников

Девятнадцатая династия была основана неким Парамсесом, который за свою длинную жизнь удостоился множества важных титулов, как религиозных, так и жреческих, а кроме того, военных званий. Когда царь Хоремхеб призвал его в Фивы для надзора за строительством храма в Опете, Парамсес передал большую часть титулов и должностей своему сыну Сети, который к этому времени был уже зрелым мужем.

Мелкие чиновники старались во всем подражать важным государственным персонам. Некий Неферперит, один из членов личной свиты фараона во время экспедиции к горам Речену, отправил в Египет четырех финикийских коров, двух египетских коров и быка, предназначенных Дому миллионов лет. Ему удалось устроить своего брата хранителем этого небольшого стада, а сына - носильщиком кувшинов с молоком в Доме миллионов лет. Эти должности не только оставались за ними на всю жизнь, но и переходили дальше от отца к сыну. Подобная практика ни у кого не вызывала нареканий: любой отец старался обеспечить своему сыну надежное место. В одной из гробниц мы можем прочитать заклинание, предназначенное как раз для этой цели: «Если желаешь, чтобы твое место перешло детям твоим, скажи слова эти...» А тот, кто недостойно ведет себя в чужой гробнице, подвергается серьезной опасности: «Не станет его, и сын не займет место его». По закону не только плохо зарекомендовавший себя чиновник лишался своей должности и подвергался суровым наказаниям, но и дети его лишались всех привилегий и низводились до простых

рабочих или рабов. Однако из всего этого вовсе не следует, что после смерти отца ответственная должность, требующая знаний и способностей, непременно сразу переходила к сыну. Дети чиновников поступали на службу, едва окончив школу, и поднимались по служебной лестнице в соответствии со своим усердием и талантом, хотя порой немалое значение имело и могущество их покровителей.

Школы обычно появлялись при храмах. Бакенхонсу, будущий верховный жрец Амона, двенадцать лет посещал «школу письма» в храме Владычицы Неба. В ограде Рамсесеума, Танисе, Дейр-эль-Медины и в других святилищах найдены остраконы и папирусы со школьными упражнениями. Обучение начиналось рано. Бакенхонсу исполнилось всего пять лет, когда его отправили в школу, но, возможно, его отец, прославленный жрец, считал сына очень способным. Во всяком случае, когда маленькие мальчики переставали бегать голышом и повязывали свой первый пояс, приходила пора отправляться в школу.

Писцы со своими инструментами (Мастаба Мереруки)

Мы уже знаем, что будущего военачальника разлучали с семьей в юном возрасте, а учащиеся обычных школ жили дома. Маленький школьник брал из дома корзинку с хлебом и кувшинчиком пива, которые мать давала ему каждое утро. По дороге в школу и на обратном пути он мог вволю браниться и драться со своими школьными друзьями. Одна недавно опубликованная египетская сказка рассказывает нам о способном ученике, превосходившем умом своих старших друзей. Однажды они узнали, как можно лучше всего досадить ему, и стали приставать: «Чей ты сын? Разве нет у тебя отца?» Он ничего не ответил, поэтому его колотили и насмехались: «В самом деле нет у тебя отца!»

Ребенок прежде всего учился читать и писать. Папирус был слишком дорог, чтобы его давать школьникам, поэтому им раздавали полированные пластинки известняка, разграфленные в линейку или в клетку. В Фивах довольствовались грубо обтесанными осколками камня. Они служили «тетрадами» для упражнений. Школьники учились выводить на них отдельные иероглифы или скорописные знаки, делать маленькие рисунки, а позднее - переписывать все более и более длинные отрывки текстов. На некоторых есть даже даты. Если бы у нас было достаточно таких «тетрадок», мы бы узнали, сколько времени требовалось египетскому школьнику, чтобы прочесть и заучить наизусть такие классические тексты, как «Гимн Нилу» или «Поучение Аменемхета». Перепортив достаточно этого дешевого материала, школьник - теперь почти «студент» - получал драгоценный чистый папирус, на который переписывал уже не отрывки, а целое произведение. Сидя на корточках, он разворачивал свиток ровно на ширину стандартного листа, ставил рядом чернила красные и черные. Выбирал из пенала подходящие кисточки и принимался переписывать либо сказку, либо сборник стихов или притч или же копировал разные иероглифы. Заглавия и начальные строки писали красными чернилами, остальной текст - черными. Но каж-

дый писец был в то же время рисовальщиком и художником. Для расцвечивания своего рисунка он пользовался разными красками - зелеными, синими, желтыми и белыми.

Образование заключалось в заучивании классических и священных текстов и обучении не только грамматике, но и письму и основам рисунка. Египетские чиновники выполняли самые разнообразные обязанности и с удивительной легкостью переходили с одной должности на другую. Уна был сначала стражником и судьей, затем занимался поиском камней в далекой стране, строил корабли, очищал каналы, а когда разразилась война, стал начальником войска. «Студенты» должны были знать законы и уложения, историю и географию и разбираться в основах техники. Не знаю, проводились ли у них экзамены и получали ли они дипломы, но, похоже, нечто подобное было, если вспомнить, какие вопросы задавал писец Хори своему коллеге, желая уличить его в невежестве: каков рацион войска на марше? Сколько нужно кирпичей для постройки платформы заданных размеров? Сколько нужно людей для перевозки обелиска? Как поставить на пьедестал колоссальную статую? Как организовать военную экспедицию? И под конец целый ряд вопросов по географии Сирии. Чтобы ответить на столь разнообразные вопросы, необходимо обладать весьма обширными познаниями в разных областях.

Разумеется, не все будущие писцы проявляли в учебе одинаковое рвение. Иногда учителя отчаивались, глядя на ленивых учеников. «Пиши рукой своей, - без конца повторяет писец Аменмос, - советуйся со знающими больше, чем ты... Будь настойчив в работе ежедневно, и ты овладеешь своим делом... Не проводи ни одного дня в безделье, иначе будут бить тебя. Уши юноши - это спина его, и он внемлет, когда бьют его. Слушай внимательно слова мои, это тебе пригодится. Обучают обезьян танцам, объезжают лошадей. Будь настойчив в получении советов! Не ленись! Пиши! Не поддавайся пресыщению письмом, внимай словам!» Этот педагог думает или делает вид, что думает, будто единственные враги учения - это лень и упрямство. Но раз уж укрощают и дрессируют животных, он рассчитывает, взывая к честлюбию и здравому смыслу, а главное, с помощью наказаний наставить заблудшего «студента» на путь истинный, который ведет к самым высоким должностям. Увы, у молодых египтян были куда более пагубные склонности. Другой наставник, настроенный на тот же лад, что Аменмос, но гораздо лучше осведомленный, говорит так: «Я слышал, что вы не упражняетесь в письме, а шляетесь из таверны в таверну, и несете от вас пивом... Вы подобны святилищу без бога его или дому без хлеба. Видели вас, когда вы шли, задевая стены, и люди шарахаются от вас. О, если бы знали вы, сколько зла от вина, и могли бы отказаться от кувшинов с вином. Но вы отказались от вашего достоинства». Это еще не самое худшее. Поскольку египтянину ничего не стоило завести наложницу, купить или даже нанять рабыню, публичных домов было немного, однако они все же существовали. В них «студенты» пили сверх меры, здесь приводили к ним танцовщиц, певиц и музыкантов, которые, даже если принадлежали к культуре Амона, зарабатывали, продавая свое тело. Здесь можно было услышать иноземную музыку, здесь пели песни и декламировали стихи под звуки тамбурина и арфы. Здесь предавались всем мыслимым наслаждениям, чтобы потом, под утро оказаться на улице, шатаясь бродить по городу и наконец уснуть в сточной канаве или ввязаться в драку с первым встречным.

3. Судьи дурные и праведные

Представители закона даже самого низкого ранга внушали работникам и *феллахам* благоговейный страх. Как правило, их появление предвещало либо хорошую порку, либо конфискацию их скудного имущества. Разумеется, моралисты советовали правителям и представителям власти всегда проявлять умеренность и милосердие. «Не мошенничай при сборе налогов, но и не будь слишком строг. Если найдешь в списке большую задолженность бедняка, раздели ее на три части. Уступи две, чтобы осталась только одна часть». Некоторые чиновники напоминают в надписях на стелах, или статуях в храмах, или в своих гроб-

ницах, что руководствовались не менее гуманными принципами. Визирь Птахмос говорит: «Я делал то, что хвалят люди и что угодно богам. Я давал хлеб голодному. Я кормил того, кто ничего не имел» Другой визирь, Рехмира, заботливо управлял царскими владениями. Он наполнил храмы статуями и построил себе великолепную гробницу, но он также защищал слабого от сильного, покровительствовал вдове, у которой не было родни, а только дети. Подчиненным Бакенхонсу, верховного жреца Амона, тоже не приходилось жаловаться на своего господина, если верить его словам: «Я был отцом тем, кто ниже меня, учил их детей, я подавал руку несчастным, кормил тех, кто впадал в нужду. Я не угрожал слугам, а был для них отцом... Я обеспечивал похороны тому, кто не имел наследника, давал гроб тому, кто не имел ничего. Я защищал сироту, который взывал ко мне, я отстаивал интересы вдовы. Я не прогонял сына с должности отца. Я не отнимал малых детей у матери. Я открывал свои уши перед всеми, кто говорил правду. Я удалил всех,отягощенных пороками». А вот история бывшего царского писца и хранителя амбаров Хаемхата. До самой смерти репутация его оставалась незапятнанной. «Не было никогда обвинений против меня... когда явился я в великий зал суда, боги там нашли, что все мои деяния не склоняют стрелки весов. И сам Тот оправдал меня перед всеми богами и богинями».

Все эти рассказы звучат весьма ободряюще. Однако один властитель, хорошо знавший людей, предостерегает своего сына от судей: «Знай, немилостивы они в тот час, когда они выполняют свои обязанности». Старый вояка Хоремхеб, занимавший трон между потомками Эхнатона и Рамсесом I, не питал никаких иллюзий на этот счет. Он знал, что в тревожные годы, последовавшие за религиозной революцией, писцы, сборщики налогов и все представители власти, вплоть до самых ничтожных, беспощадно притесняли простых людей, обкрадывая одновременно народ и фараона. Судьи без стеснения брали взятки, за деньги оправдывали преступника и осуждали невинного, слишком бедного, чтобы им заплатить. Хоремхеб придумал, как покончить с несправедливостью и покарать тех, кто злостно нарушал свой долг. Он издал суровый указ - любой судья, уличенный в злоупотреблениях своим служебным положением, подвергался позорной казни: ему отрезали нос и ссылали в своего рода каторжный лагерь в Силе, на Суэцком полуострове.

Сети I в своем декрете довольно сурово обращается к визирям и хранителям золота, к вождям южных и северных племен, к колесничим и начальникам конюшен, к носителям зонта, ко всем стражникам царского дома и ко всем посланникам. Речь идет о защите от алчных чиновников Дома миллионов лет, который он основал в Абидосе и щедро одарил его имуществом, людьми и стадами. У фараона есть все основания думать, что эти чиновники насильно уводят его пастухов, рыбаков, земледельцев и ремесленников, что они ловят рыбу в его прудах и охотятся в его угодьях, что они конфискуют суда, особенно те, что возвращаются из Нубии с грузом товаров из южных стран. Каждый чиновник, который завладеет имуществом храма, будет наказан по крайней мере сотней палочных ударов, вернет все захваченное и заплатит штраф в стократном размере в возмещение причиненных убытков. В отдельных случаях наказание будет равняться двумстам палочным ударам и нанесению пяти ран. Особо провинившихся отдавали на земледельческие работы служителям храма, предварительно отрезав им нос и уши. Ярость, с которой царь действовал против своих чиновников, чтобы защитить привилегированное жреческое сословие, может вызвать лишь глубокое изумление. Однако надо признать, что чиновники действительно далеко не всегда проявляли безграничное уважение к привилегиям, которыми пользовались жрецы. Остается лишь поинтересоваться, ожидали ли их столь же суровые наказания за обиды, учиненные ремесленникам или крестьянам. Судя по дошедшим до нас фрагментам истории поселянина из Соляного оазиса, царь искренне желал вершить справедливый суд по отношению ко всем своим слугам.

4. Охрана порядка

При последнем правителе династии Рамсесидов в Фивах, да и во всем Египте, происходили поистине невероятные события. Кражи, злоупотребления властью и прочие преступления случались во все времена и даже при славнейших из царей; но никогда прежде не было такого, чтобы организованные банды разграбляли храмы и гробницы, сокровищницы, главной защитой которых служила прежде искренняя вера египтян в великих богов. Начиная с эпохи Раннего царства египтяне высекали на видном месте большими иероглифами предупреждение тому, кто будет вести себя недостойно в гробнице, кто ограбит или повредит статую, росписи, надписи или любой предмет погребального культа. За это ему обещали жестокие кары: «Того, кто содеет подобное против того-то, да сожрет его крокодил в воде, да укусит его змея на земле! Никогда ему не будет погребальных церемоний. Сам бог осудит его». Позднее один номарх Сиута, который весьма опасался, что его гробницу могут осквернить, тем более что он сам захватил более древнюю гробницу, приказал в ней высечь более подробное предупреждение: «Любой человек, будь он писец, мудрец, горожанин или из простых людей, если он возвысит голос в этой гробнице, если он повредит надписи или разобьет статуи, испытает на себе гнев Тота, самого строгого из богов, испытает на себе ножи палачей фараона, пребывающего в великих дворцах. Боги отвергнут его подношения». И напротив, номарх благословляет почтительного посетителя, которому суждено дожить до старости в своем городе, стать *имаху* (то есть «привилегированным»); в период Нового царства, поскольку многие привилегии начинали действовать лишь после сошествия в мир иной, это слово стало употребляться как синоним слова «покойный».

Египтяне Нового царства не утратили доверия к этим предупредительным надписям. Когда Сети I нашел воду в пустыне поблизости от золотых рудников, он построил там святилище Амона-Ра и других божеств не только в благодарность за их милости, но и для того, чтобы они защищали тех, кто моет золото и кто доставляет его в царскую казну. Если будущие правители исполнят его волю, Амон, Хораhti и Татенен ниспослют им сластное царствование на земле и победу над всеми чужеземными странами и над Землей Лука. Но если какой-нибудь царь нарушит его планы, он ответит в Оне перед судом. Правителя, который прикажет мастеру послать рудокопов на другие работы, ожидает кара: «Пламя сожжет его плоть! Сияющая растерзает его члены. И всякий человек, который останется глух к его повелениям, увидит: Осирис встанет за его спиной, Исида - за спиной его жены, Хор - позади его детей вместе с владыками Та-Джесер, исполняющими свой долг». Верховный жрец Амона, Херихор, поставил свою статую в храме, чтобы она была поблизости от бога и народ приветствовал ее на торжественных процессиях. Он наложил проклятие на всякого, кто осмелится сдвинуть ее с места даже по прошествии многих лет. Он познает гнев Амона, Мут и Хонсу. «Его имя больше не будет существовать на земле Египта. Он умрет от голода и жажды». Аменхотеп III издал указ, касающийся дворца *ка* (погребального храма) его фаворита Аменхотепа, сына Хапу: святилище будет находиться под покровительством Амона-Ра, царя богов, пока оно стоит на земле. На любого, кто повредит его, обрушится ярость Амона: «Он предаст их огню царя в день его гнева. Его урей извергнет пламя им в лицо, сожжет их плоть, растерзает их тела. Они станут подобны Апофису (змею преисподней, убитому богом Ра) утром дня нового года. Они не смогут проглотить жертвоприношения покойным. Им никто не нальет воду реки. Их сыновья не займут их место. Их жен изнасилуют у них на глазах... Они погибнут от ножа в день побоища. Тела их истощатся и ослабнут, потому что они будут голодать и у них не будет пищи».

Так было прежде, но все аспекты управления страной тесно связаны между собой. Страх перед богами, ужас перед загробными карами оберегали храмы и гробницы, пока честная и бдительная стража охраняла некрополь к западу от Фив. Но вот пришел день, когда стража забыла о своем долге. С этого дня все угрожающие надписи утратили свое могущество.

Первые ограбления некрополя произошли, как нам известно, на четырнадцатом году правления Рамсеса IX (1100 г. до н. э.), однако в действительности они были далеко не первыми. Гробницы грабили годами, но отвечавший за некрополь правитель *хера* (некрополя), которому подчинялись стража, *меджаи* (патрули) и многочисленные сторожа, ничего не предпринимал, чтобы положить конец этим преступлениям. Только Пасер, правитель города, которого такие дела в общем-то не касались, раскрыл этот скандал в донесении визирю и комиссии из высших чиновников. Донесение было тревожным. Правитель *хера* Паур-Ра под давлением прямых улик был вынужден провести расследование. Проверили ряд гробниц в северной части некрополя, начиная с гробницы Аменхотепа I, добрую память о котором хранили все жители левого берега. Пасер в своем донесении утверждал, что гробница осквернена. Но он ошибся. Гробница оказалась в полной сохранности, как и гробница вблизи храма того же Аменхотепа, пользовавшегося большой популярностью, потому что там стояла статуя фараона Интефа с его собакой Бахика. Грабители пытались обокрасть две соседние гробницы, но им не удалось ограбить дочиста гробницу фараона Сехемрашедтауи, сына солнца Себекемсафа. Камера, где покоился фараон со своей супругой, царицей Небхас, оказалась совершенно пустой. Пять других царских гробниц уцелели, однако из четырех гробниц певцов храма Амона-Ра, царя богов, две были вскрыты. Что касается соседнего некрополя, где покоились певцы, их предки и простые горожане, то он представлял собой плачевное зрелище. Здесь все гробницы были ограблены. Преступники вытащили мумии из деревянных и каменных гробов и бросили на землю, сняв золотые и серебряные украшения и прихватив всю погребальную утварь. Кое-кого из грабителей удалось задержать. Протокол их допроса был послан следственной комиссии.

Судейским чиновникам нечем было гордиться, им следовало думать, как поскорее переловить грабителей и наказать тех, кто по своей нерадивости или по сговору с ворами допустил все эти ужасные преступления. Вместо этого они обрушили свой гнев на правителя города Пасера, который пробудил их от сладостного бездействия, а теперь собирался послать доклад фараону, что грозило им всем арестом. Чтобы избавиться от этого возмутителя спокойствия, ему подсунили фальшивого свидетеля, медника Пахара, который рассказал, как он со своей шайкой грабил великие жилища предков. Паур-Ра, прекрасно зная, чего стоят эти рассказы, провел по ним следствие и доказал свою полную невиновность в данном деле. Затем собралась комиссия во главе с визирем. Она вызвала медника Пахара с его мнимыми сообщниками, обвинителя и всех, кого он хотел притянуть к ответу. Визирь изложил суть дела и выводы следствия: «Мы проверили эти великие гробницы, о которых правитель города сказал, что их обокрали медники из крепости Усермаатра Мериамона, и обнаружили, что они целы. Это доказывает, что все слова его ложны». Работников допросили и устроили им очную ставку с Пасером. Выяснилось, что они не знали ни одного вечного жилища в некрополе фараона, о которых говорил правитель города. Пасера уличили во лжи. Работники, принадлежавшие верховному жрецу Амона-Ра, одному из главных подозреваемых по этому делу, были освобождены.

Стражи порядка вообще были бы рады закрыть глаза на преступления грабителей, но им в руки попались воры, которые обчистили гробницу фараона Себекемсафа. Благодаря дошедшим до нас отрывкам их допроса мы можем представить, как они действовали. Каменотес по имени Аменпанефер из владений Аменхотепа, верховного жреца Амона-Ра, царя богов, сговорился с семью другими ремесленниками, такими же каменотесами, как он, или пленниками и одним перевозчиком, весьма необходимым для их дела, потому что без него невозможно было многократно переправляться через Нил с награбленной добычей, не возбуждая подозрений любопытных горожан. Они работали вместе уже четыре года и наконец решились ограбить пирамиду Себекемсафа. «Она не была похожа на пирамиду и гробницы знатных, которые мы обычно грабили». С помощью медных инструментов они прорубили в пирамиде узкий лаз. На это ушло много дней, но они смогли все-таки добраться до подземных покоев. Они зажгли светильники, убрали последние препятствия и очутились в помещении, где стояли саркофаги фараона и его супруги. Однако грабители

проникли сюда вовсе не для того, чтобы заниматься кропотливыми археологическими исследованиями. Не медля ни минуты, они сбросили крышки саркофагов и увидели в них деревянные позолоченные гробы. Грабители их вскрыли. Благородная мумия фараона покоилась в гробу, рядом с нею лежал меч, должно быть украшенный пальметтами и охотничьими сценами, как меч царицы Ахетеп. Золотая маска закрывала лицо. На шее висели ожерелья и амулеты. Вся мумия была покрыта золотом. Грабители забрали все золото, серебро, медь и драгоценности, а гробы они сожгли. Золото весило сто шестьдесят *дебенов* (около 30 фунтов). Они разделили его на восемь равных частей и переправились через Нил. Возможно, кто-то из них не умел держать язык за зубами, а может быть, они возбуждали подозрение у городской стражи. Аменпанефера схватили и повели к Пасеру. Однако грабитель дал писцу квартала гавани двадцать *дебенов* золота, и тот отпустил его без лишних разговоров. Аменпанефер отыскал своих сообщников, и они по-честному снова разделили добычу. На сей раз каждому досталось только по семнадцать с половиной *дебенов*. Надо было возместить такую потерю, и шайка опять принялась за свои дела, которые шли вполне успешно, пока их, наконец, не схватили. Но грабитель заявил: «Многие жители страны воровали, как и мы, и не менее виновны, чем мы!» Какое-то время их содержали под стражей, затем решили передать верховному жрецу Амона, но к моменту перевода из городской тюрьмы в храмовое узилище их осталось всего трое, да еще один вор из другой шайки, насчитывавшей семнадцать человек. Все остальные сбежали. Судьи рассудили, что теперь их должен искать верховный жрец.

Три месяца спустя каменотеса Аменпанефера, чья мать уже была выслана в Нубию, все-таки поймали, и он предстал перед судом. После того как его попотчевали как следует палками, преступник дал новые показания. Вместе с пятью сообщниками он ограбил гробницу третьего пророка Амона. Они вынесли наружу позолоченный деревянный саркофаг, бросив мумию в углу усыпальницы. Переправившись на остров Амонемипет, они взяли все золото, поделили его, а гроб сожгли. Аменпанефер продолжал свои гнусные дела, его ловили, отпускали, и вот он опять предстал перед судьями.

Гробницы фараонов и частных лиц вначале привлекали только работников каменоломен, каменотесов и ремесленников некрополя. Но вскоре к их шайкам присоединились мелкие чиновники западных храмов и самого некрополя, а также низшие жрецы. Бандиты шайки, в которой были жрец Пенунхеп и его четверо священнослужителей - Мери старший, его сын Паисем, Семди и Панхар, ухитрились снять ожерелье со статуи Нефертума, посвященной великому богу. Эта драгоценность, после того как ее переплавили, потянула на четыре *дебена* и шесть *китов* золота. Мери сам поделил добычу между сообщниками, видимо как старший по возрасту. Другая шайка, в которой были жрецы, писцы и погонщики волов, ограбила «Золотой дом» фараона Усермаатра Сетенпенра. Мы не знаем, где он точно находился. Его внешняя дверь из гранита с острова Абу запиралась медными засовами, створки были покрыты золотом. Наверное, эту гробницу плохо охраняли. Жрец Каукер и четверо его братьев наведывались сюда не раз и уносили золото, которое обменивали в городе на зерно. Однажды один из соучастников, пастух, затеял с ними ссору: «Почему не дадите мне больше?» Они вернулись к своей неистощимой сокровищнице и принесли еще пять *китов* золота (1,75 унции). Купив на них быка, они отдали его пастуху. Но писец царских документов Сетимес, услышав перебранку между жрецами и пастухом, сказал им: «Я пойду и доложу верховному жрецу Амона!» Жрецы поняли с полуслова. За две вылазки в гробницу они вынесли четыре с половиной кита золота и этим купили его молчание. Жрец Тутуи, один из служителей «Золотого дома», решил расширить район своих операций. Вместе со жрецом Несиамоном он добрался до небесных врат, взял оттуда все золото, а остальное предал огню. Точно так же погибло огромное количество драгоценной утвари. Однажды грабители утащили носилки верховного жреца Амона, Рамсеснахта, который был совсем недавно погребен. А вскоре другая шайка похищает такие же носилки великого бога Усермаатра Сетенпенра и сорок «домов» фараона Менмаатра (Сети I), хранившиеся в сокровищнице дворца Усермаатра.

Донесения и допросы по поводу этих грабежей составили довольно толстый том. Однако они касаются только второстепенных дел, потому что в этих записях упомянута лишь одна ограбленная гробница фараона. А на самом деле почти все гробницы в Долине царей и Долине цариц были вскрыты и ограблены в начале царствования Двадцать первой династии, то есть менее чем за тридцать лет. Чтобы спасти мумии фараонов, визири и великие жрецы Амона решили извлечь их из саркофагов и захоронить без всяких украшений и золотых масок, в одних только пеленах и в простых гробах в каком-нибудь тайном месте. Грабители, промышлявшие в этом районе, не добрались только до гробницы Тутанхамона и гробницы царицы Ахетеп. Мне кажется, гробницы Аменхотепов, Тутмосов, Сети и Рамсесов были ограблены работниками некрополя, хотя стражники могли бы легко покончить с этими бандитами. Но при последних Рамсесах Египет раздирали междоусобные войны между приверженцами Амона и приверженцами Сета, особенно многочисленными и активными в Конгосе, Оксиринхе, Тель-Модаме и Пер-Рамсесе. Наверное, во время этой жестокой гражданской войны сторонники Амона и Сета поочередно или все вместе грабили великие гробницы под предлогом, что противнику не должны достаться захороненные в них сокровища. Пример был подан сверху, и маленькие люди с маленькими средствами последовали ему, тем более что в эти смутные времена жизнь неимоверно вздорожала. Продуктов не хватало, и меняли их только на золото или серебро. За быка просили одну и три четверти унции золота. Сообщники некоего Бухафа признаются, что за свою часть добычи приобрели кто поля, кто зерно и ткани, кто рабов. Покупка раба не могла остаться незамеченной, потому что подобные сделки регистрировались в официальных конторах. Поэтому судья, узнав, что люди малого достатка купили раба, интересуется, откуда такие средства. Судебный писец спрашивает фиванку по имени Аринефер: «Что ты скажешь о серебре, которое принес Панехси, твой муж?» - «Я никогда его не видела». Визирь повторяет вопрос: «Как приобрела ты вместе с ним этих слуг?» - «Я никогда не видела серебра, которым он заплатил за них. Он приобрел их, когда он был далеко». Судьи задают последний вопрос: «Откуда серебро, которое Панехси уплатил Себекемсафу?» - «Я выручила его за зерно в год гиен, когда все голодали».

Суд не нашел нужным уточнять, что подразумевала обвиняемая под «годом гиен». Это было общепринятое выражение, однако нас оно немного смущает. Некоторые египтологи думают, что речь идет о тех годах, когда гиены забредали в Фивы, точно так же как волки иногда появлялись в предместьях наших больших городов в голодное время. Но другие полагают, что это всего лишь образное выражение. Возможно, «год гиен» - год, когда враги Амона захватили Фивы и разграбили все храмы и некрополи. Все были в панике. Один из грабителей кричит отцу одной женщины, который входил в шайку Бухафа: «Старый дурак, ни к чему не годный, если бы ты покончил с собой и бросился в Нил, кто бы тебя искал?» Воистину Рамсес III имел все основания снова и снова взывать к богам с мольбой даровать его сыну благополучное царствование. Он предчувствовал, что на Египет надвигается катастрофа. Буря разразилась через семьдесят пять лет после его смерти. И лишь через четверть века бед и невзгод, каких эти земли не знали со времен нашествия гиксосов, через четверть века, когда ремесленники, писцы и жрецы бесстыдно вторгались в жилища богов и умерших, Египет восстал из разрухи, являя собой лишь слабую тень своего бывшего величия.

5. Суд

За восстановлением порядка последовали жесткие меры. Точно установлено, что уже при Рамсесе IX для восстановления ущерба, нанесенного грабежами, была собрана следственная комиссия во главе с визирем, первым лицом в Египте после фараона. Судя по работе комиссии, визирь был больше заинтересован в том, чтобы замолчать реальные убытки, чем открыть всю истину. Многих грабителей схватили и заточили в тюрьму, однако они

без труда покупали себе свободу за награбленное золото и вновь брались за старое. Но после того как в последние годы царствования Рамсеса IX ограбления гробниц возобновились, была создана новая следственная комиссия, в которую, помимо визиря, входили царские кравчие, хранители казны, два носителя опахала, писцы и глашатаи. На этот раз они действовали решительно. Довольно часто истцы обращались к статуе божественного царя, чтобы вернуть украденное или получить соответствующее вознаграждение. Однако дело слишком серьезное, поэтому священную статую оставляют в покое, а судьи, чтобы узнать истину, прибегают к испытанным средствам.

В начале судебного заседания, на котором допрашивали главных обвиняемых по делу об ограблении великих гробниц, визирь говорит пастуху Бухафу: «Ты был со своими людьми. Бог поймал тебя и привел сюда. Он отдал тебя во власть фараона. Назови мне всех людей, которые были с тобой в этих великих жилищах!» Обвиняемый не заставляет себя долго просить и называет шестерых сообщников. Но суду этого мало. Бухафа бьют палками. Он клянется сказать всю правду. Его допрашивают снова: «Скажи, как добрался ты до священных жилищ?» Бухаф говорит, что гробница, куда он проник, уже была вскрыта, и его снова бьют палками, пока он не клянется, что скажет всю правду. У него вырывают признание: он называет еще тринадцать имен и заявляет: «Клянусь Амоном, клянусь царем, если обнаружат человека, который был вместе со мной и я утаил его, я приму наказание вместо него!» И вот начинается долгий допрос сообщников, которые тоже называют во время следствия новые имена. Обвиняемые клянутся говорить только правду под страхом высылки в Нубию, или быть изувеченными, или «поставленными на дерево». Это выражение мы уже встречали неоднократно. Многие из тех, кто что-то замыслил против Рамсеса III, были «поставлены на дерево». Египтологи думают, что это означает посадить на кол, но лично я не разделяю этого мнения. На ассирийских рельефах мы видели посаженных на кол, но на египетских - ни разу. Зато иногда на них изображены привязанные к столбу преступники, избиваемые палками. Поэтому я думаю, что преступника, которого «ставили на дерево», привязывали к столбу и, наверное, забивали палками насмерть.

Иногда на вопросы судьи обвиняемый отвечал: «Горе мне, горе моей плоти!» Судья хладнокровно повторял вопрос и, если ответ, как обычно, его не удовлетворял, снова переходил к палкам. Били тремя способами, потому что в египетском языке для этого наказания было три термина: *беджен*, *неджен* и *менини*. Некоторые получали наказания всех трех сортов, но мы точно не знаем, чем они отличались. Били по спине, по ладоням и стопам. Это действенное средство хорошо развязывало языки, однако не всегда. Часто судебский писец отмечает, что даже после второго и третьего битья обвиняемый ни в чем не признался. По-видимому, и после этого обвиняемого не отпускали. Иногда вставший в тупик судья, не получив от несчастного ни признаний, ни сведений, требовал, чтобы тот назвал свидетеля, который мог бы подтвердить правдивость его показаний. Освобождали обвиняемых редко. Перед судом предстал трубач по имени Амонхау. Визирь его спрашивает: «Как тебе и возжигателю благовоний Шедсухонсу удалось проникнуть в великое жилище и вынести оттуда серебро, после того как там побывали воры?» Тот отвечал: «Горе мне! Горе моей плоти! Это все Перипатау, трубач, с которым я поссорился и сказал ему: «Ты будешь предан смерти за кражи, совершенные тобой в некрополе...» Его продолжали допрашивать, подвергнув битью палками по ладоням и стопам. Он сказал: «Я не видел никого, кроме того, кого уже назвал». Его подвергали битью *неджен* два раза и битью *менини*. Он сказал: «Я ничего не видел. О том, что видел, я уже сказал». Допрос возобновился на десятый день четвертого месяца сезона *шemu*. Амонхау признали невиновным в этих кражах и отпустили на свободу. Бедняга, несомненно, заслужил это.

Благодаря многочисленным сохранившимся свидетельствам мы можем получить довольно полное представление о том, как проводились допросы в интересующую нас эпоху. Но, увы, до нас не дошли судебные решения, поэтому мы не знаем, что ожидало виновных: смерть под пытками или жалкое существование в рудниках и каменоломнях.

6. Прием иноземных данников

Как мы видели, государственные служащие отвечали главным образом за охрану царских владений, борьбу с преступниками, судопроизводство и сбор налогов. В голодные годы они кормили народ. Это были их обычные обязанности, но некоторым выпадала большая удача принять участие в делах почетных и славных. Самой приятной обязанностью, пожалуй, считалась встреча иноземных послов, прибывших молить, чтобы их народ приняли «на царскую воду», или известить царя о том, что в далекой земле занемогла царевна, которую излечит лишь искусный египетский врач или могущественный египетский бог.

Посланцы из Речену, Нахарины и далеких азиатских стран могли по желанию прибыть по суше или морем. В первом случае их встречали пограничные отряды на заставе Пути Хора. Во втором - они приплывали на кораблях, очень похожих на египетские. И это не удивительно, потому что египтяне в корабельном деле были учениками библских корабелов. Прибыв в порт, сирийские капитаны возжигали благовония и жестаами выражали свою радость по случаю счастливого завершения долгого плавания. Они быстро выгружали свои товары, а египтяне тем временем разбивали на набережной большие палатки с питьем и едой. Вскоре появлялся египетский чиновник и вел гостей к визирю. Шествие было веселым и пестрым. Поглазеть на него собирались, наверное, толпы. Художники, которым предстояло изобразить иноземных гостей в гробнице визиря, изучали их с пристальным вниманием. Одни гости были в набедренных повязках, вышитых разноцветными шерстяными нитками, с кисточками, другие - в длинных одеяниях с рукавами, с застежками спереди в виде шнурка или крючков, третьи - в широких шерстяных накидках. У некоторых висел на шее медальон. Женщины - в платьях с оборками. Слуги вели лошадей, медведей, слонов ростом чуть больше теленка. Несли на плечах кувшины с терпентином, смолой, медом и растительным маслом и корзины, полные золота или лазурита. Но больше всего египтяне ценили иноземные изделия - оружие и колесницы, украшения и металлические сосуды. Сирийцы достигли в изготовлении этих предметов поразительного мастерства. Они уже не довольствовались, как в начале Восемнадцатой династии, сосудами с ручками в виде растений, чашами со скромным рисунком или с искусственными цветами внутри, а производили теперь огромные вазы на ножках, сплошь украшенные гравировкой или инкрустацией, где растения, фигуры людей и животных переплетались вокруг ножки, на боках и на крышке. Здесь были и вазы с тремя горлышками. Крышки имели форму головы бога Бэса или грифона. Чаши напоминали теперь многоэтажные дворцы или подножия для сфинкса с женской головой. А иногда, наоборот, чашу поддерживали двое мужчин, стоящих спина к спине. Отметим еще жезлы из настоящих или искусственных слоновьих бивней с богатой резьбой и насаженными на них набалдашниками в виде головы бога Бэса или женской головки. Подобные вещи не имели никакого практического применения. Это были чисто парадные украшения. Возможно, поэтому они так нравились египтянам, которые в своих мастерских делали с них упрощенные копии. Насколько велик был интерес к этим иноземным безделушкам, можно судить по той тщательности, с которой они воспроизведены в ряде гробниц, например в гробнице Амисеба.

Посланцы южных стран не уступали по своей живописности азиатам. Увешанные ожерельями, с хвостами пантер, привязанными сзади, с обритой головой, на которой оставались три пучка волос, они шли, приплясывая, под звуки тамбурина. Их жены в одной лишь юбке или в платье с воланами несли в корзинах на спине до четырех детей сразу. Мужчины приносили кожаные щиты, слоновую кость, страусовые перья и яйца, шкуры пантер, кувшины и мешки. Они вели за собой на веревке обезьян, гепардов и длинношеих жирафов. Однако ни одно из этих шествий не может сравниться с торжественным кортежем царского сына Куша Хеви, представшим перед Тутанхамоном. Большинство нубий-

цев надели египетское платье, однако сохранили кое-что из своих национальных украшений. Их длинные волосы образуют на голове нечто вроде шапочки с диадемой и страусовым пером. В ушах у них тяжелые серьги, на шеях ожерелья; на запястьях сверкают массивные браслеты. У некоторых на плечах шкура пантеры, а поверх них пояс, перевязь и передник с изображенными на них солнечными дисками с лучами. Вожди с достоинством выступают в прозрачных гофрированных одеждах, на груди у них египетские ожерелья, на ногах - сандалии. У детей, как и у детей египтян, на правую щеку падает косичка. К рукам привязаны хвосты пантер. У носильщиков даров в ушах простые кольца, но у знати серьги представляют собой золотые диски с подвесками.

В шествии участвуют воины, которые преклоняют колени и просят даровать им «дыхание жизни». Носильщики протягивают на подносах мешочки с золотом и золотые кольца, другие несут шкуры пантер и жирафов, бычьи шкуры с головами. Группа вождей идет впереди колесницы своего царя, очень похожей на азиатскую или египетскую; на ней даже установлен великолепный зонт из страусовых перьев. Но влекут ее не кони, а два безрогих быка. За колесницей следуют несколько пленников со связанными руками и петлей на шее. Шествие замыкают негрятки со своими младенцами в заплечных корзинах и в окружении детей с выбритыми по их обычаю макушками. Они обнажены по пояс. Как и у мужчин, у них в ушах серьги, на запястьях - массивные браслеты, к рукам привязаны хвосты пантер.

Народы юга не были столь изобретательны, как финикийцы, но и у них имелись весьма искусные ремесленники. Возможно, египетские правители Нубии, которых называли «царскими сыновьями» или «наместниками» Куша, всячески способствовали развитию местного искусства. Об этом можно судить по тому, с каким удовольствием Хеви смотрит на выставленные перед ним товары, прежде чем преподнести их своему суверену. Нубийцы изготавливали не только предметы, похожие на египетские: кресла, кровати, подголовники и колесницы, но и свое оружие, отличавшееся от оружия египтян. Их кожаные щиты в металлической окантовке, укрепленные металлическими гвоздями, нередко украшали часто повторяющиеся сценки. На одних мы видим сфинкса с головой барана, попирающего своих врагов, на других - фараона, пронзающего копьем нубийца. Но египтяне еще больше ценили золотые миниатюрные изображения негрятских деревушек, стоящих на дне корзины или же на маленьком столике. Хижина в форме очень высокой пирамиды прячется в тени финиковых пальм и пальм дум. Обезьяны и дети взбираются на пальмы за плодами. По деревне разгуливают жирафы со своими хозяевами. Вокруг изображения - колелопреклоненные негры. Ножки столика сделаны в виде фигурок негров, привязанных к столбам, с нанесенными на них царскими картушами. Шкуры пантер и золотые цепи свисают со стола. Это шедевр нубийского мастера, вдохновленного египетскими образцами.

Посланник, который привозил с юга подобные сокровища, не говоря уж о слитках золота, черном дереве и слоновой кости, да при этом еще и мог похвалиться, что в его стране царят мир и спокойствие, вполне заслуживал царской награды.

Глава XI

В ХРАМАХ

1. Набожность

Геродот считал, что во всем мире не найти народа, равного египтянам в набожности. Они верили, что все на земле принадлежит богам, что боги - источник всякого блага, что им ведомы все помыслы людей и что в любой момент они могут вмешаться в дела смерт-

ных. В битве при Кадеше Рамсесу II, оставленному своим войском и окруженному со всех сторон врагами, удалось победить лишь потому, что голос его донесся до самых Фив и был услышан самим Амоном. Несколько солнечных дней в суровый сезон было даровано Рамсесу, чтобы его невеста могла добраться до Египта, потому что бог Сутех ни в чем не мог отказать своему любимцу. Это вовсе не опытные специалисты нашли в пустыне Икати воду - все дело в том, что Хапи любил своего сына Рамсеса больше, чем прежних правителей.

Вера в то, что боги покровительствуют отдельным людям, породила иногда безумные идеи. Фараон Аменхотеп III, например, пожелал при жизни узреть богов. Принц Хорнахт, сын Осоркона II и царицы Каромамы, потребовал, чтобы божественный коршун помогал ему, когда он будет среди антилоп и небесных птиц, очевидно, чтобы узнать их язык, доступный лишь немногим избранным, и выслушивать с их помощью повеления богов. И многие египтяне верили, что такие избранные могут повелевать природой, что им покорны земля и небо, день и ночь, горы и воды, пространство и время. Рамсес III в Большом папирусе Харриса просил богов Египта, великих и малых, о самых простых и разумных вещах: для себя - счастливую вечность, для сына - чтобы он стал могучим и почитаемым царем, правил долго и чтобы Нил одарял его щедрыми разливами. Он полагал, что заслужил это, ибо боги поставили Рамсеса на место его отца, как они поставили Хора на место Осириса. Он не угнетал людей. Он не крал. Он исполнял волю богов.

Желания простых людей, богатых или бедных, куда скромнее. Бездетные родители просят Имхотепа даровать им ребенка. Бата, которого преследует обезумевший от ярости брат, вспоминает, что Хорахти умеет отличать ложь от истины, и полагается на него. Все верили, что боги пекутся о бедняках. Когда все оборачивалось против них, бог оставался их опорой, неподкупным судьей: он не заставлял свидетелей менять показания. На суде бедняк, у которого нет ни серебра, ни золота для писцов, ни одежд для их слуг, вдруг видит, что Амон принял облик визиря, дабы правда восторжествовала и слабый одержал верх над сильным. Писец надеется, что бог Тот поможет ему стать более искусным: «Приди ко мне, Тот, священный ибис, бог, любящий Шмун, главный писец Эннеады богов, приди ко мне, направь меня, сделай меня умелым в твоём искусстве, ибо твоё искусство самое прекрасное. Ведомо каждому: кто владеет им в совершенстве, становится вельможей».

Эта пылкая и в то же время рассудительная набожность часто ставит нас в тупик. Тяга богов к роскоши общеизвестна. Однако богатства египетских храмов в период Нового царства поистине невообразимы. С момента прихода к власти фараона Яхмоса в них скапливаются все излишки, все, что удастся сэкономить. Главной заботой фараонов становится постройка новых и восстановление старых святилищ. Они расширяют и украшают древние храмы, заново возводят их стены, заменяя кирпичные на каменные, ставят новые ворота, строят священные ладьи, умножают статуи, меняют отечественное дерево на экзотическое, покрывают золотыми пластинками пирамиды, обелиски и стены великих гробниц, устанавливают во всех их покоях мебель, инкрустированную золотом и драгоценными камнями. Разумеется, во времена Эхнатона и, может быть, в малоизвестные годы, предшествовавшие царствованию Сетхнахта, кое-что было разрушено и утрачено: происходила как бы репетиция того, с чем пришлось столкнуться последним Рамсесам. Однако изобильные и славные годы правления других фараонов с успехом возмещали этот ущерб.

Подобно грекам и римлянам, мы удивляемся количеству и разнообразию египетских богов. На одном из папирусов Каирского музея изображена царская дочь, жрица Исетемхеб, на берегу водоема. Грациозным движением она простирается перед крокодилом, который лежит под деревом на другом берегу. Без тени отвращения она пьет воду, где только что плескалось это равнодушно взирающее на нее чудовище, ибо крокодил - это Себек, один из самых почитаемых богов. Два главных центра его культа находились в Фаюме, позднее

названном греками Крокодил ополем, и в Сумену (рядом с Гермонтисом) южнее Фив, а храмы - почти по всей стране.

Жители Мемфиса и Она предпочитали крокодилу быка, которого первые называли Хапи (Апис), а вторые - Мерур (Мневис). Быка Аписа отличали по особым признакам, известным еще греческим авторам. Когда его находили в стаде, жрецы праздновали его рождение и торжественно вводили в храм Птаха. Священному быку давали лучший корм и осыпали почестями до конца его дней, а когда он умирал, вся страна погружалась в траур. Тело Аписа, или Мерура, мумифицировали и хоронили как высокого правителя. В Шмуне священными считались ибисы. Избранному ибису поклонялись, как богу. Со всего Египта приносили мертвых или мумифицированных ибисов и хоронили в огромной пещере. Всюду почитались священные соколы, и не только в городе Нехене, который греки позднее назовут Гиераконполь, но также напротив Нехена, в Нехебе, а также в Даманхуре (город Хора) или Санхуре (защита Хора) и в других городах, например в Хатирибе (Атрибисе), где древний некрополь был полностью восстановлен Джедхором Спасителем, а также в Танисе, где наша экспедиция недавно нашла мумии соколов в маленьких сосудах. Жители Бубаста поклонялись кошке. В Имете богиней была ужасная змея Уаджет (Буто). Крестьяне Фиваиды приносили в жертву змее, которую, правда, называли другим именем, Ренутет, первые снопы нового урожая.

Баал-Сет (*Эрман. Религия египтян*)

Однако божественные почести доставались не только животным и птицам. Растения тоже пользовались большим почетом. Парами и поодиночке египтяне с благоговением подходили к сикомору и протягивали руки, чтобы получить воду от богини, скрытой в этом дереве. Каждый город поклонялся своему священному дереву, однако местного божества было недостаточно, чтобы утолить религиозную жажду. В каждом мало-мальски значительном городе, кроме местного бога, почитались и другие божества из соседних городов, а то и из далеких стран. Когда Рамсес II основал свою столицу в Восточной Дельте, он собрал там целый пантеон богов, где Амон соседствовал с Сетом, своим бывшим и будущим противником; Атум из Она, Птах из Мемфиса и другие египетские боги стояли рядом с финикийскими и сирийскими богами, потому что египтяне начали принимать в свои святилища богов соседних стран, как будто им не хватало собственных. Убийца Осириса сме-

нил свою собачью голову на человеческую и предстал в облачении Баала: на нем расшитый передник с кистями и остроконечный шлем с солнечным диском, двумя острыми рогами и длинной лентой, свисающей до земли. Вместо прежней его сестры Исиды теперь его родственницей стала ханаанская Анат. Когда Астарта пришла в Египет, ее признали «царицей всех богов». Как мы уже знаем, Рамсес II, построив для ожидания своей невесты крепость между Египтом и Сирией, не мог ее оставить без божественных покровителей: он выбрал на эту роль двух египетских богов и двух азиатских. Начиная с царствования Тутанхамона ханаанский бог Хорон, который, как и Хор, имел облик сокола, приобретает все большее влияние и, похоже, вытесняет древнего покровителя фараонов. Мемфис, где целый квартал принадлежал выходцам из Тира, представлял собой как бы музей всех египетских и иноземных культов. А Фивы - город ста врат - могли бы с тем же успехом называться городом ста богов.

2. Жречество

Как мы видели, каждый храм представлял собой маленький город, где за окружной стеной жили своим закрытым сообществом чиновники, охрана, ремесленники и земледельцы. Их жизнь полностью зависела от храма, но они не были мирянами. Для обозначения религиозных служителей использовались следующие названия *уаб* (чистый), *ит нечер* (божественный отец), *хему нечер* (слуга бога), *херихеб* (человек со свитком; во время торжественных церемоний он держал в руке список с программой праздника) и *унуиты* (двенадцать жрецов, сменявших друг друга днем и ночью, чтобы обеспечить постоянное «дежурство» при боге; *унут* означает «час»). Многие храмы содержали управляющего тайными обрядами, который был ответственным за священные действия, о них мы поговорим позже. Жрец - *сем* - не фигурирует среди жрецов Амона, зато он играет значительную роль в Оне в Мемфисе. В Фивах во главе жрецов Амона стояли четыре *хему нечер*. «Первый слуга бога», несмотря на свой скромный титул, был одним из самых влиятельных лиц в Египте. В Оне глава жрецов Атума назывался «великим провидцем», глава жрецов Птаха в Мемфисе - «великим начальником ремесленников», а в Шмуне главным жрецом храма Тота был «великий из пяти». Во многих храмах, как и в храмах Амона, главным персонажем был служитель бога. Мы переняли от греков обычай называть этих *хему нечер* «пророками», потому что им приходилось иногда истолковывать волю богов, но этим не ограничивались их обязанности, да и вообще мы не знаем, являлось ли прорицание их привилегией. Но как бы они ни назывались, жрецы со времен Нового царства явно старались выделиться из общей массы населения. Они презирали гофрированное платье с рукавами и ходили только в набедренных повязках с длинным передником. Они наголо брили голову, никогда не носили ни бороды, ни усов.

Точно так же как один храм принимал у себя многих богов, жрецы далеко не всегда служили всю жизнь одному и тому же богу. Сети, верховный жрец Сета, был в то же время распорядителем празднеств Банебдеда и держателем свитка на церемониях Уаджет, «владычицы Обеих Земель». Небунеф, которого Рамсес II назначил верховным жрецом Амона, никогда до этого не принадлежал к служителям этого бога. Он был великим жрецом Инхара в Тине и Хатхор в Дандаре. Второй пророк Амона, по имени Анен, не достиг у этого бога более высокой милости и утешился, когда его назначили великим провидцем и жрецом-*сем* в Оне Монту (Гермонтис), городе в Фиванском номе.

В храмовых обрядах участвовало много женщин. У каждого храма были свои певицы, которые пели во время церемоний, потрясая систрами и трещотками. Они жили в семье, их присутствие в храме требовалось только в определенные дни, да и то на несколько часов. И наоборот, те, кого называли *хенерет*, постоянно находились в храме: слово *хенер* означает одновременно тюрьму и самую закрытую часть храма и дворца. Их предводительница называлась «божественной женой» или «божественной рукой». Высказывалось

предположение, что узницы этого божественного гарема были священными куртизанками, как в Библие. Однако у нас нет доказательств, что подобные священные блудницы существовали в Египте. Правда, некоторые певицы Амона отличались легкостью нрава и посещали порой злчные места, но судить обо всех служительницах бога по единственному примеру, приведенному в одном Туринском папирусе, было бы слишком строго. И это уж никак не доказывает, что храмовые певицы должны были, как женщины Библи в дни праздника Адониса, отдаваться чужеземцам и приносить в храм свои жалкие гроши, заработанные таким способом.

Точно так же как чиновниками обычно становились представители семей чиновников, жрецы почти всегда были сыновьями жрецов. Мы уже знаем, что Бакенхонсу, сын второго жреца Амона, был отдан в школу в возрасте пяти лет, чтобы затем вступить в жрецкое сословие. Все сыновья и внуки верховного жреца Рама-Раи тоже стали жрецами. Его старший сын оставался рядом с ним в качестве второго верховного жреца. Младший сын был жрецом в храме к западу от Фив. Внук стал уже «божественным отцом». Но бывало и так, что намерения семьи расходились с желаниями детей или менялись под влиянием обстоятельств. Одно официальное письмо сообщает нам, что визирь представил трех юношей на должность жрецов при великой гробнице Меренптаха в храме Птаха. Однако какой-то дерзкий чиновник, наверное подобный тем, против кого ополчился Сети, пренебрег их сном, схватил трех юношей и отправил на север служить в войско. Это было явным превышением власти. Писец тотчас сообщил об этом факте и потребовал возвращения молодых людей.

Школьники, которые готовились посвятить свою жизнь служению богу, обучались грамматике и письму, как все дети, но сверх того им приходилось изучать множество других наук. Они должны были знать образы богов, их эпитеты, атрибуты и легенды, с ними связанные, не говоря уж о ритуалах. По окончании обучения они, по всей вероятности, сдавали своеобразный экзамен. Всякий, кого учителя признавали достойным вступить в жрецкое сословие, снимал свои одежды, мылся, брился наголо и умащался благовониями. Затем он надевал жрецкое одеяние и получал «доступ к небесному горизонту». Преисполненный благоговейного страха перед могуществом богов, он наконец мог приблизиться к богу в его святилище.

3. Культ

Ежедневные ритуалы, справлявшиеся в египетских храмах в честь царя и, что немало важно, за счет царя, проходили во внутренних алтарях, в глубокой тайне от простых смертных. Жрец, назначенный специально для этой цели, сначала очищался в Доме утра, а затем зажигал курильницу и шел к святилищу, очищая дымом терпентинной смолы все промежуточные покои. Наос, или алтарь, в котором стояла позолоченная деревянная статуя бога или богини, обычно был заперт, и жрец должен был взломать глиняную печать, затем отодвинуть засов и распахнуть обе створки двери. Простершись ниц перед божественным образом, он обрызгивал статую благовониями, окуривал и пел прославляющие молитвы. До этого момента статуя считалась неодушевленной - жизнь входила в нее в тот миг, когда жрец начинал подносить ей дары: сперва искусственный глаз Хора, вырванный у него его врагом Сетом и возвращенный ему богами, а затем статуэтку Маат (Трут), дочери Ра. После этого жрец выдвигал статую из наоса и приступал к ее туалету, как если бы перед ним находился фараон. Он мыл статую, окуривал ее, облачал в торжественные одежды, натирал благовонными мазями и, наконец, снова ставил в наос и клал перед ней пищу, которую затем сжигали без остатка. Напоследок очистив статую солью с водой и терпентином, жрец снова закрывал наос, задвигал засов, запечатывал двери и пятясь удалялся, сметая свои следы специальной метелкой.

Верховный жрец, совершающий жертвоприношение Мневис (*Эрман. Религия египтян*)

За эти заботы бог даровал фараону жизнь, и не только телесную, но и жизнь в единении с богом с бесконечными празднествами в грядущей вечности. Народ никак не участвовал в этом ежедневном обряде, но ему достаточно было знать, что фараон удостоился благословения своих божественных отцов и теперь их милости распространятся на весь Египет. Простые люди брали свое в дни больших выходов бога к народу, но в ожидании этих великих празднеств каждый мог, должно быть за небольшое пожертвование, войти в дом бога, пересечь храмовый двор и священную рощу, приблизиться к парку, где разгуливал бык или баран, воплощавший бога, или к водоему, где плавал крокодил Себека. Ничто не мешало простому египтянину поставить, если он находился в Фивах, у подножия статуи Амона, а если дело происходило в Мемфисе - Птаху маленькую известняковую стелу, на которой рядом с изображением бога были высечены ухо и глаз, но чаще множество ушей и глаз - три, девять, сорок восемь и до трехсот семидесяти восьми! Это был хитроумный способ заставить бога услышать и увидеть дарителя: теперь он мог просить бога о самых разных благах и милостях, кроме избавления от смерти, ибо смерть не внемлет мольбам.

Во всех храмах мы находим такие «целительные» статуи и стелы. На одной стороне стелы обычно изображен голый младенец Хор, стоящий на крокодиле со змеями в руках, а над ним - гримасничающий Бэс. На другой стороне или на цоколе стелы начертан рассказ о том, как божественное дитя в отсутствие матери было ужалено змеей в болотах Ахбит. Царь богов, услышав стенания матери, повелел Тоту исцелить ребенка. Иногда надписи рассказывали, как Ра исцелил ужаленную скорпионом Баэт, или о том, как Осирис, брошенный в Нил братом, чудом спасся от зубов крокодила. Статуи чаще всего изображали набожных людей, прославившихся при жизни как заклинатели змей. Статуя или стела обычно стояла на цоколе в центре маленького водоема, который сообщался с другим, расположенным ниже водоемом. Когда приходил человек, укушенный змеей, статую или стелу обрызгивали водой. Стекая в нижний водоем, она приобретала целительные свойства и силу всех заговоров и заклинаний. Ее зачерпывали внизу, давали пить пострадавшему и

говорили: «Яд не проникнет в его сердце, он не сожжет его грудь, ибо Хор его имя, Осирис - имя его отца, Нейт-плакальщица - имя его матери». Исцеленному оставалось только отблагодарить «святого», спасшего ему жизнь горячей молитвой, что, впрочем, не избавляло его от необходимости оставить «чистому» или «божественному отцу», который зачерпывал целительную воду, небольшой подарок.

Тем не менее эти скромные просители со своими скромными дарами чувствовали себя неловко в роскошных домах богов Мемфиса, Фив и больших городов. Они предпочитали видеть своих великих богов не в официальных храмах, а в маленьких святилищах. Работники же некрополя избрали своей покровительницей богиню-змею Меретсегер («любящая молчание»). Она обитала на вершине горы над поселком, и, когда они говорили «вершина», трудно было понять, что они имеют в виду - богиню или ее жилище. Один служитель некрополя, по имени Нефе-рабу, призвал однажды в свидетели правдивости своих слов Птаха и Вершину. Но оказалось, что он солгал. Вскоре он ослеп. Он признался в своем преступлении перед Птахом, погрузившим его во тьму среди бела дня. Он молил о милости этого бога, не оставляющего никаких проступков без справедливого суда. Однако это ему не помогло. Тогда Неферабу обратился с мольбой к Вершине Запада, великой и всемогущей. Эта богиня явилась к нему с прохладным ветерком. Она исцелила его от слепоты. «Ибо Вершина Запада милосердна к тем, кто обращает к ней мольбы». Маленькое святилище Меретсегер пользовалось большой популярностью, о чем можно судить по количеству найденных там стел и благодарственных надписей, причем эта богиня прекрасно уживалась с великими богами, чьи святилища располагались по соседству. Когда один работник некрополя заболел, его отец и брат обратились к Амону: он может спасти даже тех, кто уже на том свете. Царь богов «явился, как северный ветер, как свежее дыхание, чтобы спасти несчастного, ибо он не дает солнцу зайти в гнев своем. Гнев его длится не дольше времени, за какое человек моргнет глазом, и не оставляет после себя следа».

Работники некрополя, избравшие своей покровительницей Любящую Молчание, имели еще одного покровителя, который первым из фараонов Нового царства повелел вырыть себе усыпальницу в Долине царей, - Аменхотепа I, первого работодателя и первого благодетеля всех жителей района Дейр-эль-Медина. Его культ вскоре стал настолько популярен, что в Фивах на левом берегу ему воздвигли много святилищ. Были найдены остатки храма «Аменхотепа садов» (да будет он Жив, Здоров и Силен!). Известны названия трех других храмов: «Аменхотеп - преддверие храма», «Аменхотеп, плывущий по водам» и «Аменхотеп - любимец Хатхор». Праздник в честь этого доброго покровителя длился четыре дня, и все эти дни работники некрополя со своими женами и детьми пили и пели не переставая. Все жрецы, несшие статую фараона, зонты и опахала, обрызгивавшие ее благовониями, служили в некрополе.

Они настолько верили в Аменхотепа, что обращались к нему за разрешением споров. Это мирное правосудие было куда более быстрое и несравненно менее накладное, чем правосудие визиря и его писцов. Одна истица обращается к Аменхотепу с такими словами: «Приди ко мне, мой господин! Моя мать с моими братьями затеяли тяжбу со мной». А дело заключалось в следующем: покойный отец истицы завещал ей две доли меди и назначил содержание в семь мер зерна. Мать же забрала всю медь и выдавала ей только по четыре меры зерна. В другом случае столяр сделал гроб из своего дерева. Работу и материал оценили в тридцать один *дебен*. Однако хозяин соглашался уплатить только двадцать четыре *дебена*. Или еще. У резчика украли одежду. Он излагает свою жалобу статуе фараона: «Господин мой, приди сегодня! У меня украли одежду». Писец читает список домов, видимо домов неплательщиков, и в том числе называет дом Амоннахта. Ответчик заявляет, что ни в чем не виноват, в то время он находился у дочери. Все обращаются к богу, и он подтверждает его слова. У другого работника некрополя, по имени Хаэмуас, несправедливо оспаривали право на дом. Снова обратились к статуе фараона, и она подтвердила права Хаэмуаса резким кивком головы.

Возможно, подражая обожествленному фараону, другие божества и даже великие боги тоже снисходили до простых смертных, давали им полезные советы или разрешали сложные споры. Один начальник стражников присутствовал на процессии в честь Исиды. Божественный лик вдруг склонился к нему с борта священной ладьи. Вскоре этот человек получил повышение. В столице чаще всего обращались за советом к великому фиванскому богу. Одного из управляющих хозяйством Амона обвинили в хищениях. Статую бога поставили на священную ладью и перенесли в специальное помещение храма. Составили две противоречивые записки: «О Амон-Ра, царь богов, говорят, что этот Тутмос спрятал вещи, которые исчезли», - гласила первая. Во второй было написано: «О Амон-Ра, царь богов, говорят, что у этого Тутмоса нет ни одной вещи из тех, что исчезли». Бога спросили, изволит ли он рассудить это дело. Бог ответил: «Да». Обе записки положили перед ним, и Амон дважды указал на вторую, которая оправдывала обвиняемого. Тутмосу сразу вернули его должность и дали новые поручения. Во время процессии верховный жрец спросил Амона, можно ли сократить срок изгнания нескольких человек, высланных в Большой оазис. Бог в знак согласия кивнул головой.

Царь богов не всегда отвечал простым смертным, зато с большой охотой разрешал важные государственные вопросы. Когда Рамсесу II в начале его царствования пришлось назначить верховного жреца Амона, он созвал совет, на котором в присутствии бога были названы один за другим все кандидаты, все, кто мог бы занять эту должность. Бог выразил свое удовлетворение, только услышав имя Небунефа. Верховный жрец Херихор советовался в Хонсу по многим вопросам. Когда в Эфиопии трон остался без царя, многие вожди прошли перед Амоном, прежде чем он избрал одного из них правителем страны.

К сожалению, по имеющимся у нас документам сложно определить, каким образом бог дал знать о своем выборе. Некоторые ученые, по-видимому большие поклонники «Дон Кихота» Сервантеса, полагают, что статуи состояли из нескольких частей и управлялись с помощью хитроумного механизма, - они не могли говорить, но могли поднять или опустить руку, кивнуть головой, открыть или закрыть рот. В Лувре хранится единственный известный нам экземпляр такой статуи. Это голова шакала с нижней подвижной челюстью. Анубис всегда стоял с открытой пастью; если потянуть за веревочку, пасть закрывалась. В других случаях жрецы вносили вопрошаемого бога на носилках. Наклон вперед означал положительный ответ, наклон назад - отрицательный. Мы не знаем, какое значение имели подобные консультации с богами. Когда бог выбирал кандидата на престол, можно с уверенностью сказать, что выбор был сделан заранее. Когда он оправдывал обвиняемого, дело прекращали и продолжали искать вора. А если бог указывал на виновного? Тогда ему, вероятно, советовали вернуть украденное или уплатить, сколько от него требовали. Если он продолжал упорствовать, то рисковал получить двойное наказание за воровство и за ложь. Когда речь шла о разрешении спора, обе стороны, вероятно, заранее соглашались, что сделают так, как решит бог. При храме Амона была как своя тюрьма, так и своя стража, готовая в любой момент схватить преступника, чья вина доказана богом.

4. Торжественные выходы богов

Верующие в любой момент могли прийти к богу в его храм, чтобы испросить совета, пожаловаться или поблагодарить. Но раз в году хозяин святилища торжественно выходил из своего обиталища и посещал город и его окрестности. Выхода бога ожидал с нетерпением и волнением весь город. Такие процессии некоторых богов привлекали жителей всего нома. Геродот видел ладьи, полные мужчин и женщин, которые плыли в Бубаст на празднества Баэт. Женщины потрясали трещотками, мужчины играли на флейтах, пели и хлопали в ладоши. Когда они проплывали мимо города, веселье становилось еще более бурным. Паломники приветствовали горожан солеными шуточками. Те отвечали в таком же тоне. Многие, увлеченные общим порывом, бросали свои дела, покидали город и отп-

равлялись на праздник. И он этого стоил: когда оканчивались обряды и жертвоприношения, семьсот тысяч паломников предавались безудержным наслаждениям. Веселье их было шумным и порой грубоватым, потому что, по словам Геродота, в эти дни в Бубасте выпивали больше вина, чем во всем Египте за целый год. Впрочем, он, наверное, как всегда, немного преувеличивал.

5. Выход Мина

Присутствие царя и его двора в столице придавало публичным выходам некоторых богов размах всенародного торжества. Годовщина восшествия на престол Рамсеса III совпала с празднеством Мина, владыки Копта и пустыни, а также бога плодородия, которое отмечалось в первый месяц *шему* непосредственно перед сбором урожая. Главными участниками торжества были, разумеется, царь и бог. И вот великолепный, сверкающий, как восходящее солнце, Рамсес III (да будет он Жив, Здоров и Силен!), выходит из своего дворца. На парадных носилках он следует от дворца до жилища своего отца Мина, чтобы узреть его совершенство. Эти носилки представляли собой широкое кресло под балдахинном с карнизом и четырьмя длинными ручками. Чтобы нести их, нужно было по меньшей мере двенадцать человек. Боковины кресла украшают лев и сфинкс, на спинке изображены две крылатые богини. Внизу была укреплена скамеечка для ног с подушкой. Царские сыновья и высшие сановники государства оспаривают друг у друга честь нести парадные носилки фараона. Они закрывают его от солнца зонтами из страусовых перьев и обмахивают его опахалами на длинных рукоятках. Впереди шествует внушительная группа царских сыновей и сановников, которые несли символы царской власти: скипетр, цепь, посох и топор. Среди жрецов мы видим человека со свитком в руке, он, скорее всего, отвечает за точное соблюдение распорядка церемоний.

Другой жрец протягивает фараону курительницу с благовониями в знак того, что тому предстоит отпраздновать миллионы годовщин и сотни тысяч лет вечности на своем троне. Перед самими носилками идет старший сын фараона, предполагаемый наследник. За носилками следуют слуги и воины. Мы видим среди них тех, кто становился рядом с фараоном во главе войска, когда он бросался в бой или преследовал диких буйволов. Один из них несет скамеечку, на которую его величество поставит ногу, когда будет спускаться на землю. Воины вооружены булавами, щитами и копьями.

Когда процессия доходит до жилища Мина, царь сходит с носилок, становится лицом к святилищу и совершает обряд воскурения и возлияния. Затем он приносит жертвы своему отцу и получает от него дар жизни. Двери святилища открываются, и теперь все могут лицезреть красоту статуи бога. Строгое одеяние скрывает его тело и ноги, которые Исида еще не отделила друг от друга, на голове у него шлем с двумя прямыми перьями и свисающей от них до земли длинной лентой. К подбородку прикреплен накладная борода, на груди - ожерелье. В святилище Мина много различных элементов: коническая хижина в форме улья, похожая на хижины жителей Пунта, к ней примыкает тонкая колонка, увенчанная парой рогов, далее мачта с восемью растяжками, по которым карабкаются фигурки негров, и, наконец, грядка латука. Мин - очень древний бог, он долго странствовал, прежде чем пришел в Коптос и принес с собой довольно пестрый набор атрибутов.

Но вот прозвучал гимн, сопровождаемый танцами, статую бога выносят из святилища и ставят на носилки, которые поддерживают двадцать два жреца. Видны только их головы и ноги, остальное закрывает вышитая розетками накидка, свисающая с носилок. Другие жрецы идут спереди, сзади и по бокам, размахивая букетами цветов, опахалами и потрясая зонтами. Остальные несут ларцы с каноническими атрибутами божества. Небольшая группа жрецов поднимает на носилках ящик с латуком.

Теперь во главе процессии становится сам царь. Он сменил синий шлем, в котором вышел из дворца, на корону Нижнего Египта, в руках у него посох и булава. Мы видим те-

перь и царицу, и еще одного участника процессии - белого быка; между рогами у него солнечный диск, украшенный двумя высокими перьями. Этот бык - воплощение бога; его называют «тельцом матери». Жрец с обритой головой и обнаженным торсом окуривает благовониями фараона, быка и статую бога.

За этой группой следуют носильщики с дарами и знаменосцы, которые несут штандарты и символы, сопровождавшие Мина в его выходах. Их обязательно выносят в дни его торжества. Это бич и булава, изображения шакалов, соколов, ибиса, символы номов, и среди них - второго нома Нижнего Египта, родины Мина. Далее идут жрецы с позолоченными деревянными статуями предков фараона на плечах. Первый несет статую, изображающую семью правящего фараона, второй - основателя царства, Мины (Менеса), третий - статую Небхерурата, восстановившего единство страны, и далее - различных фараонов Восемнадцатой и Девятнадцатой династий. Среди них мы не увидим царицу Хатшепсут, которую ее племянник Тутмос III имел все основания ненавидеть. Разумеется, здесь нет и фараона-еретика Эхнатона и его последователей, принесших Египту мало славы.

Процессия совершает не одну остановку, прежде чем достигает своей конечной цели - специально установленного по случаю праздника алтаря. Во время одной из них исполняется второй гимн, сопровождаемый танцами, в котором, правда, почти ничего невозможно понять, потому что в нем множество тайных заклинаний, известных только самым ученым жрецам эпохи Рамсесидов. Но чем непонятнее, тем лучше - значит, в этих заклинаниях истинная святость. Единственное, что можно уловить: боги танцуют перед Мином, а затем их сменяет негр, житель Пунта. Мина и в самом деле называли иногда «отцом негров» и изображали с черным лицом, потому что в венах первых его почитателей была сильна примесь негритянской крови.

Наконец процессия доходит до алтаря, места отдохновения бога. Мина ставят на алтарь. Двое жрецов с эмблемами богов-охранителей Востока стоят перед ним, пока фараон приносит богатые дары. Слова одной из хвалебных песен проливают свет на то, что должна была символизировать эта церемония - водружение статуи Мина на алтарь: «Приветствуем тебя, Мин, оплодотворивший свою мать! Чудны дела твои, которые ты сделал с ней в темноте!» И еще имеется отрывок из другого гимна, где говорится, что Мин, «телец своей матери», оплодотворил ее и посвятил ей свое сердце, когда его чресла слились с ее чреслами. В действительности же Мин оплодотворил не мать, а Исиду, которая родит от него Хора, будущего повелителя Верхнего и Нижнего Египта.

В память об этом великом событии фараон надевает двойную корону. Теперь уреев Уаджет заменил коршун Нехбет. Фараон должен послать стрелы во все четыре стороны света, чтобы поразить своих врагов, а затем выпустить четырех птиц, четырех детей Хора: Амсет, Хапи, Дуамутеф и Кебех-сенуф, которые должны оповестить всю землю, что царь, повторив подвиг Хора, возложил на себя белую и красную короны. Эти птицы - сизоворонки, которые каждую осень прилетали с севера и вновь покидали Египет весной.

Восшествие на трон набожного и любимого богами фараона обеспечивало всему Египту процветание и всяческие блага. Но теперь следовало еще восславить плодородие страны. Статуи богов ставят на землю. Помощники распорядителя церемонии окружают царя и царицу. Один из них подает фараону серп из позолоченной меди и пучок *бедет* вместе с корнями и землей - символ безбрежных полей Египта, простиравшихся от моря до порогов. Фараон срезает колосья так же высоко, как жнецы Фиваиды, а в это время жрец поет новый гимн в честь «Мина на возделанном поле». Мин, владыка пустынь, прежде чем завоевать Коптос, действительно остановился в некогда плодородной долине, которая тянулась от этого города до долины Рахену. Он создал здесь пастбища для многочисленных стад. Снопик *бедет* подносят фараону и богу, но каждый оставляет себе по колоску. Поют последний гимн, в котором мать Мина прославляет силу своего сына, победителя всех врагов.

Этими двумя гимнами церемония заканчивается. Статую Мина относят обратно в храм. Фараон прощается с богом, возжигает благовония, совершает возлияния, жертвует новые

дары. Мин коротко благодарит. Затем фараон вновь надевает синий шлем, который был на нем вначале, и возвращается во дворец.

На изображениях великих шествий в честь Мина мы видим лишь бога и царя, членов царской семьи, жрецов и высших чиновников. Художники, выполнявшие росписи на стенах храмов Карнака и Мединет-Абу, не стали утруждать себя изображением простых смертных. Вообще-то, эти празднества происходили в то время года, когда у земледельцев было много работы в поле, и все же на них, несомненно, присутствовало много народа. Египтяне никак не могли упустить случай поглазеть на процессию, сопровождавшую Мина и его белого быка.

6. Прекрасное празднество Опета

Пышный праздник Амона в Опете пользовался куда большей популярностью, чем торжества в честь Мина. Справлялся он в течение всего второго и третьего месяца разлива, когда нильские воды достигали высшей точки. Земледельцы в это время были совершенно свободны. Лодки плавали не только по Нилу и каналам, но и прямо по затопленным полям. Люди уже не могли передвигаться по насыпям, размытым поднявшейся водой. Все лодки и плоты шли в ход.

Праздник начинался в карнакском храме. У подножия гигантских пилонов располагались бродячие торговцы. Они предлагали арбузы, гранаты, виноград, фиги и смоквы, ошипанную и готовую для жарки или уже изжаренную дичь и, конечно, хлеб. В храме жрецы сбивались с ног. Прежде всего требовалось извлечь из хранилищ переносные ладьи фиванских богов. Самой большой была ладья Амона. Ее легко узнать по двум бараньим головам - на носу и на корме. Ладью богини Мут украшали две женские головы с головными уборами в виде коршунов, потому что имя супруги Амона писалось с иероглифом, обозначающим коршуна. Третья ладья с головами соколов принадлежала Хонсу. Носильщики пересекали дворы с этими ладьями на плечах, проходили между пилонами и углублялись в аллею сфинксов с бараньими головами, которая входила в огромный храмовый комплекс. На них были надеты только длинные юбки с бретелькой через плечо. Впереди шагал музыкант с тамбурином. Жрецы в накинутых на плечи шкурах пантер возжигали в курильницах с ручкой терпентин, сыпали песок, помахивали зонтами и опахалами.

У набережной стояла целая флотилия. Настоящие ладьи Амона, его супруги Мут и Хонсу не имели ничего общего с переносными моделями, только что извлеченными из храмовых тайников. Это целые плавучие храмы длиной от ста двадцати до ста тридцати локтей, то есть гораздо крупнее большинства нильских судов, от которых они к тому же отличались неслыханной роскошью. Они были построены из настоящей пихты и вполне годились для плавания, несмотря на огромный груз золота, серебра, меди, бирюзы и лазурита. Одного золота на судне было четыре с половиной тонны! Корпус украшался наподобие храмовых стен рельефами, на которых фараон совершал ритуальные обряды в честь Амона. На палубе посередине ладьи возвышалась большая кабина, целый дом под балдахинном, где хранились переносные ладьи, статуи и священные принадлежности для церемоний в храме. Перед этой кабиной, как перед настоящим храмом, стояли два обелиска и четыре мачты с лентами. Всюду на палубе видны статуи и сфинксы. Две гигантских головы барана украшали нос и корму. Ладьи Мут и Хонсу, а также царская ладья выглядели примерно так же и были чуть меньше ладьи Амона.

Чтобы вывести эти тяжелые суда на большую воду, мобилизовали целое войско, вооруженное копьями, щитами и топорами на коротких ручках. По бокам становились матросы и знаменосцы со штандартами. Сначала исполнялся гимн в честь Амона. Затем все брались за канаты и по команде начинали тащить священные ладьи под ободряющие возгласы толпы, собравшейся на набережной. Женщины потрясали систрами и трещотками. Мужчины хлопали в ладоши и под аккомпанемент тамбуринов распевали ливийские и во-

инские походные песни. Негры плясали и толкались друг с другом, а солдаты - кто с трубами, кто с украшениями из перьев в волосах - шагали в толпе.

Но вот самое трудное позади. Священные ладьи спущены на воды Нила. Здесь их берут на буксир суда под парусами или на веслах, которыми управляют капитаны. Суда всех форм и размеров сопровождают эту помпезную флотилию. Среди них можно заметить небольшую изящную ладью в форме водоплавающей птицы с резной человеческой головой на рулевом весле. Она до бортов нагружена всякой провизией. Один человек поправляет что-то на лотке, другой складывает пирамиду из овощей и фруктов.

С обоих берегов Нила за этим грандиозным спектаклем наблюдают жители всей округи и по-своему участвуют в празднике. Повсюду расставлены палатки с едой и напитками. Провизию подвозят со всех сторон. Гонят стада быков и телят, ведут газелей, каменных козлов и сернобыков, несут корзины с птицей, фруктами и горшки с терпентином для воскурения. Быков забивают тут же под открытым небом, быстро разделявают, и носильщикам остается сделать всего два шага, чтобы донести куски мяса до небольших строений с тонкими колоннами, где без усталости трудятся повара. Ливийские воины не переставая бьют в тамбурины. Обнаженные до пояса танцовщицы пляшут под звуки систров и трещоток.

Цель этого священного плавания - Южный Опет, современный Луксор, где Амону предстояло гостить почти целый месяц. Мы не знаем точно, чем занимались египтяне в это время. Амон, в сущности, был новичком в огромном пантеоне египетских богов - он обосновался в Фивах, когда давно уже началась династическая эпоха. Египтяне дали ему в супруги Мут и сделали Хонсу его сыном, потому что как-то неудобно самому могущественному богу быть без семьи, но о нем нет ни одного мифа. Правда, Амон унаследовал от Мина несколько эпитетов и атрибутов и мог с тем же успехом позаимствовать несколько эпизодов из мифов о нем. Поэтому не исключено, что во время этих бесконечных празднеств показывали какие-то более или менее интересные эпизоды из деяний Амона, например, в присутствии фараона могли вспомнить о его чудодейственной помощи Рамсесу II, окруженному воинами хеттов.

Праздник завершился не менее торжественным возвращением священной флотилии. С кораблей снимали переносные ладьи и уносили в чехлах, из которых они были извлечены двадцать четыре дня назад. Тот же самый кортеж под звуки тамбуринов, но, может быть, уже не так весело, проходил обратно по аллее сфинксов с бараньими головами до врат храма. Теперь царь мог быть уверен, что боги даруют ему всевозможные блага и милости: «Долголетие Ра, продолжение дела Атума, годы вечности на троне Хора в радости и мужестве, победу над всеми странами, могущество отца его Амона ежедневно, власть над Обеими Землями, телесную молодость, памятники, вечные, как небо, весь народ Египта».

Народ на улицах тем временем почти целый месяц пил, ел, пел, шумел и веселился. Налюбовавшись великолепным зрелищем, египтяне преисполнились новой уверенности, что не только их благополучие и процветание, но и свобода, и даже сама жизнь их находятся в руках этого богоподобного смертного, который сопровождал отца своего Амона в его путешествии из одного великого святилища в другое.

7. Празднество Долины

Было и еще одно событие, в честь которого священная ладья Амона снималась с якоря. Это было празднество Долины. На этот раз она пересекала Нил, «влекомая богами». Это выражение некоторые ученые истолковывают в том смысле, что ладью вели на буксире люди в одеяниях и масках богов наподобие колдунов в Экваториальной Африке. Но такое объяснение слишком уже примитивно. С тем же успехом можно утверждать, что врачи, повитухи, сиделки и кормилицы, которые ухаживали за царицей и ее новорожденным, одевались богами, чьи изображения мы видим на стенах Луксора и Дейр-эль-Бахри. Эти изображения показывают, что боги внимательно следили за всем, что касалось фараона, и

были ему благодарны за все труды и заботы, которые он проявил, украшая священный град Амона.

Праздник Долины не столь долгий, как праздник Опе́та: он длился всего десять дней. Фараон выходил из дворца в таком же парадном одеянии в сопровождении носителей зон­та и слуг. Перед тем как войти в храм, он надевал роскошную набедренную повязку и один из самых богатых головных уборов, который состоял из солнечного диска, перьев, уреев, рогов быка и рогов барана. Он приглашал Амона посетить храмы левого берега. Главным его местом отдохновения будет гипостильный зал Рамсесеума. Там к царю богов явятся боги - покровители мертвых. Например, жрецы, окруженные служителями с зон­тами и опахалами, приносили на носилках статую обожествленного фараона Аменхотепа I из его храма. Священная ладья дожидалась его на ближайшем канале, чтобы отвезти к великой ладье Амона под названием *усирхет*. Когда боги встречались, совершались церемо­нии во славу бесчисленных мертвых, покоящихся в каменных гробницах в «горах Запа­да».

8. Мистерии

Выходы богов не занимали бы столько дней и не привлекали бы множество зрителей, если бы организаторы церемоний не вносили в эти зрелища некоторого разнообразия. Сколько можно любоваться раззолоченными ладьями и плясать под звуки тамбуринов? Для того чтобы вызвать интерес публики, жрецы издавна придумали изображать перед нею в лицах самые волнующие эпизоды из жизни богов и даже привлекать к этим дейст­вам паломников, так что становилось еще интереснее. Египтяне знали: Осирис был милос­тивным, добрым богом, Сет убил его и бросил тело в Нил, все знали, как оно доплыло до Библа и как было возвращено в Египет. Поэтому всех занимало представление этой вели­кой драмы, и многие даже стремились в нем участвовать в качестве статистов, оставляя главные роли профессиональным актерам.

Эти мистерии из жизни Осириса с особым блеском представляли в Абидосе и Бусирисе. Служители тщательно готовили костюмы, декорации и все необходимые акссесуары. Представление начиналось с большой процессии во главе с богом Упуатом - «открывате­лем путей». «Враги» пытались ее задержать, но процессия все-таки вошла в святилище. На второй день «спектакль» продолжался: изображалось убийство бога или же о нем просто рассказывали. Участники выражали великую боль и горе. Большая процессия нап­равлялась к гробнице. На последнем «представлении» зрители видели избиение врагов Осириса, и весь народ ликовал, когда воскресший бог возвращался в Абидос на ладье *нем­шет* и входил в свой дворец. В Бусирисе воздвигали с помощью канатов фетиш Осириса. Толпа плясала и веселилась. Две группы статистов, представлявшие жителей соседних го­родов Пе и Депа, дрались между собой кулаками и ногами, предваряя появление Хора. В Саисе, где Геродот видел ночное представление на круглом озере, вероятно, изображали весь цикл страстей Осириса, вплоть до его чудесного возвращения из Библа и превраще­ния бога в колонну.

Геродот сумел посетить на северо-востоке Египта город Папремис, посвященный Сету, убийце Осириса. Там он увидел «представление» подобного же рода, и это неудивитель­но, потому что Сет был воинственным божеством. Статую бога в наосе вынесли за преде­лы святилища и оставили под охраной жрецов. Когда настал момент возвращения, ее уста­новили на четырехколесную повозку. Более тысячи мужчин, вооруженных дубинками, на­пали на маленькую группу, охранявшую статую. Но к ней подоспело подкрепление. Нача­лась настоящая свалка! Никто уже не считал подбитых глаз и проломленных черепов, хо­тя местные жители утверждали, что это лишь игра. А речь шла о том, чтобы напомнить зрителям, как Сет хотел войти к своей матери, а слуги не узнали его и не пускали. Сет отс­тупил, но вскоре вернулся с подкреплением и одолел всех, кто хотел его задержать.

В Омбосе, в Верхнем Египте, Ювенал увидел аналогичное представление, но он был менее прозорлив, чем Геродот, и его ослепляло презрение к египтянам, поэтому он решил, что присутствует при настоящем сражении между двумя враждебными кланами. Старая ненависть, говорит он, разделяют Омбос и Дандару, ибо каждый из этих городов презирает богов другого города. В одном из них шел праздник. Там установили столы и ложа на семь дней. Люди плясали под звуки флейт. Внезапно ворвались чужаки. Началась потасовка. Вначале дрались кулаками, потом камнями, а потом полетели стрелы. Наконец, жители Дандары убежали, оставив на месте одного из своих. Жители Омбоса схватили его, разрубили на куски и сожрали сырым. В действительности же Омбос, который египтяне называли Небетом, был городом Сета, а Дандара - владением Хатхор. Во многих соседних полях происходили сражения матери Хора и ее сподвижников с развратным и воинственным богом. Именно такие сражения устраивали здесь в позднюю эпоху, и, конечно, они не обходились без ругани и увечий.

Во всех номах и городах местные мифы давали богатый материал для драматических представлений. Глядя на роскошь храмов, на многочисленных жрецов и служителей, участвовавших в церемониях, трудно себе представить, какими смутьянами были египтяне в действительности. Да, фараона почитали как бога и приближались к нему с трепетом, но в народных сказках фараона награждают пятьюстами палочными ударами, его обманывают жены, он ни на что не может решиться, он игрушка в руках своих советников и судей, строители обворовывают его как хотят. Боги тоже наделены всеми грехами и пороками, всеми недостатками и смешными чертами жалкого рода людского. Верховное собрание богов должно было решить, кому достанется место Осириса - Хору или Сету. Восемьдесят лет они спорили, и восемьдесят лет оба кандидата ждали их решения. Распутство Сета можно сравнить только с его глупостью и доверчивостью. Побитый, Хор плачет, как ребенок. Нейт, призванная к властелину вселенной, желая показать, как она относится к его решениям, бесстыдно задирает перед ним юбку. В один прекрасный день богу Шу надоело править миром. Он улетает на небо. Его заместитель Геб задумал возложить на себя урея, который помогал Шу одерживать победы над всеми врагами. О, тщеславный! Едва протянул он руку к ларцу с уреем, как священная кобра поднялась из ларца и извергла на бога свой яд. Геб долго метался в поисках целительного средства.

В народных драмах, которые разыгрывались в храме или в ограде храма, перед колоннами или на священном водоеме, к богам относились довольно фамильярно. Актеры не только изображали эпизоды из мифов о божествах, но и заставляли говорить богов. До нас не дошло ни одной египетской драмы, поэтому нам приходится довольствоваться несколькими такими текстами, как, например, «драматический» папирус Рамсесеума, скопированный по приказу Шабаки с оригинала. В текстах приведены только несколько заголовков отдельных сцен, а также реплики и обрывки разговоров, высеченные рядом со сценками из частной жизни в гробницах, прежде всего в гробницах Раннего царства. Но существование такого театра можно считать доказанным, особенно после того как экспедиция Французского института восточной археологии нашла в Эдфу стелу профессионального актера с такой надписью: «Я сопровождал моего господина в его поездках и всегда декламировал безупречно. Я всегда подавал реплику моему господину, когда он декламировал. Он был богом, я - его подданным. Если он убивал, я оживлял».

Эти театральные представления, вне всякого сомнения, были одним из наиболее привлекательных моментов празднеств, именно благодаря им празднества могли длиться много дней, не давая египтянам соскучиться.

9. Дом Жизни

В ограде многих храмов находились школы, но не просто школы, где дети учились читать и писать, а специальные школы для рисовальщиков, резчиков и скульпторов, отдавав-

ших свой талант на прославление богов и царя. При них были библиотеки, где хранились архивы храма и всевозможные тексты, переписанные армией писцов, а также назидательные и литературные произведения, которые могли понадобиться школьникам, и различные технические устройства. Однажды царь Неферхотеп пожелал посоветоваться с книгами Атума. Придворные сказали ему: «Пусть твое величество войдет в библиотеки, и пусть твое величество увидит все священные слова!» Действительно, царь нашел книгу дома Осириса Хентиamentiу, властителя Абидоса. А в некоторых храмах были еще более значительные учреждения, которые назывались «Домами Жизни».

Мы знаем, что Рамсес IV часто посещал Дом Жизни в Абидосе. Изучая хранившиеся там «Анналы» Тота, он узнал, что «Осирис - самый таинственный из всех богов. Он - луна. Он - Нил. Он - тот, кто царит в ином мире. Каждый вечер бог солнца спускается к нему, и они образуют душу единую, которая правит миром, и Тот записывает их повеления». Перечитывая «Анналы» - он знал их так хорошо, как будто написал сам, - фараон понял, какой это богатый и разнообразный материал и как много можно извлечь из него полезного. Пожелав для себя саркофаг из камня *бехен* из долины Рахену, фараон нашел в «Анналах» рассказ о предыдущих экспедициях, доставлявших для некрополей и храмов саркофаги и статуи. Назначая правителей разных земель, военачальников и высших чиновников в состав своей экспедиции, он не забыл включить в него писца Дома Жизни. Другой Рамсес, который принимал посла царя страны Бахтан, прежде чем ответить ему, счел своим долгом проконсультироваться с писцом Дома Жизни. При Птолемеях Филадельфе нашли нового священного барана. Жители Мендеса направили фараону петицию с просьбой показать его писцам Дома Жизни, чтобы они его осмотрели. Из Канопского декрета мы знаем, что эти писцы занимались астрономией. Но они занимались и политикой. Так, два писца Дома Жизни участвовали в заговоре против Рамсеса III. Из этих и некоторых других свидетельств очевидно, что Дом Жизни был собранием ученых, жрецов и мудрецов. Они хранили религиозные традиции, составляли «Анналы» фараонов и храмов, записывали научные открытия и технические изобретения. Здесь, в Доме Жизни, была придумана тайнопись - криптография. Вполне возможно, что многие новшества и открытия появились в этих Домах Жизни.

Таким образом, храм предстает перед нами как центр египетской жизни. Прежде всего, это дом бога, где отправляют его культ, чтобы заслужить его милости. В то же время это экономический и интеллектуальный центр. Жрецы создали в храме мастерские и склады, школы и библиотеки. Именно в храме, и только в храме Платон мог встретиться с учеными и философами. И наконец, в храме появились и развились из мифов театрализованные мистерии, которые заменяли египтянам комедию и драму.

Глава XII

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ

1. Старость

Высказывания мудреца Птахотепа и история о приключениях Синухе показывают, что египтяне не пытались поэтизировать старость. Старость безобразна, ей сопутствует физическая и духовная немощь; это время, когда зрение, слух и память ослабевают, когда даже пища перестает приносить радость. Тем не менее египтяне, как и все прочие, вовсе не стремились покинуть юдоль слез раньше времени. Старик, которому ценой невыносимых страданий удалось сохранить юношескую внешность и силы, вызывал всеобщее восхищение. Верховный жрец Рама-Раи признается, что благодаря тому, что жизнь его прошла в

служении Амону, ему удалось достичь редкого счастья в старости: «Крепки члены мои и остры глаза мои, и пища храма его не выпадает из моих уст». Было время, когда в царском дворе распространились слухи о некоем старце, который дожил до ста десяти лет. Ему не составляло труда съесть пятьсот лепешек и грудинку и выпить сто кувшинов пива (правда, о том, сколько времени занимал у него подобный подвиг, - день, месяц или целый год - ничего не говорится). Этот древний старец был мудрым и могучим магом, поэтому фараон решил позвать его ко двору, пообещав кормить с царского стола и предоставить все блага, коими пользуются члены царской свиты, вплоть до того дня, пока он не присоединится к своим предкам в некрополе. Передать приглашение отправили царского сына, которому пришлось для этого совершить путешествие - сперва на лодке, а затем на кресле, водруженном на плечи его слуг, - колесниц в то время еще не существовало. Царевич нашел старика отдыхающим на циновке перед входом в свой дом; один из слуг обмахивал его голову веером, в то время как другой массирует ему ноги. «Мир тебе, мир тебе, Дедефхор, возлюбленный сын своего царственного отца. Да воздаст отец твой, Хеопс, должное тебе, чей голос звучит словно музыка, и да вознесет тебя до высот, подобающих зрелому мужу. Да будет у души твоей *ка* довольно сил расстроить планы недругов твоих, а у души твоей *ба* - довольно знаний найти пути, ведущие к Воротам». Принц помог старику подняться и отвел его к воде. Разместившись в трех лодках, они достигли резиденции царя и без промедления были приняты. Царь выразил свое изумление, что ему прежде не довелось познакомиться с почтеннейшим из своих слуг. Старик ответил ему с благородной простотой, добавив в свой ответ нотку безукоризненно вежливой лести: «Гость приходит, когда его приглашают, мой владыка-царь. Меня позвали, и вот я перед тобой».

Однако отсутствие физических немощей - это еще далеко не все. Для счастливой старости необходимо было богатство или хотя бы стабильный доход. Тот, кто получал звание *имаху*, мог быть уверен не только в том, что в старости ему не придется голодать, но и в том, что после смерти ему будут обеспечены первоклассные похороны. Когда Синухе вернулся из изгнания, ему даровали дом и землю, как подобает царским придворным. Толпы работников занимались строительством этого дома, который сооружался не из древесины, оставшейся от старых разобранных зданий, а из новых материалов. «Кроме того что царские дети даровали мне в вечное владение, мне приносили пищу из дворца трижды и четырежды в день». А еще Синухе была оказана великая честь быть погребенным за счет царя. Он сам следил за созданием своего последнего пристанища: наполнил его мебелью и украшениями и тщательнейшим образом продумал все мелочи, касающиеся убранства гробницы и его посмертного культа. Подобное удовольствие мог позволить себе любой пожилой египтянин, входивший в число друзей царя, который мог свободно раздавать и отнимать звание *имаху*. Но если царь был не только всемогущ и всеведущ, как отзывались о нем авторы панегириков, но еще и добр и справедлив, его подданные могли рассчитывать, что он не обойдет вниманием никого из своих верных слуг. Любой, кто занимал достаточно высокое положение, следовал примеру царя: правители городов и провинций, первые пророки и военачальники имели в своем подчинении множество людей, и, когда его подданные и слуги достигали старости, хороший хозяин брал на себя заботу о том, чтобы они имели работу по силам, еду и кров. Так, фараон, который не желал простить Синухе из-за его бегства, пока тот был в расцвете лет, счел, что его бывший вассал может вернуться в Египет, когда достигнет преклонного возраста. За стариками здесь ухаживали с той же заботой, что и за детьми. Разумеется, я не стал бы утверждать, что в этой доброй земле никогда не бывало такого, чтобы нетерпеливый наследник не пытался сократить последние дни своего престарелого родственника, который не скрывал своего намерения жить до ста десяти лет; в конце концов, здесь даже свергали с престола царей. Однако следует помнить и о том, что Аменмес I, который после двадцати лет правления фактически передал управление страной сыну, продолжал жить в мире и спокойствии еще десять лет, сочиняя на досуге свои довольно циничные сентенции; а Априй, который был разгромлен и поте-

рлял трон, мог бы спасти свою жизнь, если бы своей неоправданной жестокостью не настроил против себя народ. В целом Египет был благодатной страной для стариков.

2. Взвешивание деяний

Было бы ошибочно предполагать, что перспектива отправиться в мир иной доставляла египтянам большую радость. Однако они сознавали, что смерть безжалостна и никакие мольбы не помогут прогнать ее. Глупо похвастаться своей юностью, ибо «смерть отрывает младенца от груди матери и забирает того, кто достиг старости». Более того, «что есть годы, отведенные человеку на земле, сколь бы много их ни было? Запад - земля сна и глубокой тьмы, земля покоя для обитающих там. Они спят, обмотанные повязками, и просыпаются, лишь чтобы встретиться со своими братьями. Более не знают они ни отцов своих, ни матерей, и в сердцах их нет памяти ни о женах, ни о детях их. Свежая вода - дар земли для живущих на земле, но для меня она лишь стоячая вода.

Воды текут рядом с теми, кто живет на земле, но вода у ног моих - застойная».

Наиболее привлекательной стороной жизни в ином мире считалось то, что в нем у человека не будет больше ни соперников, ни врагов и он, наконец, сможет отдохнуть в безмятежности и покое. Отдельные циники утверждали, что «никто не возвращается из могилы, чтобы рассказать нам, как живут мертвые и чего не хватает им, чтобы дух наш был спокоен, когда придет нам время последовать за ними». Тот же мудрец добавил, что рано или поздно все гробницы рушатся и даже могилы великих мудрецов древности «ныне стали, будто их никогда и не было». Тем не менее он не считал обустройство гробниц и размышления о смерти бесполезным времяпрепровождением. Даже если бы он пришел к такому выводу, ему едва ли удалось бы поколебать убеждения своих современников, которые всегда старались самым тщательным образом подготовиться к переходу из одного мира в другой: и во времена, которым посвящена наша книга, и раньше, в эпоху строительства великих пирамид.

При вступлении в Аментет, загробный мир, все мертвые должны были пройти весьма непростую процедуру - взвешивание деяний. Отдавая наказ, Мерикара, старый царь, предостерегал сына против притеснения бедного люда и среди прочего так отозвался об иных, высших, судьях: «Не думай, что все будет позабыто в судный день, и не вверяй надежду свою долгим годам. Для них [для богов] жизнь - лишь краткий миг. После смерти человек продолжает существовать, и все дела его кладутся перед ним на весы. Тот, кто предстанет без греха пред судьями мертвых, будет среди них как бог, он будет свободно гулять вместе с властителями вечности». Сетне, сыну Рамсеса Усирмара, выпало необыкновенное счастье: ему довелось при жизни спуститься в Аментет и увидеть там «Осириса, великого бога, восседающего на троне из чистого золота и увенчанного диадемой с двумя перьями; великий бог Анубис стоит по левую его руку, а великий бог Тот - по правую; боги судилища Аментета восседают слева, справа же выставлены перед всеми весы, на которых взвешивают они злые дела против дел добрых, великий же бог Тот записывает то, что они показывают, а Анубис оглашает приговоры богов». Мертвые были разделены на три группы. Тех, чьи злодеяния были более многочисленны, чем добрые, тут же отдавали на съедение чудовищной собаке, по имени Амаит. Тех, чьи добрые дела перевешивали, вводили в совет богов. Тех же, у которых добрых и злых дел было поровну, оставляли прислуживать увешанному амулетами богу Осирису-Сокару.

Египтяне считали, что лишь немногим безгрешным смертным дано предстать перед высшим судом, а значит, необходимо, чтобы боги простили человеку его грехи и очистили его. Многие надеялись, что боги даруют им отпущение грехов, и это нашло отражение в литературе, посвященной переходу в мир иной: «Грехи мои очищены, ошибки мои прощены, проступки мои забыты. Оставь грехи свои в Ненисуте».

«Великое волшебство очищает тебя. Ты признаешься в грехе своем, и он более не существует для тебя, и дальше ты делаешь так, как сказал. Хвала тебе, Осирис в Диду, ты, кто слышит слово человека. Ты смываешь с него грех. Ты подтверждаешь его слова против недругов его, и он преисполняется силы на земном суде».

«Ты стоишь твердо, и твои враги повергаются ниц. Зло, что люди говорят о тебе, не существует. Ты предстаешь перед богами Эннеады с правдой в голосе твоём».

Главное предназначение всех ста двадцати пяти глав Книги Мертвых - научить грешника, как очиститься от грехов. Некоторые египтяне копировали ее и клали свернутый папирус с текстом в гроб между ног мумии. В этих главах содержится своего рода отчет о последнем суде, о том, как следует себя вести «подсудимому», чтобы все окончилось благоприятно для него. Помещение, где происходит суд, по каким-то необъяснимым причинам называется залом Двух Истин. Осирис восседает на троне, установленном в нише, позади него стоят Исида и Нефтис. Ниже расположились четырнадцать членов совета, между ними возвышаются огромные весы, укрепленные на столбе, верхушку которого украшает голова Истины, Анубиса или Тота. Чаши весов охраняет чудовище. Тот, Анубис, в некоторых случаях Хор и Две Истины стоят в центре зала.

Анубис подводит умершего, одетого в льняные одежды, поприветствовать судью и всех присутствующих. «Хвала тебе, великий владыка, Властитель Двух Истин. Я предстаю пред тобой, преданный в твои руки. Я созерцал совершенство твое. Я знаю тебя и знаю имя твое и имена сорока двух богов, сопровождающих тебя в зале Двух Истин, которые смотрят за нечестивыми, которые пьют сегодня кровь их, чтобы вынести свое суждение об их честности перед Благостным». Затем умерший произносит длинную речь, которая должна доказать его невиновность, изложенную в форме отрицаний: «Я не совершил ни одного греха против человека... Я не был жесток со своими людьми... Я не нагружал никого работой свыше его сил... Я не поносил бога. Я не был груб с бедняком... Я не вынудил никого голодать... Я не обвешивал... Я не обмеривал... Я не обманывал при обмере земли... Я не давил на стрелку весов... Я не отнимал молоко изо рта ребенка... Я не преграждал путь воде, когда ей надлежало течь... Я не преграждал пути богу, шествующему вперед».

Перечислив таким образом тридцать шесть грехов, которых он не совершал, умерший мог считать себя очищенным, ибо теперь он являлся «носом Владыки Дыхания», который дает жизнь всему существу в Египте. После этого, как бы опасаясь, что слова его прозвучали недостаточно убедительно, он начинал по очереди уверять в своей невинности каждого из сорока двух богов, которых он приветствовал при входе в зал Двух Истин. Боги эти носили имена, способные внушить ужас любому грешнику: Широко Шагающий, Глотатель Теней, Разбивающий Кости, Лакающий Кровь, Громогласный, Предвещающий Битву. В конце он добавлял, что не боится кары, поскольку никогда не поносил бога, не совершал проступков против царя, соблюдал законы человеческие и всегда поступал так, как было угодно богам. «Он отдал богу то, что любил, тем обратив его на свою сторону. Он отдал хлеб голодному, воду - жаждущему, одежду - нагому; он дал лодку тому, кто хотел переплыть на другой берег». Он совершил и множество других благочестивых и достойных деяний, например, выслушал спор между ослом и кошкой (к великому сожалению, до нас этот спор не дошел).

Осталось лишь завершить суд. На одну чашу весов клали сердце умершего, а на другую - маленькую статую Тота. Но что, если сердце станет говорить и очернит своего владельца? Чтобы оградить себя от этого, необходимо было прочитать специальное заклинание, приведенное в тридцатой главе Книги Мертвых. «О сердце мое, сердце моей матери, сердце тела моего! Не свидетельствуй против меня, не говори против меня перед судьями, не клади вес свой против меня перед владыкой весов. Ты есть мое *ка* в груди моей, Хнум (бог-творец), соединяющий члены мои. Да не будет имя мое вызывать отвращение, не возводи на меня напраслину перед богами!» Сердце, к которому было обращено это заклинание, молча выслушивало две исповеди. Результат был неизменно успешный: Анубис оста-

навливал весы и объявлял, что чаши находятся в равновесии. Теперь Тоту оставалось лишь записать это на папирусе и провозгласить умершего невинным (*маа херу* - «правдивый голос»). Умерший вступал в царство Осириса, а чудовище, надеявшееся сожрать его за грехи, оставалось ни с чем.

Неужели египтяне на самом деле считали, что, дабы изгнать свои грехи из памяти богов и людей, достаточно просто отречься от них? В ряде последних работ по египетской религии сто двадцать пятая глава Книги Мертвых рассматривается как магический текст. Слово «магический», однако, имеет много значений; египтологи не должны забывать, что долгое время трактат о том, как вернуть старику молодость, также считался магическим текстом, но более тщательное изучение показало, что это всего лишь сборник советов, как избавиться от морщин, бородавок, пятен на коже и других малопривлекательных признаков старения. Я полагаю, что, давая свои наставления и утверждая, что никто не может ввести высшего судью в заблуждение, старый царь Мерикара повторял всеобщее убеждение. Вероятно, египтянин так настаивал на своей чистоте и невинности потому, что ему каким-то образом удалось избавиться от тяжести грехов еще при жизни. Именно это освобождало его от страха перед судьями мира иного.

Итак, главной целью для египтянина было заслужить звание *маа херу* - правдивого голоса, - а чтобы его добиться, необходимо было предстать перед высшими судьями. Однако на стелах и саркофагах, в надписях на стенах гробниц мы постоянно встречаем имена египтян, перед которыми написано: *маа херу*; считается, что таким образом они выражали благочестивую надежду, что их голоса (или же голоса их родственников и друзей) будут сочтены праведными на загробном суде. Эта надежда была настолько распространена, что в какой-то момент *маа херу* стало практически синонимом слова «мертвый». Тем не менее, нам известно, что были и египтяне, которым удалось получить это звание при жизни. Так, в истории о том, как сыновья Хеопса по очереди рассказывали отцу истории о магах, говорится, что к этому времени великий царь, которого греки обвиняли в нечестивости) уже был *маа херу*. Был им и Парамсес, когда Хоремхеб повелел ему проследить за работами в храме Опета, еще до того как он стал царем Рамсесом I; и великий вождь народа Ма, прежде чем взойшел на трон под именем Шешонк I. Бакенхонсу, верховный жрец Амона, получил звание «правдивого голосом» за то, что пообещал Рамсесу II поставить царские статуи прямо в храме, «в окружении Достославных». Ему тогда уже стукнул девяносто первый год, однако впереди у него было еще несколько лет жизни. Точно так же и один из его преемников, Рамсеснахт, назван *маа херу* в надписи, найденной в Вади-Хаммамат: в этой надписи рассказывается о великом путешествии к горе камня *бехена*, снаряженной по приказу Рамсеса IV в третий год его царствования. Нам известно, что Рамсеснахт все еще был жив в правление некоего царя, предположительно Рамсеса IV или V.

Я полагаю, эти примеры достаточно убедительно показывают, что египтянин мог стать *маа херу* при жизни; остается только выяснить, как можно было этого достичь. Первым *маа херу* был Осирис, который, вернувшись к жизни, преследовал своего убийцу Сета, пока не заставил его предстать перед судом богов, возглавляемым богом Ра, и не добился его осуждения. Исида не желала, чтобы ее труд и доказательство ее преданности мужу были преданы забвению, и потому учредила священные таинства, которые должны были одновременно напоминать людям о ее подвиге и утешать в несчастьях. В дни Геродота эти мистерии символизировали страсти Осириса, однако несколько раньше египтяне организовывали представления на другой сюжет. Они рассказывали о борьбе сторонников Осириса за тело своего господина и о его триумфальном возвращении в храм Абидоса. После этого следовала мистерия, символизирующая суд богов, - в главе восемнадцатой Книги Мертвых перечисляются города, в которых осуществлялась «церемония суда»: Он, Диду, Имит, Хем, Пе и Деп, Рехти в Дельте, Расетау (район Мемфиса), Нареф близ Фаюма и Абидос в Верхнем Египте. Все указывает на то, что набожный египтянин мог обеспечить себе вечное блаженство, подражая Осирису. В конце сто двадцать пятой главы помещен абзац, по-видимому, написанный в качестве инструкции живым. «Прочитать эту главу внятно и без

ошибок, облачившись в лучшие одежды, обсыпав глаза свои черной пудрой и умастившись прекраснейшим фимиамом, прежде же принести в жертву, как подобает, быков и птиц, живицу, хлеба, пиво и овощи». Далее священный текст гласит: «Кто сделал все это для себя, будет зелен (то есть будет процветать), и дети его будут зелены. Цари и Великие будут взирать на него благосклонно. Ни в чем не будет он знать недостатка и в конце вступит в царство Осириса».

Таким образом, мы можем получить некоторое представление о том, в чем же заключалось это самое таинство, благодаря которому египтянин мог избавиться от бремени грехов. Тот, кто чувствовал, что дни его на земле сочтены, - предчувствуя скорую смерть от старости или тяжелой болезни или же получив тайное послание от Осириса, иногда предупреждавшего людей, что вскоре они предстанут перед судом богов, - должен был торопиться в один из перечисленных выше городов и выполнить все эти рекомендации, не забыв, разумеется, и о подобающих жертвоприношениях.

Судя по содержанию сто двадцать пятой главы, «таинство суда» состояло из двух стадий. Во время первой Осирис доказывал свою невиновность, обращаясь к богу Ра и с помощью тридцати шести отрицаний убеждая его, что в течение года он не совершил ничего дурного. Египтянин повторял слова Осириса, поддерживая себя надеждой, что решение суда, как и в случае с богом, будет в его пользу.

Однако на этом церемония суда не заканчивалась; Осирис покидал «скамью подсудимых» и всходил на помост. Египтянин вслед за богом произносил вторую «отрицательную исповедь» и приближался к весам. На одну чашу клали сердце из лазурита, на котором было вырезано его имя, на другую статуэтку, символизирующую истину. Затем он с удовлетворением видел, что чаши пришли в равновесие, писец записывал его имя и добавлял к нему звание «правдивого голосом». После этого успокоенный египтянин возвращался домой, уверенный, что теперь врата в иной мир будут перед ним открыты.

3. Подготовка гробницы

Обретя таким образом душевный покой, египтянин начинал заниматься подготовкой своего «последнего пристанища».

Фараоны никогда не забывали вовремя позаботиться об этом. Строительство пирамиды, пусть даже весьма скромной, было предприятием очень серьезным. Во-первых, следовало снарядить и отправить «экспедиционные войска» в долины Гизы или Саккары добыть гранитные или алебастровые блоки. В начале Нового царства царский некрополь был перенесен в Долину царей, занимавшую большую область западнее Фив. Потомки Рамсеса I, хотя и были выходцами из Дельты, переняли некоторые традиции смещенной ими династии - в частности, они тоже стали высекать свои гробницы в фиванской горе. Эти подземные своды, или «гипогеи», могли простираться на сотни ярдов в длину. Стены их проходов и зал были испещрены странными рисунками, изображавшими Ра во время его достопамятного путешествия по двенадцати землям подземного мира или борьбу верховного бога с врагами света, однако ничто здесь не напоминало о подвигах, совершенных царем, которому, собственно, и принадлежала гробница. Здесь не было ничего, что было бы предназначено для глаз любопытного посетителя. Царские гробницы являлись своего рода частным владением, вход в которые держался в строжайшем секрете.

Этим они резко отличались от гробниц обычных египтян, как правило, состоявших из двух отдельных частей. Внизу был расположен зал, выдолбленный из камня, к нему вела длинная шахта. Именно здесь предстояло покоиться умершему. Когда все необходимые ритуалы над его мумией, лежащей здесь в саркофаге, были совершены, вход в этот зал замуровывали, а саму шахту закладывали камнями. Теперь (теоретически) никто уже не мог нарушить покой умершего. Наверху, над залой, возвышалось довольно значительное здание, открытое для тех, кому посчастливилось пережить владельца гробницы. Фасад зда-

ния выходил во внутренний двор, там стояли стелы с надписями, рассказывавшими грядущим поколениям о добродетелях и заслугах покойного. Иногда во дворе был вырыт пруд, его окружали сикоморы и пальмы. Через двор посетитель мог попасть в изысканно украшенное прямоугольное помещение. Даже на потолке его вился изящный цветочный или геометрический узор, стены и колонны были покрыты рисунками, изображавшими владельца гробницы в наиболее характерной для него ситуации. Так, крупный землевладелец представлял перед посетителями в поле, наблюдающим за работой своих людей; на охоте, гоняющим антилоп в пустыне, целящимся дротиком в птиц на болоте, или занесшим гарпун на гиппопотама, или, наконец, отдыхающим на рыбной ловле. Мы видим, как следит за работой скульпторов, ювелиров и краснодеревщиков в мастерских Амона; как он собирает царские подати; как обучает новичков военному делу. Он мог быть изображен на царском приеме или же провожающим во дворец вереницы послов из какой-либо дальней страны, впервые прибывших в Египет, - они шли за ним, согнувшись под тяжестью даров, с их помощью надеясь уговорить царя даровать им «дыхание жизни». Это помещение служило своего рода прихожей; выйдя из нее через широкий коридор (на одной стене - путешествие лодки умершего в Абидос, на другой - сцены из погребального обряда), посетитель оказывался во внутренней палате. Здесь все должно было подчеркивать благочестие умершего: он был изображен совершающим возлияния в честь богов, подносящим им зажженную жаровню, распевая хвалебные песни. В награду за набожность и предусмотрительность боги обеспечивали ему никогда не оскудевающий запас пищи после смерти.

Разумеется, одно из почетнейших мест среди предметов обстановки гробницы занимал саркофаг. Неферхотеп не единожды посещал мастерские, в которых шли работы над его «последним ложем»; он видел свой саркофаг, водруженный на два табурета, и работников, стоящих или сидящих над ним; они украшали его резьбой, полировали или наносили на него рисунок. Он видел также жрецов, которые окропляли его святой водой. Царь и богачи не могли удовольствоваться только одним гробом. Так, мумия царя Псусеннеса с маской из чистого золота на лице была положена в серебряный саркофаг, повторяющий ее форму, который, в свою очередь, с трудом влезал в другой саркофаг из черного гранита. Второй саркофаг помещали в большой прямоугольный сундук, украшенный внутри и снаружи фигурами божеств, стерегущих покой мумии. Во всю длину внешней поверхности его резной крышки вытянулась фигура бога с атрибутами Осириса, на внутренней же - богини Нут, владычицы неба, окруженной барками с обозначениями созвездий. Несколько футов отделяют ее стройное, изящное тело от саркофага из черного гранита. Своими глазами из камня царь мог с беспредельным восхищением взирать на прекрасную богиню, дарующую ему поцелуй вечности. Это ли не сбывшаяся мечта любого египтянина - жить на небесах, бродить среди звезд, не знающих отдыха, и среди планет, не знающих усталости. По бокам саркофага были вырезаны глаза, через которые умерший мог взирать на окружающий мир. Кроме того, саркофаг был снабжен специальной дверью, через которую мумия могла покидать свое последнее пристанище и возвращаться в него, если у нее вдруг возникнет желание пройтись.

Богатство и разнообразие обстановки гробниц, естественно, различались в зависимости от могущества их владельцев. Так, гробница Тутанхамона превосходит любые описания: она наполнена роскошными ложами и кроватями, колесницами и лодками, ящиками и сундуками, креслами, стульями и табуретами, всевозможным оружием, разнообразными жезлами, посохами и тростями, украшениями, играми, металлическими и каменными сосудами и ритуальными принадлежностями. Будучи подданным в царстве Осириса, царь должен был после смерти продолжать демонстрировать свое благочестие, а будучи главой семьи и правителем страны, он должен был продолжать оказывать гостеприимство своим детям, родственникам, друзьям и слугам (поэтому в его гробнице было найдено огромное количество тарелок). Здесь стояло множество разнообразнейшей посуды для посетителей,

которые могли в любой момент отведать птицы, мяса, фруктов и овощей - словом, еды и питья было запасено на любой вкус.

В дополнение к саркофагу непременно полагалось иметь большой деревянный или каменный сундук, в котором стояли четыре сосуда - канопы (ошибочно считалось, что их начали изготавливать в городе Канорос), в которых хранились вырезанные во время мумификации органы умершего. Сосуды эти находились под защитой четырех богов: Амсета с человеческой головой, Хапи с головой собаки, Дуамутефа с головой шакала и Кебехсенуфа с головой сокола - и четырех богинь. Некоторым, однако, канопы казались слишком скромными, и они заказывали для своих внутренних органов отдельные крошечные гробики, их помещали в специальные алебастровые сосуды.

Поля Иалу, царства Осириса, напоминали сад вольтеровского Кандида - это было самое прекрасное место в мире, однако и здесь человек должен был вспахивать, засеивать, землю пропалывать и убирать урожай, точно так же как в мире живых. Он должен был не только следить за тем, чтобы оросительные каналы были в хорошем состоянии, но и заниматься работами, назначение которых нам не совсем понятно, например, перетаскивать песок с одного берега на другой. Земледелец воспринимал все это как обыденное и привычное занятие, тем же, кто привык проводить свои дни на земле в лени и праздности и нисколько не интересовался земледелием, эта работа казалась невыносимо тяжелой. Египтяне обладали уникальной способностью верить, что изображение предмета или человека в некоторой степени обладает свойствами оригинала, поэтому они считали, что избежать трудностей в загробной жизни можно с помощью статуэток, которые будут работать вместо умершего. Такие статуэтки делали из эмалированного фаянса, иногда из бронзы в форме мумии. Иногда их лицам придавали индивидуальные черты, вероятно, скульптор пытался добиться портретного сходства. Однако это не имело большого значения, поскольку статуэтки всегда снабжали надписями, где указывали имя и титул человека, которого ей предстояло заменить в мире ином, например: «Осирис, Первый Пророк Амонрасонтера, Хорнехти». Нередко текст надписи был более подробным: в нем перечислялись те виды работы, которые должна выполнять статуэтка: «Осирис N говорит тебе: «О статуэтка (*ушебти*), когда будет названо имя Осириса N и вызван он будет, чтобы делать то, что положено делать здесь в некрополе, - удобрять поля, наполнять каналы водой, носить песок с востока на запад и с запада на восток, выдергивать сорные травы, как делает человек при жизни для себя, - ты должна сказать: Я сделаю это, вот я здесь».

Идея эта понравилась, и производство статуэток, которые могли спасти своих обладателей от страшной угрозы тяжелого принудительного труда, стало поистине массовым. В руки им вкладывали инструменты, на спину вешали сумки. Стали появляться статуэтки, предназначенные не только для людей физического труда, но и для писцов и надсмотрщиков, поскольку и в мире ином поблизости от работников всегда кормятся чиновники и писцы. В конце концов появилась крупная индустрия, производящая множество миниатюрных фаянсовых или бронзовых аксессуаров для статуэток: коромысла для переноски песка или воды, корзины, большие и маленькие, кирки и киянки. На каждом предмете вырезалось имя конкретной статуэтки, иначе он мог быть украден и передан для работы другой статуэтке вопреки желанию законного владельца.

Впоследствии из тех же соображений начали изготавливать фигурки обнаженных женщин для мертвых. Цари и царевичи привыкли иметь множество наложниц, и они вовсе не собирались обходиться без них в загробной жизни. Такие фигурки были найдены в гробнице Пусеннеса, на некоторых из них написано имя царя, на других - женские имена. Если наложницы, услугами которых царь пользовался при жизни, действительно были похожи на очаровательные фигурки в гробнице, мы можем лишь позавидовать царю.

Украшения мумии любили не меньше, чем живые. Нередко мумий наряжали в те же драгоценности, которые умерший носил при жизни, чаще, однако, делали новые украшения. Ниже приводится список уборов, которые полагалось иметь мумии царя или высокого сановника.

Маска золотая для царей и членов царской семьи, из папье-маше для простых смертных.

Воротник из двух толстых пластин золота, вырезанных в форме грифа с распростертыми крыльями.

Одно или несколько ожерелий из золотых или фаянсовых бусин или из драгоценных камней. Ожерелья состояли из нескольких рядов бусин или подвесок с одной или несколькими пряжками. К пряжке иногда прикреплялась подвеска из золотых, иногда фаянсовых бусин или драгоценных камней, подобранных по размеру.

Одна или две пекторали, подвешенные на цепочках. Чаще всего они имели следующий вид: крылатый скарабей, по бокам в качестве подвязок - фигурки Исиды и Нефтис, на внутренней стороне вырезаны слова знаменитого обращения к сердцу: «О сердце мое, сердце моей матери, сердце тела моего! Не свидетельствуй против меня, не говори против меня перед судьями, не клади вес свой против меня перед владыкой весов. Ты есть мое *ка* в груди моей, *Хнум*, соединяющий члены мои. Да не будет имя мое вызывать отвращение, не возводи на меня напраслину перед богами!»

Набор украшений в виде крылатых и бескрылых скарабеев с надписями без оправы и сердечек из лазурита на цепочках. На каждом непременно было указано имя умершего.

Браслеты всех видов: гибкие и твердые, полые и цельные. Их надевали на запястья, предплечья, бедра и колени. Перстни для каждого пальца рук и ног. Сандалии.

Амулеты и статуэтки богов, которые вешали на шею или прикрепляли к нагруднику.

Благодаря своей роли во время процедуры взвешивания деяний Анубис и Тот являлись своеобразными посредниками в общении с мертвыми, однако это вовсе не означало, что мумии были необходимы только амулеты этих богов. Иногда вместо них использовались фигурки стервятников или соколов с расправленными крыльями или со змеиными головами (змея почиталась как хранительница засова, запиравшего двери между разными зонами загробного мира), идолами Осириса и Исиды или магическими амулетами в виде глаза - *уджат*.

Помимо всех этих украшений, мумия должна была иметь набор миниатюрных жезлов, скипетров, предметов оружия и разнообразных атрибутов божественности или царственности, которые всегда полезно иметь рядом.

Выбрать изысканное и ценное убранство для гробницы, проверить, чтобы все было сделано на совесть, - все это требовало тяжелой и кропотливой работы. Однако, что бы ни говорили об этом отдельные циники, будущее умершего во многом зависело от того, успел ли он должным образом подготовить, украсить и обставить свое последнее пристанище. После смерти человеку не дано наслаждаться покоем - загробный мир полон ловушек, избежать их можно, лишь заблаговременно приняв все необходимые меры предосторожности.

4. Жрец двойника и его обязанности

Итак, наш египтянин, достигший преклонных лет, проследил за строительством и обустройством своего «дома вечности», заказал украшения для своей гробницы у краснодеревщиков и столяров. Он приказал ювелирам и золотых дел мастерам сделать множество украшений, амулетов и талисманов - теперь у него есть все, что, по его мнению, может понадобиться в мире ином. Однако ему предстоит еще убедиться, что потомки проявят должное почтение к его памяти, позаботятся, чтобы его имя продолжало жить в грядущих поколениях. «Я передал свое дело сыну еще при жизни, - утверждает один из египетских вельмож. - Я оставил ему больше, чем отец оставил мне. Мой дом стоит крепко, и земля моя приносит хороший урожай; все владения занимают место свое, где им следует быть. Теперь сын мой сделает так, чтобы сердце мое продолжало жить в этой стеле; он наследует мне, как и подобает хорошему сыну». В подобных надписях покойный часто выражает

надежду, что сын сохранит жизнь его имени и имени его предков. Правитель Сиута Хапиджефаи назначил сына жрецом своего *ка*, или «жрецом двойника», - это примерно то же самое, что душеприказчиком. Имущество, унаследованное сыном в этом качестве, имело особый статус; в частности, в случае смерти его обладателя его не делили между братьями, а снова передавали его сыну, который с этого момента нес ответственность за гробницу деда и участие в церемониях в его честь. Эти церемонии обычно совершались в первый день нового года и длились вплоть до праздника под названием *Уаг*, которое отмечалось через восемнадцать дней в гробнице, в храмах Упуата, владыки Сиута, и Анубиса, владыки некрополя.

За пять дней до Нового года жрецы Упуата отправлялись в храм Анубиса, и каждый приносил лепешку для стоявшей там статуи. В последний день старого года служитель храма выдавал жрецу двойника свечу, которую до этого уже зажигали в храме. То же самое делал и верховный жрец Анубиса: он выдавал свечу для освещения храма человеку, занимавшему место главного служителя некрополя. Тот должен был отправиться в гробницу вместе со зрителями горы и передать свечу жрецу двойника.

В первый день нового года, после того как освящение храма было завершено, каждый жрец Упуата должен был поднести лепешку статуе Хапиджефаи. После этого они организовывали шествие, возглавляемое жрецом двойника и посвященное прославлению памяти владыки; главный служитель некрополя и зрители подносили его статуе лепешки и пиво и также восславляли его память. Вечером того же дня служители храма, предоставившие им свечу, выдавали им еще одну. Как и прежде, то же самое делал и верховный жрец Анубиса: в этот день статую умершего снова освещали свечой, предварительно очищенной в храме.

Все эти церемонии с незначительными отличиями проводились во время праздника *Уаг*. В храме Упуата каждый из жрецов преподносил статуе лепешку и участвовал в шествии. Жрец двойника Хапиджефаи зажигал третью свечу, которая всю ночь горела перед статуей. Жрецы Анубиса также участвовали в шествии: распевая хвалебные песни богу, они шли до самых ступеней, ведущих в гробницу, и клали лепешки перед освещенной свечой статуей.

Жрец, ответственный за богослужение в храме, исполнив все необходимые обряды, тоже совершал жертвоприношение перед той же статуей, после чего еще один участник церемонии - смотритель холмов в пустыне - давал жрецу двойника лепешки и кувшины с пивом.

Хапиджефаи позаботился и о том, чтобы его имя не было забыто во время празднеств, происходящих в начале каждого сезона. Эти празднества были скромнее, чем новогодние торжества, однако имели для египтян довольно большое значение. Отряд охраны пустыни во главе с главным служителем некрополя собирался в саду при гробнице Хапиджефаи и торжественно переносил в храм стоявшую в саду статую Анубиса. Теперь оставалось лишь выполнить последнюю волю умершего. Поскольку при жизни он был главой жрецов Упуата, то каждый праздник (а мы помним, как часто отмечались праздники в Египте) получал в качестве подношения мясо и пиво. В своем завещании он велел продолжать подносить дары своей статуе. Ответственность за это также возлагалась на жреца двойника.

Разумеется, подобные почести обходились недешево, и, чтобы оплатить их, Хапиджефаи был вынужден отказаться от некоторых привилегий, полагавшихся ему как правителю нома и как главе жречества Упуата. Проявив поистине царственную заботу о собственной персоне, он заложил свои официальные должности, обязав своего преемника тратить часть дохода, который они приносили, на чествование его памяти. Каждый год на него одного расходовалось двадцать семь «храмовых дней», то есть двадцать семь триста шестьдесят пятых (или почти одна четырнадцатая) общего ежегодного дохода храма. Храм Упуата был, без сомнения, всего-навсего провинциальным святилищем, однако его служители имели довольно значительный доход, так что, лишившись по прихоти Хапиджефаи около 7,5 % своего обычного дохода, его наследники должны были ощутить весьма существен-

ное снижение своего жизненного уровня. Более того, общая сумма дохода храма уменьшилась еще и из-за того, что Хапиджефаи завещал жрецу своего двойника часть земель, принадлежавших храму. По этой причине содержание гробниц, которое обходилось египтянам все дороже, постепенно превратилось для них в неприятную обязанность. Египет слабел под тяжестью добровольно взятой на себя ноши. Хапиджефаи это было совершенно безразлично: перед смертью он распорядился, что никто из его потомков не имеет права отменить соглашение, заключенное им со жрецами его дней. Но как бы тщательно ни были подготовлены посмертные церемонии, через два-три поколения египтяне, как правило, отказывались исполнять их, вернее, направляли выделенные на них средства для прославления памяти тех, кто умер не так давно. Как мы видели, и цари, и простые смертные считали восстановление гробниц и памятников и жертвоприношения в честь мертвых делом благочестивым и богоугодным, однако Война с Нечистыми превратила усилия многих из них в ничто. В конце войны Египет пребывал в состоянии анархии и разрухи; разоренным египтянам было не до того, чтобы заботиться о своих давным-давно почивших предках.

5. Бальзамирование

Теперь, когда наш египтянин получил предупреждение от Осириса, позаботился о строительстве и обустройстве своего «дома вечности», сделал все, чего требовало благочестие и уважение к древним традициям, ничто более не удерживало его на земле. В тот день, когда он «отправлялся на другой берег» (египтяне не любили слово «умирать» и использовали вместо него этот эвфемизм), его близкие облачались в траур и сохраняли его по крайней мере семьдесят дней. В течение этого времени они не работали и не выходили из дома, пребывая в состоянии молчаливой скорби. Если им нужно было выйти на улицу, они вымазывали лица грязью - то же самое сделал Анупу, когда решил, что его младший брат убит вместо него, - и в приступе горя обеими руками колотили себя по голове. Тем не менее им еще предстояло исполнить свои обязанности перед умершим: передать его тело бальзамировщикам и выбрать метод обработки тела. Таких методов, если верить Геродоту и Диодору, было три. Самый роскошный из них требовал много времени и довольно сложной работы. Мозг и все внутренние органы, кроме сердца, извлекали из тела и обрабатывали отдельно. Затем их заворачивали в отдельные свертки и помещали в четыре канопы. Затем тело вычищали еще раз и наполняли ароматными пряностями. После этого тело клали в раствор натра, который в больших количествах добывался на соляной равнине Вадди-Натрон, расположенной к северо-западу от Фаюма, а также в долине Нехеб. Египтяне использовали натр для самых разных целей, в первую очередь для домашней уборки. Через семьдесят дней тело обмывали и обертывали повязками - полосками льна, вымоченными в клейкой жидкости. Всего для этой операции использовали пятнадцать продуктов: пчелиный воск, которым заклеивали уши, глаза, нос, рот и надрезы, сделанные бальзамировщиками, кассия, корица, можжевеловое масло, камедь, хна, ягоды можжевельника, лук, пальмовое вино, разные виды смолы, древесные опилки, деготь, вар и, само собой, незаменимый натр. Некоторые из этих продуктов привозили из иноземных стран; деготь и камедь, например, добывали в хвойных лесах Ливана, поэтому, когда морское сообщение с Библом было прервано, бальзамировщики и их состоятельные клиенты в отчаянии пытались найти замену этим материалам.

Изготовление канопы и ушебти (Скальные гробницы Дейр-эль-Гобрауи, I)

Когда все описанные процедуры были завершены, тело превращалось фактически в скелет, облаченный в сморщенную кожу, однако лицо сохраняло узнаваемые черты, несмотря на ввалившиеся щеки и сохшиеся губы. Через тысячи лет мы можем составить представление о чертах и общем облике великого царя Сети I по его мумии; то же самое относится и ко многим другим царям и вельможам.

Теперь настало время одеть и украсить мумию. На шею ей вешали множество ожерелий, пекторалей и амулетов, на руки надевали браслеты, перстни и кольца, ноги обували в сандалии. Разрезы, через которые извлекали внутренние органы, прикрывали толстой пластиной золота, на которой были вырезаны или выложены драгоценными камнями знаки *уджат*, священного глаза, способного исцелять раны, и четырех божеств, защищавших канопы. Между ног мумии клали свиток с текстом Книги Мертвых, этим незаменимым «руководством» по поведению в подземном мире. После этого туловище и конечности умершего обматывали льняными повязками, а на лицо ему клали маску. Маска для простых смертных делалась из ткани и известкового раствора, лица царей и высших сановников прикрывали золотыми масками, которые иногда крепили к расшитому бисером одеянию. Затем тело заворачивали в саван и перевязывали ремнями. Возможны были и другие варианты: в одной из зал гробницы фараона Псусеннеса в Танисе была обнаружена мумия царя Шешенка - она была положена в картонный футляр, к которому крепились тонкие панели золота и голубого фаянса, воспроизводящие рисунок, вырезанный на серебряном саркофаге. При условии, что все это время краснодеревщики, столяры, оружейники и другие ремесленники, занимавшиеся изготовлением всего необходимого для похорон, работали не покладая рук, со дня смерти до закрытия гроба и погребения проходило не меньше двух с половиной месяцев.

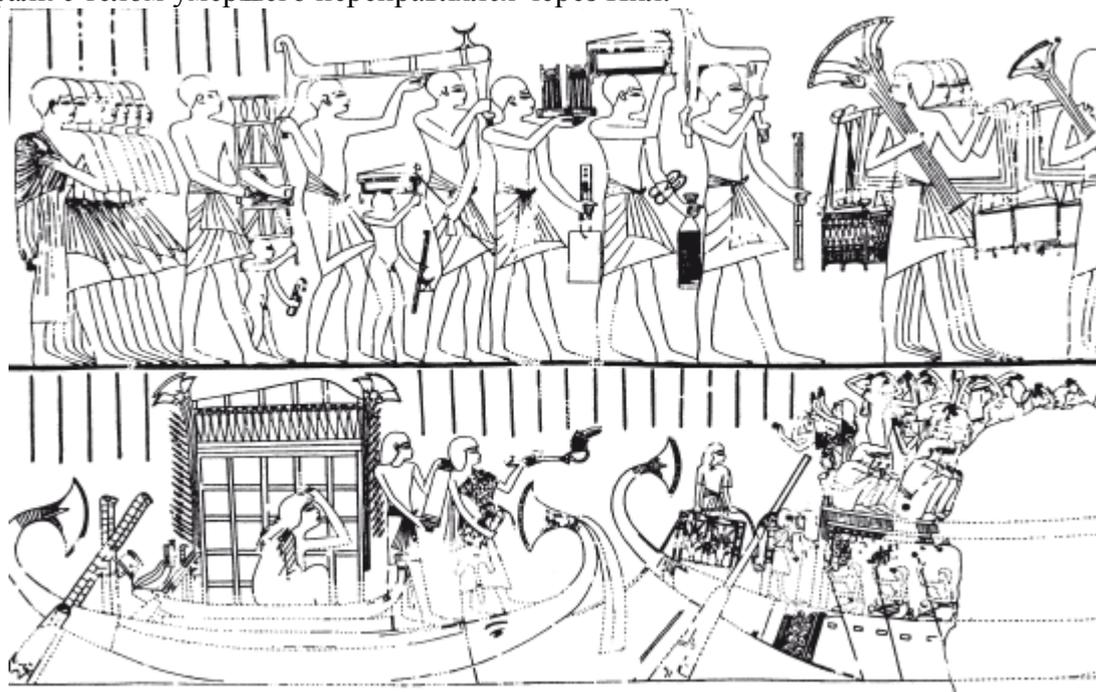
6. Похороны. Состав похоронной процессии

Похороны в Египте представляли собой зрелище печальное и вместе с тем весьма живописное. Близкие покойного, не скрывая своего горя, рыдали и размахивали руками. Боясь, что одним им будет не под силу выразить всю глубину своей скорби, они нанимали плакальщиц и плакальщиков, которые, вымазав лица грязью и порвав на себе одежды, без устали издавали горестные стоны и колотили себя по голове. Более сдержанные участники процессии не позволяли себе столь открыто проявлять скорбь, они чинно шествовали позади, обсуждая добродетели покойного: «Сколь прекрасно происшедшее с ним... он наполнил собой сердце Хонсу в Фивах, и великий бог позволил ему отправиться на запад и присоединиться ко многим поколениям своих слуг». После этого похоронная процессия превращалась в своего рода движущийся дом: впереди шли слуги с лепешками и цветами, керамическими и каменными вазами и подвешенными на коромысла ящиками со статуэтками и их орудиями. За ними следовала вторая группа слуг, тащивших стулья и кресла, кровати, шкафы и сундуки, а также колесницы. Следующая группа несла предметы лично-

го пользования покойного: сундуки для каноп, жезлы, скипетры, статуи и опахала. Драгоценные камни, ожерелья, соколы или стервятники с распростертыми крыльями, птицы с человеческими головами и другие ценности были расставлены на блюдах на обозрение праздным зевакам, в восхищении наблюдавшим за шествием. Саркофаг был скрыт от любопытных взглядов под катафалком, который тащили две коровы и несколько человек. Саркофаг состоял из разборной деревянной панели или рамы, с нее свисали тяжелые занавески из кожи или богато расшитой ткани. Его укрепляли на лодке, а по обе стороны ставили статуи богинь Исиды и Нефтис; затем лодку водружали на деревянные полозья.

7. Переправа через Нил

Процессия медленно двигалась по направлению к Нилу, где ее уже поджидали несколько барок. Главное судно имело изящно изогнутые нос и корму, оканчивающиеся украшением в виде цветка папируса; на палубе была сооружена большая кабина, внутри драпированная дорогой материей и полосками кожи. В эту кабину вносили катафалк вместе со статуями Исиды и Нефтис. Жрец, облаченный в шкуру пантеры, воскуривал фимиам, плакальщицы стояли на берегу, опустив головы. Управлял судном матрос с помощью шеста; в большой команде необходимости не было, так как барка шла на буксире. На буксирном судне матросов было много, капитан занимал свое место на носу, у руля стоял кормчий. На этом судне также стояла кабина, на крышу которой забирались плакальщицы, ни на мгновение не перестававшие рыдать и горестно простирать руки в направлении катафалка. Плач по умершему мог звучать так: «Да прибудет он скорее на запад, в землю истины. Женщины с библской лодки рыдают в печали. С миром, с миром живи, о славнейший, в западной земле. Если будет угодно богу, когда день сменится вечностью, мы встретимся с тобой, кто ныне отправляется в ту землю, где все люди равны». Читателя может удивить упоминание библской лодки (*кебенет*), которая была предназначена для плавания в открытом море - ведь барка, на которую был погружен катафалк, должна была лишь пересечь Нил. Кое-что, однако, объединяло эти суда; когда Исида в Библие получила священное дерево с телом своего мужа Осириса, она перенесла его в лодку, отбывавшую в Египет. Там она обнимала дерево и окропляла его слезами. Так же плакали женщины и теперь, когда катафалк с телом умершего переправлялся через Нил.

Похоронная процессия (Дейвис. Гробницы скульпторов)

Носильщики со своим грузом, а также все, кто хотел сопровождать умершего до конца его путешествия, поднимались на борт других четырех барок. Оставшиеся на берегу выкрикивали последние пожелания ушедшему другу: «Живи с миром на западе Фив» или «На запад, на запад, в землю праведников. Город твой, который ты так любил, стонет и рыдает по тебе». В этот момент раздавался и горестный стон вдовы умершего: «О брат мой, муж мой, друг мой! Останься, обрети покой в городе своем, не покидай место, где положено быть тебе. Увы, ты уходишь отсюда, чтобы плыть через Нил. О матросы, не торопитесь, пусть побудет он здесь дольше. Вы еще вернетесь в дома свои, а он отправляется в Землю Вечности».

8. Восхождение к гробнице

Между тем на другом берегу процессию уже поджидали. Народ собрался на пристани, а торговцы разбили на набережной палатки, наполненные разнообразными предметами, необходимыми для религиозных обрядов на случай, если кто-либо забыл захватить все необходимое в городе. Барки вытаскивали на берег, и вскоре и груз и пассажиры оказывались на суше. Процессия - пожалуй, теперь чуть более скромная - продолжала свой путь. Две коровы тащили древнюю лодку на полозьях. Исида и Нефтис снова заняли свои места по обе стороны катафалка. За погонщиками с плетками шел человек, державший сверток папируса. Следом, стараясь держаться стройным рядом, двигались женщины и дети из семьи умершего и плакальщицы. То тут, то там раздавались звуки трещоток. Мужчины, работавшие вместе с умершим, шествовали с важным видом, сжимая в руках посохи и рассуждая о достоинствах своего друга, а также о недолговечности и бренности человеческой жизни. Процессия шла мимо небольших палаток, возле которых стояли мужчины, помахивающие зажженными курильницами. Наконец пахотная земля заканчивалась, и процессия подошла к подножию Ливийских гор. Здесь кончалась и ровная дорога, поэтому коров распрягали, и дальше катафалк тащили несколько человек, перед ними шел жрец, непрерывно окроплявший его водой и окуривавший благовониями. И вот на горе появлялась богиня Хатхор в облике коровы; она возникала из зарослей папируса, чудесным образом произраставшего на голом камне, и приветствовала прибывших.

9. Прощание с мумией

Наконец многотрудное путешествие закончено, и участники процессии собрались у входа в гробницу. Здесь тоже были разбиты небольшие палатки, внутри сутились люди, разжигавшие курильницы с длинными рукоятками и переливавшие воду в специальные кувшины, чтобы она дольше оставалась прохладной. Саркофаг вытаскивали из катафалка и прислоняли к стеле, а женщины падали перед ним на колени и обнимали его. Плакальщицы, дети и близкие умершего рыдали и колотили себя по голове с удвоенной силой. Жрецам же еще предстояло выполнить ряд важных церемоний. Они уже разложили на столе хлеб и поставили кувшины с пивом, а также целый набор замысловатых инструментов: скобель, изогнутый нож в форме страусиного пера, искусственный кусок мяса и палитру с загнутыми в форме свитков краями.

Плакальщицы (*Дейвис*. Гробница визиря Рамоса)

Эти предметы помогут вернуть умершему власть над его членами и отсутствующими органами: он снова сможет видеть, открывать рот и говорить, есть, шевелить руками и ногами.

Приближался момент расставания. Скорбь присутствующих достигает предела. Жена умершего кричала: «О господин мой, жена твоя, Меритра, говорит с тобой. Не покидай меня! Неужели тебе угодно расстаться со мной? Если не я, то кто же последует за тобой. Раньше ты бывал весел со мной, теперь же молчишь и не проронишь ни слова». Другие женщины отвечали ей криками: «Горе, горе, горе, трижды говорю я, пусть же не смолкают рыдания! Добрый пастырь отправляется в Землю Вечности. Здесь останутся люди, пришедшие проститься с тобой, а ты останешься в земле, которая любит уединение. Тебя, любившего гулять, ныне крепко связывают ленты. Ты, чьи хранилища полны были прекраснейших одеяний, ныне спишь во вчерашних пеленах».

Теперь оставалось лишь отнести саркофаг в гробницу и расставить там предметы, сопутствующие погребению. Жрецы отвозили пустой катафалк в город, где его уже ждали новые клиенты. Саркофаг в форме мумии помещали в прямоугольный футляр, высеченный и украшенный надписями еще при жизни умершего. Вокруг тела раскладывали трости, оружие, иногда амулеты. Затем футляр закрывали тяжелой каменной крышкой. Рядом стоял сундук с канопами, шкатулки со статуэтками *ушебти*, столы и стулья.

Кувшин с лотосом (*Ньюберри*. Бени-Хасан, IV)

Особенно важно было не забыть о том, что понадобится умершему в первую очередь: еду и так называемые фигурки «прорастающего Осириса». Эти фигурки представляли собой деревянные рамки, повторяющие контуры тела лежащего бога, в них клали смесь песка с ячменем. В течение нескольких дней их регулярно поливали, пока ячмень не начинал прорастать сквозь песок. Когда он достигал высоты двух-трех футов, ему давали засохнуть и затем заворачивали в льняную материю. Таким образом египтяне надеялись приблизить момент воскрешения умершего, поскольку сам Осирис точно так же прорастал сквозь землю, пока не воскрес. В более древние времена в гробницу клали сосуды, состоящие из двух частей, разделенных поперечной перегородкой с отверстием посередине: в нижнее отделение наливали воду, а в верхнее клали луковицу лотоса. Она пускала корни, которые через отверстие опускались в воду. Вверх через одно или два узких горлышка тянулся стебель, и лотос расцветал. Эта практика была распространена в эпоху Среднего царства, однако, после того как в моду вошли «прорастающие Осирисы» из ячменя, от нее постепенно отказались. Лотос считался растением Ра, и этот переход стал отражением недавней победы культа Осириса над древним культом солнца.

10. Поминальная трапеза

Когда подземная усыпальница была обставлена как полагается, жрец и его помощники удалялись. Каменщик замуровывал вход. Родственники и друзья, сопровождавшие умершего в его «дом вечности», однако, не спешили возвращаться домой. Египтяне прекрасно знали, что эмоциональное напряжение пробуждает аппетит, поэтому носильщики, доставившие все, что нужно покойнику, не забыли о пище и для живых. Все собирались либо в гробнице, либо в легких беседках, установленных неподалеку от входа в нее.

Арфист, повернувшись к тому месту, где отныне покоилась мумия, начинал восхвалять родственников, сделавших все возможное для умершего: «Ты воззвал к Ра, тебе внимают Хепри и отвечает Атум. Владыка вселенной сделает все, что тебе нравится... Ветер с запада долетает до тебя, до твоего носа. Южный ветер для тебя превращается в северный ветер. Помещают твой рот к сосцам коровы Хесат. Ты становишься чистым, чтобы созерцать солнце. Ты совершаешь омовение в божественном водоеме. Все твои члены здоровы.

Ты оправдан перед Ра. Ты бессмертен перед Осирисом. Ты принимаешь наилучшие приношения. Ты насыщаешься, как на земле. Твое сердце успокоилось в некрополе. Ты пришел в свое обиталище с миром. Боги Дуата говорят тебе: «Приди к твоему *ка* в полном спокойствии!» Все люди другого мира в твоем распоряжении. Ты призван излагать просьбы перед великим богом. Ты вершишь правосудие, Осирис-Чанефер оправданный».

Другой арфист читает куда более печальные стихи о божественном отце Неферхотепе. Все помнят, что усопший отмечен особыми привилегиями. Сколько гробниц разрушено, сколько исчезло! Им больше не приносят жертв, хлеб их покрылся пылью. «Но стены твоей гробницы тверды, и ты посадил деревья вокруг твоего пруда. Твой *ба* отдыхает под ними и пьет их воду». Арфисту кажется, что это самый подходящий момент немного пофилософствовать: «Тела уходят туда со времени богов, и молодое поколение занимает их место. До тех пор пока Ра будет восходить на востоке, а Атум заходить на западе, мужчины будут оплодотворять, женщины - зачинать и все носы будут дышать. Но тот, кто рожден, однажды вернется на свое место». А потому радуйся жизни, пока еще можешь. Любопытно, что арфист обращает этот совет тому, кто покоится в саркофаге, а следуют ему присутствующие на прощальной трапезе. Воздав должное еде и питью, они возвращались в город шумной, веселой толпой, совсем непохожей на похоронную процессию.

Это описание похорон богатого египтянина. Стоит ли говорить, что похороны простых людей обходились без этих церемоний. Бальзамировщик даже не вскрывал тело и не вынимал внутренние органы. Он только вводил в тело через задний проход маслянистую жидкость со смолой можжевельника и выдерживал его в натроне. А для самых бедных смолу можжевельника заменяли дешевыми дезинфицирующими средствами. Подготовленную таким образом мумию клали в гроб и относили в старую, покинутую гробницу. Там эти гробы громоздились до потолка. И все равно даже в таких случаях мумия получала необходимый минимум того, что могло понадобится ей в мире ином. В гроб клали инструменты, сандалии, сплетенные из папируса, бронзовые или фаянсовые кольца, амулеты, скарабеев, глаза *уджат* и фаянсовые статуэтки богов.

Удел беднейших - общая могила. В центре богатого некрополя Ассасиф в Фивах сохранилось кладбище таких бедняков. Оно представляло собой глубокую яму, куда сбрасывали мумии, завернутые в грубую ткань. Их присыпали тонким слоем песка и тут же сваливали сверху новые мумии. Повезло тем беднякам, чьи имена или фигуры остались запечатлены в гробницах визиря или наместника Куша; им предстояло продолжить службу своему господину в следующем мире. А поскольку любая работа заслуживает вознаграждения, они могли рассчитывать, что не останутся без куска хлеба в следующем мире.

11. Отношения между живыми и мертвыми

Лишь наивный мог считать Аментет обителью мира и отдохновения: мертвые недоверчивы и мстительны, они боятся грабителей, привлеченных их золотом и серебром, боятся непочтительных или равнодушных посетителей гробниц, боятся служителей некрополя. Они призывали самые страшные наказания на головы тех, кто пренебрегает своим долгом и плохо заботится о гробницах: «Он предаст их огню фараона в день его гнева... Они опрокинутся в море, которое поглотит их тела. Они не получают почестей, предназначенных праведным людям. Они не смогут есть приношения покойным. Перед ними никто не совершит возлияний свежей водой. Их сыновья не займут их места. Их жен изнасилуют у них на глазах... Они не услышат слов фараона в день его радости... Но если они будут хорошо заботиться о погребениях... они получают все наилучшее... Амон-Ра, царь богов, пошлет вам долгую жизнь. Царь, правящий в ваше время, вознаградит вас так, как следует вознаградить. Для вас будут умножены должности без конца, которые вы будете получать от сына к сыну и передавать от наследника к наследнику... Они будут погребены в некрополе, достигнув возраста ста десяти лет, и приношения им будут множиться...»

Некоторые из умерших были настроены по отношению к живым особенно враждебно. Одни потому, что их забыли потомки, другие потому, что им нравилось творить зло. Боги не могли помешать их злодеяниям, так как они обманывали богов, выходили из гробниц и преследовали живых. Именно этих покойников и покойниц считали причиной большинства болезней. Матери боялись за своих детей: «Если ты пришел, чтобы обнять мое дитя, я не позволю его обнять. Если ты пришел баюкать мое дитя, я не позволю баюкать его. Если ты пришел, чтобы унести его, я не позволю его унести».

Египтяне часто посещали «дома вечности» не только из почтения, но и из страха перед мертвецами. Родственники, дети и вдовы поднимались по склону горы и ставили на жертвенные столы перед погребальной стелой или между пальмами при входе в гробницу еду и кувшин с водой, произнося при этом угодные покойному слова: «Тысячи хлебов и кружек пива, быки и птица, масло и фимиам, лен и веревки, превосходные и чистые вещи, которые приносит Нил, которые дарит земля и которыми живет бог, для *ка* такого-то, правдивого голосом».

В прежние времена не так-то просто было помолиться на могиле своего близкого. Мы уже приводили выше признания безупречного мужа и верной вдовы. О великих добродетелях несчастного мужа мы знаем лишь потому, что он подвергся тяжким испытаниям. Ему во всем не везло с тех пор, как он потерял жену. И тогда он написал ей длинное письмо, которое и дошло до нас. В нем он излагает печальные факты, напоминает обо всем, что сделал для нее до и после ее смерти, и горестно вопрошает: «Какое зло я содеял, чтобы попасть в положение, в котором нахожусь? Что содеял я против тебя, чтобы ты подняла на меня руку, хотя я не сделал тебе ничего плохого? Я взываю к богам Запада словами из моих уст, и пусть они будут судьями между тобой и тем, что написано».

Автор этого письма жил при первых Рамсесидах и лишь следовал старому обычаю, который подтверждается более древними текстами. Но это письмо доказывает, что в Египте по-прежнему верили в действенность таких посланий мертвецам. В эпоху Среднего царства покойнику предпочитали писать на перечне пожертвованных ему блюд, чтобы он заметил послание. Например, предка уведомляли, что его потомков пытаются лишить наследства и покойному следовало бы вмешаться. Пусть призовет он всех членов своей семьи и всех своих друзей на помощь тому, кого собираются обездолить. Ибо сын, создавая свой «дом вечности», заботится о доме его отцов и дает жизнь их именам, и, если он разорится, горе постигнет не только его потомков, но и его предков.

Но при всем уважении египтянина к усопшим никакие угрозы, никакие заклинания не могли его заставить тратить время и средства на содержание могил далеких предков. И приходил день, о котором пел арфист; его предвидел и древний мудрец: «Те, кто строил из гранита, кто выкладывал усыпальницу в пирамиде... их жертвенные столы пусты, как у несчастных, которые умирают на берегу, не оставив потомства». Так постепенно некрополь становился местом, где прогуливались любопытные посетители, равнодушно читавшие надписи. Кое-кто из них, подобно современным туристам, оставлял памятку о своем визите, не забывая отметить свои благие намерения. Например, писцы такой-то и такой-то посетили гробницу Интефикера и долго молились. Другие с радостью отмечали, что гробница хорошо сохранилась: «Они нашли, что внутри она подобна небесам».

Писец с искусными пальцами, писец, которому нет равных во всем Мемфисе, скромно называющий себя просто Аменемхет, посетил древнюю гробницу фараона Джо-сера. Он удивлен, что увидел там надписи с ошибками, начертанные, видимо, неразумной женщиной, а не ученым писцом, учеником Тота. Поспешим заметить, что этот Аменемхет обрушился, и не без причины, на безграмотные и уродливые писульки, начертанные второпях его современниками, и вовсе не имел в виду прекрасных надписей, исполненных древними художниками. Во времена Рамсеса II некий Хеднакти, писец сокровищницы, со своим братом, писцом визиря, отправились погулять и поразвлечься в некрополь Мемфиса. «О все боги на западе от Мемфиса, все боги, правящие на этой священной земле, Осирис, Исида и все великие боги, которые на западе от Анхтауи, пошлите мне долгую жизнь, что-

бы служить вашему *ка!* Даруйте мне достойное погребение после прекрасной старости, чтобы я мог созерцать запад Мемфиса как высокочтимый писец и как вы сами!» Некий Неферкаптах - герой романа, сочиненного в эпоху Позднего царства, но якобы живший во времена Рамсесов, должно быть, для того только и жил на свете, чтобы разгуливать по некрополю Мемфиса, читая вслух надписи в гробницах фараонов и на стелах жрецов Дома жизни, которые его, по-видимому, очень интересовали. У этого Неферкаптаха был соперник, такой же мудрец и большой знаток древних надписей, Сатни-Хаэмуас, сын Усермаатра (Рамсеса II), который нашел в Мемфисе под головой мумии магические формулы, содержащиеся в папирусе 3248, хранящемся в Лувре. Добавим к этому, что недавно обнаруженная надпись на южной стороне пирамиды Униса в Саккаре сообщает нам, что Рамсес II поручил царскому сыну Хаэмуасу, великому жрецу Оа, восстановить имя Униса, властителя Верхнего и Нижнего Египта, на его пирамиде, ибо царский сын Хаэмуас очень любил заботиться о забытых гробницах фараонов юга и севера, которым, несмотря на их солидный вид, грозило разрушение.

Нам остается лишь гадать, предполагал наш древний мудрец, предшественник Мариетта и специалистов Египетской службы изучения древностей, что после долгих веков забвения потомки варваров, «не знающих Египта», последуют по его стопам. Что они будут ревностно изучать некрополи юга и севера, стремясь вернуть к жизни имена его далеких предков и современников и получше познакомиться с ними. Мы надеемся, что читатель, у которого хватило терпения дочитать эту книгу до конца, не будет слишком строг к обитателям Древнего Египта. Ренан изобразил их в виде беспомощных рабов, готовых слепо подчиниться любой прихоти безжалостного фараона и фанатичных и корыстных жрецов. Это неверно. Конечно, при Рамсесидах, как и во все времена, было немало обездоленных; конечно, палки слишком часто пускали в ход. И все же чаще фараон и его верные помощники предстают перед нами гуманными хозяевами живых людей, которым религия помогала найти утешение и мир в их нелегкой жизни. Я убежден, что в жизни простого египтянина было больше хорошего, чем плохого.

Хронологическая таблица

(Приведенные даты следует рассматривать как приблизительные)

Древний период	1-я династия } 2-я династия }	3000—2780 гг. до н. э.
Раннее царство	3-я династия 4-я династия 5-я династия 6-я династия	2780—2720 гг. до н. э. 2720—2560 гг. до н. э. 2560—2420 гг. до н. э. 2420—2260 гг. до н. э.
Первый переходный период	с 7-й по 10-ю династию	2260—2040 гг. до н. э.
Среднее царство	11-я династия 12-я династия	2160—2000 гг. до н. э. 2000—1785 гг. до н. э.
Второй переходный период	13-я, 14-я и 17-я династии [15-я и 18-я династии — нашествие гиксосов 1730—1580 гг. до н. э.]	1785—1580 гг. до н. э.
Новое царство (см. ниже)	18-я, 19-я и 20-я династии	1580—1085 гг. до н. э.
Раздел царства и Ливийская эпоха	с 21-й по 24-ю династию	1085—715 гг. до н. э.
Поздний период	25-я династия (эфиопская) [ассирийское владычество 671—669, 666—(?)660 гг. до н. э.] 26-я династия (саисская) 663—525 гг. до н. э. Персидское владычество 525—333 гг. до н. э. [с 28-й по 30-ю династию 404—341 гг. до н. э.]	730—656 гг. до н. э.

НОВОЕ ЦАРСТВО

<i>Восемнадцатая династия</i>		<i>Рамессиды *</i>	
Яхмос I	1580—1558 гг. до н. э.		
Аменхотеп I	1558—1530 гг. до н. э.	<i>Девятнадцатая династия</i>	
Тутмос I	1530—1520 гг. до н. э.	Рамсес I	1314—1312 гг. до н. э.
Тутмос II } Хатшепсут }	1520—1484 гг. до н. э.	Сети I	1312—1298 гг. до н. э.
Тутмос III	1504—1450 гг. до н. э.	Рамсес II	1298—1235 гг. до н. э.
Аменхотеп II	1450—1425 гг. до н. э.	Мернептах	1235—1224 гг. до н. э.
Тутмос IV	1425—1408 гг. до н. э.	(еще пять)	1224—1200 гг. до н. э.
Аменхотеп III	1408—1372 гг. до н. э.	<i>Двадцатая династия</i>	
Аменхотеп IV (Эхнатон)	1372—1354 гг. до н. э.	Сетнахт	1200—1198 гг. до н. э.
Тутанхамон } Эйе } Хоремхеб }	1354—1314 гг. до н. э.	Рамсес III	1198—1166 гг. до н. э.
		Рамсес IV	1166—1160 гг. до н. э.
		Рамсес V—XI	1160—1090 гг. до н. э.

*Некоторые египтологи считают, что эпоха Рамсесидов длилась на 20 лет меньше.

Словарь терминов, встречающихся в тексте

Амаху - букв, «достойный, почитаемый»; удостоившийся этого звания имел право быть похороненным за счет царя.

Аментет - царство богов мертвых.

Ах - душа человека, или «сияющий», изображался в виде ибиса с поднятым хохолком.

Ахет - первый сезон года, сезон разлива Нила.

Ба - душа в одной из своих форм; изображалась в виде птицы (*mycteria ahipporhyncus*).
Великая Зелень - море.
Визирь - высшее административное государственное лицо после царя.
Две (Обе) Земли - Верхний и Нижний Египет, объединенное царство.
Дебен - мера веса.
Дом жизни - помещение для работы писцов при храме.
Дуат - подземный мир.
Иератическое письмо («жреческое» письмо) - раннее рукописное письмо, осуществляемое при помощи сделанного из тростника пера на глиняной табличке или папирусе в виде иероглифов, какими было принято делать надписи на монументах.
Иероглифическое письмо - письменные значки в виде картинок у древних египтян.
Ка - душа, или «двойник»; иногда черты характера или судьба человека.
Каноны - четыре сосуда, в которых хоронили внутренние органы мумии.
Кит - мера веса.
Книга Мертвых - сборник магических заклинаний, предназначенных помочь умершему во время его путешествия по подземному миру.
Локоть - мера длины, расстояние от локтя до кисти руки: около 18 дюймов.
Маа херу - «правдивый голосом».
Мигдал - (на иврите «башня») крепость или укрепленная башня сирийского типа.
Наос - святилище храма (*греч.*).
Некрополь - город мертвых, город-кладбище; часто на западном берегу реки, как, например, в Мемфисе или Фивах.
Ном - административная единица, провинция (*греч.*).
Номарх - правитель нома.
Обелиск - высокий столб, увенчанный пирамидальной вершиной, устанавливавшийся в храмах как символ солнца.
Он - Гелиополь, расположен к северу от совр. Каира (см. карту).
Опет - Фивы (Карнак и Луксор).
Остракон - глиняный черепок или осколок камня, использовавшийся для письма или рисования.
Пальметты - украшения в форме листьев и ветвей пальмы.
Перет - зима, сезон, когда воды Нила убывают и начинается время сева.
Пилон - высокие покатые стены, расположенные с фланга у храмовых ворот.
Пирамидион - верхушка обелиска, имеющая форму пирамиды, символ Ра; солнечные лучи отражались в его наклонных поверхностях.
Систр - ритуальная трещотка, в особенности использовалась при поклонении богине Хатхор.
Стела - каменная плита обычно с закругленной верхушкой и начертанным на ней памятным, погребальным или просительным текстом.
Суаб - «чистый», член низшей ступени жречества.
Сфинкс - символическая фигура с телом льва и, как правило, головой человека, знак царского могущества.
Тамери - Возлюбленная Земля, т. е. Египет.
Уджат - глаз Хора, могущественный амулет.
Ушебти - букв. «исполнитель»; статуэтка, которую помещали в гробницу и чье назначение было работать в загробном мире вместо умершего.
Шему - лето, третий сезон года, время урожая.
Эннеада - девять высших богов Гелиополитанского культа.

МЕРЫ ВЕСА

10 *китов* = 1 *дебен*

10 *дебенов* меди = 1 *кит* серебра (во времена Рамсеса II)

6 *дебенов* меди = 1 *кит* серебра (в поздний период Рамсесидов)

МЕРЫ ДЛИНЫ

4 пальца = 1 ладонь

7 ладоней = 1 локоть (18 дюймов)